ІЕЗУИТЫ

И

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ

КЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА»

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, № 14.

1866.

ІЕЗУИТЫ

и

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ

КЪ РОССІИ.

ІЕЗУИТЫ

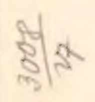
и

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ

КЪ РОССІИ.

ПИСЬМА КЪ ІЕЗУИТУ МАРТЫНОВУ

Ю. Θ. САМАРИНА.

МОСКВА.
ТИП. ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТ. (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.
1866.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Два съ небольшимъ года тому назадъ, по Москвѣ пробѣжалъ слухъ, можетъ быть нарочно, въ видѣ опыта, пущенный къ намъ изъ-заграницы, будто правительство намѣревается разрѣшить Iезуитскому Ордену водворенiе въ Россiи. Этотъ слухъ, въ послѣдствiи оффицiально опровергнутый, подалъ поводъ къ передовой статьѣ, напечатанной въ 12 № газеты День за 1864 годъ, на которую iезуитъ изъ Русскихъ, отецъ Мартыновъ, отозвался изъ Парижа письменно на имя редактора Дня, съ просьбою напечатать это письмо въ той же газетѣ; но желанiе отца Мартынова, по разнымъ отъ редактора независившимъ обстоятельствамъ, не могло быть исполнено немедленно, и отецъ Мартыновъ издалъ самъ письмо свое, въ Парижѣ, отдѣльною брошюрою. За тѣмъ, въ 1865 году, оно было перепечатано въ 45 и 46 № Дня; въ тѣхъ же № № и въ слѣдующихъ за ними, помѣщено было пять писемъ Ю. Ѳ. Самарина, въ отвѣтъ отцу Мартынову. Предметъ ихъ, какъ кажется, заинтересовалъ публику, судя по желанiю, нѣкоторыми лицами письменно изъявленному, чтобъ письма о iезуитахъ пущены были въ продажу отдѣльнымъ изданiемъ. Въ исполненiе этого желанiя, съ разрѣшенiя бывшаго редактора газеты «День» И. С. Аксакова и автора писемъ Ю. Ѳ. Самарина, перепечатывается и издается вновь вся переписка о iезуитахъ, а именно: передовыя статьи Дня, письмо отца Мартынова и пять писемъ г. Самарина. Передовыя статьи и письмо отца Мартынова издаются безъ всякихъ измѣненiй, совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ печатались въ газетѣ День; въ письмахъ же г. Самарина сдѣланы самимъ авторомъ нѣкоторыя незначительныя сокращенiя и измѣненiя.

Издавая сочиненiе Ю. Ѳ. Самарина, мы имѣемъ также въ виду то обстоятельство, что кромѣ теоретическаго значенiя, оно важно и по отношенiю къ исторiи. Это новый и богатый вкладъ въ Русскую историческую литературу. Въ самомъ дѣлѣ, о iезуитахъ, ихъ ученiи и пребыванiи въ Россiи, у насъ почти ничего не писано, между тѣмъ какъ малозамѣченное ихъ влiянiе на Россiю въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтiй было такъ велико, что въ царствованiе императора Николая нѣсколько главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ Россiи являются изъ людей, воспитанныхъ iезуитами.

(Изъ передовой статьи газеты День, 1864, № 12.)

.....Въ настоящее время пожаловалъ въ Петербургъ какой-то аббатъ-французъ, чтобы, на время Великаго Поста, назидать проповѣдями Санктпетербургскую католическую паству. Римская церковь придаетъ всегда особенное значенiе этому дѣлу и избираетъ на это посланничество преимущественно французовъ — такъ какъ французская рѣчь есть родная, ежедневная рѣчь россiйскаго высшаго общества. Прiѣзжаетъ проповѣдникъ, — и посѣщенiе католическихъ костеловъ становится такимъже моднымъ занятiемъ для Петербургскаго high-life, какъ и катанье на конькахъ на Англiйской набережной передъ постомъ, и тому подобные интересы. Но катанье на конькахъ дѣло невинное, и если кому опасно, то только катающимся. Разумѣется, при катаньѣ въ костелъ, можетъ также случиться и случалось, что нѣкоторыя особы сего круга соблазнялись рѣчами католическаго проповѣдника и проваливались въ латинство, — это очень жаль, но Богъ съ ними! Такое явленiе объясняется тѣмъ, что многiе изъ нихъ совершенно чужды родной земли, чужды православiя, чужды всякой вѣры: понятно, что на такой пустопорожней почвѣ чрезвычайно удобно возрастить сѣмя католическому проповѣднику силою французскаго краснорѣчiя: это вѣдь не церковно-славянское baragouin! Но мы нисколько не желали бы стѣснять свободу совѣсти, свободу вѣроисповѣданiя, — и въ этомъ отношенiи держимся смысла русской пословицы: вольному — воля, спасенному — рай. Вообще можно сказать, что переходъ русскихъ въ латинство совершается рѣдко по свободному убѣжденiю, а большею частью — вслѣдствiе полнѣйшаго незнанiя ученiя православной церкви, вслѣдствiе того, наконецъ, что католическiй проповѣдникъ не

обращаетъ, а *соблазняетъ* въ католицизмъ... Повторяемъ: не это обстоятельство занимаетъ наше вниманіе въ настоящую минуту. Ходятъ слухи, что пріѣхавшій французъ-аббатъ хлопочетъ объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи, о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водворяться въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, — и что такое ходатайство встрѣчаетъ себѣ симпатію въ нѣкоторой части Петербургскаго общества. Чѣмъ руководятся эти лица Петербургскаго общества — сочувствіемъ ли къ іезуитамъ, принципомъ ли высшей терпимости, высшаго либерализма, или же мнимо-хитрыми соображеніями о необходимости для насъ снискать благосклонность Римскаго двора — намъ неизвѣстно.

Признаться сказать — мысль о разрѣшеніи Іезуитамъ возвратиться въ Россію, послѣ того, какъ они были изгнаны изъ Россіи въ 1821 году, при императорѣ Александрѣ I-мъ (довольно, кажется, отличавшемся вѣротерпимостью), — такая мысль представляется до того несбыточною — дикою и безобразною, что по видимому не заслуживала бы и опроверженія. Но такъ какъ фальшивый либерализмъ, вмѣстѣ съ фальшивою гуманностью, въ особенномъ ходу въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, то не мѣшаетъ, кажется, на всякій случай, остановить вниманіе на этомъ вопросѣ. Ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что вопросъ о разрѣшеніи, просимомъ іезуитами, есть вопросъ о религіозной свободѣ или о вѣротерпимости. Впустить въ Россію орденъ іезуитовъ, это все равно, что пустить въ нее завѣдомо и сознательно шайку шулеровъ, воровъ и тому подобныхъ художниковъ, и даже не все равно, а во сто разъ хуже. Воръ употребляетъ грубыя вещественныя средства для своего дѣла; воръ боится полиціи, преслѣдуется ею и сдерживается болѣе или менѣе страхомъ огласки. Іезуиту же нечего бояться: его дѣятельность почти неосязаема, неуловима, она прикрыта благочестіемъ, и ложь до такой степени перемѣшана въ іезуитизмѣ съ истиной, что отдѣлить ее въ этомъ химическомъ растворѣ чрезвычайно трудно: признавая всяческія средства годными для своей цѣли, іезуитъ не столько совершаетъ самъ, сколько *внушаетъ* преступленія, дѣлаетъ ихъ нравственно возможными для людской совѣсти, но рѣдко можетъ быть юридически уличенъ въ явномъ дѣлѣ. Извѣстно, что, по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самые безнравственные способы, употребленные для ея достиженія, — и цѣль эта: постоянная пропаганда латинства. Но эта пропаганда не есть только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовка въ духовное подданничество духовному государю папѣ. Это не открытая

проповѣдь, противъ которой можно дѣйствовать таковою же проповѣдью; здѣсь нѣтъ честной борьбы разныхъ мнѣній: борьба съ іезуитами всегда и вездѣ *не* равномѣрна, ибо они владѣютъ оружіемъ, которое употреблять послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроученій воспрещаетъ ихъ христіанская совѣсть. Вся сила іезуитизма, этого *христіанскаго* ордена, весь успѣхъ его и преимущества именно и заключаются въ томъ догматѣ, что іезуиту дозволены всѣ *не христіанскія* средства и развязана совѣсть на всякое не христіанское дѣло, на все то, что возбранено Христомъ, что составляетъ отрицаніе христіанства. Нѣтъ никакой возможности бороться съ іезуитизмомъ, какъ съ христіанскимъ *ученіемъ*, ибо іезуитизмъ, — подъ видомъ христіанства и проповѣдуя христіанство — повидимому во всей его строгости и чистотѣ, — разрушаетъ всѣ условія христіанскаго общежитія, самую сущность христіанской нравственной доктрины. Этимъ страшнымъ орудіемъ вольной, развязанной совѣсти и внутренняго освященія всякаго злаго дѣянія — не владѣетъ ни одинъ преступникъ, ни одинъ язычникъ, потому что и послѣдній, совершая злые свои поступки, идетъ на перекоръ своей совѣсти, или тому закону, который, по выраженію Апостола Павла, «на сердцахъ написанъ». Іезуиты были не разъ изгоняемы изъ многихъ странъ Европы — по праву каждаго народа удалять отъ общенія съ собою людей, отрицающихъ самыя основанія, на которыхъ созиждено народное общество. А эти люди, т. е. іезуиты, такого рода, что противъ нихъ, съ одной стороны, недостаточны внѣшнія средства государственныя, обыкновенно употребляемыя противъ злодѣевъ, а съ другой стороны — безсильна и проповѣдь *истины*, потому что ими сознательно признана и освящена *ложь* — какъ ложь, какъ принципъ...

Они были, какъ мы сказали, изгнаны и изъ Россіи. Возвратиться они могли бы только при покровительствѣ власти, — и именно характеръ *покровительства*, а не просто терпимости стало бы носить на себѣ всякое оффиціальное разрѣшеніе, дарованное имъ правительствомъ...

Принципъ высшаго либерализма, свободы всякой проповѣди и вѣроисповѣданій, по нашему мнѣнію, не можетъ никакъ простираться на іезуитизмъ, потому что іезуитизмъ не есть какое либо особое вѣроученіе, — стремится къ достиженію не духовной а матеріальной цѣли, имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней практической дѣятельности; онъ уже самъ по себѣ есть положительное преступное *дѣйствіе*, и какъ таковое подлежитъ уже

совершенно инымъ условіямъ, одинаковымъ съ тѣми, какимъ подлежатъ всякія внѣшнія преступныя дѣянія въ государствѣ... Положимъ, впрочемъ, что мы не правы. Но лица, которыя желали бы впустить въ Россію враговъ Русской православной церкви, подумали ли они о томъ, на сколько собственное наше Русское вооруженіе въ исправности?... Мы уже имѣли случай указывать — въ какихъ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ находятся, въ Западныхъ губерніяхъ, Польскіе ксендзы въ сравненіи съ православными священниками: межъ тѣмъ, какъ ксендзъ проповѣдуетъ въ своемъ костелѣ совершенно свободно, не стѣсняемый никакимъ контролемъ, — православный священникъ, въ Русской церкви, рядомъ съ этимъ же костеломъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же селѣ, не можетъ противопоставить ему немедленно свое слово, а долженъ посылать свою проповѣдь за полсотни верстъ, и на каждое свое дѣйствіе искать разрѣшенія церковнымъ офиціальнымъ порядкомъ!.. Взвѣсили ли они, такъ либерально зовущіе въ Россію іезуитовъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ предстоитъ обороняться православной церкви? Никто не приведетъ къ связанному его врага и не скажетъ первому: «борись съ нимъ» — но напередъ развяжетъ связаннаго; между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ формальностей, служители православной церкви, — въ сравненіи съ тою свободою, которою пользуются католическіе ксендзы на Западѣ Россіи (и воспользовались бы іезуиты, если бы были возвращены), — могутъ назваться по истинѣ — связанными...

И за какія это заслуги Россіи должно бы быть оказано такое благодѣяніе католицизму, католическому духовенству и папѣ? За дѣятельность ли ихъ въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ? За унію ли, которой пагубныя послѣдствія мы и теперь не можемъ изгладить, за ополяченіе и облатиненіе — слѣдовательно за отъемъ у Русскаго народа лучшей, образованнѣйшей и богатѣйшей его части, въ 8 губерніяхъ? За то ли, что Римская церковь возвела въ ликъ святыхъ Іосафата Кунцевича — лютаго мучителя и гонителя православныхъ? Но все это дѣла былыя: вѣроятно есть заслуги новѣйшія? И въ самомъ дѣлѣ — какъ же не отблагодарить Римскаго папу за Польскій мятежъ, созданный и раздутый латинскимъ духовенствомъ, за моленія, предписанныя папою во всѣхъ католическихъ костелахъ объ успѣхѣ Польскаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ и въ Западнорусскомъ краѣ? За фанатизмъ повстанцевъ, внушенный ксендзами, за добрую нравственность, водворенную въ Польшѣ проповѣдями іезуитовъ, за превращеніе храмовъ Божіихъ въ революціонные вертепы, за благословеніе, преподанное злодѣйствамъ — неслыханнымъ въ лѣтописяхъ человѣчества, за жандармовъ-вѣшателей, приводимыхъ къ присягѣ латинскими священнослужителями, за дѣятельность ксендза Маскевича и его шайки, за сочиненіе извѣстнаго Польскаго гражданскаго катихизиса, за примѣненіе въ самомъ широкомъ смыслѣ іезуитскаго принципа — оправдывающаго всякое безнравственное средство ради цѣли? Всѣ эти подвиги, конечно, заслуживаютъ величайшей признательности, и такъ какъ площадь дѣятельности, отведенная іезуитамъ, слишкомъ тѣсна, то необходимо дать имъ большій просторъ! Оно же тѣмъ болѣе кстати, что правительство именно теперь напрягаетъ всѣ свои усилія — какъ бы обуздать латинское духовенство въ Польшѣ, и черезъ то подавить и самый мятежъ; вѣроятно упомянутые нами члены Петербургскаго общества догадались, что успѣхъ Польской интриги, т. е. водвореніе іезуитовъ въ Санктпетербургѣ — будетъ содѣйствовать къ ослабленію вліянія іезуитовъ въ Польшѣ???

Будемъ надѣяться, что всѣ дошедшіе до насъ слухи не имѣютъ никакого основанія, но эти слухи тѣмъ не менѣе существуютъ...

(Изъ газеты День 1865, №№ 45 и 46.)

Помнятъ ли читатели — во всякомъ случаѣ мы просимъ ихъ припомнить — нашу статью 12 № прошлаго 1864 года, по поводу слуховъ о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водвориться въ Россіи? Мы выразились рѣшительно и рѣзко противъ такого дозволенія и нашли себѣ полную поддержку въ общественномъ сознаніи всего Русскаго читающаго міра. Само собой разумѣется, что мы имѣли въ виду — *Русскую* публику, Русское *православное* общество, для котораго, какъ для православнаго, намъ не было надобности много распространяться въ фактическихъ доказательствахъ іезуитской лжи и которому, какъ православному, эта ложь становится ясна и очевидна при самомъ бѣгломъ намёкѣ, при самомъ поверхностномъ освѣщеніи. Слухи о возвращеніи іезуитскаго ордена до того встревожили публику, что

правительство поспѣшило успокоить ее завѣреніемъ въ ихъ совершенной неосновательности. Такимъ образомъ впечатлѣніе, произведенное статьею «Дня», показало іезуитамъ — какъ степень расположенія къ нимъ Русскаго общества, такъ и всю тщету надеждъ, которыя они безъ сомнѣнія питали. Они рѣшились прибѣгнуть къ другому средству и попробовать оправдаться въ глазахъ Русской публики, воспользовавшись тою неполнотою изложенія, которую естественно представляла наша короткая передовая статья или, точнѣе сказать, наша живая рѣчь, обращенная къ Русскому обществу, имѣвшая въ виду Русскихъ людей, а не отцовъ-іезуитовъ, — безъ всякаго притязанія исчерпать іезуитскій вопросъ или совратить въ православіе самихъ достопочтеннѣйшихъ патеровъ. Одинъ изъ нихъ, «имѣющій счастіе принадлежать къ ихъ обществу», Русскій, отецъ-іезуитъ Иванъ Мартыновъ прислалъ намъ полемическій отвѣтъ въ видѣ письма, съ просьбою напечатать его въ нашей газетѣ. Мы бы тогда же исполнили это желаніе и непремѣнно бы помѣстили отвѣтъ (разумѣется съ нашими примѣчаніями), если бы это оказалось возможнымъ по силѣ дѣйствовавшихъ въ то время цензурныхъ правилъ. Вскорѣ за тѣмъ Мартыновъ напечаталъ свое письмо — отдѣльной брошюрой, въ Парижѣ, въ видѣ изданія «Кирилло-Меѳодіевскаго общества», основаннаго іезуитами, преимущественно Русскими, съ цѣлью распространенія латинства въ Россіи. Когда же наконецъ освобожденіе отъ цензурныхъ путъ, изъ области толковъ перешло у насъ въ дѣло, мы не медлили ни минуты принять этотъ печатный вызовъ, но рѣшились отвѣчать не собственно на одно это письмо, несостоятельность котораго слишкомъ очевидна, а уже разомъ всѣмъ, скрывающимся позади о. Мартынова, и на всѣ высказанныя и даже — впередъ — на невысказанныя еще возраженія, на весь запасъ возможной для нихъ аргументаціи. Трудъ этотъ взялъ на себя Ю. Ѳ. Самаринъ, и мы съ нынѣшняго уже № начинаемъ печатаніе его отвѣтныхъ писемъ, которыхъ всѣхъ будетъ пять, которыми и закончится наша полемика съ іезуитами. Но прежде всего познакомимъ читателей съ самымъ письмомъ отца-іезуита Мартынова, — которое, между прочимъ, писано церковно-славянскимъ полууставомъ, цифры чиселъ славянскія и наконецъ подъ числомъ дня помянуты Русскіе святые, чествуемые православною церковью!... Это обстоятельство, въ письмѣ католическаго патера, не лишено интереса и придаетъ особенный колоритъ всей этой іезуитской попыткѣ. Вотъ самое письмо:

«Милостивый государь,
Иванъ Сергѣевичъ!

«Въ 12-мъ нумерѣ издаваемой вами газеты «День» напечатана, на первомъ мѣстѣ, статья о *іезуитахъ*. Я имѣю счастіе принадлежать къ ихъ обществу, и какъ членъ его, какъ Русскій, особенно же какъ священникъ, не могу оставить этой статьи безъ отвѣта.

«Сужденія, изложенныя въ ней, до того неправдоподобны, обвиненія, взводимыя на насъ, такъ ужасны, что молчаніе съ нашей стороны было бы оправданіемъ тѣхъ и другихъ, и соблазномъ для католиковъ, живущихъ въ Россіи. Къ тому же и св. Писаніе учитъ насъ *пещись о имени* (Сирах. 45, 15). Я не сомнѣваюсь ни въ вашей благонамѣренности, ни въ чистотѣ вашихъ личныхъ убѣжденій; ваша прямота въ выраженіи своей мысли — извѣстна; я знаю также вашу готовность дѣлать гласными справедливыя возраженія на статьи вашей газеты. Вотъ почему я ни минуту не колебался въ намѣреніи сообщить вамъ нѣсколько скромныхъ замѣчаній на помянутую статью. Я изложу ихъ безъ увлеченія, безъ горечи, съ единственною цѣлію разсѣять мракъ плачевныхъ предубѣжденій, столь несовмѣстный съ названіемъ вашей газеты и съ требованіями истиннаго просвѣщенія.

«Вы сравниваете наше общество, носящее имя IИСУСА, съ *шайкою шулеровъ, воровъ и злодѣевъ*; мало того, вы ставите насъ во сто разъ ниже и считаете хуже послѣдняго язычника. Я получаю вашу газету со времени ея появленія и читаю въ особеннымъ вниманіемъ; надо отдать вамъ справедливость — вы насъ не щадите. Что́ внушаетъ вамъ такую безпощадность, ревность ли по домѣ Божіемъ, избытокъ ли христіанской любви, или сознанная несовмѣстность нашего общества съ вашею теоріею о славянствѣ, или просто страсть къ литературному наѣздничеству — не знаю; знаю только что едва ли найдутся въ годъ нумера два, три, гдѣ бы не было рѣчи, прямо или косвенно о томъ, что́ вы называете *іезуитствомъ*. Во всякомъ случаѣ, никогда еще вы не обращались съ нами такъ безцеремонно, какъ въ именованной статьѣ.

«Не входя въ длинныя разсужденія, я ограничусь однимъ чрезвычайно простымъ вопросомъ. Если мы дѣйствительно *хуже воровъ и злодѣевъ*, объясните, Бога ради, какимъ образомъ *художникамъ такого рода* позволяется не только существовать и размножаться, но еще учить, проповѣдывать, совершать духовныя требы и т. д., и притомъ въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, каковы: Франція,

Бельгія, Англія, Германія? Какимъ образомъ стоокая полиція до сихъ поръ не открыла ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было преступленія, совершеннаго нами? Какимъ образомъ самые ярые враги нашего общества доселѣ не могли уличить насъ ни въ какомъ злодѣяніи? И не странно ли, что за эту попытку взялись вы и гдѣ же? въ странѣ, гдѣ около полустолѣтія нѣтъ ни одного изъ нашихъ, гдѣ слѣдовательно о насъ знаютъ только по романамъ, по наслышкѣ, тогда какъ въ западныхъ странахъ, гдѣ мы дѣйствуемъ среди бѣлаго дня, гдѣ насъ насчитываютъ сотнями и тысячами, гдѣ притомъ немного болѣе, думаю, гласности, нежели въ Россіи, подобныя попытки сдѣлались крайне пошлыми и тѣшатъ развѣ одну необразованную толпу?

«Еще страннѣе ваши доводы. Такъ, по вашему, мы опаснѣе всѣхъ преступниковъ потому, что у насъ совѣсть извращена и что наша *дѣятельность почти неосязаема, неуловима*. Помилуйте! Вѣдь мы не духи безплотные; мы такіе же люди какъ и всѣ прочіе, и наша дѣятельность существенно ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности остальнаго католическаго духовенства. Развѣ мы составляемъ какое-либо тайное общество? Развѣ мы не проповѣдуемъ на весь міръ? Вотъ, хоть бы здѣсь, въ Парижѣ, уже пятнадцать лѣтъ какъ въ соборной церкви, каждое воскресенье великаго поста, проповѣдуетъ одинъ изъ нашихъ священниковъ при огромномъ стеченіи избранныхъ слушателей изъ цѣлой столицы, не говоря о другихъ проповѣдникахъ; а такъ открыто проповѣдуемъ мы вездѣ. Въ нашихъ школахъ перебывало не одно поколѣніе учениковъ, которыхъ вы найдете на всѣхъ ступеняхъ гражданскаго общества. Какая тьма свидѣтелей! Уставъ нашего общества находится у книгопродавцевъ, и не въ одномъ изданіи. Безпрестанно мы печатаемъ новыя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Однимъ словомъ, наше ученіе, нашъ образъ жизни, вся наша дѣятельность учительская, священническая, миссіонерская, до того открыта и очевидна, что она многимъ колетъ глаза, а вы называете ее почти *неуловимою*. Не вы ли сами говорите, въ другомъ мѣстѣ, что *мы имѣемъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней, практической дѣятельности?* Какъ согласить это съ ея *неуловимостью*? Если же она въ самомъ дѣлѣ *неуловима*, то на чемъ основаны ваши сужденія, и какъ можете вы произносить надъ нею приговоръ съ такою торжественною увѣренностью?

«*Извѣстно*, провозглашаете вы, *что по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самые безнравственные способы*. Извѣстно! Но

позвольте васъ спросить, откуда это вамъ извѣстно? Въ какомъ мѣстѣ нашего Устава прочли вы это пресловутое правило? и зачѣмъ не потрудились указать изданія, страницы? Вѣроятно, для просвѣщенной Москвы такія указанія излишни. Ей ли не хранить благочестивыхъ преданій *Странствующаго Жида* (Juif errant)? Ей ли не знать на память *Тайныхъ Увѣщаній* (Monita secreta) и тому подобныхъ оффиціальныхъ документовъ? Вѣроятно, вы знаете нашъ подлинный Уставъ гораздо лучше насъ самихъ. Вѣдь для васъ даже сокровенныя движенія души не тайна: вы осязаете всѣ ея настроенія, вы видите насквозь ея изгибы. Иначе, какъ могли бы вы утверждать, что у насъ извращена совѣсть, или что *вся сила іезуитизма, этого* христіанскаго *ордена, состоитъ въ догматѣ, что іезуиту дозволяются всѣ нехристіанскія средства и развязана совѣсть на всякое нехристіанское дѣло, что нами сознательно признана ложь какъ ложь, какъ принципъ?*

«Вотъ скоро 20 лѣтъ, какъ изъ кандидата С.-Петербургскаго университета я сдѣлался іезуитомъ. Я посѣщалъ дома нашего общества въ Галиціи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Сициліи; другіе изъ моихъ соотчичей, именами которыхъ гордится Русское дворянство, бывали на востокѣ; всѣ мы знакомы съ сотнями собратовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Какимъ чудомъ, ни отъ одного изъ нихъ, нигдѣ и никогда мы не слыхали ничего подобнаго тому, что вы съ такою наивною торжественностью приписываете всему обществу, которое, замѣтьте, на половину состоитъ изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ у алтаря безкровную жертву?

«До сихъ поръ я полагалъ, что у насъ совѣсть та же самая, какая была до вступленія въ общество, и что она такого же свойства какъ у всѣхъ прочихъ людей; я всегда слышалъ и вѣрилъ, что ложь какъ ложь сознательно признается только исконнымъ врагомъ человѣчества, тѣмъ, кого Св. Писаніе называетъ *отцомъ лжи*; но что человѣкъ, сознательно признающій ложь какъ догматъ, какъ правило своихъ дѣйствій, есть нравственный миѳъ и просто немыслимъ. Вы судите иначе: по вашему, не только подобное явленіе возможно, но сверхъ того вы увѣрены, что такія нравственныя чудовища могутъ добровольно пожертвовать всѣми прелестями міра, друзьями, семьею, родиной, образовать изъ себя цѣлое общество, дѣйствовать открыто, принадлежать ко всѣмъ народностямъ, ко всѣмъ классамъ гражданскаго общества, не исключая лучшихъ фамилій; что они могутъ существовать въ такомъ видѣ цѣлыя столѣтія и даже руководить совѣстью царей и

народовъ. Признаюсь, такая могучая логика не по силамъ моему слабоумію и, не смотря на всю мою добрую волю, я не въ состояніи раздѣлить вашихъ умозрѣній. Да и у васъ самихъ онѣ, кажется, еще не достигли полнаго, разумнаго сознанія. Такъ, вы замѣчаете въ одномъ мѣстѣ, что ни у одного преступника, ни у одного язычника не изглаживается тотъ внутренній законъ, который, по выраженію апостола, *«на сердцахъ написанъ»*. Какъ же могъ онъ совершенно изгладиться у насъ христіанъ, у насъ священниковъ? Въ другомъ мѣстѣ, вы сознаетесь, что *мы не столько* совершаемъ *сами, сколько* внушаемъ *другимъ преступленія, и что* рѣдко *можемъ быть юридически уличены въ явномъ дѣлѣ*. Новая уступка и новое противорѣчіе.

«Всего болѣе жаль, что вы не привели ни одной улики на лицо; обвиненія ваши ужасны — а доказательствъ никакихъ нѣтъ. Виноватъ, есть; а именно въ статьѣ *Водвореніе іезуитовъ въ Польшѣ*, которая помѣщена вслѣдъ за передовою, какъ бы съ намѣреніемъ оправдать ваши опасенія на счетъ нашего возвращенія, и тѣмъ сильнѣе пугнуть Россію. Вотъ, по словамъ г. Рощина, автора этой статьи, *«образчикъ того, къ какимъ средствамъ прибѣгали мы* (въ Польшѣ), *для привлеченія къ себѣ необразованной и суевѣрной толпы.»*

«Въ 1586 г. іезуиты устроили крестный ходъ въ праздникъ Тѣла Господня съ такимъ поразительнымъ великолѣпіемъ, какого до того времени въ Вильнѣ не видали.» За тѣмъ описываются лица, участвовавшія въ процессіи, ихъ наряды и проч. *«Все это*, продолжаетъ авторъ, *сопровождалось превосходною музыкою, стройнымъ пѣніемъ и звономъ колоколовъ многочисленныхъ костеловъ Виленскихъ. Успѣхъ крестнаго хода былъ неимовѣрный*; между прочимъ, 300 *взрослыхъ протестантовъ тотчасъ-же перешло въ католичество, и въ числѣ ихъ знаменитый въ послѣдствіи Левъ Сапѣга, бывшій тогда Литовскимъ подканцлеромъ»* (стр. 6). И такъ, внѣшнее благолѣпіе церковнаго празднества (одного изъ торжественнѣйшихъ въ католической церкви), превосходная музыка, стройное пѣніе, звонъ колоколовъ—вотъ тѣ *нехристіанскія* средства, какими мы достигали не менѣе *нехристіанской* цѣли, то есть возвращенія протестантовъ въ католичество: средства тѣмъ болѣе коварныя, что ими привлекалась *суевѣрная толпа*; хотя примѣръ князя Льва Сапѣги показываетъ, что привлекаемы были не одни суевѣры.

«Другія средства, которыми іезуиты достигали своихъ цѣлей, *«состояли обыкновенно въ томъ, что, прибывъ на мѣсто, назначенное для ихъ дѣятельности, прежде всего они возвышали голосъ въ костелахъ и дѣйствительно необыкновеннымъ краснорѣчіемъ своимъ обращали на себя тотчасъ вниманіе* (это въ самомъ дѣлѣ непростительно). *Вслѣдъ за тѣмъ, пока не простывало еще впечатлѣніе проповѣди, знакомились съ самыми значительными людьми, дѣлались ихъ исповѣдниками, образовывали въ городѣ благочестивыя братства и ставили такимъ образомъ членовъ ихъ въ полную отъ себя зависимость* (разумѣется духовную). *Ясно, что, владѣя совѣстью людей и располагая значительными денежными средствами* (для благочестивыхъ цѣлей братствъ, какъ сказано выше), *іезуиты не встрѣчали большихъ препятствій въ достиженіи своихъ цѣлей»*. Это собственныя выраженія вашей газеты, исключая помѣщенныхъ въ скобкахъ. Каждый можетъ видѣть, какъ сильно тутъ доказывается та аксіома, что нашей совѣсти позволяется всякое нехристіанское дѣло, и, послѣ такихъ непререкаемыхъ доводовъ, конечно, перестанетъ сомнѣваться въ истинности обвиненій, на насъ взводимыхъ.

«Наконецъ, *мы заводили вездѣ школы, и непостижимымъ образомъ* (какимъ именно—г. Рощинъ не объясняетъ) *въ оныя привлекаемы были дѣти самой вліятельной и богатѣйшей шляхты, изъ всѣхъ окружныхъ странъ*. Такъ въ Брунсбергскую школу присылались дѣти изъ Пруссіи, Даніи, Польши и Литвы (стр. 5). Вотъ всѣ улики, какими доказывается безнравственность нашей былой пропаганды въ Польшѣ; другихъ, по крайней мѣрѣ, я не нашелъ.

«Нельзя не благодарить васъ за эти простодушныя признанія; они стоятъ похвальнаго слова; и мнѣ кажется, что всякій безпристрастный читатель, взвѣсивъ подобные доводы и потомъ сравнивъ средства, какими мы обращали иновѣрцевъ, съ тѣми, къ которымъ теперь прибѣгаетъ греко-россійская церковь въ западныхъ губерніяхъ, невольно призадумается и скажетъ про себя: «По истинѣ, я не вижу никакой существенной разницы между пропагандою іезуитской и православною: та и другая употребляютъ одинаковыя средства; та и другая заводятъ школы, основываютъ братства, проповѣдуютъ свое ученіе путемъ благолѣпныхъ обрядовъ, исповѣди, катихизисовъ, учебниковъ и т. д.» Предоставляю вамъ самимъ разрѣшить недоумѣніе этого читателя, и съ своей стороны спрошу васъ: справедливо ли

обвинять насъ въ употребленіи тѣхъ самыхъ орудій духовной пропаганды, которыя ваша собственная церковь, на вашихъ глазахъ, проводитъ въ дѣло съ такимъ необычайнымъ рвеніемъ? Ужъ и у нея не развязана ли совѣсть на *нехристіанскія* дѣла?

«Но разница, можетъ быть въ цѣляхъ? Посмотримъ.

«*Цѣль іезуитства*, пишете вы — *постоянная пропаганда латинства*; но подъ латинствомъ вы разумѣете *не только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовку въ духовное подданничество духовному государю-папѣ*. Тутъ много неточнаго.

«Во-первыхъ, неточно, что мы распространяемъ латинство (съ которымъ нераздѣльно понятіе о латинскомъ обрядѣ). Мы проповѣдуемъ не латинство, а католическую вѣру. Я знаю, что вы приписываете намъ замыселъ обращать въ латинскій обрядъ; но это одно голословное утвержденіе, которое врядъ ли удастся вамъ доказать и противъ котораго я уже не разъ заявилъ свое мнѣніе печатно. Прочтите мое введеніе въ Апологію Смотрицкаго; вспомните извѣстную вамъ брошюру о. Гагарина, также изданную мною на Русскомъ языкѣ; раскройте папскія грамоты—вездѣ найдете вы повторенія знаменитаго правила, что римская церковь желаетъ только, чтобы всѣ иновѣрствующіе сдѣлались не латинянами, а католиками: ut omnes catholici sint, non ut omnes latini fiant. (Булла Венедикта XIV, Allatæ sunt, § 18). Если же теперь Русскіе, дѣлаясь католиками, принимаютъ и латинскій обрядъ, то причина тому очень естественная. Въ Россіи нѣтъ ни уніатскихъ церквей, ни свободы исповѣдывать католическую вѣру, оставаясь при славянскомъ обрядѣ. Какъ скоро будетъ дана эта свобода — переходы въ латинскій обрядъ сами собою прекратятся. Впрочемъ, не обрядъ спасаетъ человѣка, а вѣра — что вы не рѣдко забываете, смѣшивая вѣру съ обрядомъ, существенное съ второстепеннымъ.

«Другая неточность состоитъ въ томъ, что вы различаете *вербовку въ духовное подданничество папѣ* отъ проповѣди католическаго вѣроученія. На дѣлѣ это различіе не существуетъ. Мы вездѣ проповѣдуемъ догматъ о главенствѣ Римскаго первосвященника и вытекающую отсюда обязанность повиноваться ему, какъ верховному представителю единаго духовнаго царя-Христа; этимъ и ограничивается вся наша *вербовка въ духовное подданничество папѣ*. Что тутъ особеннаго или преступнаго, я право не вижу. Тому же самому догмату учитъ каждый католическій священникъ и вѣруетъ всякій католикъ. То же самое проповѣдывали святые Кириллъ и Меѳодій, предъ

которыми вы благоговѣете и которыхъ Римская церковь причислила къ лику святыхъ; и они *вербовали* Славянъ *въ духовное подданничество папѣ*; и они считали эту *вербовку* одною изъ существенныхъ частей христіанскаго вѣроученія; за что, конечно, осуждать ихъ вы не станете.

«И такъ, ни въ цѣли нашей пропаганды, ни въ средствахъ къ ея достиженію ничего преступнаго нѣтъ. Отчего же, при одной мысли о нашемъ возвращеніи въ Россію, вы призываете на насъ всѣ грозы гражданской власти, той самой, которую вы такъ часто просите не вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, какъ чисто духовныя? Что означаютъ ваши увѣренія въ любви къ свободѣ всякой проповѣди и всякаго вѣроисповѣданія? Или католическое вѣроученіе, а слѣдовательно и наше—ибо другаго мы не имѣемъ — хуже еврейскаго, магометанскаго, буддійскаго?

«Очевидно, вы боитесь; а у страха—глаза велики: истина, которую еще не такъ давно вы сами развивали въ своей газетѣ, по случаю какихъ-то слуховъ объ украйнофильскомъ движеніи, и которая вполнѣ подтверждается вашимъ собственнымъ примѣромъ. Да, только вліяніемъ сильной боязни объясняются ваши, позвольте сказать, порою забавныя встрѣчи *съ іезуитскимъ* призракомъ, который вашему пламенному воображенію представляется повсюду. Никогда однако этотъ страхъ не принималъ у васъ такіе громадные размѣры, какъ въ статьѣ, о которой идетъ дѣло. Тутъ вамъ уже просто мнится, будто на Русскую церковь ополчаются несметные, необоримые враги—и вотъ вы спѣшите увѣриться, *на сколько ея всеоружіе въ исправности*, готова ли она къ борьбѣ; вы наивно признаетесь, что она не въ состояніи защищаться, что у нея нѣтъ свободы слова, что она *связана*. Для полнѣйшаго оправданія своихъ опасеній вы съ ужасомъ указываете на ея плачевное изображеніе, начертанное искусною и опытною рукою г. Беллюстина и приложенное вами въ томъ же нумерѣ «Дня». Изъ этой статьи, озаглавленной *Славянство и Православіе*, явствуетъ, что господствующая въ Россіи церковь страждетъ безсиліемъ, что ея православіе—знамя раздора, что у нея нѣтъ *объединяющей силы*, что язвы ея глубоки и едва ли излечимы. Печальныя признанія! Для полноты картины недостаетъ только строгой, безпрестанно растущей фигуры старообрядства, которое, какъ всѣмъ извѣстно, есть живое доказательство безсилія господствующей церкви, и, по увѣренію нѣкоторыхъ ея защитниковъ, если бы имѣло свою гласную іерархію, то въ 10 лѣтъ отторгло бы отъ *православія* все

крестьянство, все мѣщанство и даже часть купечества («Моск. Вѣд.» № 65, статья В. К.)—что совершенная правда.

«Въ итогѣ всѣхъ этихъ признаній и обвиненій, обмолвокъ и недомолвокъ, оказывается: съ одной стороны — необыкновенная сила слова, громадность успѣховъ, вліяніе неимовѣрное на всѣ классы общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ пропаганда лжи, преступность цѣли, безнравственность средствъ; съ другой, напротивъ,—истинное православіе, святость цѣли, христіанскіе способы пропаганды и, не смотря на то, внутреннее безсиліе, отсутствіе свободной проповѣди, ничтожность результатовъ, страхъ. Тамъ шайка нравственныхъ изверговъ—а дѣла истинно-апостольскія; тутъ церковь, называющая себя единою, святою, соборною и апостольскою и не дающая никакихъ плодовъ духовной жизни. Тамъ сила Веельзевула—и чудеса живой благодати; тутъ сила Божія — и одна мертвая обрядность. Какое испровержение законовъ нравственнаго и духовнаго міра! Воля ваша, а здравый разсудокъ отказывается допустить возможность подобной фантасмагоріи.

«Остается предположить, что та *невидимая, непостижимая, неизвѣстная* вамъ сила нашей духовной дѣятельности есть не что иное, какъ сила небесной благодати. Допустите это—и тотчасъ всѣ противорѣчія исчезаютъ, здравый смыслъ удовлетворенъ, Евангеліе перестаетъ быть празднымъ словомъ, все объясняется очень просто. Допустите, что мы глашатаи истинной Христовой церкви, хотя и непотребные, и вы поймете обратительную силу нашей проповѣди, плодотворность богоугодныхъ дѣлъ, вліяніе на общество, неусыпное рвеніе въ пріобрѣтеніи душъ Христу и неизмѣнное постоянство въ стремленіи къ цѣли. Тогда вы коснетесь перстомъ той раны, которою страдаетъ Русское православіе; вы уразумѣете, отъ чего у него нѣтъ *объединяющей силы*, а у насъ ея такъ много; однимъ словомъ, отъ чего между вашею и нашею пропагандою такая огромная разница. Тогда становятся понятны та слѣпая ненависть, которую питаютъ къ намъ враги католичества, тѣ гоненія, которымъ наше общество всегда подвергалось и будетъ подвергаться, пока останется вѣрнымъ своему высокому призванію. Не даромъ оно носитъ пресвятое имя ІИСУСА.

«Наконецъ, тогда вы сами почувствуете всю странность слѣдующихъ словъ, которыя вы приводите въ доказательство того, что мы люди опасные для общественнаго благоденствія: *Іезуиты*, пишете вы, *были изгоняемы изъ многихъ странъ Европы*. Доводъ особенно странный подъ перомъ *православнаго*. Какъ будто гоненіе не есть

насущный хлѣбъ истинной церкви и залогъ ея могущества! Какъ будто она не взросла среди кровавыхъ гоненій и не полагаетъ всю свою славу, все блаженство въ крестѣ, въ страданіяхъ и мученической смерти! Развѣ міръ не гналъ апостоловъ, какъ *отребіе* человѣческаго рода? И развѣ ученики могутъ быть выше своего Божественнаго учителя? — Что же доказываетъ одинъ фактъ изгнанія, когда вы не говорите ни кѣмъ и какого рода людьми мы были изгоняемы, ни въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ? Не надо было умалчивать и о томъ знаменательномъ обстоятельствѣ, что когда наше общество было уничтожено во всей остальной Европѣ, оно продолжало существовать въ Россіи подъ покровительствомъ Екатерины II, прозванной *мудрою*. Правда, *насъ изгнали и изъ Россіи*, но вспомните за что и по чьимъ проискамъ; перечтите указъ о нашемъ изгнаніи, и вы увидите, что намъ вмѣнялось въ преступленіе не иное что, какъ *совращеніе* православныхъ въ католическую вѣру.

«Вотъ нѣсколько замѣчаній, внушенныхъ мнѣ передовою статьею 12-го нумера вашей газеты. Надѣюсь, что вы не найдете въ нихъ ничего оскорбительнаго ни для вашей личности, которую я уважаю, ни для нашего общаго отечества, которое я люблю не менѣе васъ. Зная по опыту силу народныхъ и особенно религіозныхъ предразсудковъ, я могъ руководиться только чувствомъ сердечнаго состраданія; тѣмъ болѣе, что ваши сужденія о насъ обличаютъ полную безсознательность и въ то же время показываютъ, какими дикими предубѣжденіями должны быть заражены умы менѣе просвѣщенные, когда они, грустно сказать, доходятъ до такихъ отчаянныхъ размѣровъ у людей, почитаемыхъ передовыми, у вожатаевъ общественнаго мнѣнія! Я убѣжденъ, что вы не замедлите дать гласность моему отвѣту на страницахъ вашей газеты — благородство всей вашей литературной дѣятельности служитъ въ томъ порукою. Притомъ, вы сами справедливо замѣтили, что *никто не приведетъ къ связанному врага его и не скажетъ первому*: борись съ нимъ, *но напередъ развяжетъ связаннаго*. Въ настоящемъ случаѣ, *связаны*, конечно, не вы, а мы. Развяжите же напередъ связанныхъ, или перестаньте бороться.

«Заключу словами св. Василія Великаго, писавшаго въ свою защиту къ инокамъ (Посл. 226, томъ III, изд. Париж. 1730): *Ложь разглашается безбоязненно, а истина утаивается. Обвиняемые осуждаются безъ суда, обвиненія же принимаются на вѣру.*

Умоляю ваше о Христѣ братолюбіе, не принимайте клеветъ сочиненныхъ одною противною стороною за вполнѣ достовѣрныя показанія, ибо, по писанному, законъ никого не осуждаетъ, прежде нежели выслушаетъ обвиненнаго и изслѣдуетъ его поступковъ.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ прошу васъ принять увѣренія въ искреннемъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь, вашъ покорный слуга,

Ив. Мартыновъ,

свящ. общества Іисуса.

Парижъ, 2-го Мая 1864 г.,

въ день Св. Аѳанасія Великаго и перенесенія мощей Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба.»

ОТВѢТЪ ІЕЗУИТУ ОТЦУ МАРТЫНОВУ.

ПИСЬМО I.

Письмо ваше, писанное, конечно, съ благословенія вашего начальства, какъ фактъ совершенно для насъ неожиданный, по тону своему и по совпаденію его съ другими явленіями въ Латинской, клерикальной средѣ, произвело на всѣхъ читавшихъ его въ рукописи впечатлѣніе не безотрадное. Недавно еще Римскій первосвященникъ, все воинство его, и, впереди всѣхъ, азартнѣйшіе изъ его трубачей, скликали Европу на крестовый походъ противъ Россіи. Минута казалась благопріятною. Припоминая золотое время Крымской войны, ультрамонтанская партія, съ свойственнымъ ей единодушіемъ, разжигала политическія страсти, подливая къ нимъ свою старую церковную вражду къ православному востоку, и, за неимѣніемъ другаго оружія, закидывала насъ своими проклятіями, а нашимъ врагамъ посылала мольбы и благословенія. Но крестовый походъ не состоялся; Ватиканъ прибралъ свои громы, командиры ударили отбой, и вотъ—вы осторожно протягиваете къ намъ изъ Парижа два пальца, чтобъ ощупать пульсъ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Значитъ—наша взяла окончательно.

Вы вызываете насъ на объясненіе; вы хотите, чтобъ мы оправдали наше нежеланіе видѣть у себя въ домѣ людей носящихъ имя Іисусово; вы требуете отъ насъ фактовъ въ подтвержденіе нашего невыгоднаго объ нихъ мнѣнія.

Спрашивается: обязаны ли мы принять этотъ вызовъ? Мнѣніе, высказанное въ 12 № «Дня» за 1864 годъ, конеч-

но принадлежитъ намъ, ибо мы его себѣ усвоили; но оно выработалось не у насъ и не на русской почвѣ; это общее достояніе историческаго опыта, сложившагося въ западной Европѣ, изъ вѣковыхъ наблюденій и живыхъ ощущеній, при условіяхъ самаго тѣснаго сожительства съ Орденомъ, отъ котораго Провидѣніе насъ избавило. Мы приняли готовое объ немъ мнѣніе; приняли потому, что преемственная передача и усвоеніе выводовъ изъ чужаго опыта составляютъ духовную связь, безъ которой была бы немыслима умственная жизнь человѣчества; приняли еще потому, что въ этомъ случаѣ, результатъ продолжительнаго и многосторонняго опыта западныхъ народовъ совершенно совпадалъ съ тѣмъ, что мы сами извѣдали путемъ нашего собственнаго опыта, сравнительно кратковременнаго и незначительнаго. Можно спорить о подлинности того или другаго факта матеріальнаго, или историческаго анекдота, но нельзя отрицать фактовъ умственной жизни, представляющихъ собою какъ бы отраженіе ряда матеріальныхъ фактовъ въ сознаніи цѣлыхъ народовъ. Общее понятіе о Іезуитѣ, какъ о типическомъ лицѣ, сложилось и существуетъ; названіе Іезуита, изъ имени собственнаго, перешло въ нарицательное — это своего рода честь, не всѣмъ достающаяся, и вѣрный признакъ исторической роли, мастерски разъигранной на всемірномъ поприщѣ. Даже прилагательное отъ собственнаго имени Іезуитовъ вошло въ употребленіе для обозначенія общихъ свойствъ. Какихъ именно?—вы знаете. *Іезуитская* клятва, *Іезуитское* слово, *Іезуитскій* пріемъ, не значатъ клятва надежная, слово правдивое, пріемъ честный; escobarderie (отъ Эскобара, знаменитаго Іезуитскаго богослова) не значитъ прямое дѣло. Смыслъ, въ которомъ употребляется это слово, понятенъ всѣмъ и одинаковъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Мадридѣ, Римѣ и Берлинѣ; въ Москвѣ также. Чему жъ вы удивляетесь? Не мы создали репутацію Іезуитовъ; мы только приняли ее, по передачѣ, отъ обществъ, ими воспитанныхъ; но мы *владѣемъ* ею, а вы знаете, что предъявленіе доказа-

тельствъ, onus probandi, требуется не отъ владѣльца, а отъ того, кто оспориваетъ законность владѣнія. Melior est conditio possidentis — это аксіома римскаго права, на которую ваши богословы, въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти, ссылаются гораздо чаще, чѣмъ на слова Спасителя и Апостоловъ.

И такъ, мнѣ кажется, вамъ было бы гораздо ближе и естественнѣе обратиться не къ намъ, а къ органамъ и представителямъ общественнаго мнѣнія западной Европы; пусть она отвѣчаетъ за свой приговоръ; ее постарайтесь переубѣдить и примирить съ собою; мы будемъ слушать и, ручаюсь вамъ — слушать безпристрастно. Но вы предупредили мой отвѣтъ. Судя по вашимъ словамъ, въ западной Европѣ, репутація Іезуитовъ уже поправилась; одни мы, Москвичи, этого не знаемъ. Европа, увѣряете вы, убѣдилась въ прежней своей несправедливости къ Ордену и не только помирилась съ нимъ, но даже благоволитъ къ нему. Въ доказательство вы приводите, «что въ Парижѣ уже пятнадцать лѣтъ, какъ въ соборной церкви, каждое воскресенье великаго поста, проповѣдуетъ одинъ изъ вашихъ священниковъ, при огромномъ стеченіи избранныхъ слушателей изъ цѣлой столицы, не говоря о другихъ проповѣдникахъ, также открыто проповѣдывающихъ повсюду, и что Іезуитскому Ордену позволяется не только существовать и размножаться, но еще учить, проповѣдывать, совершать духовныя требы и пр. и притомъ, въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, каковы: Франція, Бельгія, Англія и Германія».

Только-то! — Простите мое невольное восклицаніе; это не иронія, а выраженіе почтительнаго состраданія къ развѣнчанному величію, къ надломленной силѣ, къ обанкрутившейся фирмѣ, пожалуй къ полинялымъ лохмотьямъ, этимъ нѣмымъ символамъ притязаній, нѣкогда дѣйствительно широкихъ и смѣлыхъ, а нынѣ спавшихъ до жалкой умѣренности.

Два съ четвертью вѣка тому назадъ, Іезуитскій Орденъ отпраздновалъ первую, столѣтнюю годовщину своего учреж-

денія великолѣпнымъ изданіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Картины перваго вѣка — Imago primi saeculi». Книга эта произведеніе въ своемъ родѣ единственное, Геркулесовы столбы самохвальства. Въ ней говорится, что Іезуитское общество рождено отъ самаго Христа, а Jesu nata, и насчитываетъ трехъ основателей: Іисуса Христа, Божію Матерь и Игнатія Лойолу; что земная жизнь Спасителя, черта въ черту, совпадаетъ съ историческою судьбою Ордена, который, черезъ это, какъ бы отождествляется съ Божественнымъ своимъ основателемъ; что каждый Іезуитъ, до конца своей жизни пребывшій въ Орденѣ, непремѣнно попадаетъ въ рай, и что когда душа его отдѣляется отъ тѣла, Спаситель выходитъ къ ней на встрѣчу и вводитъ ее въ царство небесное—это *привиллегія* Іезуитовъ (буквально), засвидѣтельствованная многими святыми; что Божія Матерь, на землѣ, молилась также какъ Лойола и передала ему свою систему духовныхъ упражненій; что Іезуитское общество имѣетъ всѣ свойства солнца и луны, сіяетъ во вселенной, благотворитъ всему міру и все охраняетъ во время ночи. Затѣмъ исчисляются подвиги отдѣльныхъ лицъ, членовъ Ордена; они уподобляются львамъ, орламъ, Самсону, Апостоламъ и Архангеламъ; наконецъ, оглядываясь на прошедшее и на тогдашнее положеніе Іезуитскаго общества въ Европѣ, авторы, въ какомъ-то лирическомъ опьянѣніи, восклицаютъ: «Мы можемъ примѣнить къ нему пророчество Исаіино о народѣ Божьемъ и о Церкви: «будутъ царіе кормители твои и княгини кормилицы твои, до лица земли поклонятся тебѣ и прахъ ногъ твоихъ оближутъ... и иссеши млеко языковъ и богатство Царей снѣши... и люди твои въ вѣкъ наслѣдятъ землю и т. д.» (Ис. гл. 49, 7, 23, гл. 60, 16, 21).

Было время, когда эти слова не казались насмѣшкою, а нынче, вы можете только сказать, что языки не мѣшаютъ вамъ жить на свѣтѣ, и что Парижскія княгини склоняютъ иногда свой благосклонный слухъ къ рѣчамъ вашихъ пропо-

вѣдниковъ. Какая разница! Опытъ внушилъ вамъ скромность и научилъ довольствоваться малымъ; но, къ несчастію, и это малое далеко не имѣетъ того значенія, какое вы ему придаете.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось слышать собственно вашихъ, Іезуитскихъ проповѣдниковъ и въ особенности знаменитаго отца Феликса, по предложенію котораго, на Малинскомъ сеймикѣ, искусно подогрѣтая публика выразила свое благочестивое настроеніе троекратнымъ «да здравствуетъ (vivat)» и оглушительными рукоплесканіями Іисусу Христу, Церкви и Папѣ; не доставало только бокаловъ и шампанскаго. Въ то время, какъ я былъ въ Парижѣ, объ отцѣ Феликсѣ перестали и говорить; другое свѣтило стояло на горизонтѣ. Это былъ отецъ Якинѳъ, кажется, босоногій Кармъ (Carme déchaussé). Я имѣлъ счастіе слышать его и присутствовать на одномъ изъ блистательнѣйшихъ съѣздовъ въ соборной церкви Парижской Божіей Матери. Физіономія проповѣдника, выраженіе сосредоточенной думы на его лицѣ, величавая плавность походки, жесты, дикція, все въ немъ было безукоризненно. Онъ говорилъ о Троицѣ; началъ съ того, что, хотя нельзя доказать ее съ такою же очевидностью какъ бытіе Божіе, однако *очень полезно*, по многимъ причинамъ, признать этотъ догматъ; затѣмъ, онъ вдался въ уясненіе его отъ противнаго и разжалобилъ своихъ слушателей изображеніемъ одинокаго Бога, потеряннаго въ сіяніяхъ тверди, Dieu isolé et perdu dans les splendeurs du firmament. Слушателей было много и, притомъ, дѣйствительно перваго сорта; впереди всѣхъ, противъ самой каѳедры, сидѣлъ Парижскій архіепископъ, а рядомъ съ нимъ министръ Народнаго Просвѣщенія; послѣдній наклонялся иногда къ своему сосѣду и, до втораго ряда стульевъ, долетали въ полголоса произносимыя восклицанія: «quelle ampleur! quelle majesté! quelle majesté! quelle profondeur!» Не задолго передъ этимъ, тотъ же министръ осматривалъ Іезуитское училище въ Парижѣ и,

на прощанье, сказалъ ректору, что можно кое-что у него перенять. Вы помните, съ какою поспѣшностію эти слова были подхвачены и какъ усердно они разносились въ извѣстныхъ кружкахъ. Все это называется въ Парижѣ *тріумфами Церкви*.

Въ тотъ самый день, въ который отецъ Якинѳъ, поутру, показывалъ Парижанамъ Троицу, вечеромъ давалось на Итальянскомъ бульварѣ другое представленіе: Александръ Дюма разсказывалъ разные анекдоты про извѣстнаго живописца Делакроа. Давка была невыносима, и я не могу не сознаться, что публика была еще отборнѣе и наряднѣе чѣмъ въ соборѣ; больше стояло щегольскихъ экипажей на улицѣ, больше виднѣлось красненькихъ ленточекъ въ петлицахъ. Ломанье Александра Дюма продолжалось болѣе часа, но онъ, по крайней мѣрѣ, не выходилъ изъ мастерской своего покойнаго друга, въ сіянья тверди не заносился и, ни единымъ словомъ, не коснулся христіанскихъ догматовъ. Признаюсь, мнѣ показалось, что, при совершенно одинаковой фривольности романиста и проповѣдника, первый, самымъ своимъ умолчаніемъ, почтилъ ихъ лучше, чѣмъ второй своимъ многорѣчіемъ.

Іезуитовъ не преслѣдуютъ—это правда, хотя, сколько мнѣ извѣстно, даже въ большей части католическихъ земель, они не пользуются правами юридической личности и, какъ общество, не имѣютъ законнаго существованія; но скажите, чтожъ слѣдуетъ по вашему изъ этого факта? Если бы преслѣдованія вообще были въ ходу, если бы правительства въ Англіи, Бельгіи и Франціи, по прежнему, считали своею обязанностію и своимъ правомъ заботиться объ искорененіи всякаго лжеученія, и, если бы, при этихъ условіяхъ, Іезуиты пользовались ихъ покровительствомъ, вы имѣли бы основаніе выдавать это за одобрительное свидѣтельство: но вѣдь вы знаете, что одинаковою терпимостью, свободою и защитою, въ предѣлахъ закона, пользуются всѣ вѣроисповѣданія, секты и школы,

не выключая самыхъ безобразныхъ и дикихъ. И такъ, улучшеніе въ положеніи Іезуитовъ произошло не вслѣдствіе какой либо перемѣны въ понятіяхъ именно объ нихъ, а просто потому, что прошла, или проходитъ, пора преслѣдованій за мнѣнія, и что всѣ правительства, болѣе или менѣе, склоняются къ системѣ благоразумной воздержности отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла убѣжденія и совѣсти. Я не думаю, чтобъ вы приписывали этотъ успѣхъ Іезуитамъ. Гражданская терпимость установилась вопреки имъ, но и они, въ числѣ другихъ, ею воспользовались. Это явленіе общее, во всѣхъ сферахъ. Было же время, когда правительства, въ видахъ предупрежденія обмановъ, подвергали строгому осмотру всѣ припасы, привозимые въ города, и всѣ товары, назначаемые въ продажу, даже опредѣляли имъ цѣну; теперь это не дѣлается; но слѣдуетъ ли изъ этого, что люди убѣдились, наконецъ, въ безвредности порченной муки и тухлаго мяса? Не значитъ ли это только, что общества достигли совершеннолѣтія, вышли изъ-подъ опеки, и что имъ предоставлено право свободнаго выбора?

Посмотримъ, нѣтъ ли въ вашу пользу другихъ, болѣе доказательныхъ свидѣтельствъ. Вы, разумѣется, утверждаете, что все то, въ чемъ упрекали и доселѣ упрекаютъ Іезуитовъ, не болѣе какъ злонамѣренная клевета или вздорная болтовня. Въ доказательство, вы говорите: «вотъ скоро двадцать лѣтъ какъ изъ кандидата С.-Петербургскаго университета я сдѣлался Іезуитомъ (sic): я посѣщалъ дома нашего общества въ Галиціи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Сициліи. Другіе изъ моихъ соотчичей, именами которыхъ гордится [1] русское дворянство, бывали на востокѣ; всѣ мы знакомы съ сотнями собратовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Какимъ чудомъ, ни отъ одного изъ нихъ, нигдѣ и никогда, мы не слыхали ничего подобнаго тому, что̀ вы, съ такою *наивною торжествен-*

---

[1] Ужъ будто гордится!

ностью, приписываете всему обществу, которое, замѣтьте, на половину состоитъ изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ у алтаря безкровную жертву?»

Позвольте, для ясности, облечь ваши слова въ логическую формулу: «Іезуиты, про Іезуитовъ, ничего худаго, Іезуитамъ, не разсказываютъ; слѣдовательно, за Іезуитами ничего худаго не водится». Кажется, я передалъ вашу мысль вѣрно, и вы конечно замѣчаете, что въ силлогизмѣ недостаетъ первой посылки. Позвольте же дополнить ее: «всякій человѣкъ, или всякое общество, само себя знаетъ лучше, чѣмъ кто либо, и охотнѣе, чѣмъ кто либо вредитъ своей доброй славѣ оглашеніемъ своихъ пороковъ».—Такъ ли? Или вы, можетъ быть, подразумѣвали слѣдующее: «чтò у Іезуита на сердцѣ и на умѣ, то у него и на языкѣ, а такъ какъ, и т. д.» Другихъ основаній къ вашему выводу я не придумаю. Обыкновенно, чѣмъ непричастнѣе свидѣтель къ личности подсудимаго, тѣмъ большій вѣсъ придается его свидѣтельству; вы же принимаете совершенно обратное правило и опровергаете незавидную репутацію Ордена его свидѣтельствомъ о себѣ самомъ, да еще свидѣтельствомъ умолчанія. Вы вѣроятно позавидовали *торжественной наивности* редактора «Дня» и, дѣйствительно, перебили у него пальму. Что до меня, то я охотно поздравилъ бы васъ съ побѣдою, а вмѣстѣ и съ изобрѣтеніемъ совершенно новой системы аргументаціи, если бъ мнѣ не случилось, полгода тому назадъ, слышать точно такой же выводъ изъ устъ одной Ирландки, ревностной папистки, и, разумѣется, страстно сочувствовавшей польскому мятежу. Она говорила мнѣ: «чтò вы мнѣ твердите про Варшавскія убійства и отравленія, про вѣшателей, кинжальщиковъ и поджигателей! Я цѣлыхъ два года жила въ кругу Поляковъ, въ Парижѣ, Дрезденѣ и Женевѣ, и никогда, ни отъ одного изъ нихъ, не слыхала про тѣ неистовства, которыми вы, Русскіе, черните святое дѣло возстанія за отчизну. Чѣмъ вы объясните мнѣ это чудо?»

Фактъ, на который указывала моя собесѣдница, также несомнѣненъ, какъ и ваше свидѣтельство о вашихъ собратіяхъ; дѣйствительно, ни Польская эмиграція, ни Іезуиты, ничего предосудительнаго или скандалезнаго не разсказываютъ про своихъ. Чудо это, въ отношеніи къ Полякамъ, такъ и осталось неразгаданнымъ для моей собесѣдницы; авось либо удастся намъ объяснить его въ отношеніи къ Іезуитамъ.

Въ уставѣ Ордена, части VIII, гл. I. § 9 и въ деклараціяхъ къ нему, мы читаемъ: «начальствующіе и подчиненные должны состоять между собою въ постоянной и частой перепискѣ и увѣдомлять другъ друга о томъ, чтò происходитъ въ разныхъ мѣстахъ и чтò можетъ служить *къ назиданію* (ad ædificationem). Дабы дѣла общества, *свойства назидательнаго* (res societatis ad ædificationem pertinentes) могли быть доводимы до всеобщаго свѣдѣнія, установляется слѣдующій порядокъ: всѣ члены Ордена, подчиненные одному провинціалу (областному начальнику), трижды въ годъ, въ началѣ каждой трети, отправляютъ изъ всѣхъ домовъ и коллегій ([2]) письма, содержащія въ себѣ *исключительно* то, чтò можетъ произвести *назидательное дѣйствіе* (solum ea quæ ad ædificationem faciunt); провинціялы дополняютъ ихъ пропущенными обстоятельствами такого же *назидательнаго* свойства; затѣмъ, эти донесенія препровождаются къ главному настоятелю (генералу) Ордена и, во множествѣ копій, разсылаются повсюду» ([3]).—Итакъ, вотъ что! Стоустной молвѣ передается *только* назидательное, вѣроятно: подвиги благочестія, обращенія невѣрныхъ, разныя чудеса и видѣнія; объ оглашеніи же темныхъ дѣлъ, преступленій, проступковъ и скандаловъ, въ уставѣ не говорится. Слишкомъ ли мы смѣло поступимъ, предполо-

---

([2]) Подъ домами разумѣются мѣста жительства профессовъ, т. е. членовъ Ордена въ тѣсномъ смыслѣ, составляющихъ ядро общества; подъ коллегіями — училища общества.

([3]) Les Constitutions des Jésuites avec les déclarations etc. Paris. Paulin. 1843.

живъ, что это не можетъ не быть запрещено, въ силу тѣхъ самыхъ побужденій, которыми внушена заботливость о возможномъ распространеніи всего служащаго къ чести и пользѣ Ордена? А вѣдь этимъ подрывается ваша большая посылка.

Само собою разумѣется, что и дѣла вовсе не назидательныя или назидательныя въ другомъ смыслѣ (какъ поучительныя предостереженія, внушающія спасительный страхъ), не могутъ, при той системѣ взаимнаго наушничанья, которая составляетъ основаніе Орденской дисциплины, оставаться неизвѣстными для начальствующихъ; но спрашивается: какой интересъ могли бы они находить въ оглашеніи ихъ, еслибъ даже утайка, въ подобныхъ случаяхъ, не вмѣнялась имъ въ обязанность? Кому охота вредить репутаціи своихъ и, слѣдовательно, косвенно, своей собственной? Вѣроятно, и изъ Іезуитской избы соръ на площади не вывозится середи дня, а выметается, если выметается, въ сумерки и съ задняго крыльца (4). Чтобъ узнать, какъ на это смотрятъ сами Іезуиты, можно навести справки въ ихъ учебникахъ о нравственныхъ обязанностяхъ лицъ различныхъ званій и состояній.

Вотъ, между прочимъ, что̀ преподаетъ Германъ Бузенбаумъ, пользующійся въ Орденѣ значителнымъ авторитетомъ, въ своемъ курсѣ нравственнаго богословія:

«Начальствующій часто можетъ скрывать (potest dissimulare) грѣхи своего подчиненнаго, во избѣжаніе волненія и большихъ золъ, за которыя ему же пришлось бы взыскивать». Въ другомъ мѣстѣ: «проповѣдники (concionatores) обязаны, вообще, обличать *явные* пороки, но не должны, безъ особенно уважительныхъ причинъ (non facile), касаться пороковъ прелатовъ и монаховъ, ибо авторитетъ, которымъ они пользуются, нуженъ для общаго блага». Вотъ, изъ той же книги, общія правила для всѣхъ: «не считается грѣхомъ смертнымъ говорить дурно о лицѣ неизвѣстномъ или опредѣлительно необозначаемомъ, напр. въ такомъ-то мѣстѣ много людей безчестныхъ, или: въ такой-то коллегіи (въ смыслѣ собора) одинъ каноникъ совершилъ тяжкое преступленіе, особенно если нареканіе не падаетъ на другихъ». Это все извинительно, но затѣмъ слѣдуетъ: «очень тяжко грѣшитъ опорочивающій монашескій Орденъ или монастырь, говоря напр., что въ немъ ведутъ жизнь недобропорядочную, не соблюдаютъ уставовъ и т. п., развѣ бы это было всѣмъ извѣстно: ибо этимъ наносится великій вредъ, и потому, причинившій его, обязывается, подъ страхомъ смертнаго грѣха, вознаградить все общество. Отъ этой обязанности не освобождаетъ даже прощеніе, дарованное настоятелемъ. Равномѣрно, считается смертнымъ грѣхомъ оглашеніе тайнаго преступленія, совершеннаго монахомъ, какъ-то: прелюбодѣянія или блуда, съ обозначеніемъ монастыря или ордена, къ которому принадлежитъ виновный, хотя бы даже повѣствующій объ немъ и не называлъ его по имени» (5).

Вы видите, что, для предупрежденія всякой неблагопріятной огласки, приняты мѣры, и что, въ этомъ отношеніи, монахи пользуются привиллегіями даже сравнительно съ другими духовными лицами. Я не сомнѣваюсь, что Іезуиты соблюдаютъ правила, преподанныя имъ ихъ же учителями, и остерегаются отъ смертнаго грѣха воспрещенной болтовни во всѣхъ

(4) *Іезуитъ*, извѣстный Маріана, въ книгѣ «О недостаткахъ въ управленіи общества Іисусова», изданной въ 1625 году (разумѣется безъ разрѣшенія и вѣдома Орденскаго начальства) писалъ между прочимъ: «On cache des délits fort graves, on les dissimule, sous prétexte qu'il n'y a pas de preuves suffisantes, ou bien pour empêcher qu'on en fasse du bruit et qu'on en parle dans le monde. Il semble que l'unique bût de notre gouvernement est de couvrir les fautes, de les enterrer, comme s'il pouvait y avoir un feu qui ne produise pas de fumée». Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, T. I, p. 455.

(5) Hermanni Busenbaum, Medulla Theologiæ moralis Liber II. Tractatus III. Dubium IV. Responsio 5. Dubium V. Articulus II. Responsio 5. Casus 6. Liber III. Tractatus VI. Caput I. Dubium II. Responsio, Casus 14, 15, Объ этой книгѣ и объ авторѣ ея будетъ говорено подробно въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

своихъ сношеніяхъ какъ съ своими, такъ и съ чужими или *внѣшними* (exteris), какъ ихъ называютъ. Но есть еще особенныя причины, побуждающія каждаго Іезуита къ еще большей осторожности въ разговорахъ, именно съ собратьями. Вамъ онѣ извѣстны, но я обязанъ указать на нихъ для читателей. Каждый, вступающій въ Іезуитскій Орденъ, даетъ обязательство доносить своему ближайшему, разумѣется орденскому, начальству, обо всѣхъ доходящихъ до его свѣдѣнія (внѣ исповѣди) ошибкахъ, порокахъ и предосудительныхъ поступкахъ своихъ собратьевъ; въ тоже время, онъ обязывается и самъ подчиниться добровольно такому же съ ихъ стороны наблюденію и такимъ же доносамъ (6). Это одинъ изъ основныхъ законовъ Ордена и непремѣнное условіе для вступленія въ него. Въ изложеніи, все это смягчается обыкновенными оговорками: *изъ любви къ ближнему, для его душевной пользы, для большей славы Божьей* и т. под.; но на практикѣ — исполняется въ точности. На это есть свидѣтельство: знаменитый Эскобаръ заявляетъ, что порядокъ обличенія ближняго, установленный Спасителемъ (сперва наединѣ, съ глазу на глазъ, потомъ при немногихъ свидѣтеляхъ, наконецъ передъ церковью) въ Іезуитскомъ Орденѣ не соблюдается, такъ какъ въ немъ принятъ другой порядокъ, а именно: каждый изъ членовъ общества доноситъ начальнику, непосредственно, о всякихъ преступленіяхъ своего собрата, не прибѣгая къ предварительному усовѣщиванію съ глазу на глазъ (7).

Хорошо ли это правило или нѣтъ и какое вліяніе оно можетъ имѣть на нравственность человѣка — этого вопроса я не касаюсь. Намъ, *внѣшнимъ*, мудрено даже мысленно перенестись въ эту общественную среду, гдѣ всѣ отношенія человѣка, вся его жизнь, съ ранняго утра до поздней ночи,

(6) Les Constitutions des Jésuites. Paris, Paulin. Primum ac generale examen Cap. IV, § 8, p. 29. Annexes, Note O. p 474 — 476.

(7) Liber Theol. moral. etc. Tract. V. Ex. V. Cap. IV Praxis ex Societat. Jesu doctor § 15.

опутываются искусно-сплетенною сѣтью взаимнаго, благочестиваго шпіонства; да это и не нужно. Оставаясь совершенно въ сторонѣ, мы все таки можемъ предположить, не боясь впасть въ ошибку по неопытности, что никому не можетъ быть пріятно испытать на себѣ послѣдствія сдѣланнаго на него доноса; мало того, я готовъ даже допустить, что для новичка, не успѣвшаго привыкнуть къ Орденской атмосферѣ, должна быть еще невыносимѣе мысль, что онъ можетъ поставить своего собрата въ необходимость сдѣлать на него доносъ.

Вотъ вамъ и объясненіе, вполнѣ достаточное, факта вами указаннаго. Именно потому, что вы живете въ кругу своихъ, вы не слыхали и не услышите ничего предосудительнаго для Ордена. Вѣдь если бъ кто нибудь изъ вашихъ, забывшись, повѣдалъ вамъ, хоть на ухо, какой-нибудь скандалъ, вы бы должны были донести на него, а если бъ вы этого не сдѣлали, то онъ самъ, одумавшись, донесъ бы на васъ за то, что вы не донесли (8).

Пожалуй, все это очень благоразумно и умно придумано; можетъ быть, Парижскій префектъ полиціи, ознакомившись съ дисциплиною вашихъ домовъ, захочетъ также что нибудь перенять у васъ и почтитъ Орденскій уставъ такимъ же лестнымъ отзывомъ, какого удостоилось ваше Ratio studiorum отъ министра Народнаго Просвѣщенія; но при такомъ порядкѣ вещей, придавать вынужденной сдержанности силу очистительнаго свидѣтельства — воля ваша, это нѣсколько произвольно и натянуто.

(8) Въ книгѣ, писанной *Іезуитомъ* Маріаною, мы читаемъ: „*nul ne peut se fier à son frere* qui peut à tout moment lui rendre quelque mauvais office de mouchard et espion, afin de gagner, à ses depens, les bonnes graces des supérieurs et surtout du Général... J'ose assurer que si les archives de notre maison de Rome étaient épluchées, il ne se trouverait aucun honnête homme parmi nous, surtout qui sommes eloignés et inconnus personnellement au Général ets" Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I., p. 451. 454.

Другое ваше доказательство неосновательности нарѣканій падающихъ на Орденъ, повидимому, сильнѣе. Вы спрашиваете: «какимъ образомъ, стоокая полиція до сихъ поръ не открыла *ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было преступленія*, совершеннаго нами? Какимъ образомъ, самые ярые враги нашего общества доселѣ не могли уличить насъ *ни въ какомъ злодѣяніи?*»

Любопытно бы знать, о какомъ времени вы говорите? Только ли о ближайшемъ къ намъ, или и о прежнихъ временахъ, начиная съ учрежденія Ордена? Я не думаю, напримѣръ, чтобъ вы стали отрицать участіе Іезуитовъ, если не прямымъ содѣйствіемъ, то подговорами и внушеніями (что едва ли лучше) въ знаменитомъ заговорѣ des poudres, противъ Короля Якова I-го и Англійскаго парламента; оно юридически доказано и признано многими, равностнѣйшими католиками, въ томъ числѣ министромъ Карла I-го, Стафордомъ.

Не думаю, чтобъ можно было утаить слѣдъ Іезуитской руки въ покушеніяхъ на жизнь Маврикія Нассавскаго и Венеціанскаго историка Фра-Паоло, въ убійствѣ Генриха IV-го, въ заговорѣ на жизнь Людовика XIII, въ таинственной смерти Сикста V, Климента XIII и, особенно, въ отравленіи Климента XIV. Не думаю, чтобъ вы рѣшились отвергнуть несомнѣнность продѣлокъ Китайскихъ и Кохинхинскихъ Миссій съ папскими Легатами и Визитаторами, Кардиналомъ Турномъ, епископомъ Галикарнасскимъ и Аббатомъ Фавромъ, которыхъ Іезуиты, въ буквальномъ смыслѣ, замучили цѣлымъ рядомъ безстыдныхъ клеветъ, дерзкихъ оскорбленій и доносовъ Китайскому правительству, не говоря уже о почти несомнѣнныхъ покушеніяхъ на ихъ жизнь? Не знаю, что бы можно было придумать для оправданія двухъ злостныхъ банкротствъ Іезуитскаго общества, перваго въ Севиллѣ, на сумму двухъ съ четвертью милліоновъ франковъ, въ лицѣ коадъютора Виллара (который, будучи членомъ Ордена, управлялъ его торговыми дѣлами, располагалъ его капиталами и отъ котораго Орденъ отрекся, чтобъ имѣть предлогъ не выполнить всѣхъ его обязательствъ) и втораго, такогоже банкротства, во Франціи, по дѣлу повѣреннаго Іезуитовъ, Отца Лавалетта, отъ котораго общество также старалось отречься.

Еще неопровержимѣе доказана возмутительная клевета, исподоволь подготовленная Орденомъ съ цѣлью погубить Антонія Арно и другихъ Жансенистовъ, которыхъ какое то таинственное, Іезуитами не названное лице будтобы застало въ сборѣ, въ ту самую минуту, какъ они составляли между собою заговоръ противъ Христовой вѣры. Это дѣло извѣстное подъ названіемъ de l'affaire du Bourg-Fontaine, окончилось, какъ вы знаете, такимъ посрамленіемъ Іезуитовъ, что даже Кретино-Жоли, въ недавнее время, подъ диктовку ихъ написавшій панегирикъ Ордена, неправильно названный имъ исторіею, не нашелся сказать ни слова для ихъ очистки и предпочелъ отдѣлаться умолчаніемъ. Чѣмъ еще опровергнуть, кромѣ развѣ голословнаго отрицанія, подлую интригу, посредствомъ которой Іезуиты завлекли въ ловушку послѣдователя Жансенистовъ профессора де-Люньи (affaire de Douai), переславъ къ нему нѣсколько подложныхъ, ими составленныхъ писемъ, будто бы отъ Антонія Арно, и, этимъ способомъ, вызвавъ его на откровенныя объясненія, попадавшія въ ихъ руки?

Переходя къ фактамъ другаго разбора, я могъ бы указать на подлинную, любовную переписку Іезуитовъ, найденную въ Москвѣ, въ первомъ домѣ, которымъ они успѣли обзавестись въ Россіи, переписку, хранящуюся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и съ которой копія находится у графа Толстаго, автора книги Le Catholicisme Romain en Russie (*). Я могъ бы также сослаться на Высочайшій указъ 13 Мар-

(*) Tome I. page 113.

та 1820 года ([10]) о высылкѣ Іезуитовъ изъ Россіи и о закрытіи Полоцкой ихъ Академіи, въ которомъ, между прочимъ, значится, что «обращая въ вѣру свою дѣтей Еврейскихъ, Іезуиты употребляли насиліе и что потребна была сила губернскаго начальства, чтобъ исторгнуть этихъ дѣтей изъ ихъ монастыря». Кстати было бы напомнить, что обвиненіе въ насильственномъ похищеніи или полунасильственномъ сманиваніи дѣтей, для котораго придумано спеціальное названіе, le vol à l'enfant, повторялось очень часто и даже теперь повторяется въ западной Европѣ, въ чемъ я лично убѣдился въ прошломъ году, изъ разсказовъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и католиковъ—правда не въ домахъ вашего Ордена. Наконецъ изъ происшествій современныхъ, я могъ бы привести приговоръ Брабантскаго суда присяжныхъ, по дѣлу де-Бойа; но объ немъ я еще буду говорить ниже.

Все это выяснено и дознано на столько, на сколько, вообще, чье либо участіе въ какомъ либо преступленіи можетъ быть доказано, и все это, вмѣстѣ взятое, не составляетъ конечно сотой доли преступленій, обременяющихъ совѣсть Ордена. Неужели разбирать каждое порознь? Я знаю, что вамъ хотѣлось бы заманить меня на эту почву, но знаю также, что отъ этого не могло бы произойти никакого прока. Для пересмотра старыхъ, законченныхъ дѣлъ и приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, у меня нѣтъ матеріаловъ, да и у васъ ихъ нѣтъ; а потому, и вамъ и мнѣ, пришлось бы ограничиваться ссылками на свидѣтельства. Но опредѣлить математически степень надежности свидѣтеля—нѣтъ возможности; каждаго мною названнаго, вы, разумѣется, стали бы отводить; въ отвѣтъ на каждый мой доводъ, вы стали бы возбуждать сомнѣнія въ подлинности источника; наконецъ, въ крайности, у васъ оставался бы

([10]) Полное собраніе зак. XXXVII.

выходъ, которымъ ваши очень часто пользовалися: махнуть рукой на уличеннаго собрата и сказать, что въ его преступленіи Орденъ не причастенъ и потому не отвѣчаетъ за него. Пожалуй, я готовъ впередъ заявить, что въ такомъ диспутѣ, послѣднее слово осталось бы за вашими; васъ больше, средствъ у васъ много, притомъ такихъ, до которыхъ мы не дотрогиваемся, да и самое дѣло интересуетъ васъ ближе, чѣмъ насъ. Если ужъ пошло на уступки, то я вамъ сдѣлаю еще одну: я признаю, что во многихъ частныхъ случаяхъ, обвиненія, падавшія на Орденъ, дѣйствительно какъ будто расплывались по недостатку уликъ; признаю также, что такихъ, по слѣдствію и суду неоправдавшихся обвиненій, въ исторіи Іезуитскаго Ордена насчитывается, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ исторіи всякого другаго общества. Пусть такъ: я позволю себѣ только замѣтить, что частое повтореніе обвиненій, само по себѣ, знаменательно. Это указаніе на репутацію Ордена: онъ состоитъ, какъ будто, въ вѣчномъ у всѣхъ подозрѣніи. Но не въ этомъ дѣло; фактъ признанъ; желательно теперь узнать чѣмъ объяснить его: дѣйствительною ли безупречностью Іезуитовъ, или другими причинами?

Мнѣ кажется, что всегда бываетъ трудно, а иногда и положительно невозможно, уличить Іезуитовъ только потому, что они обладаютъ исключительными средствами защиты отъ всякаго рода преслѣдованій и что обыкновенные юридическіе пріемы уголовной процедуры, такъ сказать, не берутъ ихъ. Слѣдствіе и судъ, встрѣчаясь съ Іезуитами почти всегда даютъ осѣчку.

Это даже лестно для нихъ, и потому, на этотъ разъ вы, можетъ быть, согласитесь со мною.

Примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Вопервыхъ, по свойству организаціи Ордена, никогда ни одинъ изъ членовъ его ничего не предпринимаетъ по личному своему внушенію и не дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ. Дѣй-

ствуетъ Орденъ, личность собирательная, застрахованная отъ увлеченій, поспѣшности, недосмотровъ и промаховъ: личность, представляющая собою концентрированную опытность многихъ вѣковъ и народовъ, субстратъ Испанской, сосредоточенной энергіи, Италіянской хитрости и Французской предпріимчивости [11]; личность, располагающая огромными средствами, вещественными и духовными, пользующаяся покорными орудіями испытанной вѣрности, орудіями, называющими себя *трупами* или *жезлами* въ рукахъ Ордена, отдавшими все въ распоряженіе своего начальника, и тѣло и душу и совѣсть свою; наконецъ, личность, искусившаяся и дошедшая до неподражаемаго мастерства въ умѣніи снискивать сильныхъ покровителей. Понятно, что когда такая личность берется за дѣло, она обдумываетъ его со всѣхъ сторонъ, обставляетъ его всѣми условіями, обеспечивающими успѣхъ и не оставляетъ за собою такъ называемыхъ концовъ.

Во-вторыхъ, эта личность не считаетъ себя связанною, по совѣсти, требованіями гражданскаго закона и признаетъ за собою нравственное право уклоняться отъ нихъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ собственнымъ ея понятіямъ о законности и правдѣ.

Можетъ быть, читатель захочетъ узнать, въ какой мѣрѣ Іезуитъ, въ качествѣ Іезуита, считаетъ себя, по правиламъ своего Ордена, подчиненнымъ закону гражданскому и подсуднымъ гражданскому суду? Вотъ что говоритъ въ отвѣтъ на это одинъ изъ казуистовъ Ордена:

«Духовные, будучи по Божественному закону изъяты изъ подъ власти свѣтской, не подлежатъ прямому и принудительному дѣйствію гражданскихъ законовъ (directe et quoad vim coarctivam) и потому не могутъ быть называемы свѣт-

[11] Не знаю, что принесли въ эту сокровищницу Русскіе? Не наивность ли?

скою властью (nec a principe soeculari puniri possunt); но они подлежатъ косвенно (indirecte) дѣйствію общихъ законовъ, имѣющихъ цѣлію общественную пользу и не противныхъ духовному званію, каковы, напр., законы воспрещающіе извѣстнаго рода контракты или отмѣняющіе ихъ силу; по этому, если бы духовный позволилъ себѣ продать какую-либо вещь, напр. пшеницу, свыше цѣны установленной начальствомъ, то онъ этимъ погрѣшилъ бы противъ справедливости и былъ бы обязанъ возвратить перебранное. Это необходимо потому, что и духовные суть члены гражданскаго общества, и что, еслибъ они вовсе не подчинялись гражданскимъ законамъ, то не было бы возможности соблюсти одинаковой въ отношеніи ко всѣмъ справедливости. Впрочемъ, подчиненіе духовныхъ гражданскимъ законамъ принимается въ такомъ смыслѣ, что духовные обязаны, въ своихъ дѣйствіяхъ, только *руководствоваться* ими, но отнюдь не значитъ, чтобъ эти законы имѣли надъ ними силу принудительную и чтобъ они подлежали взысканіямъ установленнымъ за ихъ нарушеніе (tenentur quoad vim directivam, non quoad vim coarctivam)».

Въ какомъ смыслѣ обязательно для каждаго извѣщеніе о совершенномъ уголовномъ преступленіи?—Іезуиты отвѣчаютъ:

«Необязательно, хотя бы этого требовалъ начальникъ, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ; въ томъ числѣ: если отъ извѣщенія можетъ послѣдовать для того, кто его дѣлаетъ, опасность лишиться чести, жизни или имущества.»

Къ чему обязывается, по совѣсти, обвиненный?

«Если судья опрашиваетъ подсудимаго, не имѣя на это права (non sit legitimus) или безъ достаточнаго повода къ начатію дѣла, даже если подсудимый не увѣренъ въ правильности опроса и питаетъ, въ этомъ отношеніи какое-нибудь сомнѣніе, то онъ не только не обязанъ къ признанію, не только можетъ отказаться отъ всякаго отвѣта, но можетъ даже провести судью (Judicem eludere) двусмыслен-

ными выраженіями или отпирательствомъ, сопровождаемымъ какою нибудь подразумѣваемою оговоркою, въ добромъ смыслѣ (in bono sensu), чтобъ избѣгнуть лжи (ut mendacium absit)».

И такъ, ложное показаніе, про себя оговоренное, не считается ложью.

Далѣе: «если судья опрашиваетъ подсудимаго правильно, но исходя изъ предположенія мнимаго преступленія, то подсудимый можетъ отрицать обстоятельство, дѣйствительно бывшее и, даже, на половину доказанное. Напр. судья, ища подтвержденія ложному обвиненію въ убійствѣ, спрашиваетъ подсудимаго: точно ли онъ вышелъ изъ дому съ обнаженнымъ мечемъ?—Хотя бы это дѣйствительно произошло (но не ради убійства, а по другому поводу), однако подсудимый можетъ смѣло отъ этого отпереться. Такимъ же образомъ могутъ отвѣчать и свидѣтели».

«Подсудимый, даже правильно опрашиваемый, не обязанъ къ признанію, по крайней мѣрѣ не грѣшитъ смертно, не признаваясь въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ, если онъ питаетъ надежду спастись бѣгствомъ и если не угрожаетъ отъ этого вреда обществу. Это ученіе правдоподобно и, на практикѣ, (для совѣсти) безопасно. Не обязанъ и по произнесеніи приговора, ибо, съ окончаніемъ суда, прекращаются всѣ обязанности подсудимаго».

И такъ, отъ подсудимаго правды добиться трудно. Посмотримъ теперь, чего требуетъ Іезуитская совѣсть отъ свидѣтелей.

«Свидѣтельство обязательно въ томъ лишь случаѣ, когда законъ любви этого требуетъ для спасенія ближняго, или когда свидѣтель призывается судьею, имѣющимъ на то право. Но, въ послѣднемъ случаѣ, ожидающій вызова къ свидѣтельству можетъ безгрѣшно убѣжать или укрыться до полученія повѣстки, не подвергаясь опасности вознаградить за потери, могущія произойти для другого отъ его неявки».

«Свидѣтель, неправильно опрашиваемый, не обязанъ свидѣтельствовать. Даже правильно и законно опрашиваемый не обязывается къ тому въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, *если показаніе его можетъ причинить существенный ущербъ ему самому или ближнимъ его* (si ex testimonio sibi vel suis immineat notabile damnum), развѣ бы, съ другой стороны, отъ умолчанія могъ произойти еще бо́льшій ущербъ для частнаго лица или для всего общества; равномѣрно, не обязательно свидѣтельство, если допросъ имѣетъ предметомъ такой поступокъ, *въ которомъ можно предполагать вѣроятное отсутствіе грѣха со стороны обвиненнаго,* напр. когда онъ не зналъ что дѣлалъ или когда его судятъ какъ вора, тогда какъ онъ пользовался правомъ *тайнаго самовознагражденія* (occulta compensatio).»—Это принятый у Іезуитскихъ богослововъ учтивый терминъ, чтобъ не оскорблять слуха грубымъ словомъ воровство или мошенничество.

«Свидѣтель грѣшитъ, когда утверждаетъ то, чего не знаетъ или открываетъ правду, которую долженъ бы былъ скрыть». Но, чтобъ онъ грѣшилъ умалчивая, когда его спрашиваютъ о томъ, что̀ онъ знаетъ, или скрывая истину — этого нѣтъ въ правилахъ.

Послѣдняя, особенно же предпослѣдняя статья, сто́ятъ того, чтобъ на минуту на нихъ остановиться. Извѣстно, что въ очень многихъ случаяхъ Іезуитское ученіе о грѣховности и безгрѣшности далеко расходится съ совѣстью и съ законами въ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій; такъ напримѣръ, что̀ называется на общечеловѣческомъ языкѣ клеветою, предательствомъ, убійствомъ и воровствомъ, у Іезуитовъ считается законнымъ самоограждѣніемъ или законнымъ же, хотя и тайнымъ, самовознагражденіемъ. На это, впослѣдствіи, представлены будутъ яркія доказательства. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, свидѣтель - Іезуитъ, или воспитанникъ Іезуитовъ, придерживаясь понятій своей школы о грѣховномъ и безгрѣшномъ, можетъ не давать отвѣта опраши-

вающему его судьѣ или, что̀ еще хуже, можетъ безстрашно лгать ему прямо въ глаза.

На это есть общее правило: «во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дозволяется скрывать правду, можно прибѣгать къ двусмысленнымъ выраженіямъ, что̀ не считается ложью, ибо произносимыя слова, если только принимать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ (который, разумѣется, остается тайною для слушающаго) или въ связи съ подразумѣваемою оговоркою (которой онъ также не знаетъ) содержатъ въ себѣ правду».

Ученый Санчезъ объясняетъ это примѣромъ: кто совершилъ убійство, на вопросъ: убилъ ли онъ такого-то? — можетъ отвѣчать, что *не убилъ*, имѣя при этомъ въ виду другаго, одноименнаго человѣка, или, оговаривая про себя: не убилъ, *до его рожденія*. Это средство — продолжаетъ Санчезъ — чрезвычайно полезно, и къ нему можно прибѣгать безгрѣшно, ради спасенія жизни, тѣла, чести, состоянія или *ради добраго дѣла*».

Это правило рѣшительнѣе всѣхъ характеризуетъ Іезуитовъ въ гражданскомъ быту. Не-Іезуитъ, если бъ онъ по совѣсти не счелъ себя обязаннымъ сказать правду, отказался бы отъ свидѣтельства, объяснивъ тому причину, или отмолчался бы; Іезуитъ или воспитанникъ Іезуитовъ не подастъ и вида, что не считаетъ себя обязаннымъ къ правдивому показанію, а заговоритъ и запутаетъ судью безъ всякаго угрызенія совѣсти.

А присяга, къ которой приводится свидѣтель? — спроситъ, можетъ быть, читатель (вы конечно не спросите).

«Присяга вообще — отвѣчаетъ Іезуитъ — вяжетъ совѣсть въ томъ лишь случаѣ, когда присягающій дѣйствительно имѣетъ, про себя, намѣреніе присягнуть, то есть призвать Бога въ свидѣтели правдивости своего показанія; если жъ онъ, не имѣя такого намѣренія, произноситъ лишь формулу присяги, то онъ не считается присягнувшимъ и не вяжется присягою».

«Конечно, говоря вообще, всё-таки грѣшно, призвавъ Бога въ свидѣтели, утверждать неправду; но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, употребленіе двусмыслія разрѣшается и при произнесеніи присяги; напримѣръ, когда она требуется незаконно, судьею не имѣющимъ на то права, не компетентнымъ, или когда не соблюдаются установленные обряды судопроизводства; наконецъ, *во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ признается достаточная причина для употребленія двусмыслія вообще, допускается и двусмысліе въ присягѣ*».

Вотъ тоже ученіе въ другой, еще болѣе ясной и общей формѣ:

«Когда есть на то причина (cum causa), позволительно присягать безъ намѣренія присягнуть, идетъ ли рѣчь о предметѣ ничтожномъ или важномъ».

«Если кто, наединѣ или на людяхъ, по поводу предложеннаго ему вопроса или отъ себя, ради забавы (recreationis causa) или по какой-либо другой причинѣ, присягнетъ, что онъ чего-нибудь такого не сдѣлалъ, что̀ на самомъ дѣлѣ было имъ учинено, разумѣя про себя что нибудь другое, чего онъ дѣйствительно не дѣлалъ, или подразумѣвая иной способъ исполненія, а не тотъ, который былъ имъ употребленъ, или, прибавляя про себя какое-нибудь обстоятельство истинное: тотъ, по истинѣ, не лжетъ и не преступаетъ клятвы (re vera non mentitur, nec est perjurus)».

«Законными причинами къ употребленію подобныхъ двусмыслій (amphibologia) признаются всѣ тѣ случаи, въ которыхъ это необходимо или полезно для защиты своего тѣла, своей чести, своего имущества (res familiares) или для какого либо инаго добраго дѣла (virtutis actum) и когда прикрытіе истины представляется умѣстнымъ и выгоднымъ (veritatis occultatio censetur expediens et studiosa)».

Здѣсь опять выступаетъ таже отличительная черта компаніи, присвоившей себѣ имя Іисусово и состоящей на по-

ловину изъ священниковъ приносящихъ безкровную жертву. Не-Іезуитъ отказался бы отъ присяги; Іезуитъ, какъ человѣкъ, къ этому дѣлу пріобыкшій, громко произноситъ клятвенную формулу, а въ скобкахъ, про себя, оговариваетъ свое право на лжесвидѣтельство.

Если, однако, свидѣтель дастъ на судѣ завѣдомо-ложное показаніе въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ, даже по Іезуитской теоріи, это не разрѣшается, то какъ ему быть?

»Онъ обязанъ, отвѣчаютъ Іезуиты, взять назадъ свое показаніе, хотя бы и съ опасностью жизни для себя, предупредить дурныя послѣдствія, вознаградить за ущербы и т. д.» Тутъ, какъ будто, слышится голосъ совѣсти, но въ концѣ той же статьи читается: «если такимъ отреченіемъ отъ ложнаго показанія есть надежда въ чемъ нибудь успѣть (si puletur revocando aliquid effecturus) и если именно *только его* показаніе было дѣйствительною причиною ущерба; по лжесвидѣтель ни къ чему не обязывается, если и помимо его, другія лжесвидѣтельства дали полное основаніе къ несправедливому приговору».

И такъ, одинокій лжесвидѣтель подвергается еще нѣкоторому риску; но въ компаніи стакнувшихся лжесвидѣтелей можно лгать безнаказанно, сваливая вину на товарищей.

Наконецъ, вотъ статья объ осужденномъ:

«Справедливо или несправедливо приговоренному къ смертной казни или къ пожизненному заточенію, дозволяется бѣжать изъ тюрьмы, хотя бы сторожа́ должны были подвергнуться тяжкой за то отвѣтственности; уклоняться отъ преслѣдующихъ его и вырываться изъ ихъ рукъ; равномѣрно, всѣмъ не занимающимъ полицейскихъ должностей при судѣ, дозволяется помогать приговоренному въ бѣгствѣ совѣтомъ и дѣломъ, доставкою нужныхъ инструментовъ, напр. под-

пилковъ и т. п., лишь бы они не помогали ему выламывать тюремныя двери» ([12]).

Можно ли отрицать, что въ этихъ правилахъ заключается своего рода сила и такое обезпеченіе безнаказанности, какимъ обыкновенные смертные не пользуются? Вызовъ къ свидѣтельству, допросъ, присяга, судъ, тюрьма, все это не беретъ Іезуитовъ; противъ всего придуманы оборонительныя средства, не говоря уже о вліяніяхъ, покровительствахъ и ходатайствахъ. Закованные въ тройную броню пробабилизма, оговорокъ и двусмыслій, они дѣйствительно неуязвимы. Понятно, что уличить ихъ трудно; но странно, какъ могли вы эту трудность обратить въ доказательство ихъ безупречности?

Независимо отъ обыкновенныхъ, уголовныхъ, полицейскихъ и гражданскихъ дѣлъ, производившихся въ общихъ инстанціяхъ, Іезуиты играли роль обвиненныхъ въ капитальныхъ, частью политическихъ, частью церковныхъ процессахъ и въ тяжбахъ съ цѣлыми корпораціями, духовными и свѣтскими. Нѣкоторыя изъ этихъ тяжбъ тянулись лѣтъ по сту.

Въ крупныхъ дѣлахъ этого рода, затрогивавшихъ самые существенные интересы Ордена, иногда даже вопросъ о его существованіи, поражаетъ, кромѣ недобросовѣстности, однообразіе глубоко обдуманныхъ пріемовъ защиты.

Въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ, во Франціи, въ Италіи, въ Польшѣ, въ Японіи, въ Китаѣ, въ Индіи, вездѣ и всегда, повторялось одно и тоже, въ одномъ и томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, такъ, что система спора и защиты со стороны Іезуитовъ, сама собою выступаетъ изъ массы раз-

([12]) Herm Busenb. Medul. Theol. Moral. Lib. I. Tr. II Cap. II. Dub. I. Resp. cas. 5. Lid. III. Tr. II. Cap. II Dub. I. Res. Cas. I. Dub. IV. Res. Cas. 4, 5. Lib. IV. Cap. III. Dub. III. Art. I. Res. 2. Cas. 2. Dub. V. Res. 3. punct. 4. Dub. VI. Res. I. Res. 2. Res. 3. Dub. VII. Art. I. Res. I. Cas. 1, 2, 4. Art. II. Res. Gas. 1, 2, 3, 4, 5. Proposit. damnat. ab Innocent. XI, 2 Mart. 1679 № 25, 26, 27. Die Moral und Politik der Jesuiten v. Ellendorf. 1840, p. 43.

нообразныхъ подробностей и просится, такъ сказать, въ общую формулу. Всего легче выразить ее въ формѣ драматической:

Обвинители: Ваши отцы, такіе-то и такіе-то, позволили себѣ сдѣлать или сказать то и то.

Іезуиты: Это гнусная клевета, взведенная на насъ врагами Божіей церкви. Мы носимъ имя Іисусово и приносимъ безкровную жертву.

Обвинители: Однако, вотъ свидѣтельства и улики!

Іезуиты: Все это ложь и подлогъ; но мы принимаемъ это новое испытаніе съ любовью и смиреніемъ.

Обвинители: Однако, вотъ доказательства достовѣрности свидѣтельствъ и подлинности актовъ.

Іезуиты: Мы ничего объ этомъ не знаемъ и не слыхали.

Обвинители: Наведите справки и постарайтесь узнать.

Іезуиты: То, въ чемъ насъ обвиняютъ, невозможно и немыслимо, ибо положительно запрещено такими-то и такими-то статьями нашего Устава.

Обвинители: Можетъ быть! но въ такомъ случаѣ, вы поступили вопреки вашему Уставу, дозволивъ себѣ то и то.

Іезуиты: Если отцы такіе-то дѣйствительно позволили себѣ то, въ чемъ ихъ обвиняютъ, то это дурно.

Обвинители: Что дурно — мы знаемъ и безъ васъ, но не объ этомъ рѣчь. Мы спрашиваемъ васъ: сознаетесь ли вы въ томъ, что ваши отцы сдѣлали или сказали то и то?

Іезуиты: Если сдѣлали или сказали, то мы не одобряемъ.

Обвинители: Постарайтесь отбросить ваши *если* и отвѣтьте прямо на вопросъ: уличены ли ваши отцы или нѣтъ?

Іезуиты: Если они дѣйствительно погрѣшили отъ преизбытка усердія, то… и такъ далѣе, до утомленія противниковъ.

Между тѣмъ, въ самый разгаръ процесса, выпускается, чтобъ отвлечь вниманіе публики, какой-нибудь безъимянный пасквиль противъ главнаго обвинителя — средство дозволенное. Пасквиль этотъ проходитъ повидимому безслѣдно и цѣли

своей не достигаетъ; современники, знающіе всѣ обстоятельства дѣла и угадывающіе побужденія, не обращаютъ на него вниманія или отталкиваютъ его съ презрѣніемъ; но дѣйствіе его разсчитано на нѣсколько лѣтъ впередъ: авось либо хоть частица пущенной на вѣтеръ клеветы прилипнетъ къ ненавистному имени и вмѣстѣ съ нимъ перейдетъ въ потомство. Мало по малу, взаимное раздраженіе и участіе публики къ скандалезному процессу начинаетъ утихать; онъ оканчивается, обыкновенно, ничѣмъ, или почти ничѣмъ, то есть: двусмысленнымъ оправданіемъ съ оговорками, или условнымъ осужденіемъ, а иногда простымъ запретомъ толковать о предметѣ спора. Подробности и обстоятельства дѣла постепенно забываются, свидѣтели и очевидцы борьбы, одинъ за другимъ, вымираютъ; одинъ Орденъ не умираетъ и выжидаетъ благопріятной минуты. Лѣтъ черезъ двадцать или тридцать, выходитъ въ свѣтъ изъ его мастерской подробный разборъ и обстоятельное опроверженіе взведеннаго на него обвиненія. Обыкновенно, эта запоздалая апологія проходитъ безъ протеста и почти незамѣтно. Кому охота поднимать старое дѣло? Еще лѣтъ десять — и въ исторію Ордена заносится, что въ такомъ-то году, заклятые враги Іисусовы задумали погубить *маленькое общество* (hœc minima societas), гордящееся Его именемъ, взведя на него неслыханное обвиненіе; но правда взяла свое, и гнусная клевета была побѣдоносно обнаружена въ трудахъ такихъ-то и такихъ-то, никѣмъ не опровергнутыхъ членовъ Ордена.

Инерцію общественнаго мнѣнія съ одной стороны, неутомимое по немъ долбленіе съ другой, эти двѣ силы вы изслѣдовали, исчислили и примѣнили къ дѣлу какъ никто. Нельзя не сознаться, что стратегическіе ваши планы, главнѣйшимъ образомъ на нихъ основанные, часто оправдывались къ изумленію всѣхъ; но мнѣ кажется, что успѣхъ васъ избаловалъ. Подумайте сами, не слишкомъ ли многаго требуете вы отъ упругости вашихъ пружинъ и въ состояніи ли онѣ будутъ

выдержать тяжесть такихъ грузовъ, какъ напримѣръ увѣренія вашего, что Латинская церковь искони благоволила къ восточному обряду или, что Iезуиты никогда не проповѣдывали ученія объ оправданіи преступныхъ средствъ безгрѣшностью цѣлей?

Но объ этомъ послѣ; я невольно забѣжалъ впередъ и поспѣшаю обратиться назадъ къ вашему вопросу. Вамъ хочется непремѣнно, чтобъ мы подтвердили фактами наше мнѣніе объ Iезуитахъ и забрели въ область историческихъ сплетенъ; а мы думаемъ, что предпринимать въ Москвѣ ревизію старыхъ дѣлъ, производившихся въ Парижѣ, Римѣ и Пекинѣ, рѣшительно невозможно. Такимъ образомъ, повидимому, намъ приходится разойтись; недостаетъ общей для насъ почвы, гдѣ бы могли мы встрѣтиться хоть бы для спора. А хотѣлось бы найти ее... Выслушайте мое предложеніе.

Въ многосторонней дѣятельности Iезуитскаго Ордена ученіе идетъ параллельно съ приложеніемъ, теорія устанавливаетъ практику, практика объясняетъ теорію. Но о практикѣ, о томъ, что̀ дѣлали или чего не дѣлали Iезуиты, можно спорить до безконечности; гораздо легче отдать себѣ отчетъ въ томъ, чему они учили. Тутъ есть документы и доказательства неопровержимые, есть собственныя признанія—подписи сочинителей на ихъ твореніяхъ, пропуски цензоровъ, одобренія начальниковъ. Не хотите ли провѣрить обвиненія, лежащія на Iезуитахъ, справками съ ихъ ученіемъ? Вникнувъ въ мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно несравненно выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня; je vous fais la partie belle. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ краснорѣчиво и убѣдительно проповѣдуетъ добродѣтель—это еще не значитъ, чтобъ, въ жизни частной и общественной, онъ былъ иделомъ нравственности, и противъ такого скачка въ заключении отъ словъ къ дѣламъ, я имѣлъ бы полное право протестовать. Но я добровольно отъ него отказываюсь. Я заранѣе соглашаюсь признать, что Iезуиты-практики не хуже Iезуитовъ-теоретиковъ и что

первые, въ жизни, не позволяютъ тебѣ того, что̀ осуждаютъ вторые, съ каѳедры. Наоборотъ, вы конечно не затруднитесь признать, что жизненная практика, въ отношеніи нравственномъ, никакъ не можетъ быть ни выше, ни чище правилъ, выработанныхъ для ея руководства.

Посмотримъ, что̀ окажется.

Вы упоминаете между прочимъ въ вашемъ письмѣ, что редакторъ «Дня» уподобилъ общество, носящее имя Iисуса, шайкѣ *шулеровъ*. Первою моею мыслію было извиниться и взять это слово назадъ; но я призадумался. Мнѣ захотѣлось сперва порыться въ доступныхъ мнѣ богословскихъ учебникахъ вашего Ордена и посмотрѣть, не окажется ли въ нихъ чего-нибудь о карточной игрѣ. Въ нихъ вѣдь можно найти рѣшительно все. Отыскалось слѣдующее правило въ ученіи о вознагражденіи за обиды и о возвратѣ неправеднаго стяжанія: «не обязывается къ возврату выигрыша тотъ, кто прибѣгаетъ къ хитростямъ, допускаемымъ правилами игры и общепринятымъ: ибо обѣ стороны знаютъ, что такія хитрости употребляются и, слѣдовательно, напередъ соглашаются на нихъ. Поэтому, получивъ отличныя карты и увѣрившись въ выигрышѣ, можно поднять игру или притвориться боящимся проигрыша, чтобы побудить противника поднять игру; можно, получивъ дурныя карты, прикинуться довольнымъ и поднять игру, чтобъ заставить противника отступиться отъ заклада. Не надобно нарочно выбирать такого мѣста, съ котораго бы видны были карты противника; не годится также, за спиною противника, ставить товарища, который бы знаками объяснялъ его игру; но позволительно заглядывать въ чужія карты, не прибѣгая къ обману, когда самъ противникъ подаетъ къ тому поводъ своею неосторожностью; позволительно также продолжать игру, послѣ того какъ глазъ научился различать карты по крапу, если только это познаніе пріобрѣтено во время самой игры и если карты не были до начала игры помѣчены и опознаны».

«Не должно играть въ запрещенныя закономъ и азартныя игры (напр. въ кости) мірянамъ — подъ страхомъ простительнаго грѣха, а духовнымъ, подъ страхомъ смертнаго; конечно, это разумѣется въ томъ смыслѣ, что духовный не долженъ въ этого рода игры играть *часто и по дому*, но запрещеніе не распространяется на кратковременную игру, забавы ради, если притомъ нѣтъ повода къ соблазну: ибо церковныя правила, это воспрещающія, принимаются, какъ кажется, только въ видахъ предупрежденія соблазна и т. д. Играть и ставить, какъ закладъ игры, обязанность, для проигравшаго, прочесть псаломъ или Молитву Господню, не считается ни грѣхомъ, ни оскорбленіемъ святыни (ludere pro psalmo vel oratione Dominica recitanda, non est peccatum nec irreverentia)». — Это, вѣроятно, спеціальное правило для тѣхъ изъ членовъ общества Іисусова, которые приносятъ безкровную жертву.

«Кто обыграетъ другаго въ запрещенную игру, тотъ, по правдоподобному ученію, не обязывается къ возврату выигрыша прежде чѣмъ состоится о томъ судебное рѣшеніе; ибо законъ не упраздняетъ силы уговора (quia jura non annulant contractum) и не мѣшаетъ пріобрѣтенію владѣнія (nec impediunt acquisitionem dominii), но только предоставляетъ другой сторонѣ возможность требовать возврата. Спрашивается при этомъ: обязанъ ли проигравшій въ запрещенную игру уплатить проигрышъ? Нѣкоторые учители утверждаютъ, что обязанъ, другіе утверждаютъ противное». Слѣдовательно и то и другое правдоподобно и можетъ быть принято въ руководство ([13]).

Сказать, на основаніи выписанныхъ параграфовъ, что Іезуитскіе богословы положительно разрѣшаютъ шулерство, было бы натяжкою; но, признаюсь, по прочтеніи ихъ, я не

([13]) Herm. Busenb. Medul. Th. moral Lib. III. Tr. V. Cap. III. Dub. XIII. Res Cas. 9, 13, 14, 15.

сѣлъ бы играть въ карты съ ученымъ преподавателемъ, который для этихъ правилъ нашелъ мѣсто въ своемъ курсѣ нравственнаго Богословія, и не пожелалъ бы видѣть его въ клубѣ, въ которомъ бы я былъ членомъ.

Перейдемъ къ другому предмету.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ, производилось многосложное дѣло по обвиненіямъ, которыя навлекли на себя Іезуитскіе миссіонеры въ Индіи, Китаѣ и Японіи. Не еретики и не схизматики, а правовѣрные Латинцы, монахи Августинскаго, Доминиканскаго, Капуцинскаго и другихъ Орденовъ, прелаты и папскіе легаты, бывшіе на мѣстахъ, уличали ихъ въ разнаго рода отступничествахъ отъ Христовой вѣры. Утверждали, между прочимъ, что Іезуиты передѣлывали обряды Латинской церкви на языческій ладъ, разрѣшали мнимообращеннымъ въ христіанство разные виды идолослуженія, подъ условіемъ оговаривать про себя, что поклоненіе относится къ истинному Богу ([14]), наконецъ, что сами миссіонеры подделывались подъ наружный видъ и обычаи жрецовъ, выдавая себя за браминовъ, бонзовъ и мандариновъ. Все это было доказано на столько разумѣется, на сколько вообще можетъ быть доказано что нибудь, когда споръ завязывается между Латинскими монашескими Орденами, когда всякій призванный къ дознанію правды, непремѣнно заподозрѣвается тою или другою стороною въ пристрастіи, когда дѣло, подлежащее

([14]) Вотъ одинъ изъ курьезнѣйшихъ образчиковъ этой продѣлки. Въ Индіи существовалъ обычай вѣнчать малолѣтнихъ; для этого, невѣстѣ надѣвалось на шею, привязанное къ снурку, изображеніе языческаго божества, *Пиллеара*, Индійскаго Пріапа. Іезуиты все это разрѣшали новообращеннымъ, какъ невинный обрядъ; но кардиналъ, папскій легатъ, Турнонъ взглянулъ на дѣло иначе и строго запретилъ какъ ранніе браки, такъ и ношеніе Пиллеара. Тогда Іезуиты прибѣгли къ хитрости, сохранивъ неблагопристойное изображеніе языческаго божества, они стали придѣлывать къ нему маленькіе, едва примѣтные крестики. Въ такомъ видѣ, это изображеніе представляетъ самый вѣрный символъ всей Апостольской дѣятельности послѣдователей Лойолы Фактъ засвидѣтельствованъ, между прочими, папскимъ викаріемъ, епископомъ Розалійскимъ. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. 2, p. 60.

изслѣдованію, происходитъ въ отдаленныхъ странахъ и, какъ бы въ другомъ мірѣ, наконецъ и особенно — когда примѣшивается къ нему Іезуитскій интересъ.

Благочестивые ученики Лойолы отписывались, прятались за Китайскимъ Императоромъ отъ ватиканскихъ громовъ, клеветали на своихъ обличителей и, конечно, ни въ чемъ не сознавались. Папы, чувствуя свое безсиліе, вздыхали, хитрили съ обѣими сторонами, наряжали слѣдствіе за слѣдствіемъ и издавали декреты то въ осужденіе, то въ очистку Іезуитовъ.

Какъ теперь разобрать правду? Вы, разумѣется, убѣждены, что Іезуиты невинны какъ голуби; я убѣжденъ въ противномъ, и, какъ присяжный, не задумался бы ни минуты обвинить ихъ: но знаете ли что, въ моихъ глазахъ, неопровержимо свидѣтельствуетъ о несомнѣнности кощунственнаго маскарада, въ которомъ ихъ обвиняли? — Это тѣ хитрости и уловки, къ которымъ они сами прибѣгали, чтобъ оправдать себя и стушевать черту, разграничивающую преступное отреченіе отъ символовъ своей вѣры съ безгрѣшнымъ усвоеніемъ чужеземныхъ обычаевъ.

Вотъ что мы читаемъ объ этомъ предметѣ у автора, неоднократно уже цитованнаго.

Онъ самъ возбуждаетъ щекотливый вопросъ: «можно ли, когда либо, какимъ либо внѣшнимъ доказательствомъ, для виду (exterius), отрекаться отъ истинной вѣры (fidem veram negare) или исповѣдывать ложную?» и отвѣчаетъ очень рѣшительно: «ни въ какомъ случаѣ, ни словомъ, ни какимъ либо инымъ знакомъ». Но послушайте, что за этимъ слѣдуетъ: «конечно, нельзя лгать на себя, нельзя даже подавать вида будто мы признаемъ то, чего нѣтъ (simulare quod non est); но можно, для вида, утаивать то, что есть (dissimulare quod est) или прикрывать истину словами (tegere veritatem verbis) или иными знаками, двусмысленными и по себѣ безразличными (signis ambiguis et indifferentibus), разумѣется ради закон-

ной причины и когда нѣтъ необходимости въ признаніи.» Въ Японіи и Китаѣ была причина, по мнѣнію Іезуитовъ, не только законная, но даже богоугодная; нужно было избѣгнуть столкновенія съ понятіями язычниковъ и пріучить ихъ, мало по малу, къ мысли, что между ихъ вѣрою и христіанствомъ нѣтъ большой разницы.

Къ числу позволительныхъ способовъ прикрытія истины, ученый Бузенбаумъ не относитъ «ношенія одежды и знаковъ служащихъ у невѣрныхъ *единственно* и *исключительно* внѣшними оказательствами или признаками ложной вѣры или ложнаго богослуженія (signa professiva falsæ religionis seu cultus); таковы, на примѣръ, одѣянія, употребляемыя при жертвоприношеніяхъ, зажиганіе ладона, куреніе (incessio thuris), колѣнопреклоненіе передъ идолами, пріобщеніе вмѣстѣ съ еретиками. Но, когда есть достаточная на то причина, напр. когда это нужно, чтобъ избѣгнуть важной опасности, одержать побѣду, обмануть врага, позволительно облекаться въ языческія одежды и знаки, употребляемые для другихъ цѣлей, а не для заявленія вѣры и составляющіе такую отличительную принадлежность не религіи, а націи, которая могла бы остаться въ употребленіи и по обращеніи язычниковъ въ христіанство, какъ напр. одежды и знаки Турокъ. Тоже самое можно примѣнить и къ одеждѣ духовныхъ, лишь бы она не имѣла значенія специіальнаго признака исповѣданія лжеученія, а составляла бы только принадлежность торжественнѣйшаго богослуженія (dummodo non habeant peculiare signum profitendi erroris, sed sint tantum indicium nitidioris cultus), какъ напр. облаченіе пасторовъ въ Германіи, или отличительную особенность высшаго званія въ кругу своихъ, *какъ напр. ризы бонзовъ въ Японіи* и т. д.. Мнѣніе это, заключаетъ авторъ, правдоподобно» ([15]).

([15]) Herm. Busen. Ibid. Lib. II. Tr. I. Cap. III. Resp. Cas. 8, 9.

Понятно, какой просторъ оно давало миссіонерамъ. Готовый отвѣтъ и благовидная отговорка припасены были на все. Легко ли было, послѣ этого, высмотрѣть изъ Рима: во что именно наряжались благочестивые Отцы въ Китаѣ и что творили они въ Японіи и Индіи? Прикидывались ли язычниками, или только приспособлялись къ мѣстному климату и народнымъ обычаямъ? Пусть бы попытались доказать, что они не ограничивались утайкою того, что было, а заявляли то, чего не было, или, что тотъ или другой обрядъ, ими допущенный, служилъ символомъ язычества, а не невинною принадлежностью торжественнаго богослуженія, отличіемъ жреческой касты, а не Японской знати? Выписанныя статьи напоминаютъ извѣстное предложеніе дальновиднаго чиновника: карайте безпощадно взятки, но къ чему же стѣснять благодарность? (16)

Я привелъ, по вопросу о богослужебныхъ обрядахъ, ученіе одного изъ умѣренныхъ и осторожнѣйшихъ Іезуитовъ; другіе, болѣе смѣлые, высказываютъ мысль искусно имъ замаскированную, гораздо рѣшительнѣе. На вопросъ: можно ли употреблять *богослужебное* облаченіе ложной религіи?— Санчезъ отвѣчаетъ утвердительно, присовокупляя, что назначеніе всякой одежды вообще, прикрывать тѣло и потому, въ этихъ видахъ, можно ею пользоваться, не обращая вниманія на соблазнъ. Того же мнѣнія придерживается и Эскобаръ. Онъ же ставитъ вопросъ: позволительно-ли принимать участіе въ суевѣрныхъ обрядахъ ложной вѣры, не съ тѣмъ, чтобы внутренно пріобщаться къ ней, но съ другою цѣлью, особенно если свойство этихъ обрядовъ таково, что можно *отвлечь отъ нихъ ихъ богослужебное значеніе*, избѣжать соблазна и не запятнать, въ самомъ себѣ, чистоты вѣроисповѣданія? Оказывается, что и это допускалось нѣкоторыми учителями, хотя мнѣніе ихъ осуждено инквизиціонною конгрегаціею (17). Послѣ этого, можно ли не повѣрить свидѣтелямъ, повѣствующимъ, что Іезуитскіе миссіонеры, въ видахъ сближенія съ Китайцами, поклонялись вмѣстѣ съ ними Конфуцію, приставляя, для очистки своей совѣсти, распятіе къ его изображенію?

(16) По поводу всего написаннаго Іезуитами для защиты суевѣрій, которымъ они покровительствовали въ Китаѣ, епископъ Людовикъ де-Сисе, Японскій викарій писалъ имъ: "quand je vois comment vous défendez votre cause, qu' on n'apercoit rien de simple, de rond, de net, dans votre procédé, que vous relevez des bagatelles et passez pardessus ce qui est essentiel, que le double sens même est mis en usage... quand je vois enfin que dans une affaire qui est toute de Dieu, vous agissez comme dans un mauvais procés où la subtilité, les detours et la faveur peuvent l'emporter etc. je ne puis que me renfermer dans le gemissement et dans les larmes. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée T. 2. p. 102—103.

Іезуитамъ издавна, съ XVI вѣка, приписывалось особенное мастерство въ ловлѣ крупныхъ наслѣдствъ, еще большее чѣмъ въ ловлѣ душъ. Ходила молва о тайныхъ проискахъ, къ которымъ они прибѣгали для устраненія прямыхъ наслѣдниковъ и подорванія ихъ правъ; увѣряли даже, что суммы, предназначаемыя завѣщателями на разныя богоугодныя дѣла и для раздачи бѣднымъ, попавъ въ руки Іезуитовъ-душеприкащиковъ, въ нихъ и оставались. Тѣ же слухи ходятъ и теперь въ Бельгіи и Швейцаріи, конечно не въ Іезуитскихъ домахъ; я въ этомъ убѣдился во время моего недавняго путешествія. Гдѣ намъ отсюда разбирать на сколько тутъ правды и на сколько лжи? Мы можемъ только навести справку въ ученіи Іезуитовъ о наслѣдствахъ, и тогда намъ удастся, можетъ быть, уяснить себѣ до какой степени Іезуитская совѣсть разборчива на этого рода дѣла.

По справкѣ оказывается слѣдующее: казуисты Ордена очень основательно и подробно изслѣдовали вопросъ о томъ, дѣйствительно ли завѣщаніе, въ которомъ не соблюдены формальности, требуемыя гражданскимъ закономъ? Они даютъ на него двоякій отвѣтъ: по закону и по совѣсти. Для

(17) Ellendorf, p. 216,217.

насъ, разумѣется, важенъ только послѣдній отвѣтъ, какъ свидѣтельство Іезуитской совѣсти. Вотъ что она гласитъ: «если завѣщаніе составлено на предметы богоугодные (то есть въ пользу церквей, монастырей, молитвенныхъ домовъ, училищъ, содержимыхъ монашескими Орденами и т. д.) то, хотя бы составитель его и не назначилъ по себѣ наслѣдника ([18]), хотя бы завѣщаніе, за послѣдовавшею смертью, осталось не законченнымъ, для убѣжденія въ дѣйствительности статей, касающихся богоугодныхъ назначеній, достаточно одной подписи завѣщателя, даже знака поданнаго имъ головою или инымъ способомъ (nutum vel aliud signum), хотя бы и безъ свидѣтелей; наконецъ завѣщаніемъ, составленнымъ на предметы богоугодные, хотя бы безъ соблюденія установленныхъ формальностей, отмѣняется всякое другое, даже формальное, хотя бы въ не формальномъ и не упоминалось о формальномъ». И такъ, совѣсть не придаетъ важности требованіямъ гражданскаго закона и не стѣсняется ими въ своихъ приговорахъ. Это понятно. Но затѣмъ возникаетъ другой вопросъ: если въ завѣщаніи, по гражданскому закону недѣйствительномъ, кромѣ статей на богоугодные предметы, есть еще отказы въ пользу мірянъ и на мірскіе предметы (legata profana), то считать ли, по совѣсти, эти отказы обязательными наравнѣ съ статьями перваго рода? Къ немалому удивленію оказывается, что на этомъ вопросѣ ученые авторитеты Ордена между собою расходятся, совѣсть ихъ какъ будто мутится и теряетъ свою ясность, какъ скоро интересъ Ордена отходитъ на задній планъ. Одни утверждаютъ дѣйствительность отказовъ въ пользу мірянъ, другіе отрицаютъ. То и другое мнѣніе, будучи

([18]) По общему правилу, прямое назначеніе наслѣдника, directa hoeredis institutio, считается необходимою принадлежностью *завѣщанія*, которою оно отличается отъ *отказа* (legatum) и отъ дополнительной статьи (codicillum). Herm. Busen. Medul. Th. Mor. L. III. Tr. V C. IV. D. II. R.

основано на соображеніяхъ полновѣсныхъ и поддержано надежными авторитетами, считается правдоподобнымъ и, какъ руководство на практикѣ, для совѣсти безопаснымъ. Предположимъ, что по одному и тому же духовному завѣщанію, покойникъ, статьею 3-ею, назначилъ капиталъ на устройство Іезуитской коллегіи, а статьею 4-ою пенсію бѣдному своему родственнику; по Іезуитской совѣсти, должно доказывать дѣйствительность статьи 3-ей, хотя завѣщаніе составлено безъ соблюденія законныхъ условій, и можно оспоривать дѣйствительность статьи 4-ой, ради несоблюденія этихъ условій.

Можетъ быть, читатели возразятъ, что каковы бы ни были мнѣнія Іезуитскихъ казуистовъ, они, на практикѣ, не имѣютъ значенія, такъ какъ, въ случаѣ спора, вопросъ о силѣ той или другой статьи разрѣшится судомъ, на основаніи гражданскаго уложенія, а не на основаніи богословскихъ тезисовъ. Къ счастію, это такъ; но не спѣшите выводомъ о безвредности Іезуитскихъ толкованій. Не забывайте, что ими руководствуются духовники въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти; а совѣсть, все таки, главная узда, сдерживающая страсти и своекорыстные разсчеты. Чего жъ ожидать, если учитель богословія или духовникъ, основываясь на своихъ авторитетахъ, разрѣшитъ ввѣрившейся ему совѣсти идти наперекоръ гражданскому закону? А такой случай возможенъ, да онъ и предусмотрѣнъ и напередъ оправданъ. Послушайте: «если завѣщаніе, за несоблюденіемъ законныхъ формальностей, признано будетъ недѣйствительнымъ, и наслѣдникъ по закону, вступивъ во владѣніе, не захочетъ добровольно исполнить волю завѣщателя (для него не обязательную) относительно упомянутыхъ въ завѣщаніи отказовъ, то лица, въ пользу которыхъ они были сдѣланы, могутъ вознаградить себя украдкою (possunt uti occulta compensatione) изъ наслѣдства, ибо то, что̀ имъ отказано, по истинѣ, имъ принадлежитъ». — Попросту: люди,

носящіе имя Інсусово и преподающіе нравственное богословіе, разрѣшаютъ обкрадывать законныхъ наслѣдниковъ. Неужели вы этого не знали? Или вы надѣялись, что мы не знали и что «День», при первомъ спросѣ, отступится отъ своихъ словъ, въ которыхъ онъ сопоставилъ Іазуитовъ съ ворами?

Надобно еще замѣтить, что послѣдняя выписанная статья, въ системѣ нравственныхъ обязанностей, стоитъ не изолированно; это не болѣе какъ строгое примѣненіе къ наслѣдствамъ и завѣщаніямъ слѣдующаго общаго правила.

На вопросъ: обязателенъ ли для совѣсти несправедливый судебный приговоръ? Дается слѣдующій отвѣтъ: «приговоръ, несправедливый по существу или только незаконный по формѣ и по несоблюденію правилъ судопроизводства, не имѣетъ для совѣсти никакой обязательной силы; обиженная имъ сторона не теряетъ своего права и можетъ, не прибѣгая даже къ апелляціи, добывать ей принадлежащее, избѣгая лишь соблазна». Но законъ гражданскій рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе, а потому: «тотъ, чье имущество, въ силу судебнаго рѣшенія, явно не справедливаго, присуждено другому, можетъ удовлетворить себя тайнымъ самовознагражденіемъ (per occultam compensationem se recipere)», то есть— воровски отнять отсужденное отъ него.

«Всякій договоръ или даръ, имѣющій предметомъ ожидаемое, еще неоткрывшееся наслѣдство, не дѣйствителенъ; ибо подобныя сдѣлки ненавистны и опасны, какъ поводы къ покушеніямъ на жизнь владѣльцевъ, послѣ которыхъ ожидается наслѣдство; но изъ этого общаго правила допускаются исключенія, между прочимъ: когда отреченіе отъ ожидаемаго наслѣдства дѣлается въ пользу общины или коллегіи. Въ этомъ случаѣ, не требуется даже согласія того лица, чье имущество жертвуется, ибо здѣсь нѣтъ повода не только опасаться преступныхъ покушеній на его жизнь, но даже подозрѣвать этого».

Въ какой мѣрѣ ученіемъ самихъ Іезуитовъ оправдывается это смѣлое заявленіе, мы увидимъ далѣе, а теперь посмотримъ, какъ понимаютъ они обязанности душеприкащиковъ.

«Если, по завѣщанію, душеприкащику изъ монаховъ (Іезуитъ также можетъ быть душеприкащикомъ съ разрѣшенія своего генерала) ввѣрена сумма, назначенная на богоугодныя дѣла вообще (т. е. безъ ближайшаго опредѣленія), то онъ можетъ употребить ее на свой монастырь».

«Если душеприкащику (какого бы званія онъ ни былъ) ввѣрена сумма для раздачи бѣднымъ, то онъ не обязанъ раздать ее бѣднѣйшимъ, но можетъ употребить ее въ пользу больницъ, нуждающихся церквей, монастырей или частныхъ лицъ, которымъ ихъ средства не позволяютъ жить прилично своему званію, будь они ремесленники или высшаго сословія лица, даже дворяне, если только нѣтъ доказательствъ, что такое распоряженіе было бы рѣшительно несогласно съ волею завѣщателя. Мало того, душеприкащикъ можетъ обратить сумму, предназначенную на бѣдныхъ, въ пользу своихъ родственниковъ и даже въ свою собственную, если онъ и они дѣйствительно бѣдны и если стѣсненное ихъ положеніе не было извѣстно завѣщателю, ибо предполагается въ такомъ случаѣ, что будь оно ему извѣстно, онъ навѣрное отказалъ бы имъ что нибудь» ([13]).

Воля ваша, все это хитро, подозрительно, нечисто, и я начинаю понимать, отчего женѣ и дѣтямъ становится жутко, когда люди присвоившіе себѣ имя Інсусово, пронюхавъ жирвое наслѣдство и смигнувшись между собою, начинаютъ подползать къ постели больнаго мужа или отца и обвѣшинать его своими образками и четками.

([13]) Herm. Busen. Med. Th. mor. Lib. III. Tr. V. C. IV. Dub. II. Res. I. Res. 2.. Quæst. R. I. R. 4. C. 3. Dub. III. R. 3. excep. 2 Dub. VI. Quæst. I. Res. 3. Quæst. I. Res. Quæst. 2. R. 2

Кстати о завѣщаніяхъ. Въ прошломъ году, въ Брюсселѣ, передъ судомъ присяжныхъ, производилось дѣло, обратившее на себя всеобщее вниманіе и доселѣ всѣмъ памятное въ Бельгіи. Я повторю вкратцѣ обстоятельства его.

Жилъ въ Антверпенѣ, на покоѣ, нѣкто де-Бой, несмѣтно богатый, бездѣтный купецъ, щедрою рукою раздававшій милостыню. Съ родственниками своими онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, доставлялъ имъ занятія и, обыкновенно, черезъ нихъ, помогалъ бѣднымъ. Іезуиты сообразили, что отъ него можетъ быть пожива и дружно взялись за дѣло. Подкравшись къ старику и войдя къ нему въ довѣренность, они, прежде всего, разобщили его со всѣми его родственниками, уговорили его прекратить всякія съ ними сношенія, словомъ—взяли его подъ караулъ. Въ числѣ упомянутыхъ родственниковъ, былъ одинъ по имени Бенедиктъ де-Букъ, племянникъ де-Боя, человѣкъ рано замотавшійся, бывшій не разъ подъ судомъ, сидѣвшій въ разныхъ тюрьмахъ и, наконецъ, попавшій на 9 лѣтъ въ Тулонъ, на каторгу. Іезуиты зорко за нимъ слѣдили; подъ предлогомъ нравственнаго его исправленія, они взяли его на свое попеченіе и окончательно очернили его въ глазахъ стараго дяди. Такимъ образомъ, были приняты всѣ нужныя мѣры для устраненія соперниковъ, и дѣло, правильнымъ ходомъ, пошло къ развязкѣ. Въ 1850 году умеръ де-Бой; Іезуиты, не отходившіе отъ него до послѣдней минуты, вышли изъ дому, когда онъ закрылъ глаза, и, проходя мимо прислуги, указали ей на свои молитвенники, говоря: «вы видите, кромѣ нашихъ книгъ, мы ничего не выносимъ изъ дому». Черезъ нѣсколько дней, оказалось духовное завѣщаніе, по которому покойникъ передалъ почти все свое состояніе какому то адвокату, подставному лицу, съ которымъ онъ въ первый разъ познакомился за нѣсколько дней до своей смерти, а адвокатъ этотъ, немедленно, пожертвовалъ все наслѣдство въ руки Іезуитовъ, на постройку коллегіи. Родственникамъ покойнаго, за исключеніемъ Бенедикта, оставлены были сравнительно незначительныя суммы, при томъ съ оговоркою, что они лишатся ихъ безусловно, если позволятъ себѣ оспоривать силу завѣщанія.

Все казалось улаженнымъ, но Іезуиты издавна предусматривали, что неугомонный и обиженный Бенедиктъ, которому нечего было терять, не оставитъ ихъ въ покоѣ. Противъ него, заблаговременно, было придумано слѣдующее средство. Отецъ Лоаръ, настоятель одного изъ Іезуитскихъ домовъ въ Бельгіи, вкравшійся въ душу стараго де-Боя и нѣкоторое время игравшій роль посредника между нимъ и его племянникомъ, успѣлъ увѣрить послѣдняго, что желаетъ ему добра и готовъ за него заступиться; подъ этимъ предлогомъ, онъ выманилъ у него подробную, письменную исповѣдь, въ которой безмозглый Бенедиктъ, не высмотрѣвъ ловушки, подробно изложилъ всѣ свои преступленія и проступки. Имѣя въ рукахъ такое оружіе, Іезуиты могли не бояться его; но, избѣгая скандала, они все таки щадили его и пытались нѣсколько разъ ублажать его незначительными денежными ссудами; пытались также запутать его; однако, онъ ни на что не подался и явно высказалъ свое намѣреніе начать искъ, какъ скоро минетъ срокъ его заключенія.

Тогда, чтобъ отдѣлаться отъ него окончательно, Іезуиты представили въ судъ письмо, по ихъ увѣренію Бенедиктомъ писанное, въ которомъ онъ угрожалъ убійствомъ провинціалу Боссерту и другимъ членамъ Ордена; но Бенедиктъ объявилъ, что письмо это было поддѣлано самими Іезуитами и что, для составленія его, они воспользовались другимъ его письмомъ, писаннымъ изъ тюрьмы, которое не дошло по назначенію, а попало въ ихъ руки и ими было вскрыто. Тогда же пущена была въ ходъ и письменная исповѣдь: отецъ Лоаръ, выманившій ее у Бенедикта, самъ же предъявилъ ее къ дѣлу, съ приложеніемъ письма, при которомъ она была ему доставлена.

Въ началѣ письма значилось: «я хочу исповѣдать передъ вами грѣхи мои за послѣднія 7 лѣтъ».

На допросѣ адвокатъ Бенедикта спросилъ между прочимъ Іезуита Гессельса:

— Полагаете ли вы, что духовное лицо можетъ выдать тайну, ввѣренную ему на исповѣди?

— Никогда.

— А если исповѣдь письменная?

— О! это совсѣмъ иное дѣло.

— Ну, а если въ письменной исповѣди положительно требуется тайна, не должна ли она быть соблюдаема?

— Да, если это было условлено.

Послѣ долгихъ преній, присяжные признали Бенедикта невиннымъ. Можетъ быть, они и ошиблись; ибо, хотя многія обстоятельства указывали на подлогъ со стороны Іезуитовъ, однако прежняя жизнь обвиненнаго говорила не въ его пользу. Но для меня, въ этомъ дѣлѣ, важно вотъ что: изъ всѣхъ продѣлокъ, въ которыхъ обвинялись Іезуиты, нѣтъ ни одной, которая бы не была предусмотрѣна и оправдана ихъ ученіемъ; каждый шагъ ихъ, каждый поступокъ, каждое слово, есть не болѣе какъ самое точное примѣненіе правилъ, прямо взятыхъ изъ Богословскихъ учебниковъ Ордена. Прошу васъ припомнить главные пункты обвиненія.

1) Іезуиты воспользовались своимъ вліяніемъ, чтобъ перебить у законныхъ наслѣдниковъ состояніе ихъ родственника.

2) Они взвели клевету на человѣка, который могъ нанести имъ матеріальный ущербъ и повредить ихъ репутаціи.

3) Они перехватили чужое письмо.

4) Они огласили исповѣдь.

Теперь я приведу справки изъ Іезуитскихъ учебниковъ по каждому пункту и въ томъ же порядкѣ.

По первому пункту.

«Кто, не употребляя насилія, обмана и клеветы, отклоняетъ другаго отъ заявленнаго имъ намѣренія дать третьему лицу

что либо такое, на что, по закону, это лицо не имѣетъ права помимо доброй воли жертвователя, напр. долю въ наслѣдствѣ, тотъ, хотя можетъ быть и грѣшитъ, если дѣйствуетъ изъ ненависти къ лицу, или въ виду какой либо другой цѣли, но не обязывается къ вознагражденію. Кто прибѣгаетъ для этого къ насилію, обману или клеветѣ, обязывается вознаградить понесшаго ущербъ, по приговору сторонняго, разсудительнаго мужа (viri prudentis). Призванный къ опредѣленію такого вознагражденія, обязанъ сообразить, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ можно считать несомнѣннымъ или вѣроятнымъ, что понесшій ущербъ получилъ бы ожидаемое (напр. долю въ наслѣдствѣ), еслибы не встрѣтилъ противодѣйствія; во-вторыхъ, достоинъ ли онъ вознагражденія, ибо, если окажется недостойнымъ, то никакого вознагражденія въ его пользу не полагается, развѣ только за опороченіе его репутаціи, если она въ чемъ либо пострадала» ([20]).

Въ дѣлѣ де-Боя, Іезуиты преслѣдовали цѣль не только не злостную, но, по ихъ понятіямъ, богоугодную: нужно было забрать въ руки Ордена капиталъ для усиленія его дѣятельности на пользу ближняго и во славу Божію: слѣдовательно, грѣха не было. Далѣе, можно было, не прибѣгая къ насилію, прямому обману и явной клеветѣ, разлучить стараго де-Боя съ его родственниками и склонить его сочувствія и заботы въ другую сторону; для этого, достаточно было держать передъ его глазами распутную жизнь его племянника и твердить ему ежечасно (какъ это и дѣлалось по свидѣтельству многихъ опрошенныхъ лицъ), что, въ рукахъ его прямыхъ наслѣдниковъ, накопленное имъ состояніе въ прокъ не пойдетъ, и что отвѣтственность за это ляжетъ на его душу. Наконецъ, увѣрить себя, что Бенедиктъ де-Букъ не стоилъ вознагражденія, было еще легче. Вся статья, писанная въ

———

([20]) Herm. Busen. Med. Th. Mor. L. III. Tr. V. C. II. D. IV. R. C. 2, 3.

XVII вѣкѣ, какъ будо нарочно придумана была на этотъ случай.

По второму пункту:

«Простительно подрывать ложнымъ обвиненіемъ въ какомъ бы то ни было преступленіи (falso crimine elidere) авторитетъ человѣка, насъ опорочивающаго (detrahentis) и тѣмъ наносящаго намъ вредъ».

«Правдоподобно, что не грѣшитъ смертно тотъ, кто взваливаетъ на другаго ложное обвиненіе въ преступленіи, для защиты своей правоты (justitiam) и своей чести. Если это не правдоподобно, то едва ли, во всемъ Богословіи, останется какое-нибудь правдоподобное мнѣніе (et si hoc non sit probabile, vix ulla erit opinio probabilis in theologia)».

Надобно сказать, что Іезуиты, въ дѣлѣ де-Боя, поступили даже человѣколюбиво и снисходительно съ Бенедиктомъ де-Букомъ; ибо, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ ихъ ученыхъ богослововъ, какъ скоро онъ обнаружилъ явное намѣреніе оттянуть у нихъ наслѣдство, они имѣли бы право просто убить его. Конечно, осторожнѣе было, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, ограничиться клеветою; но вотъ какъ судили объ этомъ опытные и надежные руководители душъ:

«Разрѣшается прибѣгать къ убійству для защиты (defendere defensione occisiva) не только того, чѣмъ мы дѣйствительно владѣемъ, но и того, на что мы предъявили свое право или что надѣемся пріобрѣсти».

«Къ тому же способу можетъ прибѣгать для защиты своего права и тотъ, кому, по завѣщанію, предназначено наслѣдство или сдѣланъ отказъ (legatum), то есть: онъ можетъ убить всякого, кто сталъ бы воздвигать ему незаконныя препятствія къ пріобрѣтенію наслѣдства или къ полученію отказанной суммы» и т. д. ([21])

([21]) Prop. dam. ab. Innoc. XI. 2 Mart. 1679. №№ 32, 33, 43, 44.

Правда, папа Иннокентій XI нашелъ, что это уже слишкомъ и осудилъ приведенныя положенія; но закваска осталась въ школѣ казуистовъ Ордена; отъ уцѣлѣвшаго корня пошли новые отпрыски ([22]).

По третьему пункту:

«Вскрывать и читать чужія письма вовсе не грѣхъ, если прибѣгающій къ этому подозрѣваетъ, что они писаны въ видахъ нанесенія ему несправедливаго ущерба или обиды (injustum damnum vel injuriam), которую онъ хочетъ отвратить отъ себя: ибо всякому дозволяется заботиться о себѣ».

«Не грѣхъ также вскрывать письма, когда это нужно для отвращенія обиды, угрожающей другому; но, въ этомъ случаѣ, не должно читать болѣе того, что̀ необходимо нужно для достиженія этой цѣли».

По четвертому пункту:

«Исповѣдь должна быть словесная; въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ, по нуждѣ, допускается письменная: кто, внѣ этихъ случаевъ, исповѣдуется письменно, тотъ грѣшитъ смертно и не получаетъ отпущенія».

«*Печатью исповѣди* (sigillum confessionis) называется строжайшая, Божественнымъ закономъ установленная обязанность держать въ тайнѣ все *сказанное* на исповѣди, то есть *въ порядкѣ, установленномъ для таинства отпущенія грѣховъ* (dicta in confessione, id est, in ordine ad absolutionem sacramentalem)».

«Обязанность эта не распространяется ни на притворную исповѣдь (ficte factam), напр. сдѣланную, чтобъ обокрасть или обмануть (ad furandum, illudendum etc.), ни на то, что̀ повѣдано *не на исповѣди* (extra confessionem), *хотя и подъ печатью исповѣди* (sub sigillo confessionis); въ послѣднемъ случаѣ, на принявшаго признаніе ложится лишь *естественная* обязанность

([22]) Въ слѣдующемъ письмѣ я докажу примѣрами, какъ мало Іезуиты стѣснялись декретами Римскихъ первосвященниковъ.

держать тайну (obligatio secreti naturalis), и важность этой обязанности обусловливается лишь бо́льшею или меньшею важностью повѣданнаго».

«Кто, клятвенно обѣщавъ соблюсти повѣданную ему тайну, обнаруживаетъ ее, не считается клятвопреступникомъ, если тайна не можетъ быть сохранена безъ важнаго вреда для того, кому она была ввѣрена *или для другаго лица:* ибо, кажется, что самое обѣщаніе тайны вяжетъ всегда только подъ условіемъ ея безвредности» ([23]).

«Не обязывается къ соблюденію своего обѣщанія тотъ, кто, давая его, на самомъ дѣлѣ, не имѣлъ намѣренія обязываться къ исполненію его; да и едва ли можно, въ комъ либо, предполагать такое намѣреніе, если обѣщаніе не было подкрѣплено клятвою или формальнымъ контрактомъ. Обыкновенно, когда люди говорятъ: «я это сдѣлаю», то подразумѣваютъ: «сдѣлаю, буде не перемѣню своего намѣренія».

Отецъ Лоаръ, какъ оказывается, твердо изучилъ своихъ богослововъ; онъ выманилъ исповѣдь *письменную* ([24]), то есть: простое признаніе; выгородилъ при этомъ свою нравственную отвѣтственность, заявивъ, что оно показалось ему *не правдивымъ, а исполненнымъ выдумокъ и похвальбы въ небывалыхъ преступленіяхъ;* наконецъ, хотя бы онъ и поклялся не выдавать открывшаго передъ нимъ свою душу, онъ все-таки могъ, по своей Іезуитской совѣсти, считать себя въ правѣ не держать клятвы, ибо намѣренія, заявленныя де-Букомъ, могли повредить не только самому отцу Лоару, но и цѣлому Ордену.

([23]) Herm. Busen. Med. Th. Mor. L. V. C. III. D. II. R. 2. 6. C. 1, 4, L. VI. Tr. IV. C. III. R. I. C. 2. C. I. D. III. Art. III. R. Cond. 1. L. III. Tr. II. C. II. D. V, R. 2. C. 4. Ellendorf. p 44, 45.

([24]) Замѣчательно, что Іезуиты же, первые, въ самомъ началѣ XVII вѣка, пытались ввести письменную исповѣдь; папа Климентъ VIII строго осудилъ это нововведеніе. Hist. des. Jés. par l'abbé Guettée. T. I, p. 475.

Не вдаваясь въ изслѣдованіе факта и оставляя на отвѣтственности бельгійскихъ присяжныхъ произнесенный ими очистительный приговоръ, я прихожу къ тому заключенію, что всѣ тѣ преступленія, въ которыхъ обвинялись Іезуиты, дѣйствительно, задолго передъ этимъ, были совершены *въ теоріи* ихъ учителями и наставниками; слѣдовательно, при удобномъ случаѣ, *могли* быть совершены ихъ учениками и на практикѣ. Мнѣ кажется, что мой выводъ основывается на уважительныхъ соображеніяхъ (rationibus innititur alicujus momenti), какъ говорятъ ваши богословы, и потому, по крайней мѣрѣ, *правдоподобенъ* (probabilis), а вы знаете, что кто держится правдоподобнаго мнѣнія, тотъ правъ.

Народная молва XVII и XVIII вѣковъ, какъ всѣмъ извѣстно, обвиняла Іезуитовъ въ неразборчивомъ выборѣ средствъ, которыми они раздѣлывались съ своими недоброжелателями, и приписывала имъ не мало предательски пролитой крови. Я укажу только на два свидѣтельства.

Генрихъ IV, послѣ того какъ онъ, пройдя сквозь огнь и воду, помирился съ папою и укрѣпился на престолѣ, долго обдумывалъ: какъ ему быть съ Іезуитами; дозволить ли имъ вернуться во Францію, или оставить въ силѣ не задолго передъ тѣмъ изданный декретъ объ ихъ изгнаніи? Разъ онъ отвѣчалъ папскому легату, который ходатайствовалъ за нихъ, что, будь у него двѣ жизни, онъ бы охотно пожертвовалъ одною, чтобъ угодить его святѣйшеству; но имѣя только одну, обязанъ приберегать ее для своихъ подданныхъ. Нѣсколько спустя, въ частномъ, совершенно интимномъ разговорѣ съ Сюлли, король привелъ тоже самое личное соображеніе, но уже въ пользу допущенія Іезуитовъ: «преслѣдовать ихъ, значило бы ввергнуть ихъ въ отчаяніе и вызвать съ ихъ стороны покушенія на мою жизнь; при такихъ условіяхъ, самая жизнь мнѣ бы стала противна. Лучше погибнуть, чѣмъ жить въ постоянномъ ожиданіи яда или кинжала; ибо, у этихъ людей обширныя связи, и направлять умы, куда

имъ вздумается, они великіе мастера» ([25]).—Эти простыя слова, сказанныя не для потомства, даже не для современниковъ, а для одного человѣка, слова, въ которыхъ нѣтъ ни страсти, ни разсчета на эффектъ, а напротивъ проглядываетъ сознаніе въ личной слабости, мнѣ кажется, гораздо убѣдительнѣе, гораздо сильнѣе свидѣтельствуютъ противъ Ордена, чѣмъ всѣ торжественныя обличенія и краснорѣчивыя противъ него выходки, которыми такъ богата западная литература.

Вотъ другой случай: папа Климентъ VIII принадлежалъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ изъ Римскихъ первосвященниковъ, которые не боялись Іезуитовъ и не подчинялись ихъ вліянію. Онъ вступилъ на престолъ въ самый разгаръ ихъ борьбы съ правительствами, епископами, университетами, парламентами, разными монашескими орденами, и при немъ же возникъ знаменитый ихъ споръ съ Доминиканцами, по поводу Молинизма, древней ереси Пелагіанцевъ, подновленной Іезуитами и пущенной ими въ ходъ. По внимательномъ изученіи этого дѣла, которому они придавали огромную важность, послѣ продолжительныхъ диспутовъ, папа, убѣдившись въ ложности ихъ ученія, рѣшился на торжественное его осужденіе и сообщилъ о своемъ намѣреніи знаменитому Іезуитскому богослову, кардиналу Беллармину.—«Ваше святѣйшество этого не сдѣлаете», сухо отвѣчалъ ему кардиналъ. Онъ же, разговаривая съ другимъ кардиналомъ о намѣреніи папы, выразился слѣдующимъ образомъ: «знаю, что онъ этого хочетъ, сознаюсь, что можетъ, но не сдѣлаетъ; а если попытается исполнить, то прежде умретъ».—И дѣйствительно, Климентъ VIII умеръ какою-то странною, загадочною смертью, въ то самое время, какъ онъ сбирался обнародовать осужденіе Молинизма, въ 1605 году. Эти обстоятельства сохранилъ для потомства Іезуитъ Селлотъ (Cellot) въ своей книгѣ о Іе-

([25]) Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I, p. 331, 332.

рархіи и, по какой то странной оплошности орденской цензуры, она, на сей разъ, не предупредила огласки. Правда, что авторъ передавалъ слова своего собрата съ доброю цѣлью, какъ доказательство пророческаго дара, которымъ, будто бы, обладалъ Беллярминъ ([26]). Насъ это не удивляетъ. Такихъ пророковъ, въ 1863 и 1864 годахъ, очень много наплодилось въ Варшавѣ. Бывало, заброситъ чья нибудь невидимая рука записку, въ которой предсказывалась смерть какому-нибудь лицу, стоящему на виду, и, черезъ день или два, это лице дѣйствительно погибало; даже и теперь въ Россіи, пройдетъ какой-нибудь странникъ по селу или городу, скажетъ, не останавливаясь, что скоро будетъ пожаръ, и вслѣдъ за нимъ гдѣ нибудь загорается крыша. Разумѣется, вы скажете, что ничѣмъ нельзя доказать замысловъ Іезуитовъ на жизнь Генриха IV, что они не только не причастны въ смерти Климента VIII, но даже горько ее оплакивали, и что все это явныя клеветы, такъ какъ въ Уставѣ Ордена нигдѣ не разрѣшается рѣзать королей и отравлять папъ. Не знаю, повторите ли вы также, со словъ *вашихъ*, что Польша выставляла сонмы мучениковъ и *ни одного убійцы*, что графъ Бергъ самъ себя окатилъ, съ третьяго этажа, орсиньевскими бомбами и что наши города и села такъ часто стали горѣть потому, что русскій народъ, почему-то, въ 1865 году, сталъ особенно неостороженъ въ обращеніи съ огнемъ?

Все это можетъ быть; но меня занимаетъ не голый фактъ, а *возможность* или *вѣроятность* факта, а потому я опять-таки обращаюсь къ справкамъ и нахожу въ нихъ вотъ что:

«Разрѣшается убивать: лжеобвинителя, лжесвидѣтеля, даже судью, отъ котораго навѣрное ожидается несправедливый приговоръ, если невинному не представляется другаго способа избѣгнуть угрожающей ему бѣды».

([26]) Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I. p. 480, 481.

«Разрѣшается монаху и всякому духовному лицу убійство клеветника, угрожающаго распустить объ немъ или объ Орденѣ, къ которому онъ принадлежитъ, обвиненіе въ тяжкихъ преступленіяхъ, если нѣтъ возможности инымъ способомъ отъ него защититься; такой возможности, повидимому, дѣйствительно не представляется, когда клеветникъ готовится предъявить обвиненіе на монаха или на цѣлый Орденъ публично, въ присутствіи лицъ, пользующихся высокимъ авторитетомъ и когда несомнѣнно, что онъ это сдѣлаетъ, если не будетъ убитъ» ([27]).

Благочестивый отецъ Лами оправдываетъ это такимъ образомъ: «Если міранину разрѣшается убійство для спасенія своей чести, то тѣмъ паче духовному и монаху, ибо то, на чемъ зиждется честь послѣднихъ, мудрость и духовная доблесть, гораздо цѣннѣе военной доблести, на которой основана честь міранъ».

Почтенный отецъ Карамюель возбуждаетъ по этому поводу частный вопросъ: «въ правѣ ли Іезуиты убивать Жансенистовъ за то, что послѣдніе обвиняли ихъ въ Пелагіанизмѣ?» Правда, онъ разрѣшаетъ его отрицательно, но вотъ по какой причинѣ: «Жансенисты, хотя и имѣли намѣреніе повредить намъ, но это имъ не удалось, такъ какъ они не болѣе нанесли ущерба нашей славѣ, чѣмъ какая-нибудь сова солнцу».

([27]) Чтобъ не упрекнули меня въ неточности перевода, я привожу текстъ: Licet interficere falsum accusatorem, falsos testes ac etiam judicem, a quo iniqua certo imminet sententia, si alia via non potest innocens damnum evitare.

Est licitum religioso vel clerico, calumniatorem gravia crimina de se, vel de sua religione spargere minentem, occidere, quando alius modus defendendi non suppetit, aut suppetere non videtur, si calumniator sit paratus, vel ipsi religioso, vel ejus religioni publice et coram gravissimis viris praedicta impingere, nisi occidatur. Prop. dam. ab Alex. VII. Sept. 24, an. 1665. Выписанныя положенія были осуждены папою, но, какъ мы докажемъ въ своемъ мѣстѣ, это не помѣшало ни преподавателямъ Ордена сохранить ихъ въ своихъ курсахъ нравственнаго богословія, ни орденской цензурѣ разрѣшать ихъ перепечатаніе.

«Отлученнаго папою отъ церкви, всякій можетъ убить во всякомъ мѣстѣ».

Въ приведенныхъ случаяхъ, убійство разрѣшается для защиты отъ нападенія ничѣмъ *не заслуженнаго*, по крайней мѣрѣ, по убѣжденію защищающагося; но Іезуиты этимъ не удовольствовались.

Нѣкоторые изъ ихъ учителей доказываютъ, «что можно убить свидѣтеля, намѣревающагося, по злобѣ ко мнѣ, отъ себя, безъ судебнаго къ тому вызова, предъявить на меня обвиненіе въ преступленіи *дѣйствительно мною содѣянномъ*, если это преступленіе дотолѣ оставалось тайнымъ, если обнаруженіе его грозитъ мнѣ смертною казнью или значительнымъ ущербомъ въ имуществѣ, если нѣтъ другаго способа избавиться отъ опасности и если обвинитель не подается на предварительныя увѣщанія».

«Убійство въ видахъ самозащиты разрѣшается, даже когда нападеніе вызвано преступленіемъ; на этомъ основаніи монахъ, застигнутый въ прелюбодѣяніи, можетъ, не выходя изъ предѣловъ законной защиты, убить мужа, нападающаго на него для отмщенія своей обиды».

Буллою Григорія XIV, виновные въ предательскомъ убійствѣ лишались права убѣжища въ церквахъ (droit d'asile). «Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ Эскобаръ, что это относится одинаково къ употребляющимъ ядъ и кинжалъ, но вопросъ въ томъ: что значитъ убійство *предательское*? Это значитъ убійство человѣка, ничего не подозрѣвающаго и не остерегающагося; слѣдовательно, не подходитъ подъ эту категорію убійство *врага*, хотя бы онъ былъ завлеченъ въ засаду и хотя бы ударъ былъ нанесенъ ему сзади. Ну, а если—продолжаетъ тотъ же учитель—я убилъ человѣка, *бывшаго* моего врага, но съ которымъ я послѣ помирился и которому далъ торжественное обѣщаніе не посягать на его жизнь?—Все-таки и въ этомъ случаѣ нѣтъ предательства, если я не жилъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ и если наши взаимныя отношенія были

таковы, что еще можно было *предполагать* во мнѣ остатокъ старой вражды» ([28]).

Вотъ что писали, печатали, доказывали на диспутахъ и чему учили Іезуиты, съ разрѣшенія орденской цензуры и съ одобренія своего начальства. А вы, зная все это лучше меня, хотите, чтобъ мы не давали вѣры никакимъ обвиненіямъ и отвергали свидѣтельства исторіи, единственно на томъ основаніи, что ваше общество присвоило себѣ имя Іисусово и состоитъ на половину изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ безкровную жертву! Ужъ будто только безкровную? По моему, кто могъ изобрѣсти приведенные рецепты для оправданія убійства, у того навѣрное чесалась совѣсть отъ запекшейся на ней крови. Легко понять, что головорѣзы прикидываются агнцами, мошенники услаждаютъ слухъ сладкими рѣчами о любви къ ближнему, безбожники, на людяхъ, умильно складываютъ руки передъ иконами; но я никогда не повѣрю, чтобъ цѣлый Орденъ, котораго вся сила заключалась, повидимому, въ высокомъ объ немъ мнѣніи, рѣшился предстать передъ публикою въ образѣ убійцы и произвести своимъ ученіемъ небывалый соблазнъ, еслибъ его не влекла къ тому потребность, болѣе или менѣе сознательная, поставить вверхъ дномъ весь нравственный міръ, чтобъ уронить его до собственнаго своего уровня.

До сихъ поръ я не замѣчаю, чтобъ ваша зрѣло обдуманная аргументація отличалась особенною твердостію; а между тѣмъ, вы очень строго относитесь къ журнальной импровизаціи «Дня». Вы въ ней нашли противорѣчіе и съ торжествомъ на него указываете. Посмотримъ въ чемъ оно заключается? Было сказано въ одномъ мѣстѣ передовой статьи «Дня», что дѣятельность Іезуитскаго Ордена «почти неосязательна, неуловима», а въ другомъ мѣстѣ, что Орденъ этотъ «имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней, практической дѣятельности». Какъ согласить это съ неуловимостью?—спрашиваете вы. «Если она (то есть дѣятельность Іезуитовъ) въ самомъ дѣлѣ неуловима, то на чемъ основаны ваши сужденія и какъ можете вы произносить надъ нею приговоръ съ такою торжественною увѣренностью?» И такъ, вотъ въ чемъ противорѣчіе. Васъ поражаетъ оно въ особенности потому, что вы никакъ не можете угадать, съ чего взяли предполагать какую то таинственность въ образѣ дѣйствій вашего Ордена. «Помилуйте — продолжаете вы — вѣдь мы не духи безплотные, мы такіе же люди какъ и всѣ прочіе, и наша дѣятельность существенно ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности остальнаго католическаго духовенства. Развѣ мы составляемъ какое-либо тайное общество? Развѣ мы проповѣдуемъ не на весь міръ? Въ нашихъ школахъ перебывало не одно поколѣніе учениковъ... Какая тьма свидѣтелей! Уставъ нашего общества находится у книгопродавцевъ и не въ одномъ изданіи. Безпрестанно мы печатаемъ новыя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Однимъ словомъ, наше ученіе, образъ жизни, наша дѣятельность учительская, священническая, миссіонерская такъ открыта, такъ очевидна, что многимъ она колетъ глаза, а вы называете ее почти неуловимою и т. д.»

([28]) Всѣ эти статьи заимствованы изъ сочиненій Эскобара, Лессія, Филліуція, Молины, Са, Наварра, Регинальда, Азора, Лами, Герро, Санчеза и др. См. Die Moral und Politik der Jesuiten v. Ellendorf, Darmstadt 1840. p. 73, 74, 75, 81, 82, 93, 94; также Propos. damn.

Для уясненія противорѣчія, на которое вы наткнулись, я позволю себѣ показать вамъ его въ другой формѣ, конечно болѣе для васъ понятной и вѣроятно вамъ знакомой.

Одинъ изъ генераловъ вашего Ордена, принимая въ своемъ кабинетѣ французскаго посланника герцога де-Бриссака, говорилъ ему: «изъ этой комнаты я управляю не только Парижемъ, но Китаемъ, не только Китаемъ, но цѣлымъ міромъ, *и никто не знаетъ какъ это дѣлается* (senza che nessuno sappia come si fa)». Можетъ быть, эти слова покажутся нѣсколько напыщенными и не совсѣмъ умѣстными въ

устахъ начальника *маленькаго общества* (hœc minima societas, cette toute petite société), какъ называетъ себя при случаѣ Іезуитскій Орденъ; но нельзя же вѣчно притворяться, иногда правда беретъ свое, даже надъ Іезуитскимъ генераломъ. Въ этомъ случаѣ онъ говорилъ правду, и «День» одного съ нимъ мнѣнія. Да,—*результаты* орденской дѣятельности въ области видимой, практической, очевидны и колятъ глаза; а *какъ они достигаются*—этого не знаетъ никто, ибо *орудіе* таинственно, *средства* неуловимы, неосязаемы. Гдѣ жъ противорѣчіе?

Чтобъ окончательно помирить васъ съ этою странностью, я приведу вамъ примѣръ.

Представьте себѣ человѣка, стоящаго въ центрѣ государственнаго управленія, но безъ всякой оффиціальной должности. Онъ находится при государѣ въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ, пользуется неограниченною его довѣренностью и сильнымъ на него вліяніемъ. По свойству существующихъ между ними отношеній, все, что дѣлаетъ и думаетъ государь, этому человѣку извѣстно; всѣ сферы дѣятельности верховной власти, въ томъ числѣ внутренняя и внѣшняя политика, ему открыты; по всѣмъ предметамъ онъ даетъ указанія, предостереженія и совѣты, вмѣшивается рѣшительно во все, разумѣется черезъ государя, а самъ остается въ сторонѣ и, слѣдовательно, не несетъ никакой отвѣтственности, не только юридической, но даже нравственной, передъ землею, которой судьба нерѣдко отъ него зависитъ. Никто не видитъ его, никто не слышитъ его голоса, подписи его нѣтъ нигдѣ; когда къ нему обращаются за совѣтами или съ просьбами, онъ систематически уклоняется, повторяя всѣмъ и каждому, что онъ ни во что не вмѣшивается и ни въ чемъ не причастенъ. Подчиненныхъ и начальниковъ у него нѣтъ, то есть нѣтъ въ той землѣ, въ которой онъ живетъ, а есть у него начальникъ въ другомъ государствѣ, далеко, въ Римѣ, съ которымъ онъ перепи-

сывается и перемигивается. О чемъ? — неизвѣстно. Словомъ, онъ не управляетъ, а *направляетъ* и *вдохновляетъ*. Таково положеніе духовника-Іезуита при вѣнчанной особѣ. Ему дана спеціальная инструкція, составленная генераломъ Ордена Аквавивою и одобренная шестою генеральною конгрегаціею Ордена. Смыслъ ея можетъ быть выраженъ въ двухъ словахъ: забирать какъ можно больше власти и не подавать въ томъ вида, вмѣшиваться во все и никогда ни въ чемъ не выступать открыто, своимъ лицомъ.

Вы любите указывать на Уставъ Ордена, позвольте же и мнѣ на него сослаться:

«Духовникъ долженъ постоянно заботиться о снисканіи и поддержаніи благоволенія и благосклонности государя не къ своей личности, а къ обществу, т. е. къ Іезуитамъ и, въ случаѣ встрѣчаемаго сомнѣнія, испрашивать совѣтовъ у своего начальства».

«Онъ обязанъ говорить съ государемъ не только о томъ, что̀ узнаетъ отъ него, какъ отъ духовнаго своего сына, но и обо всемъ, что̀ слышитъ на сторонѣ и что требуетъ врачеванія, для пресѣченія насилій и уменьшенія соблазновъ, часто допускаемыхъ, въ противность намѣреніямъ и волѣ государя, виною его министровъ, хотя вина, равно какъ и обязанность предупрежденія всего этого, ложится на отвѣтственность самаго государя».

«Хотя бы духовникъ пользовался значительнымъ авторитетомъ у своего государя, и хотя бы черезъ него онъ могъ употребить въ дѣло нѣкоторый свой авторитетъ, однако онъ отнюдь не долженъ принимать на себя передачи министрамъ ни словесно, ни письменно, какихъ либо совѣтовъ или указаній, по дѣламъ государя».

«Все должно дѣлаться съ глазу на глазъ, между духовникомъ и его духовнымъ сыномъ; но если дѣло дойдетъ до предмета, касающагося благочестія, и притомъ предмета, по мнѣнію орденскаго начальства, существенно необходимаго,

то духовникъ обязанъ озаботиться, чтобъ государь лично объ немъ написалъ или приказалъ».

«Духовникъ обязанъ въ особенности остерегаться, чтобъ не стали употреблять его для передачи министрамъ и придворнымъ замѣчаній и выговоровъ отъ имени государя; отъ подобныхъ порученій онъ долженъ рѣшительно отказываться».

«Но болѣе всего обязанъ онъ заботиться о томъ, чтобы какъ нибудь не разнесся слухъ, будто бы онъ имѣетъ на государя сильное вліяніе и, управляетъ имъ. Такая молва, сама по себѣ, возбудила бы всеобщую ненависть и негодованіе, не принесла бы чести государю и, наконецъ, сверхъ того, нанесла бы обществу неисчислимый вредъ».

«Поэтому, хотя бы онъ дѣйствительно могъ кое-что сдѣлать, онъ долженъ всячески стараться, чтобъ этого никто не предполагалъ и умѣрять свою власть указанными выше способами» ([29]).

Вотъ теорія, а сложившуюся по ней практику можетъ видѣть всякій, напр. въ исторіи послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, или, точнѣе, благочестивыхъ отцевъ Лашеза и Аннà.

Такого идеальнаго духовника, какого очертилъ Аквавива въ приведенныхъ строкахъ, я называю силою дѣйствительною, и, въ тоже время, неуловимою; это, въ точномъ смыслѣ слова, государственная пружина, которой дѣйствіе повсемѣстно ощущается, но которой нельзя ощупать.

Понимаете ли вы теперь, что̀ сказалъ «День»?

Вы увѣряете, что вся ваша дѣятельность на виду, что Орденъ вашъ нисколько не походитъ на тайное общество и что Уставъ вашъ доступенъ всѣмъ. Такъ ли это? Что есть въ вашей дѣятельности сторона явная, открытая ad usum публики, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобъ этою стороною ограничивалась вся дѣятельность Ордена, этого вы

([29]) Les Constit. des Jés. Paris. Paulin 1843. Appendice, Note A. A.

никогда не докажете, не передѣлавъ сперва всей вашей исторіи и не вычеркнувъ сотенъ свидѣтельствъ изъ вашихъ же писателей.

Взглянемъ хоть на Уставъ, или, говоря точнѣе, на то, что̀ самими Іезуитами опубликовано *изъ ихъ Устава*. Самъ по себѣ, и независимо отъ поясняющей его практики, онъ вполнѣ оправдываетъ почти всеобщее чувство инстинктивнаго подозрѣнія, возбужденное Іезуитами при первомъ ихъ появленіи. Всякаго, на первыхъ же порахъ, не можетъ не поразить, съ одной стороны, крайняя сложность общественной организаціи, а съ другой — крайняя простота *заявляемыхъ* цѣлей и средствъ. Одно другому противорѣчитъ такъ рѣзко, что невольно зараждается сомнѣніе: нѣтъ ли еще другихъ намѣреній, о которыхъ, изъ предосторожности, умалчивается въ программахъ, предназначаемыхъ для публики? Вы видите передъ собою какой-то мудреный, загадочный снарядъ, съ безчисленнымъ множествомъ замаскированныхъ пружинъ, потаенныхъ ящиковъ и, повидимому, совершенно праздныхъ колесъ; а приставленный къ нему механикъ добродушно увѣряетъ васъ, что единственное назначеніе этого снаряда — черпать воду изъ колодца или подметать пыль на улицахъ. Повѣрить этому трудно. Назначеніе Іезуитскаго общества — духовное подвижничество, обученіе и проповѣдь. Къ чему же было окружать себя тайною и такъ долго держать въ секретѣ вашъ Уставъ? Что значитъ это множество разрядовъ или степеней, на которые распадается общество? ([30]) Отчего число допускаемыхъ въ высшій

([30]) Высшій, первый классъ составляютъ такъ называемые *профессы* (professi). Они дѣлятся на два разряда, произнесшихъ три обѣта (воздержанія, нищенства и послушанія) и произнесшихъ, сверхъ того, спеціальный обѣтъ послушанія папѣ, по дѣламъ миссій; второй классъ составляютъ *коадъюторы*, распадающіеся на мірянъ и духовныхъ (*іеревъ*); третій классъ — *аппробованные ученики* (scholastici approbati); четвертый классъ — всѣ, еще не распредѣленные по разрядамъ, выжидающіе (indifferentes.) Prim. ac. gener. Exam. C. I. §§ 7, 8, 9, 10, 11. C. VI. § 1.

разрядъ, то есть полноправныхъ членовъ, имѣющихъ голосъ въ дѣлахъ общества, такъ ограничено (*alicui* admittuntur) ([31]), если, какъ вы увѣряете, общество не боится свѣта и не нуждается въ тайнѣ? На что было въ Уставѣ, говоря объ *обществѣ*, придавать этому слову *четыре различныхъ смысла*: широкій, тѣсный, тѣснѣйшій и самый тѣсный? ([32]) Какая надобность обществу, намѣревающемуся дѣйствовать открыто, растягиваться и сжиматься по усмотрѣнію, на подобіе змѣи, ускользать отъ всякаго точнаго опредѣленія и черезъ это дѣлаться неуловимымъ? Вѣдь это почти тоже, что расписываться четырьмя различными фамиліями или, отправляясь на промыселъ, запасаться, про всякій случай, четырьмя паспортами. Гдѣ граница вашего общества, гдѣ начинается оно и гдѣ кончается? Кто *дѣйствительно* членъ вашего общества, кто у васъ считается состоящимъ *въ* обществѣ, кто *при* обществѣ, кто *внѣ* его? Къ чему это множество разнохарактерныхъ обѣтовъ, которымъ присвоены названія не только не выражающія ихъ смысла, но какъ будто нарочно придуманныя, чтобъ замаскировать его, какъ напримѣръ: обѣты *публичные* (vota publica), имѣющіе всѣ признаки и свойства торжественности и, въ тоже время, по какому-то подразумѣваемому условію, считающіеся *не торжественными* (non solemnia) или еще, эти такъ называемые *простые* обѣты (vota simplicia), произносимые съ вѣдома и разрѣшенія общества, по его распоряженію облекаемые въ форму письменныхъ обязательствъ, хранимые обществомъ въ копіяхъ, повторяемые по нѣскольку разъ по требованію общества, и, въ тоже время, слывущіе *непринятыми* обществомъ (non acceptata, non admissa) и потому, для него, нисколько не обязательными? ([33]) Что за двусмысленное по-

([31]) Exam. Gener. C. I. § 8.
([32]) Constit. Pars. V. C. . § 1. et Declar.
([33]) Exam. gen. C. 1. §§ 8, 9, 10. C. IV § 16, C. VI. § 8. Constit. Pars V. C. VI. Declar. ad §§ 1, 2, § 5 et Declar.

ложеніе испытуемыхъ (novitii), допущенныхъ къ произнесенію обѣтовъ, и такъ называемыхъ учениковъ (scholastici) отдавшихся обществу безусловно, навсегда, обязанныхъ, по уставу, считать себя принадлежащими къ обществу и, въ то же время, самимъ обществомъ не признаваемыхъ за своихъ членовъ? ([34]) Къ чему вамъ эти такъ называемые *своекоштные* или *короткополые* Iезуиты (Jésuites externes ou à robe courte), эти дѣйствительные, но гласно непризнанные члены вашего общества, скрывающіе отъ людей свое значеніе, эти потаенныя орудія Ордена, встрѣчающіяся на каждой страницѣ его исторіи, хотя, по уставу, можно только догадываться о ихъ существованіи? ([35]) Наконецъ, что за странное право исключать изъ общества кого вздумается, безъ суда и слѣдствія, тайно (occulte dimitti possunt, безъ объясненія причинъ, даже не за какое либо преступленіе, а просто, по усмотрѣнію начальства, и еще болѣе странное право, во всякое время, *требовать* назадъ исключеннаго и брать его опять въ общество (qui *reducti* redeunt) ([36]).

Уставъ не только не даетъ на эти вопросы ясныхъ отвѣтовъ, а напротивъ, какъ будто преднамѣренно, затрудняетъ ихъ разрѣшеніе. Расположеніе и редакція комбинированы такъ искусно, что на какомъ бы заключеніи вы ни остановились и сколько бы статей вы ни подобрали въ пользу того или другаго толкованія, а найдется непремѣнно какая нибудь статья или декларація, на основаніи которой вамъ возразятъ и опровергнутъ васъ. Выяснить, что бы то ни было окончательно и разъ навсегда, нѣтъ никакой воз-

([34]) Exam gen. C. I. declar. ad. § 12. C. IV. § 17. C. VII. § 7. Constit. Pars. I. C. IV. § 7. Pars IV. C. IV. declar. ad § 5. Pars V. C. I. § 1. C. IV. declar. ad § 2, § 6. Append. Note R. p. 482.
([35]) Constit. des Jés. Appendice, Notes Let. C.
([36]) Constit. Pars II. C. I. § I et declar. C. II. § 2. declar. C. IV § 5. et declar. Appen. Notes G. L. U.

можности. Какъ хотите, все это подозрительно; во всемъ проглядываетъ одно намѣреніе: оставить за собою возможность отпереться, ускользнуть, уклониться отъ всякой отвѣтственности. А вы еще спрашиваете: «развѣ мы составляемъ какое либо тайное общество?» — Судя по вашему уставу, въ полномъ значеніи слова, Риперъ-де-Монкларъ долго ломалъ себѣ надъ нимъ голову и, наконецъ, пришелъ къ такому заключенію: «Я не стану биться надъ разгадкою загадокъ, преднамѣренно запутанныхъ, но ограничусь однимъ замѣчаніемъ: не слишкомъ ли много таинственности въ Орденѣ, котораго двухтомный уставъ оставляетъ въ умѣ читателя, взявшаго на себя трудъ прочесть его и обдумать, столько темнаго въ самыхъ существенныхъ своихъ статьяхъ?» Новѣйшій историкъ Ордена, писавшій подъ диктовку Іезуитовъ, Кретино-Жоли, разсуждая объ уставѣ, говоритъ: «Нѣтъ ничего таинственнаго въ Іезуитскомъ Орденѣ, ибо нѣтъ ничего преступнаго», а черезъ нѣсколько строкъ, онъ же, забывшись, въ защиту того же устава, уподобляетъ его уставамъ франъ-масоновъ и другихъ тайныхъ обществъ (37). Въ общемъ смыслѣ, Кретино-Жоли совершенно правъ; гдѣ нѣтъ ничего зазорнаго, тамъ неумѣстна таинственность; но и на оборотъ: гдѣ замѣчается желаніе окружить себя тайною, тамъ естественно рождается подозрѣніе въ чистотѣ замысловъ.

Вы говорите, что вашъ уставъ всѣмъ доступенъ; но позвольте спросить: давно ли это такъ и всегда ли *ваши* такъ любили свѣтъ и гласность? Вотъ, между прочимъ, что̀ мы читаемъ въ обнародованномъ уставѣ:

«Никто да не дерзаетъ, безъ одобренія начальника, передавать стороннимъ то, что̀ дѣлается или что̀ предположено дѣлать до̀ма; равномѣрно, безъ особаго, положительно выраженнаго разрѣшенія начальника, сообщать стороннимъ

(37) Hist. de la Comp. de Jésus. T. I. chap. I.

устава, ни иныхъ такого-же рода книгъ или рукописей, содержащихъ въ себѣ учрежденіе или привиллегіи общества.

«Безъ разрѣшенія генерала, сокращенный сборникъ (compendium) привиллегій какъ большой, такъ и малый не долженъ быть издаваемъ печатно; экземпляры этого сборника, хранящіеся во всѣхъ домахъ и коллегіяхъ Ордена, преимущественно для употребленія начальствующихъ и совѣтниковъ (consultorum), не иначе могутъ быть сообщаемы нашимъ (т. е. другимъ членамъ общества) какъ съ разрѣшенія провинціала и подъ условіемъ отнюдь не выносить ихъ оттуда въ другія мѣста и не показывать стороннимъ (externis)».

«Испытуемымъ (novitii), до произнесенія ими обѣтовъ, не давать для прочтенія всего устава, въ полномъ его составѣ, но давать имъ извлеченія изъ него, въ которыхъ всякій бы могъ вычитать свои обязанности, развѣ бы начальникъ, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, призналъ за нужное кому либо сообщить уставъ въ полномъ объемѣ».

Чтобъ дать возможность всякому узнать свои обязанности, не посвящая его во всѣ тайны общества, составлены были особые сборники, или правила (regulæ), въ первый разъ изданныя, кажется, врагами Іезуитовъ. Затѣмъ, въ 1557 году, когда уже оказалось невозможнымъ держать все въ тайнѣ, изданъ былъ въ Прагѣ, по распоряженію самаго Ордена, такъ называемый полный уставъ его, подъ названіемъ Учрежденія (Institutum) Общества Іисусова. Въ предисловіи значится, «что къ общему и краткому уставу (constitutiones universales et breviores), представляющему особенныя удобства, для руководства *нашихъ* и *для показа*, когда понадобится, стороннимъ, прилагаются равносильныя ему, по своей обязанности деклараціи (т. е. дополненія, развитія, и, очень часто, прямыя противорѣчія) преимущественно для наставленія начальствующихъ; *вовсе не входятъ въ это изданіе всѣ временныя и мѣстныя инструкціи и правила*

(ordinationes, regulæ), которыя также признаются необходимыми» ([38]).

Изъ этого видно, во первыхъ, что такъ называемый вами *уставъ* Iезуитскаго общества, не есть какой либо одновременно составленный, цѣльный и какъ бы сразу вылитый законодательный актъ, или кодексъ; это даже не сводъ дѣйствующихъ постановленій, а сборникъ разновременно изданныхъ законовъ, правилъ, инструкцій и поясненій къ нимъ; это *выборъ* изъ матеріаловъ самыхъ разнообразныхъ, безъ притязанія на полноту. Видно, во вторыхъ, что, по крайней мѣрѣ, часть этихъ законовъ, инструкцій и привиллегій, долго *составляла тайну*, которая заботливо оберегалась не только отъ стороннихъ, но и отъ большей части членовъ общества, и что тѣмъ и другимъ, а особенно первымъ, въ случаѣ нужды, предъявлялось не все, а кое-что ad usum ихъ подготовленное. Кто жъ намъ поручится, что теперь общество, дѣйствительно, разоблачило передъ публикою всѣ безъ исключенія свои тайны и не имѣетъ уже ничего для нея закрытаго? Организація общества, его цѣли, духъ и направленіе, ни въ чемъ существенно не измѣнились; по крайней мѣрѣ, оно этимъ хвастается; въ прежнія времена, тайна была ему нужна; вѣроятно ли, чтобъ оно обходилось безъ нея теперь?

Вы упоминаете съ ироніею объ изданіи, извѣстномъ подъ названіемъ Monita secreta (секретныя наставленія) и ставите его на одну доску съ романами Евгенія Сю. Я знаю, что *ваши* называютъ эти наставленія подлогомъ и вы, повидимому, считаете вопросъ рѣшеннымъ окончательно. Но на какомъ же основаніи? Вотъ что отвѣчаетъ на это одинъ изъ защитниковъ вашего Ордена: «Доказано, что Monita, изданныя въ Краковѣ, въ 1615 году, произведеніе негодяя, двадцать разъ уличеннаго въ подлогѣ и осужденнаго за это. Петръ Тилецкій (Pierre Tyliecky) епископъ Краковскій, нарядилъ для разсмотрѣнія содержанія Monita secreta и ихъ происхожденія судебное слѣдствіе; 14 Iюля 1615, книга эта была признана за поддѣлку и осуждена; 14 Ноября, Варшавскій нунцій, Францискъ Діоталленіусъ подтвердилъ этотъ приговоръ. Въ 1616 году, Андрей Липскій (Lipski), администраторъ Краковскій, заступившій мѣсто Тилецкаго, возобновилъ произнесенное имъ осужденіе. Передъ этимъ, Римская Конгрегація (de l'Index) осудила Monita secreta и въ 1621 году внесла ихъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Въ 1616 году, графъ Иванъ Остророгъ, Познанскій пфальцграфъ заклеймилъ ихъ въ письмѣ къ своимъ дѣтямъ (какое доказательство!) напечатанномъ въ Нейсѣ, въ Шлезіи; почти единовременно, въ 1618 году, Iезуитъ отецъ Петръ Гретцеръ издалъ опроверженіе ихъ, напечатанное cum privilegio» ([39]). И такъ, авторитетъ двухъ Латинскихъ епископовъ, въ добавокъ еще Поляковъ, папскаго нунція, еще Поляка изъ высшаго шляхетства, за тѣмъ: Iезуита и Римской Конгрегаціи— вотъ и все! Это напоминаетъ ваше доказательство невинности Iезуитовъ отъ собственнаго ихъ молчанія о своихъ грѣхахъ. А что если приговоръ о подложности Monita secreta составленъ былъ съ подразумѣваемою оговоркою, хотя бы въ такой формѣ: «никогда Орденъ такихъ наставленій не издавалъ»—это вслухъ; «для обнародованія»—*это про себя*? Согласитесь, что это не невозможно.

По поводу вашего письма, я въ первый разъ прочелъ Monita secreta и пришелъ къ слѣдующему заключенію (предлагаю вамъ его какъ мое личное впечатлѣніе). Подобно тому, какъ мы сей часъ доказали ученіемъ Iезуитовъ возможность преступленій имъ приписываемыхъ, такъ и на оборотъ, можно бы историческою практикою Ордена доказать *вну-*

([38]) Les Constit. des Jés. Paris. Paulin 1843. Pages IX—XI, 72, etc. Reg. Commun. art. 38. Instit: etc. T. 11. p. 77. Const. Par. 1. Cap. IV § 5 decl. Ex. Gen. C. VI. § 1.

([39]) Les Jésuites par un solitaire. Paris 1843. p. 254, 255.

треннюю правду секретныхъ наставленій. Затѣмъ, дѣйствительно ли онѣ вышли изъ мастерской Ордена; точно ли это одинъ изъ сборниковъ тѣхъ необнародованныхъ инструкцій, о которыхъ упоминается въ предисловіи къ печатному уставу; или это трудъ частнаго лица, положимъ даже негодяя, можетъ быть ученика Іезуитовъ, во всякомъ случаѣ изучившаго въ тонкости всѣ ихъ лазы, ходы, выходы, и возсоздавшаго, a posteriori, ихъ политическую теорію, идя отъ послѣдствій къ данному въ началѣ направленію—признаюсь вамъ, эти вопросы мало меня интересуютъ, и, чтобъ не усложнять дѣла, я даю вамъ слово на Monita secreta не ссылаться.

Кажется, я не оставилъ безъ отвѣта ни одного изъ вашихъ аргументовъ. Вы видите сами, что дѣло обошлось однѣми справками, почти безъ всякихъ возраженій съ моей стороны. Много ли осталось отъ вашихъ рѣшительныхъ заявленій, пусть судятъ читатели. Но идя за вами шагъ за шагомъ, какъ подобало отвѣтчику, уличаемому въ пристрастіи и непростительномъ легкомысліи, я невольно ударился въ частности и могъ бы подвергнуться упреку въ оставленіи безъ вниманія самой сущности вашей аргументаціи. По крайнему моему разумѣнію, она заключается въ слѣдующемъ.

Указывая на терпимость, которою пользуется въ настоящее время Іезуитскій Орденъ и на успѣхи его въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы, какъ на признаки пріобрѣтаемаго имъ вновь благоволенія западной публики, вы, очевидно, ссылаетесь для его очистки на свидѣтельство общественнаго мнѣнія. Слѣдовательно, вы признаете его какъ авторитетъ. Съ вашей стороны это смѣло.

Въ продолженіи всего XVII и почти до конца XVIII вѣковъ, Іезуиты были подъ судомъ; объ нихъ производился въ Европѣ, въ Индіи и въ Китаѣ своего рода повальный обыскъ, съ тою разницею, что общественное мнѣніе не вызывалось ex officio, какъ это дѣлается при производствѣ уголовныхъ слѣдствій, а прорывалось само собою, словомъ и дѣломъ, часто вопреки всѣмъ усиліямъ сдержать и заглушить его. Извѣстно, что обширное дѣлопроизводство, въ которомъ собраны свидѣтельства королей, папскихъ легатовъ, епископовъ, монашескихъ орденовъ, бѣлаго духовенства, ученыхъ корпорацій, парламентовъ и цѣлыхъ народовъ окончилось едва ли не безпримѣрнымъ по своему единодушію приговоромъ. Іезуиты были изгнаны отовсюду и, наконецъ, самый Орденъ, въ 1773 году, былъ упраздненъ *на вѣчныя времена* папою Климентомъ XIV.

У кого за спиною такое прошедшее, тому не слѣдовало бы смотрѣть общественному мнѣнію прямо въ глаза и, такъ сказать, дразнить его; казалось бы болѣе приличнымъ для членовъ Ордена держаться позитуры, указанной, не безъ тонкаго разсчета, его основателемъ. Вы помните: нѣсколько опущенную голову, взглядъ изъ подлобья и строгій запретъ поднимать глаза въ уровень съ глазами собесѣдника (40). Но обстоятельства измѣняются и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ показаться болѣе выгоднымъ вызвать нападеніе, ухвативъ, какъ говорится, чорта за рога. Да и переходъ отъ притворной скромности къ разсчитанной дерзости не такъ труденъ какъ кажется, особенно когда въ богатомъ арсеналѣ Ордена имѣется давно припасенное средство, вызвавъ свидѣтельство, тотчасъ же заподозрить его, или даже обратить себѣ въ пользу самый неблагопріятный отзывъ. Вотъ въ чемъ заключается это средство, едва ли не въ первый разъ употребленное въ дѣло сочинителями диѳирамба, извѣстнаго подъ названіемъ Imago primi sæculi, потомъ служившее всѣмъ адвокатамъ Ордена до отца Равиньяна включительно, наконецъ и вами незабытое; я напередъ зналъ, что безъ него не обойдется.

(40) Histoire des Jésuites par l'abbé Guettée. T. 1. p. 41.

Іезуитовъ жалуютъ и ласкаютъ — слѣдовательно, они этого стоятъ.

Іезуитовъ проклинаютъ и гонятъ — слѣдовательно, какъ истинные слуги Христовы, они идутъ по стопамъ Апостоловъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не ссылаться на повальный обыскъ, зная напередъ, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ опрошенныхъ, и одобреніе и порицаніе послужатъ одинаково къ оправданію подсудимаго и обратятся ему въ славу! На эту старую, истасканную и избитую тему, вы разъграли слѣдующую варіацію: «Какъ будто гоненіе не есть насущный хлѣбъ истинной церкви и залогъ ея могущества? Какъ будто она не взросла среди кровавыхъ преслѣдованій и не полагаетъ всю свою славу, все блаженство въ Крестѣ, страданіяхъ и мученической смерти! Развѣ міръ не гналъ Апостоловъ, какъ отребье человѣческаго міра? И развѣ ученики могутъ быть выше своего Божественнаго Учителя?» и т. д. А въ другомъ мѣстѣ: «Понятна та слѣпая ненависть, которую питаютъ къ намъ враги католической церкви, причина тѣхъ гоненій, которымъ наше общество всегда подвергалось и будетъ подвергаться, пока остается вѣрнымъ своему высокому призванію. Не даромъ оно носитъ пресвятое имя Іисуса».

Не знаю, удастся ли мнѣ разъяснить вамъ то чувство, которое я испыталъ при чтеніи этихъ строкъ; думаю однако, что его пойметъ всякій православный, даже всякій уважающій Христіанство, хотя бы только какъ историческое явленіе. Но прежде всего позвольте мнѣ повторить, что выписанныя мною слова ваши идутъ не отъ васъ; они вамъ были продиктованы и навязаны всею литературою вашего Ордена: пускай же онъ, а не вы, отвѣчаетъ за нихъ.

Ни въ одной церкви, ни въ одномъ вѣроисповѣданіи, ни священническая ряса, ни монашескій клобукъ не застрахо-

вываютъ отъ нравственнаго паденія ([41]). Совѣсть человѣка, спеціально посвятившаго себя на службу Божію, можетъ заразиться какъ и всякая другая; но поврежденіе ея часто сопровождается особеннымъ явленіемъ, на которое не разъ указывали Отцы Церкви въ своихъ проповѣдяхъ и обличеніяхъ. Я назвалъ бы его *безстрашіемъ въ кощунствѣ*. Почему эта нравственная болѣзнь угрожаетъ преимущественно павшимъ лицамъ изъ духовнаго званія, не трудно себѣ объяснить. Мы ежедневно видимъ, что міряшнъ, увязнувъ въ порокѣ, до того развлекается своею обстановкою, что, въ полномъ смыслѣ слова, забываетъ про Бога. Жизнь его сама собою такъ устраивается, что ничто не стучится въ его совѣсть, не расшевеливаетъ его сознанія и не зоветъ къ покаянію; но и въ этомъ полномъ забытьѣ, онъ часто не теряетъ спасительной воспріимчивости для впечатлѣній другаго духовнаго міра, хотя стоитъ къ нему спиною и никогда въ него не заглядываетъ. Обстоятельство повидимому случайное: давно забытая молитва, неожиданно поразившая его слухъ, церковный обрядъ, отъ котораго онъ отвыкъ, какое-нибудь Евангельское слово, для него новое, все это можетъ заставить его внутренно содрогнуться и прохватить насквозь его сонную душу. Для духовнаго — нѣтъ середины. Если ежедневное обращеніе съ святынею не облагороживаетъ и не просвѣтляетъ его души, то оно обращается ей въ па-

([41]) Если вѣрить картинѣ перваго вѣка (Imago primi sœculi), то Іезуиты, въ этомъ отношеніи, составляютъ изъятіе. Имъ повѣдано, какъ мы видѣли, что *каждый* членъ Ордена, пробывшій въ немъ до конца своей жизни, непремѣнно попадаетъ въ рай и что самъ Іисусъ Христосъ выходитъ къ нему на встрѣчу и принимаетъ его. Такова *особенная привиллегія*, данная Іезуитамъ, кажется впрочемъ только на первыя три столѣтія. Это завѣреніе очень важно для характеристики Ордена, но, признаюсь, оно меня не вполнѣ убѣждаетъ. Не знаю даже, всѣ ли Іезуиты принимаютъ его и обязаны ли они къ этому? Можетъ быть, это не болѣе какъ приманка (un allèchement, какъ говорятъ Іезуиты) для привлеченія въ общество довѣрчивыхъ душъ, или просто благочестивая шутка.

губу. Погрязая въ неправдѣ, онъ туда же втягиваетъ за собою эту сподручную ему святыню и оскверняетъ ее въ собственныхъ своихъ глазахъ, своимъ фамильярнымъ обращеніемъ съ нею. Она остается при немъ какъ внѣшняя обстановка его жизни, какъ неразлучная его спутница, примѣшивается ко всѣмъ его помысламъ, присутствуетъ при всѣхъ дѣлахъ его. Оттого совѣсть его такъ скоро тупѣетъ именно для тѣхъ впечатлѣній, которыя должны бы были оживлять ее; пропадаетъ ощущеніе трепета передъ Божественнымъ и наконецъ теряется даже способность почувствовать въ себѣ все возмутительное безобразіе этого незаконнаго сожительства въ одной душѣ торжествующаго порока и осрамленной святыни. Всмотритесь въ него поближе: имя Іисусово онъ не только пріемлетъ всуе, но играетъ или промышляетъ имъ, рядитъ въ него внутреннее свое безобразіе. Ангелы, Апостолы, святые и мученики — это для него свои люди, своя компанія, къ которой онъ давно приглядѣлся и съ которою пересталъ чиниться. Вздумается ли ему написать пасквильный доносъ, онъ пересыплетъ его текстами изъ Писанія; понадобится ли оклеветать кого нибудь, онъ сдѣлаетъ это во имя любви къ ближнему или для бо̀льшей славы Божіей; рѣшится ли солгать, онъ приложится сперва къ Кресту и положитъ руку на Святое Евангеліе; наконецъ, когда переполнится мѣра его беззаконій и негодующая толпа, разглядѣвъ его насквозь, отступится отъ него какъ отъ зачумленнаго, чего добраго — онъ еще пожалуй вздохнетъ изъ глубины души, подниметъ къ небу смиренные взоры и самъ себя причтетъ къ святому лику страдальцевъ за вѣру.

Печальныя явленія этого рода обнаруживаются какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ обществахъ, разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой собирательная личность способна проникнуться однимъ духомъ и потому можетъ быть судима какъ одно живое лице. Но безстрашіемъ въ кощунствѣ, Іезуиты превзошли всѣхъ. За ними остается пальма первенства. Никто, въ этомъ отношеніи, не произвелъ такого соблазна, какъ они, никто не погубилъ столькихъ честныхъ душъ примѣромъ своимъ, наведя ихъ на несчастную мысль, будто бы въ самомъ существѣ вѣры есть непремѣнно какая-то примѣсь притворства или сознательной неискренности. Оттого, даже теперь, когда сила іезуитизма сокрушена навсегда, когда сами Іезуиты, умудренные опытомъ, стараются настроить свою рѣчь на новый ладъ, ихъ апологіи и полемическія сочиненія возбуждаютъ непріятное ощущеніе какой-то нравственной тошноты, которое съ трудомъ преодолѣвается читателемъ.

Мнѣ кажется, что однородное ощущеніе Іезуиты возбудили почти повсемѣстно, при первомъ своемъ появленіи. Такъ напримѣръ, епископъ Парижскій Дюбелле и тамошній богословскій Факультетъ, въ 1554 году, съ глубокимъ, искреннимъ негодованіемъ протестовали противъ притязанія новооснованнаго Ордена на имя Іисусово ([12]).

Что выразилось въ этомъ протестѣ, простое ли чувство приличія, или чуткое религіозное сознаніе, опознавшее внутреннюю ложь по ея формѣ? — трудно рѣшить. Какъ бы то ни было, извѣстно, что во Франціи Іезуиты долго не смѣли называть себя оффиціально своимъ именемъ; но впослѣдствіи вся Европа и сама Франція къ нему прислушались.

Основатель вашего Ордена называлъ Божію Матерь своею дамою, себя ея рыцаремъ, изъ-за нея вызывалъ на дуэль какого-то Мавра, и увѣрялъ своихъ учениковъ, что Богъ Отецъ взялъ его въ товарищи къ Іисусу Христу; это дало тонъ всему Ордену и вы, по примѣру старшихъ, приравниваете теперь Іезуитовъ къ Апостоламъ первыхъ вѣковъ. Но

([12]) Вотъ подлинныя слова: „Nom arrogant pour eux, titre inusité, voulant attribuer à eux seuls ce qui convient à l'Eglise Catholique et Universelle... et semble qu'ils se veulent dire seuls faire et constituer l'Eglise" Hist des Jés. par l'abbé Guettée. T. 1. p. 84—87.

Игнатію Лойолѣ, судя по разсказамъ его біографовъ, можетъ, до нѣкоторой степени, послужить извиненіемъ искренность его помѣшательства. Воображеніе его помутилось на единовременномъ чтеніи рыцарскихъ романовъ и житій святыхъ; одно съ другимъ перепуталось, и подъ вліяніемъ этой комбинаціи, Испанскій дворянинъ преобразился въ какой то небывалый, оригинальный типъ полу-Донкихота, полу-юродиваго. Но неужели это образецъ для всѣхъ, и чѣмъ оправдаются послѣдователи, въ которыхъ здравый разсудокъ остался нетронутымъ?

Если бъ мнѣ, стороннему человѣку, пришлось подбирать къ Іезуитамъ историческія аналогіи, я назвалъ бы ихъ Преторіанцами или Янычарами папизма, усердными противъ внѣшнихъ враговъ его, и, въ тоже время, крайне безпокойными дома и далеко не безопасными для своего владыки. Вамъ это сравненіе вѣроятно не понравится; но, скажите на милость, въ чемъ же вы нашли сходство съ Апостолами? Вспомните, кто были они, и оглянитесь на себя.

Вы вышли на проповѣдь во всеоружіи небывалыхъ привиллегій, обезпечивавшихъ за вами полнѣйшую безнаказанность и независимость отъ всякихъ властей духовныхъ и свѣтскихъ; всесильное покровительство папъ и ихъ рекомендательныя письма открыли вамъ доступъ къ владыкамъ міра сего и, на первыхъ же порахъ, вы размѣстились по всѣмъ Европейскимъ дворамъ. Впослѣдствіи вы заняли такое же положеніе въ Японіи, Абиссиніи и Китаѣ ([43]). Дворъ и средоточіе правительства вездѣ служили вамъ операціоннымъ базисомъ — вы же любите сравненія изъ военнаго быта. Самъ Игнатій Лойола крѣпко на крѣпко внушилъ своей дружинѣ снискивать благосклонность царей и вельможъ, разумѣется,

([43]) Чтобъ стать поближе къ двору, іезуитскіе миссіонеры ничѣмъ не пренебрегали, даже составленіемъ языческихъ календарей и завѣдываніемъ королевскими псарнями. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. II. p. 87, 151, 152.

чтобъ угодить Богу; тоже наставленіе повторялось его преемниками тысячу разъ, въ разныхъ формахъ, и, надобно сознаться, ученики, въ этомъ отношеніи, исполнили въ точности завѣтъ своего учителя. Мы уже видѣли, что они сами это заявили и что успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ издавна составляли любимую тему обычнаго ихъ самовосхваленія. Вспомнимъ Imago primi sæculi и примѣненный къ Ордену текстъ Исаіи: Цари тебя вскормятъ, Царицы вспоятъ и т д. Теперь Іезуиты стали скромнѣе; но все же, по старой привычкѣ, вѣрные добрымъ преданіямъ своего общества, и вы, въ письмѣ вашемъ къ редактору «Дня», не упустили заявить, что ваши проповѣдники умѣютъ привлекать къ себѣ *избранныхъ слушателей*, что въ вашемъ обществѣ встрѣчаются *люди лучшихъ фамилій*, и что въ числѣ вашихъ соотечественниковъ, вступившихъ въ Орденъ, есть имена, *которыми гордится Русское дворянство* ([44]). Спорить противъ этого я не буду. Охотно вѣрю, что вы имѣли бы право украсить вашу вывѣску всевозможными гербами и написать на ней крупными буквами: поставщики благочестія на коронованныхъ особъ и высшее дворянство. Все это прекрасно; но такая практика взыскательна и постоянное угожденіе ей обходится не безъ пожертвованій. Постарайтесь припомнить, не приходилось ли вамъ, чтобъ не лишиться ея, поддѣлывать ввѣренный вамъ товаръ по ея вкусу, разводить и смягчать то, что казалось ей крутымъ, обрѣзывать и облегчать, что казалось тяжелымъ, наконецъ, не случалось ли вамъ, для поддержанія вашихъ лестныхъ связей съ большимъ свѣтомъ, отворачиваться отъ униженныхъ и отверженныхъ, напримѣръ хоть въ Индіи, когда, прохаживаясь рука объ

([44]) Въ старину ваши говорили тоже, но игривѣе и граціознѣе: „Comme les roses et les narcisses s'ouvrent au soleil, ainsi, à l'arrivée du père Cabral, la fleur de la Noblesse Japonaise ouvrit son coeur à l'Evangile". Tableau racourci de ce qui s'est fait par la compagnie de Jésus durant son premier siècle etc. etc. Tournay. 1642. p. 259.

руку съ нарядными браминами, вы встрѣчали на пути своемъ одѣтыхъ въ лохмотья Паріевъ? [45]

Сколько мнѣ извѣстно, Христовы Апостолы не имѣли такихъ успѣховъ, да и не искали ихъ; за то они не гнушались ни мытарей, ни самарянъ. Одинъ изъ Апостоловъ замѣчалъ даже, что между призванными не много было премудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ, то есть именно такихъ, какихъ выискиваютъ Іезуиты, и что, напротивъ, Богъ избиралъ безумныхъ, немощныхъ, худородныхъ міра и уничиженныхъ для посрамленія премудрыхъ, крѣпкихъ и значущихъ (Посл. къ Коринѳ. I. Гл. I. ст. 26—28). Другой Апостолъ спрашивалъ: не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія? (Соб. Іакова Гл. II. ст. 5) «Нѣтъ—отвѣтили бы Іезуиты—сперва сильныхъ и богатыхъ міра сего, а бѣдные и униженные пусть тянутся за ними. Таковъ у насъ порядокъ».

Іезуиты, это *маленькое, нищенствующее общество*, въ короткое время удивило весь міръ громадностью своихъ пріобрѣтеній и своимъ мастерствомъ въ стяжаніи, разумѣется, не на себя—сохрани Богъ!—не на личную пользу членовъ

([45]) Еще разъ сошлюсь на свидѣтельство Іезуита. Вотъ что писалъ въ 1587 году Клавдій Аквавива, орденскій генералъ, въ посланіи ко всѣмъ начальствующимъ: «привязанность къ міру и къ придворной средѣ (sœcularitas et aulicismus), побуждающая втираться въ домашній бытъ и заискивать благоволенія *внѣшнихъ*, составляетъ одинъ изъ опасныхъ недуговъ нашего общества; опасность эта обнаруживается какъ во внутренней его жизни, такъ и въ его отношеніяхъ къ внѣшнимъ. Почти безъ вѣдома нашего, это зло, мало по малу, проникаетъ, подъ *благовиднымъ предлогомъ задабриванія государей, прелатовъ и людей знатныхъ и пріобрѣтенія ихъ благоволенія къ обществу на служеніе Богу и ближнимъ*; на самомъ же дѣлѣ, мы ищемъ нашей пользы и вотъ что склоняетъ насъ къ уступчивости мірскому образу мыслей» (Hist. des Jés. par l'abbé Cuetée I. p. 471). Если такъ было въ концѣ XVI вѣка, что жъ послѣ, напримѣръ при Людовикахъ XIII и XIV, при Сигизмундѣ Польскомъ т. д.? Надобно прибавить, что подобные голоса рѣдко раздавались въ обществѣ и, разумѣется, терялись безслѣдно.

общества, даже не на пользу всего общества, а на *свои коллегіи*. Это значитъ, что приспособивъ къ своему обиходу Христову заповѣдь, они лѣвою рукою открывали лавки, снаряжали суда, учреждали банки, продавали и покупали, подбирались къ крупнымъ наслѣдствамъ и со всѣхъ сторонъ загребали капиталы [46], въ то время какъ правая рука, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ о подвигахъ лѣвой, твердымъ почеркомъ, безъ всякого дрожанія, подписывала обѣтъ нищества [47].

Апостоламъ далеко было до такого искусства.

Іезуиты, какъ люди практическіе, мало надѣялись на могущество безхитростной проповѣди и не слишкомъ довѣряли Божьей силѣ, заключенной въ словѣ крестномъ (Кор. 1. Гл. 1. ст. 18). Они любили дѣйствовать навѣрняка, и разсчитывали свой успѣхъ, въ христіанскихъ обществахъ, на ловкомъ приспособленіи строгихъ требованій нравственнаго закона къ понятіямъ, предубѣжденіямъ и привычкамъ, съ которыми не надѣялись совладать, а въ Китаѣ, Японіи, Индіи и Африкѣ, на сочетаніи христіанскихъ обрядовъ съ языческими суевѣріями; они предлагали средства оправдаться, не перерождаясь внутренно, и сдѣлаться христіаниномъ, не переставая быть язычникомъ. Правда, что для этого нельзя было не расширить узкихъ вратъ ко спасенію, и что въ крайности, во избѣжаніе соблаз-

---

([46]) Когда Іезуиты называютъ себя не солнцемъ, не луною и не питомцами царей и царицъ, а маленькимъ, скромнымъ, едва примѣтнымъ обществомъ, они увѣряютъ добрыхъ людей въ строгой обязательности произносимаго ими обѣта нищенства и доказываютъ это самыми рѣшительными статьями изъ своего устава. Какъ-же удалось имъ согласить эти статьи съ ихъ огромными пріобрѣтеніями и съ ихъ богатствомъ? Читатели, которыхъ заинтересовалъ бы этотъ вопросъ, найдутъ, въ видѣ приложенія къ этому письму, подробное объясненіе, какъ образчикъ іезуитскихъ пріемовъ.

([47]) Громадныя торговыя операціи Іезуитовъ въ Японіи, Индіи и другихъ земляхъ доказаны множествомъ свидѣтельствъ *исключительно латинскихъ*, какъ-то: донесеніями миссіонеровъ другихъ Орденовъ, разныхъ должностныхъ лицъ по колоніальному управленію, отчасти даже признаніями самихъ Іезуитовъ.

на, приходилось иногда припрятывать подальше распятаго Бога, принявшаго зракъ раба ([48]).

Но вѣдь не однимъ же Браминамъ и Бонзамъ, а и тѣмъ язычникамъ, которымъ проповѣдывали Христовы ученики, слово о крестѣ казалось соблазномъ и безуміемъ; однако, никому изъ Апостоловъ не приходило на умъ, приспособляясь къ предубѣжденіямъ слушателей, прикрывать отъ нихъ это слово. Они не говорили, какъ другіе, намъ извѣстные *дѣлатели льстивіи*: «сообразуйтеся вѣку сему», а напротивъ: «преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего». Они твердо вѣрили, что Богъ благоизволилъ не чѣмъ либо инымъ, а именно *буйствомъ* проповѣди спасти вѣрующихъ и оттого знать ничего не хотѣли кромѣ Іисуса Христа, и того распятаго. (Кор. I. Гл. I. ст. 18, 21, 23, Гл. II. ст. 2. Кор. II. Гл. XI. ст. 13. Римл. Гл. 12. ст. 2). Іезуиты, на оборотъ, хотѣли все знать, кромѣ распятаго Бога.

Іезуитскіе миссіонеры (за исключеніемъ очень немногихъ, дѣйствительно предпринимавшихъ обращеніе иновѣрцевъ на свой рискъ и безъ внѣшней поддержки) обыкновенно пристраивались къ военнымъ или дипломатическимъ экспедиціямъ, разумѣется не потому, чтобъ они уклонялись отъ опасности

([48]) Францисканскій миссіонеръ, Людвигъ Сотело, замученный Японцами (1626), не задолго передъ смертью, писалъ къ папѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Наслушавшись Іезуитскихъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ другихъ Орденовъ, туземцы начинаютъ поднимать насъ на смѣхъ; они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы исповѣдуемъ *двухъ* Боговъ, одного богатаго и могущественнаго (это Богъ Іезуитовъ) и другаго бѣднаго и смиреннаго (Бога другихъ проповѣдниковъ); второй, говорятъ туземцы, у перваго въ глубокомъ презрѣніи». Вотъ другое свидѣтельство: «Когда началось въ Японіи гоненіе на христіанъ, всѣхъ пристававшихъ къ берегу европейцевъ мѣстныя власти заставляли топтать и оплевывать распятіе, и Іезуиты, по торговымъ своимъ дѣламъ пріѣзжавшіе въ Японію, подчинялись этому требованію, оправдываясь тѣмъ, что они при этомъ обращали мысленно оскорбленіе къ презрѣнному металлу, а не къ изображенному на немъ Богу». Это свидѣтельство Французскаго главнокомандующаго при Индѣйской компаніи, ревностнаго католика. Въ Китаѣ, также умалчивали о Христѣ распятомъ. (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. 2, p. 32, 36, 84).

(въ недостаткѣ личной неустрашимости никто ихъ не упрекалъ), а потому, что по ихъ понятіямъ Слово Божіе успѣшнѣе сѣялось и давало лучшіе всходы на поляхъ, предварительно закрѣпленныхъ международными трактатами или обнесенныхъ бойницами. Оттого мы видимъ ихъ почти всегда въ хвостѣ военныхъ отрядовъ, напримѣръ, при опустошеніи Германіи имперскимъ генераломъ Тилли, котораго Іезуиты называли *старымъ добрякомъ* (ce bon vieillard) ([49]), а иногда въ авангардѣ Португальскихъ и Испанскихъ экспедицій, съ бѣрдышами въ рукахъ и насаженными на нихъ распятіями ([50]). Но гдѣ нельзя было ядрами пробивать путей Слову Божію, тамъ усердные миссіонеры Ордена не пренебрегали и путями дипломатическими. Обыкновенно, они прикомандировывались къ посланникамъ и министрамъ въ качествѣ торговцевъ, врачей, ученыхъ, аптекарей, астрономовъ, только не миссіонеровъ, и, въ этихъ случаяхъ, вмѣсто оружія, забирали съ собою тонко разсортированные выборы всякихъ вещицъ, нужныхъ чтобъ расположить слухъ иновѣрцевъ къ слушанію проповѣди (dona allectiva), напр. математическіе инструменты, клавикорды, игрушки всякого рода, конфекты и духи ([51]).

([49]) Tableau racourci de ce qui s'est fait etc etc. p. 433.

([50]) Les péres Jean Mesquita et Almeida accompagnèrent l'armée qui s'en allait entre l'Jdoleam et les Maures, le premier portant devant l'avangarde le crucifix attaché à une hallebarde Ibid p. 131. Самъ Францискъ Ксаверій, безспорно, одна изъ лучшихъ личностей Ордена, апостольствовалъ въ Индіи подъ прикрытіемъ военнаго конвоя, разрушавшаго капища и горячо настаивалъ на учрежденіи инквизиціи противъ новообращенныхъ. Hist. des Jés par l'abbé Guettée T I p. 91—93.

([51]) Для курьеза, приведу перечень того, что забрала съ собою большая миссія, снаряженная въ Китай: Le pape y envoyait une belle bibliothèque et des dispenses sur la rigueur du droit de l'Eglise; le roi d'Espagne dépécha des patentes pour dresser 15 résidences et pour fournir des rentes pour 300 personnes de notre compagnie Les sérenissimes princes des Pays-Bas Albert et Isabelle envoyèrent de très belles peintures et de très riches ornements d'Eglise et la reine mère du roi de France de riches tapisseries de Flandre. Le sérénissime Cosme, grand duc de Toscane donna une horloge d'un artifice incomparable en forme d'un satyre qui se promenait sur la table.. Les présents des archevêques de Cologne et de Trèves

Все это въ замѣнъ жезла, влагалища и сумы, которыхъ Спаситель не приказывать своимъ ученикамъ забирать съ собою въ путь (Лук. IX. 3, X. 4).

Еще разъ, въ чемъ же сходство? Нѣкоторые изъ вашихъ отвѣчаютъ: въ трудахъ, подъятыхъ на проповѣдь иновѣрцамъ и въ успѣхѣ обращенія; вы отвѣчаете — въ вынесенныхъ гоненіяхъ.

Дѣйствительно, труды Іезуитскихъ миссіонеровъ несомнѣнны; они избороздили всѣ моря, исходили всѣ пути и удивили міръ сперва быстротою, а потомъ непрочностью своихъ успѣховъ; но не всякій миссіонерскій трудъ и не всякій успѣхъ находитъ оправданіе передъ Богомъ. Были и въ ветхомъ завѣтѣ люди, во многомъ похожіе на Іезуитовъ, «проходившіе море и сушу сотворити единаго пришельца», но вспомните, что̀ сказалъ имъ Господь (Матѳ. XXIII. 15). Не знаю, какъ звучатъ эти Его слова въ ушахъ Іезуитовъ?

Гоненія и возбужденная ненависть также не рекомендаціи *сами по себѣ*. Вопросъ въ томъ, *за что* гонятъ и *чѣмъ* возбуждается ненависть?

На этотъ вопросъ служитъ отвѣтомъ вся исторія Іезуитовъ, а въ сокращенномъ видѣ, можно найти его въ декретѣ папы

étaient dignes de leurs altesses, donnant chacun une riche chasse pleine de sacrés ossements des onze mille vièrges. Les dons des autres princes furent des horloges de diverse grandeur et figure... un coffret d'ébène, œuvre raccourcie de l'art et de la nature, en laquelle il y avait plusieurs laiettes pleines de choses diverses et prodigieuses pour leur rareté... les éléments, des poissons, des oiseaux, des onguents, des fleurs, tout. Il y avait aussi des statues se mouvant par l'entremise de petites roues... des instruments musicaux, des dragées pour le goût, des senteurs pour l'odorat, toutes sortes d'ustensiles pour l'attouchement, et l'âme y avait à quoi s'occuper lorsque les sens extérieurs étaient ravis sur leurs objets etc. Les écrivains, les chirurgiens, les apothicaires, les cuisiniers chinois y auraient là leurs maîtres artistement élabourés et des enseignements muets. Vous y voyez aussi la vie de notre Seigneur exprimée en images et en un petit livret de ses Evangiles. Ce coffret n'avait que trois pieds, etc. etc. Это переносная лавочка *d'allechements à la piéte*, какъ говорятъ Іезуиты. Tableau racourci etc. p. 424, 425.

Климента XIV объ упраздненіи Ордена. Какъ ни противенъ вамъ этотъ документъ, но вы вѣроятно не захотите передъ Русскою публикою повторять объ немъ то, что̀ говорятъ ваши писатели въ кругу своихъ. Въ немъ высчитаны всѣ обвиненія, падавшія на ваше общество; многія изъ нихъ самимъ папою подтверждены, *и ни одно не опровергнуто, даже не отвергнуто имъ*. Вотъ они: Іезуитовъ обвиняли во внутреннихъ, домашнихъ распряхъ; въ нарушеніи мира и согласія въ Латинской церкви; въ возстаніяхъ противъ другихъ монашескихъ Орденовъ, пастырей церкви, академій, университетовъ, коллегій, училищъ и даже государей, дозволившихъ имъ водвориться въ своихъ державахъ; въ распространеніи ученія совершенно противнаго православію и доброй нравственности; въ любостяжаніи и алчности къ земнымъ благамъ; въ неумѣстномъ вмѣшательствѣ въ дѣла политики и государственнаго управленія; въ устраненіи обрядовъ, освященныхъ церковью и въ допущеніи и превратномъ объясненіи языческихъ суевѣрій; наконецъ, по свидѣтельству того же папы, не было почти такого тяжкаго обвиненія, которое бъ на нихъ не пало.

Довольно ли поводовъ къ гоненію, и есть ли между ними хоть одинъ, которымъ бы можно было похвалиться?

Я знаю, что Іезуиты ненавидятъ Климента XIV и всячески стараются умалить значеніе произнесеннаго имъ приговора; хитрости и извороты, къ которымъ прибѣгаютъ для этого отецъ Равиньанъ, Кретино-Жоли и другіе, по истинѣ, забавны и служатъ любопытнымъ комментаріемъ къ той безусловной преданности Римскимъ первосвященникамъ, которою Іезуиты хвалятся на словахъ и которую дѣйствительно оказываютъ на дѣлѣ, но только пока сами папы ихъ балуютъ. Преторіанцы дѣлали тоже. Хотятъ теперь увѣрить весь міръ, что Климентъ XIV разыгралъ съ Іезуитами, передъ всею Европою, роль Понтійскаго Пилата передъ раздраженными Іудеями и выдалъ своихъ слугъ на пропятіе, страха ради народнаго, будучи внутренно убѣжденъ въ ихъ невинности. Но этому

очевидно противорѣчитъ какъ внутренній смыслъ, такъ и самый образъ выраженія декрета; предвидя несомнѣнно тѣ нареканія, которымъ онъ подвергнется, папа, не безъ умысла, взялъ на себя трудъ со всѣхъ сторонъ защитить свое дѣло, связать его съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ распоряженій и доказать, что ему суждено лишь было исполнить то, что гораздо ранѣе было задумано его предшественниками. Впрочемъ, кто въ этомъ случаѣ правъ: Іезуиты ли или папа, это домашній, внутренній вопросъ Латинской церкви, до насъ не касающійся. Передъ нами, въ своихъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ ad extra, Іезуиты выставляютъ себя служителями и проповѣдниками папизма; но папа отъ нихъ отрекся и осудилъ ихъ. Мы въ правѣ ему вѣрить и не принимать апелляціи на его приговоръ. Это его, а не наше дѣло.

Другіе защитники Ордена относятся къ Клименту XIV умѣреннѣе и осторожнѣе. Они не рѣшаются обвинить его въ подломъ предательствѣ и сознаются, что обстоятельства той эпохи оправдывали его крутое рѣшеніе, какъ временную мѣру противъ временныхъ же золъ; но, прибавляютъ они, обстоятельства измѣнились; условія и вся историческая обстановка, подавшія поводъ къ тѣмъ уклоненіямъ Іезуитскаго Ордена отъ прямаго его назначенія, которыя вызвали противъ него взрывъ всеобщаго неудовольствія, теперь миновали и миновали безвозвратно; чѣмъ были нѣкогда Іезуиты, тѣмъ они уже никогда не сдѣлаются. Пусть же забудутся старые, безвозвратно минувшіе грѣхи, и пусть не отказываютъ цѣлому обществу въ правѣ употребить на пользу всѣхъ средства и способности, теперь уже безвредныя. Есть доля правды въ этихъ словахъ; дѣйствительно, при нынѣшнихъ понятіяхъ объ отношеніяхъ власти къ подданнымъ, при отсутствіи цензуры (тамъ, гдѣ ея нѣтъ) и при свободѣ преподаванія (тамъ, гдѣ она есть) іезуитизмъ не представляетъ прежней опасности, ибо не можетъ пріобрѣсти прежней силы; нельзя

также не признать, что люди XVIII вѣка, какъ прямые участники въ тяжбѣ съ Іезуитскимъ Орденомъ, не могли отнестись къ нему съ безпристрастіемъ судей и отличить въ его дѣятельности существенное отъ временнаго и случайнаго. Такое смѣшеніе замѣтно и въ декретѣ Климента XIV. Но легче ли будетъ Іезуитамъ передъ судомъ поколѣній, непричастныхъ къ ихъ тяжбѣ? Мнѣ кажется, что какъ ни длиненъ приведенный выше перечень ихъ грѣховъ, а все таки не все въ немъ высказано; по крайней мѣрѣ, въ немъ не выяснена, а какъ будто оставлена въ тѣни, главная причина всеобщаго негодованія, подъ тяжестью котораго надломился Орденъ. Я готовъ допустить, что изъ этихъ грѣховъ, иные могли бы быть прощены и забыты (разумѣется, если бы сами Іезуиты въ нихъ покаялись), но одинъ грѣхъ не простится и не забудется; онъ не можетъ быть ни прощенъ, ни забытъ, потому что въ немъ заключается вся сущность, весь сокъ іезуитизма, тайна его успѣховъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ, и, вмѣстѣ, оправданіе поразившаго его осужденія.

Въ душѣ каждаго человѣка таится болѣе или менѣе сознательное поползновеніе убаюкать свою совѣсть, подкупить ее, или спрятаться отъ ея докучливыхъ обличеній за какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Это поползновеніе хуже всякого прямаго влеченія ко злу, потому что ослабляетъ и стремится подрѣзать въ самомъ корнѣ всякое живое противодѣйствіе злу, начиная съ внутренняго смысла для различенія добра отъ зла. Іезуиты угадали въ покушеніяхъ человѣка на чуткость собственной его совѣсти и въ уклоненіяхъ его отъ строгихъ ея требованій, присутствіе страшной силы, способной сдѣлаться превосходнымъ орудіемъ для порабощенія чужой воли. Они изучили эту силу во всѣхъ ея проявленіяхъ, овладѣли ею, и на ней, какъ на незыблемой, всегда присущей психической основѣ, вывели стройное зданіе своего ученія и своей организаціи.

Подскоблить раздѣльную черту между добромъ и зломъ, стушевать крайности, заморить въ человѣкѣ жажду безпримѣсной правды и пріучить его довольствоваться правдоподобіемъ; замѣнить внутреннюю бесѣду съ совѣстью и тяжелый процессъ самообличенія справками въ каталогахъ дѣлъ грѣховныхъ и безгрѣшныхъ; пріискать на всѣ случаи формулы сдѣлокъ для примиренія нравственнаго закона, отталкивающаго своею строгостью, съ пороками, возмущающими чуткую совѣсть; водворить въ душѣ человѣка не миръ и не согласіе, а своего рода *Унію*, унію между истиною и ложью, добромъ и зломъ, Божьею правдою и человѣческою неправдою — такова была задача, въ своемъ родѣ великая и общечеловѣческая, надъ разрѣшеніемъ которой трудился Іезуитскій Орденъ. Нельзя не прибавить, что онъ дѣйствительно разрѣшилъ ее, и что труды его увѣнчались успѣхомъ, въ той мѣрѣ, въ какой вообще дается человѣку осуществленіе сознательной лжи. Этою задачею опредѣляется историческое значеніе Ордена и участіе его въ развитіи христіанскаго человѣчества. Спѣшу заявить, что ея нѣтъ въ уставѣ Ордена; а гдѣ и въ чемъ она высказалась — это я скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

Приложеніе.

I. Въ какой мѣрѣ соблюдается Іезуитами обѣтъ нищенства по уставу ихъ Ордена?

Каждый вступающій въ Орденъ произноситъ обѣтъ нищенства; это значитъ, что онъ отказывается отъ всякой личной собственности.

Общество, какъ собирательная личность, обязано также пребывать въ нищенствѣ и содержать себя подаяніемъ; оно

причисляется къ такъ называемымъ нищенствующимъ Орденамъ. Но правило это относится только и исключительно къ церквамъ и къ такъ называемымъ *домамъ* Ордена (domus societatis professæ), въ которыхъ живутъ вмѣстѣ члены, произнесшіе торжественные обѣты и отнюдь не распространяется ни на училища (коллегіи), ни на дома, въ которыхъ содержатся испытуемые (domus probationis).

Не должно однако предполагать, чтобъ училища и дома испытуемыхъ составляли, по отношенію къ ихъ имуществу, самостоятельныя юридическія личности и пользовались правомъ защищать свою собственность противъ какихъ либо покушеній со стороны Ордена. Вовсе нѣтъ; они относятся къ Ордену, какъ относятся къ полноправному хозяину отдѣльныя хозяйственныя статьи его имѣнія, на пр. винокуренный заводъ, фабрика и т. п. Каждая изъ нихъ имѣетъ, правда, свой отдѣльный бюджетъ, свои особенные доходы и расходы, но все это только для правильности учета. Вообще, всѣ заведенія Ордена, въ томъ числѣ училища и дома испытуемыхъ, равно какъ и весь личный составъ общества, подчиняются безусловно генералу и управляются должностными лицами, по делегаціи отъ него получающими власть свою. Слѣдовательно, разграниченіе въ отношеніи къ правамъ по имуществу, между церквами и домами профессовъ съ одной стороны, училищами и домами испытуемыхъ съ другой, есть не болѣе какъ правило внутреннее, домашнее, отнюдь не гарантированное правомъ жалобы или формальнаго иска.

Таковъ смыслъ *древнѣйшихъ* правилъ; но вскорѣ по утвержденіи ихъ, къ нимъ понадобились дополненія, частью для поясненія статей первоначальнаго устава, частью для узаконенія разныхъ изъятій и исключеній, вошедшихъ въ практику.

Такимъ образомъ, статьи устава, мало по малу, обросли множествомъ равносильныхъ имъ по своей обязательности *декларацій* и *аннотацій*, которыя долго разсматривались какъ дѣло домашнее и *секретное*. Главная ихъ цѣль — смягчить

и ослабить строгость первоначальныхъ правилъ и дать возможность обходить ихъ, въ особенности по всѣмъ статьямъ касавшимся пріобрѣтенія имуществъ всякаго рода и распоряженія ими.

Замѣчательно, что составители конституцій предугадывали это. Въ шестой части устава, мы читаемъ: «Оберегать силу обѣта нищенства какъ твердую ограду монашескаго Ордена. Каждый, вступающій въ общество, да клянется отнюдь не измѣнять, въ видахъ ослабленія ихъ, правилъ о нищенствѣ; ибо дознано, что врагъ рода человѣческаго всѣми мѣрами старается подкопаться подъ эту ограду и часто достигаетъ своей цѣли *посредствомъ декларацій и нововведеній, которыми измѣняются мудрые уставы,* въ противность духу вложенному въ нихъ основателями». (Les Constit. des Jés. Paulin Paris 1843. Constit. Pars VI. Cap. 11. § 1).

Дѣйствительно, такъ оно и сбылось; врагъ рода человѣческаго пролѣзъ въ крѣпость, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ коренномъ уставѣ значится:

«Церкви и дома профессовъ не должны имѣть никакихъ доходовъ, ни на ризницу (sacristia), ни на внѣшнее устройство и содержаніе (fabrica), такъ чтобъ обществу никогда бы не приходилось таковыми доходами завѣдывать; пусть оно возлагаетъ все упованіе свое на Бога, Который знаетъ какими путями обезпечить его всѣмъ нужнымъ. Равномѣрно, дома и церкви не должны имѣть никакой недвижимой собственности, за исключеніемъ того, что̀ имъ необходимо для жительства, или собственнаго употребленія, или что представляетъ особенныя для нихъ удобства (quod ad habitationem vel usum necessarium eis aut valde conveniens fuerit, — какая тонкая предусмотрительность въ редакціи!), какъ-то: отдѣльныхъ, уединенныхъ помѣщеній для выздоравливающихъ или посвящающихъ себя духовнымъ упражненіямъ, подъ условіемъ однако, не отдавать таковыхъ помѣщеній въ наемъ стороннимъ лицамъ и не получать съ нихъ, въ замѣнъ платы, натуральныхъ произведеній». (Ibid. Const. Par. VI. Cap. 11. § 2, 5).

А вотъ что читается въ декларацій: «Если однако кто нибудь изъ основателей домовъ или церквей пожелаетъ оставить постоянный доходъ на внѣшнее устройство и содержаніе церкви (ad fabricæ usum), то это не сочтется несовмѣстнымъ съ нищенствомъ, лишь бы общество не принимало на себя непосредственнаго завѣдыванія этимъ доходомъ и не пріобрѣтало на него права иска по суду (competat actio in illos), хотя, впрочемъ, общество, съ своей стороны, приложитъ попеченіе о томъ, чтобы то лице, которому оно поручитъ это дѣло, исполняло въ точности свою обязанность; такимъ же образомъ поступать *и въ другихъ подобныхъ случаяхъ* (et sic in rebus similibus)».

Далѣе: «Такъ какъ общество (разум. профессы) не должно пріобрѣтать никакихъ юридическихъ правъ на недвижимость, развѣ бы она служила для собственнаго его помѣщенія и употребленія, то ему вмѣняется въ обязанность всякое таковое пожертвованное имущество, *какъ можно скорѣе,* продать и употребить выручку на помощь бѣднымъ, *принадлежащимъ къ обществу* (pauperibus societatis) или стороннимъ. Однако, не воспрещается *выжидать* для продажи благопріятнаго времени. Все это относится исключительно до недвижимости, притомъ ненужной для собственнаго употребленія общества; что-жъ касается до всякаго рода движимости, какъ-то: *денегъ,* книгъ, столоваго запаса, одежды и т. п., то всѣмъ этимъ общество можетъ владѣть на правѣ полной собственности».

«Общество (профессы) не должно владѣть недвижимостью, приносящею ему доходъ, напр. отъ продажи плодовъ и овощей, получаемыхъ изъ сада, но можетъ пользоваться сими плодами для собственнаго употребленія; равномѣрно, можетъ сдать свой огородъ или свое поле фермеру или кому бы то ни было изъ мірянъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ завѣдывалъ имъ на свой счетъ, для себя, и лишь бы ни домъ, ни члены обще-

ства, порознь взятые, не участвовали въ прибыляхъ (Ibid. Declar. ad. §§ 2, 5). Само собою разумѣется, что этому мірянину, котораго избираетъ и назначаетъ общество, ничто не запрещаетъ, изъ благодарности, *жертвовать* обществу часть своего дохода».

И такъ пресловутый обѣтъ нищенства, въ отношеніи къ обществу профессовъ, не мѣшаетъ, во-первыхъ, владѣть, на правѣ полной собственности, всякою движимостью, въ томъ числѣ и денежными капиталами, безъ всякаго ограниченія; во-вторыхъ, не мѣшаетъ принимать пожертвованія въ видѣ постоянныхъ доходовъ, лишь бы они поступали черезъ руки повѣреннаго; въ третьихъ, не мѣшаетъ владѣть, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, лишь бы само общество имъ пользовалось; въ четвертыхъ, не мѣшаетъ принимать въ даръ всякое недвижимое имущество, подъ условіемъ лишь, ненужное для собственнаго употребленія, когда нибудь, обратить въ деньги и выручку раздать членамъ общества, которые всѣ вѣдь считаются бѣдными. Право съ такого рода нищенствомъ можно еще помириться.

Бѣдное общество! Какъ жестоко поступилъ съ нимъ врагъ рода человѣческаго.

Теперь обратимся къ училищамъ и къ домамъ для помѣщенія испытуемыхъ.

Древнѣйшія статьи устава дозволяютъ этимъ заведеніямъ получать всякаго рода доходы, но училища, которымъ собственныя ихъ средства даютъ возможность содержать, сверхъ учителей, 12 учениковъ, не должны ни выпрашивать, ни принимать ни милостыни, ни пожертвованій; это установлено ради назидательнаго дѣйствія на народъ (ad majorem populi aedificationem. Const. Pars IV. C. 11. § 6). А въ деклараціи значится: «Впрочемъ, если бы нашлись благотворители, которые пожелали бы пожертвовать какое-нибудь имѣніе или доходъ, то принять можно, дабы увеличить число учениковъ и преподавателей на службу Бо-

жію» (ibid. Declar.) Иными словами: отказываться, и все таки брать, мелочью пренебрегать, а крупнаго не пропускать.

Учредители Ордена хотѣли, чтобъ доходы училищъ употреблялись *исключительно* на содержаніе этихъ заведеній и чтобъ ни генералъ, ни профессы, ни даже коадъюторы (составляющіе второй разрядъ, одною степенью ниже профессовъ) отнюдь этими доходами не пользовались (Prim. ac gen. Exam. C. 1. § 4. etc.). Правило это развито во многихъ статьяхъ, напр.:

«Дома профессовъ не должны получать никакихъ пособій на свои расходы (какъ-то: на продовольствіе и одежду) изъ доходовъ училищъ» (Const. Pars. VI. C. 11. Declar. ad. § 3).

«Генералъ не долженъ обращать имуществъ училищъ ни въ пользу своихъ родственниковъ, ни даже въ пользу общества профессовъ» (Ibid. Pars. C. 11. § 5).

«Профессы содержатся подаяніемъ въ домахъ для нихъ учрежденныхъ (не въ училищахъ), и тому же правилу подчиняются коадъюторы, пока проживаютъ въ этихъ домахъ» (Ibid. Pars VI. C. 11. § 3, 4).

«Вся хозяйственная часть въ училищѣ поручается ректору изъ коадъюторовъ (не изъ профессовъ). Назначеніе професса въ должность ординарнаго ректора допускается только какъ изъятіе, по нуждѣ, или въ видахъ особенной пользы, дабы никакая часть училищныхъ доходовъ не употреблялась на дома профессовъ» (Ibid. Pars VI. C. 11. § 3).

Все это строго и опредѣлительно; но вотъ что гласятъ деклараціи:

«Дозволяется привлекать училища къ участію въ нѣкоторыхъ расходахъ, которые, по существу своему, падаютъ на дома профессовъ и покрывались бы средствами послѣднихъ, если бъ они были достаточны, напр. на одежду и путевое продовольствіе лицъ, посылаемыхъ изъ домовъ въ училища» (Ibid. Declar. ad. § 3).

«На короткое время профессы могутъ останавливаться

въ училищныхъ домахъ, напр. когда путешествуютъ; равномѣрно, и на болѣе продолжительный срокъ, для ученыхъ занятій, съ разрѣшенія генерала. Сверхъ того, допускаются на жительство въ училища тѣ изъ профессовъ, которые, для пользы сихъ заведеній, занимаютъ въ нихъ какія-либо должности, направляютъ обученіе, преподаютъ, проповѣдуютъ, исповѣдуютъ, помогаютъ ученикамъ въ лежащихъ на нихъ обязанностяхъ, или ревизуютъ, или управляютъ училищами. На этомъ основаніи всѣ профессы, завѣдующіе духовными или мірскими интересами училищъ, пріобрѣтаютъ право пользоваться ихъ доходами. Равномѣрно, и въ другихъ случаяхъ, допускаются изъ тѣхъ же источниковъ, ничтожные и мелкіе расходы на пособіе членамъ общества изъ профессовъ» (Consl. Pars IV. C. 11. Decl. ad § 5. P. VI. C. 11. Decl. ad. § 3).

Такъ стушевывается, мало по малу, проведенная въ коренномъ законѣ черта между имуществомъ училищъ и имуществомъ домовъ; да оно иначе и не мыслимо. Два хозяйства сливаются въ одно, потому что хозяинъ одинъ; и оказывается въ результатѣ, что общество профессовъ, повидимому строго удаленное отъ всякого участія въ богатыхъ доходахъ, числящихся подъ фирмою училищъ, на самомъ дѣлѣ, пользуется ими въ лицѣ своихъ членовъ.

Остается прибавить, во первыхъ, что всею собственностію и всѣми средствами Ордена, генералъ распоряжается полновластно и почти безконтрольно; во вторыхъ, что въ видахъ устраненія всякихъ въ этомъ отношеніи стѣсненій, уставъ предписываетъ всѣми мѣрами стараться не допускать *условныхъ* пожертвованій, которыя налагали бы на общество какія-либо обязанности въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ или предоставляли бы этимъ лицамъ право, въ опредѣленныхъ случаяхъ, получить обратно пожертвованное (Const. Pars III. C. 1. § 9. Pars IV. C. 1. Decl. ad § 3. C. 11. §§ 1, 2. Decl. ad. § 3. C. VII. § 3. C. X. § 2).

Пусть теперь судятъ читатели, въ какой мѣрѣ можно довѣрять новѣйшимъ защитникамъ Ордена, смѣло утверждающимъ, «что никогда никто не могъ упрекнуть его въ уклоненіи отъ конституцій, данныхъ ему его основателемъ» (52)?

2. Можетъ ли членъ Іезуитскаго общества пріобрѣтать имущества по наслѣдству?

Задайте этотъ вопросъ Іезуиту, не говоря ему, что вамъ случалось заглядывать въ Орденскій Уставъ и, по всей вѣроятности, вы услышите, что Іезуитъ не только не можетъ наслѣдовать самъ, но что даже общество не наслѣдуетъ за него, по праву представительства. Въ доказательство, вамъ укажутъ на статью 12 гл. 11 шестой части Устава. Въ этой статьѣ значится: «ни сами *профессы*, ни *утвержденные коадъюторы*, ни общественныя дома, церкви и коллегіи *за нихъ* (т. е. за профессовъ и коадъюторовъ) не наслѣдуютъ». И такъ, дѣло идетъ о членахъ общества двухъ высшихъ степеней; но вѣдь, кажется, что въ обществѣ есть еще двѣ степени, или два разряда: *испытуемыхъ* (novitii) и *учениковъ* (scholastici)? — «Конечно такъ, отвѣтитъ Іезуитъ, но слово *общество*, въ нашемъ уставѣ употребляется въ четырехъ различныхъ значеніяхъ, и я, отвѣчая на вопросъ,

(52) «On a pu dire à certaines époques de quelques ordres religieux qu'ils s'étaient relâchés de l'esprit de leur institution primitive; jamais on ne reprocha à la société des Jésuites de s'être éloignee de l'esprit de son fondateur ni des constitutions qu'il lui donna». Это писалъ отецъ Равиньанъ, человѣкъ, которымъ недавно еще хвалились Іезуиты и которому было поручено оправдать ихъ передъ Франціею (De l'existence et de l'institut des Jésuites etc. Paris 1844. p. 52). А въ декретѣ Климента XIV, 21 Іюля 1773 года, значилось между прочимъ: «Entre autres accusations intentées contre elle (la société de Jesus) on lui reprocha de rechercher avec trop d'avidité et d'empressement les biens de la terre etc. (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée T. III p. 489). И вѣдь Равиньанъ это зналъ!

принималъ его въ томъ смыслѣ, который у насъ считается третьимъ, то есть въ теснѣйшемъ, хотя и не въ самомъ тѣсномъ». — Однако, вѣдь и ученики, и испытуемые считаются же членами общества?» — «Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ статьяхъ устава говорится, что они *принадлежатъ* къ обществу и составляютъ *часть его*, не за то въ другихъ говорится, что они только готовятся къ поступленію въ него».

Какъ бы то ни было, очевидно, что запрещеніе наслѣдовать не относится къ цѣлымъ двумъ разрядамъ лицъ, вступившихъ въ общество. Декларація къ ст. 11 гл. 11 част. VI гласитъ даже, что ученики, равно какъ и испытуемые, могутъ оставлять за собою (разумѣется съ разрѣшенія своего начальства) недвижимую свою собственность, буде она находится не при томъ общественномъ домѣ, въ которомъ они проживаютъ. Это тѣмъ болѣе странно, что испытуемые, и до истеченія срока испытанія, допускаются, по собственному ихъ желанію, къ произнесенію обѣта нищенства, а ученики, всѣ безъ исключенія, обязываются къ произнесенію этого обѣта (Exam. Gen. C. 1. § 10. Decl. ad. § 12).

Поищемъ объясненія этой странности въ соображеніяхъ. Въ статьѣ, воспрещающей профессамъ и коадъюторамъ пріобрѣтать наслѣдства, приводятся какъ причины: желаніе *соблюсти нищенство*, во всей, его строгости (paupertatis puritas), воспользоваться *спокойствіемъ*, неразлучнымъ съ бѣдностью (quies quam secum affert), отсѣчь *поводы къ тяжбамъ* и распрямъ, сохранить ко всѣмъ *любовь*. Всѣ приведенныя, какъ нельзя болѣе уважительныя причины отличаются, очевидно, своею общностью, и нѣтъ между ними ни одной, которая бы относилась исключительно, или хотя бы преимущественно, къ которому либо изъ четырехъ ранговъ, на которые распадается общество. Почему же примѣненіе самаго правила ограничивается двумя лишь высши-

ми рангами, и почему, когда доходитъ дѣло до низшихъ, всѣ высчитанныя духовныя блага какъ будто бы теряются изъ виду или приносятся въ жертву другаго рода соображеніямъ?

Дѣло въ томъ, что право, отъ котораго общество такъ громко отказывается за професссовъ и коадъюторовъ, рѣшительно ничего не стоитъ, а то право, которое оно за собою удерживаетъ (т. е. право наслѣдованія за испытуемыхъ и за учениковъ) даетъ ему полную возможность забирать все, что когда-либо можетъ достаться по наслѣдству которому либо изъ его членовъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ сопоставить нѣкоторыя изъ статей устава.

Всякій, принимаемый въ общество, долженъ непремѣнно выдерживать искусъ, то есть поступить въ разрядъ испытуемыхъ (Exam. Gen. C. 1. § 12).

Онъ обязывается, при самомъ поступленіи и никакъ не позднѣе какъ по истеченіи перваго года испытанія, отречься отъ всего своего состоянія и распорядиться въ чью нибудь пользу не только тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно владѣетъ, но и тѣмъ, *что можетъ ему достаться въ послѣдствіи*.

Въ чью же пользу онъ распорядится? Въ уставѣ сказано, что онъ обязанъ остеречься отъ всякого предпочтенія своихъ родственниковъ, съ которыми онъ навсегда разлучился, и все свое имущество отдать бѣднымъ (ibid. C. IV. § 1, 2, 3. Const. Pars III. C. I. § 7 et Declar). Но мы знаемъ, что Іезуитское общество, какъ бы оно богато ни было, все-таки считается малѣйшимъ изъ малыхъ (minima societas) и бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ. Комментаторъ устава, Суарій говоритъ прямо, что испытуемый долженъ прежде всего принять въ соображеніе потребности и нужды общества, въ которое онъ вступаетъ, и прибавляетъ, что начальникъ можетъ даже просто потребовать отъ него пожертвованія и

отреченія въ пользу общества (ibid. Append. Note H. p. 455). Но къ чему требовать, когда такъ легко *склонить* и *убѣдить*? Далѣе, испытуемому внушается, что если Богъ (читай начальникъ) положитъ ему на сердце отдать обществу все свое имущество (въ томъ числѣ и ожидаемыя наслѣдства) или хоть часть своего состоянія, то приличнѣе всего сдѣлать это безусловно, не стѣсняя общества никакими назначеніями, въ распоряженіи жертвуемымъ (Constit. Pars. III. C. I. § 9 et Declar). Во всякомъ случаѣ, испытуемый распоряжается своимъ имуществомъ не иначе, какъ съ одобренія и утвержденія своего начальства.

Отреченіе въ пользу общества допускается и прежде достиженія испытуемымъ возраста, узаконеннаго для отчужденія имущества; но достиженіи имъ совершеннолѣтія, отреченіе, имъ сдѣланное, облекается въ строго законную форму; при этомъ, уставъ предписываетъ обращать особенное вниманіе на редакцію акта, въ видахъ предупрежденія всякаго повода къ спорамъ (ibid. Appen. Note H. p. 456, 457).

Остается еще справиться: долго ли длится испытаніе? По общему правилу—два года (Exam. Gen. C. I.§ 12); но, во первыхъ, отъ общества зависитъ растянуть этотъ срокъ (ibid. C. IV. § 43); во вторыхъ, выдержавшій полное испытаніе, можетъ быть переведенъ въ разрядъ учениковъ (scholastici), что составляетъ какъ бы продолженіе испытанія, (такъ какъ ученики все еще испытуются для высшихъ степеней) и можетъ, по усмотрѣнію начальства, оставаться въ этомъ рангѣ безсрочно, хоть всю жизнь (Appen. Note R. p. 482, 483).

Всѣ приведенныя статьи находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ общими коренными законами Латинской церкви. По правиламъ Тридентинскаго собора, отреченіе отъ имущества допускается не прежде какъ передъ самымъ произнесеніемъ торжественныхъ обѣтовъ (professio) и дѣлается обязательнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда за отреченіемъ

дѣйствительно послѣдуетъ произнесеніе обѣтовъ; самое произнесеніе обѣтовъ допускается не прежде какъ по окончаніи испытанія и не ранѣе какъ по достиженіи 16-лѣтняго возраста; наконецъ, по истеченіи срока назначеннаго для испытанія, испытанный окончательно вступаетъ въ общество, какъ полноправный членъ, или исключается изъ него. Но Іезуитамъ удалось ввернуть въ акты Тридентинскаго собора небольшую оговорку о нераспространеніи приведенныхъ правилъ на ихъ общество. Этимъ изъятіемъ они всегда чрезвычайно дорожили, какъ одною изъ самыхъ важныхъ своихъ привиллегій. Причина, кажется, сама собою обнаруживается (Append. Notes G et H).

Пока вступившій въ общество находится на испытаніи, общество, черезъ него, держитъ, какъ бы на ниткѣ, ожидаемыя имъ наслѣдства; оно растягиваетъ срокъ испытанія до тѣхъ поръ пока это нужно, чтобъ имѣть время притянуть къ себѣ все, что можно выудить черезъ испытуемаго; затѣмъ, обобравъ и обчистивъ его, когда ужъ нѣтъ никакой надежды пріобрѣсти черезъ него что либо еще, оно переводитъ его въ одинъ изъ высшихъ разрядовъ и отрекается торжественно, *ради спокойствія и любви*, отъ всякаго участія въ будущихъ его наслѣдствахъ. Такимъ образомъ, данный Богу обѣтъ остается *ненарушеннымъ*.

Но не всѣ судили объ этомъ такъ снисходительно. Выше приведено было свидѣтельство Климента XIV, повторившаго, въ своемъ декретѣ, общія жалобы своихъ современниковъ. Въ дополненіе, кстати будетъ привести другое, *іезуитское* свидѣтельство. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Орденскій генералъ Вителлесхи, въ посланіи 15 Ноября 1639 г., указывая на пороки и недостатки Іезуитскаго общества: «Въ лицахъ начальствующихъ замѣчается чрезмѣрное корыстолюбіе, распространяющееся на все. Отсюда ихъ обычная снисходительность ко всякому, кто только приноситъ имъ богатство... Со всѣхъ сторонъ насъ упрекаютъ въ томъ,

что мы гоняемся за житейскими удобствами, что мы преисполнены любостяжанія и ревности къ нашимъ собственнымъ выгодамъ, и т. д.» (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, I. p. 472, 473).

Отецъ Равиньанъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ и этотъ отзывъ; но это не помѣшало ему засвидѣтельствовать, что *никогда* и *никто* не рѣшался упрекнуть Іезуитскаго общества въ какомъ бы то ни было уклоненіи отъ его Устава. А вы хотите, чтобъ мы вѣрили свидѣтельству Іезуитовъ о самихъ себѣ!

ПИСЬМО II.

Первое отвѣтное письмо мое я окончилъ опредѣленіемъ капитальнаго подвига Іезуитовъ, назвавъ его мировою сдѣлкою, или *своего рода уніею* между правдою и ложью, добромъ и зломъ, закономъ и грѣхомъ. Разумѣется, вы скажете, что это клевета, изобрѣтенная какими-нибудь Жансенистами, врагами Христова имени, и подхваченная Русскимъ невѣжествомъ.

Но я попросилъ бы васъ выслушать сперва слѣдующій цитатъ, которымъ настоящее, второе, письмо мое свяжется съ первымъ. Какъ ни слабъ и ни безцвѣтенъ мой переводъ, но вы вѣроятно узнаете въ немъ знакомый вамъ, краснорѣчивый подлинникъ.

«Святѣйшій владыка узналъ не безъ глубокаго, душевнаго сокрушенія, что многія ученія, *вносящія распущенность въ область христіанской нравственности* (christianæ disciplinæ relaxativas) и ведущія къ погибели душъ, частью заимствуются у древнихъ и нынѣ возобновляются, частью возникаютъ вновь; что этотъ доходящій до крайности разгулъ невоздержныхъ умовъ (summam illam luxuriantium ingeniorum licentiam) съ каждымъ днемъ усиливается, и что теперь уже успѣли распространиться такія сужденія о предметахъ совѣсти, которыя, будучи совершенно несогласны съ Евангельскою простотою и съ ученіемъ Святыхъ Отцевъ, *неминуемо породили бы великую порчу въ христіанскихъ нравахъ*, если бъ вѣрующіе приняли эти сужденія за надежныя правила жизни. А потому, дабы путь къ спасенію, которому вер-

ховною Истиною, то есть самимъ Богомъ (Его же слово пребываетъ во вѣки) опредѣлено быть тѣснымъ, отнюдь и никогда бы не расширялся или, говоря точнѣе, не извращался къ погибели душъ, тотъ же святѣйшій владыка, желая пастырскою своею ревностію отвлечь ввѣренныхъ ему овецъ отъ *просторнаго, широкаго пути, ведущаго къ смерти духовной* и вернуть ихъ на прямую стезю, поручилъ разсмотрѣніе вышепомянутыхъ ученій, сперва нѣсколькимъ преподавателямъ Богословія, а затѣмъ—кардиналамъ генеральной инквизиціи».

Эти строки, буквально переведенныя съ латинскаго, служатъ вступленіемъ къ декретамъ 24 Сентября 1665 и 18 Марта 1666 годовъ, изданнымъ отъ лица папы Александра VII, и содержащимъ въ себѣ осужденіе и проклятіе 45-ти Іезуитскихъ положеній ([53]). Въ полемическихъ сочиненіяхъ самыхъ заклятыхъ враговъ Ордена, я не нашелъ характеристики болѣе мѣткой и, въ тоже время, приговора болѣе строгаго.

Разсудите сами—легкое ли дѣло! Духовное общество присвоило себѣ имя Іисусово, забрало въ свои руки народное воспитаніе, отбило у бѣлаго духовенства большую часть его духовныхъ чадъ, особенно въ кругу высшихъ сословій, и вдругъ оказывается, что назидательныя творенія, одобренныя и распространенныя этимъ обществомъ, портятъ нравы и сбиваютъ людей съ узкаго, Евангельскаго пути, на укатанный путь къ погибели; оказывается, что не одинъ Паскаль, котораго Іезуиты называютъ клеветникомъ, не одни Жансенисты, на которыхъ они взвели столько небылицъ, не одни протестанты и схизматики, но и кардиналы-инквизиторы, и самъ первосвященникъ Римскій, котораго нельзя

([53]) Въ этихъ декретахъ, Іезуиты по имени не названы и источники не указаны, но осужденные тезисы извлечены изъ сочиненій Іезуитскихъ богослововъ. Доказательства не трудно будетъ представить, если они потребуются.

же заподозрить въ систематической враждѣ къ Латинской церкви, сходятся въ своихъ сужденіяхъ и говорятъ въ одинъ голосъ; оказывается, наконецъ, что, приписавъ Іезуитамъ введеніе уніи между добромъ и зломъ, я только парафразировалъ приговоръ Ватиканскаго громовержца. На этомъ я могъ бы остановиться, въ полной увѣренности, что вы меня поймете и не потребуете отъ меня ближайшихъ указаній. Вы были нѣкогда членомъ Православной Церкви и, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по собственному выбору, перешли изъ нея подъ знамя Лойолы; какъ ни непонятенъ для меня такой выборъ, но я не могу не предположить, что рѣшенію вашему предшествовало глубокое изученіе всей богословской литературы вашего Ордена. Безъ всякаго сомнѣнія, она вамъ знакома гораздо ближе, чѣмъ мнѣ. Вы знаете поэтому, что Александръ VII имѣлъ въ виду не случайныя уклоненія какихъ-либо немногихъ, одинокихъ личностей, но цѣлую школу, воспитанную Орденомъ, въ которой насчитываются сотни писателей; для васъ не тайна, что эта школа, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, трудилась въ одномъ духѣ, по одной программѣ, выработывая систему такъ называемаго *облегченнаго благочестія* la dévotion aisée ([54]); и такъ какъ вы гордитесь званіемъ Іезуита, то вѣроятно, сличая произведенія вашихъ учителей, вы не разъ приходили въ восторгъ отъ той необыкновенной послѣдовательности въ трудѣ, съ которою одинъ прокладывалъ новую тропу и ставилъ на ней вѣхи, другой, идя по стопамъ смѣлаго піонера, снималъ съ нея препятствія и расширялъ ее, а третій равнялъ и укатывалъ. Повторяю, для васъ все это дѣло извѣстное.

Но въ массѣ Русской публики, передъ которою завязалась между нами эта переписка и для которой мы ведемъ ее, я не въ правѣ предполагать такихъ же спеціальныхъ

([54]) La dévotion aisée—заглавіе очень извѣстнаго сочиненія Іезуита Отца Лемоана; но оно годилось бы въ заглавіе ко всѣмъ твореніямъ казуистовъ Ордена и здѣсь употребляется въ этомъ широкомъ смыслѣ.

познаній и потому, если не вы, то другіе читатели потребуютъ, можетъ быть, прямыхъ доказательствъ строительнаго искусства благочестивыхъ Отцевъ и пожелаютъ ознакомиться съ ихъ пріемами въ устройствѣ тѣхъ широкихъ дорогъ, которыхъ такъ боялся папа Александръ VII. Благодаря плодовитости писателей Ордена, этому требованію удовлетворить не трудно.

Всего бы легче было извлечь изъ сочиненій нѣсколькихъ ученыхъ Іезуитовъ, пользующихся въ своемъ кругу наибольшимъ авторитетомъ, самыя яркія мѣста, сшить ихъ на живую нитку, связать въ одинъ пучекъ и поднести читателямъ, какъ эссенцію цѣлаго ученія.

Можно бы также изъ ряда первоклассныхъ писателей выбрать одного, притомъ непремѣнно такого, который бы не отличался ни оригинальностью, ни особенною смѣлостью своихъ воззрѣній, а могъ бы быть принятъ за типическое выраженіе всей школы, и представить, хотя сжатое, но по возможности полное изложеніе одной его системы.

Перваго способа придержался Паскаль въ своихъ Lettres d'un Provincial и выполнилъ свою задачу такъ, что послѣ него никто конечно не рѣшится взяться за нее вновь. Въ видахъ полемическихъ, способъ этотъ представляетъ несомнѣнныя выгоды; но я охотно отъ нихъ отказываюсь, во первыхъ, чтобъ избѣжать встрѣчи съ Паскалемъ, а во вторыхъ потому, что цѣль моя отнюдь не полемическая. Въ настоящее время, у насъ Русскихъ, какая можетъ быть полемика съ Іезуитами? Благодаря Бога, мы съ ними не сталкиваемся и даже не встрѣчаемся лицомъ къ лицу. Насъ интересуетъ не столько Іезуитскій Орденъ, въ смыслѣ историческаго учрежденія, сколько *іезуитство* въ смыслѣ психическаго явленія или нравственной заразы, коренящейся въ самой душѣ человѣческой, и потому способной развиться повсемѣстно и отравить всякую общественную среду, разумѣется — при извѣстныхъ условіяхъ внутренней испорченности.

Наше дѣло — узнать эту болѣзнь, назвать ее по имени и опредѣлить ея діагностику; иными словами, я хотѣлъ бы, не пускаясь въ возраженія, ограничиться раскрытіемъ тѣхъ глубоко обдуманныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ іезуитизмъ проникаетъ въ совѣсть и мутитъ ее, прослѣдить логическую ихъ генеалогію и показать ихъ общее происхожденіе изъ одного строго выдержаннаго намѣренія.

Къ этой цѣли, второй изъ указанныхъ выше способовъ, то есть полное изложеніе цѣлой системы нравственнаго ученія по одному писателю, приведетъ насъ прямѣе, чѣмъ первый, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ, аналогическій выводъ совершенно безопасенъ. Одинъ можетъ отвѣчать за всю школу, ибо всѣмъ извѣстно, что единство доктрины нигдѣ такъ строго не соблюдается, какъ въ Іезуитскомъ Орденѣ и составляетъ одно изъ существенныхъ правилъ его конституціи. Правда, писатели этого Ордена очень часто между собою расходятся, другъ другу противорѣчатъ и одинъ другаго оспориваютъ, но только въ частностяхъ и подробностяхъ. Вся разница между ними заключается въ степени ихъ личной снисходительности къ порокамъ, и въ этомъ отношеніи, нельзя не замѣтить послѣдовательности въ прогрессѣ.

Древнѣйшіе извиняютъ многое, ихъ послѣдователи прощаютъ больше, а новѣйшіе переносятъ еще дальше границу дозволеннаго (53). Затѣмъ, построеніе системы нравственныхъ обязанностей, основныя положенія о значеніи совѣсти, грѣха, о степени обязанности закона, особенно же — и это важнѣе всего — общее направленіе въ примѣненіи этихъ положеній къ вопросамъ совѣсти, у всѣхъ совершенно одинаковы.

---

(53) Любопытные примѣры этой постепенности въ послабленія приводитъ Еллендорфъ въ своей книгѣ: Die Moral und Politik der Jesuiten 1840 Seit. 270, 271, 280—282.

Остается найти такого писателя, противъ котораго не могли бы ничего сказать и отъ котораго не могли бы отречься почитатели и защитники Ордена. Изъ немногихъ мнѣ доступныхъ источниковъ, я остановился на учебникѣ Германа Бузенбаума, извѣстномъ подъ замысловатымъ заглавіемъ «Мозжечка нравственнаго богословія» (Hermanni Busenbaum Medulla Theologiæ moralis facili ac perspicua methodo resolvens casus conscientiæ, ex variis probatisque autoribus concinnata, omnibus pœnitentibus æque ac confessariis perquam utilis. Coloniæ. 1694).

Прежде всего нужно оправдать этотъ выборъ, сказавъ нѣсколько словъ объ авторѣ и о самой книгѣ.

Бузенбаумъ жилъ во второй половинѣ XVII вѣка и преподавалъ богословіе въ Кельнѣ. Книга его не иное что, какъ его же лекціи, записанныя съ его словъ, потомъ тщательно имъ просмотренныя и затѣмъ, на основаніи лестныхъ отзывовъ великихъ мужей (maximorum virorum) *и по приказанію Орденскаго начальства* (cum superiorum juberet voluntas), изданныя для руководства духовниковъ, не вполнѣ искусившихся въ управленіи совѣстями. Самъ авторъ, въ предисловіи своемъ, говоритъ, что онъ подражалъ пчеламъ, которыя изъ лучшихъ цвѣтовъ высасываютъ наиполезнѣйшее и складываютъ въ одномъ ульѣ. Это значитъ, что книга его не болѣе какъ сводъ или сборникъ чужихъ мнѣній, что въ ней нѣтъ ни одной строки, которая бы не была подкрѣплена ссылками на извѣстныхъ писателей, разумѣется Іезуитскаго Ордена, и что онъ самъ почти ничего не внесъ въ нее отъ себя. Такой писатель намъ и нуженъ. Въ многотомномъ словарѣ писателей Іезуитскаго Ордена ([56]) Бузенбаумъ названъ *«добродѣтельнымъ и опытнымъ въ направленіи душъ»*; — vertueux et versé dans la conduite des âmes. Тамъ же значится, что учебникъ его вызвалъ не мало кри-

([56]) Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus.

тикъ, но нашелъ себѣ полное оправданіе, во первыхъ, во множествѣ выдержанныхъ имъ изданій, а во вторыхъ, въ одобреніи, котораго удостоилось Богословіе Альфонса Лигуорія, положившаго книгу Бузенбаума въ основаніе своему труду. Альфонсъ Лигуорій причисленъ Латинскою церковью къ лику святыхъ, и по книгѣ его долго преподавалось нравственное богословіе въ Іезуитскихъ училищахъ. Затѣмъ, трудъ Лигуорія, въ свою очередь, послужилъ главнымъ основаніемъ для учебника нравственнаго богословія, составленнаго преподавателемъ этого предмета о. Муллетомъ, изданнаго съ разрѣшенія духовнаго начальства, въ Фрейбургѣ, въ 1834 году ([57]) и принятаго какъ руководство, по части нравственнаго богословія, во всѣхъ Французскихъ семинаріяхъ ([58]). Такимъ образомъ связывается непрерывною нитью ученіе XVII вѣка съ ученіемъ современнымъ.

Изданій книги Бузенбаума насчитывается, начиная съ 1650 года, болѣе шестидесяти пяти. Одно это обстоятельство доказываетъ, что можно смѣло ссылаться на нее, какъ на выраженіе не личныхъ мнѣній одного автора, а ученія, цѣлымъ Орденомъ признаннаго и одобреннаго. Къ тому же, всѣмъ извѣстно, что по Іезуитскому уставу никакое сочиненіе, написанное членомъ Общества, не можетъ быть издано имъ безъ предварительнаго просмотра Орденскою цензурою и утвержденія главнаго настоятеля — Генерала Ордена ([59]). Цензорамъ, въ силу данной имъ спеціальной инструкціи, вмѣняется въ обязанность имѣть въ виду славу Божію *и пользу Ордена* и смотрѣть въ особенности за основательностью и *однообразіемъ* ученія; для достиженія этой цѣли,

([57]) Compendium Theol. mor. quod ad usum Theologiæ candidatorum ex variis auctoribus, præsertim ex B. Ligorio excerpsit I. P. Moulle olim profes. Theol. mor. Superiorum permissu, Friburgi Helvetiorum, etc. etc. 1834.

([58]) Les Jésuites et l'Université par. F. Génin. Paris, Paulin 1844. Trois. part. p. 415—417.

([59]) Constit. cum declar. Sept. pars C. IV § 11. Paris Paulin 1843.

имъ предоставляется право не только вычеркивать и исключать сомнительное, но также исправлять представляемыя имъ рукописи и дѣлать въ нихъ всякаго рода измѣненія, по указаніямъ Генерала. Слѣдовательно, Орденская цензура не ограничивается полицейскою, то есть отрицательною обязанностью въ области мысли; она не только *бракуетъ* и отсѣкаетъ негодное, но *одобряетъ* пропускаемое; иными словами, она ручается за все выходящее съ ея разрѣшенія (60). Въ отношеніи къ учебнику Бузенбаума, разумѣется, всѣ эти правила соблюдены были въ точности, какъ видно изъ приложенныхъ къ нему печатнаго разрѣшенія Провинціала (по уполномочію отъ Генерала) и печатнаго же одобренія цензоровъ. Изданіе, которымъ я пользуюсь, принадлежитъ къ древнѣйшимъ, хотя оно уже очищено авторомъ и исправлено противъ первыхъ, особенно по декретамъ папъ Александра VII и Иннокентія XI, осудившихъ болѣе ста тезисовъ, пущенныхъ въ ходъ казуистами Ордена.

Не смотря однако на эти исправленія, и не смотря на то, что книга Бузенбаума, въ сравненіи съ твореніями какого-нибудь Эскобара, Санчеза, Молины и другихъ Іезуитовъ, всегда принадлежала къ числу умѣренныхъ, даже безцвѣтныхъ, нѣтъ сомнѣнія, что православный читатель, въ первый разъ встрѣчающійся съ казуистами Ордена, не скоро повѣритъ, что передъ нимъ раскрыто произведеніе, дѣйствительно слывущее за курсъ нравственнаго богословія. Скорѣе придетъ ему на мысль: не по ошибкѣ ли подшитъ къ его экземпляру заглавный листъ?

Прежде всего, ему покажется страннымъ, что въ христіанскомъ нравственномъ богословіи, тексты изъ Священнаго Писанія встрѣчаются не болѣе какихъ нибудь десяти разъ и гораздо рѣже, чѣмъ тексты изъ Римскаго гражданскаго права. Указаній на святыхъ Отцевъ церкви онъ также почти

(60) Die Moral und Politik der Jesuiten etc. von Ellendorf. Vorrede, p. XV.

не найдетъ; за то, въ каждомъ параграфѣ, онъ увидитъ ссылки на такихъ писателей, о которыхъ онъ, можетъ быть и не слыхивалъ и о которыхъ, внѣ Іезуитской школы, почти никто и не знаетъ. Чаще всего, онъ встрѣтится съ Азоромъ, Тамбурини, Наваромъ, Филліуціемъ, Эскобаромъ, Регинальдомъ, Лайманомъ, Лессингомъ, Санчезомъ, Лайнезомъ, Суаріемъ, Васкезомъ, и многими другими, ихъ же имя легіонъ. Это казуисты Ордена, *благочестивые, мудрые, ученые, основательные, опытные мужи* (viri pii, prudentes, docti, graves, artis periti) какъ ихъ называютъ сами Іезуиты, ихъ свѣтила и признанные ими авторитеты въ дѣлахъ совѣсти. Нѣкоторые изъ Іезуитскихъ писателей, разумѣется той же школы (напр. Регинальдъ), прямо даже утверждаютъ, что въ вопросахъ совѣсти новѣйшимъ учителямъ, то есть казуистамъ, слѣдуетъ давать предпочтеніе передъ древнѣйшими и ближайшими къ Апостоламъ Отцами Церкви. Видно, послѣдніе не такъ ясно понимали дѣло духовнаго совершенствованія.

Далѣе, въ книгѣ Бузенбаума, поразитъ читателя разнообразіе и пестрота содержанія. Дѣйствительно, трудно найти предметъ, о которомъ бы въ ней не говорилось. Это своего рода энциклопедія или справочная книга, къ которой можно обращаться за разрѣшеніями на всякаго рода затрудненія. Въ ней есть, между прочимъ, правила о выдачѣ солдатамъ квартирныхъ билетовъ и о карточной игрѣ; наставленіе о надежнѣйшихъ способахъ наживать вѣрные проценты, пуская свой капиталъ въ торговый оборотъ и, въ тоже время, застраховывая себя отъ всякихъ потерь; подробное ученіе о всевозможныхъ видахъ контрактовъ и обязательствъ, о заемныхъ письмахъ, сохранныхъ роспискахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, о камбіи и рекамбіи и т. д. Но не ищите въ ней ни психологическихъ фактовъ, ни наблюденій надъ внутренними процессами духовнаго паденія и благодатнаго возрожденія. Всего этого, Іезуиты, разумѣет-

ся не отрицаютъ; но они этимъ не занимаются, даже не затрогиваютъ этой области. Она для нихъ посторонняя. Нравственное богословіе, какъ они его понимаютъ, отъ начала до конца, занимается разрѣшеніемъ одного вопроса: чего требуетъ законъ отъ человѣка и какъ бы отбиться отъ его требованій — и только.

Наконецъ, читатель наткнется на цѣлыя главы, дышащія такимъ безстыднымъ и, въ то же время, изысканнымъ развратомъ воображенія, что кровь бросится ему въ голову, если онъ сохранилъ способность краснѣть за другихъ, а книга вывалится изъ рукъ его, если онъ самъ не броситъ ее отъ себя по дальше.

Что-жъ дѣлать! Все это черты общія всѣмъ казуистамъ Ордена, а вовсе не отличительныя особенности добродѣтельнаго и опытнаго Бузенбаума. Я нарочно указываю на нихъ, чтобъ отстранить отъ себя подозрѣніе въ злонамѣренномъ выборѣ руководителя, и съ тою же цѣлію, въ дальнѣйшемъ изложеніи, буду приводить параллельныя мѣста изъ другихъ писателей той же школы и изъ тезисовъ, осужденныхъ папскими декретами (61). Это послужитъ къ убѣжденію читате-

(61) Никто изъ писавшихъ объ Іезуитахъ (разумѣется кромѣ самихъ Іезуитовъ и ихъ поклонниковъ) не избѣгнулъ упрека въ голословности сужденій или въ злонамѣренномъ искаженіи текстовъ. Поэтому, зная съ кѣмъ я имѣю дѣло, считаю нужнымъ указать служащіе мнѣ источники и пособія и объяснить какъ я ими пользуюсь. Передо мною лежатъ: Нравственное Богословіе Бузенбаума, книга Санчеза о супружествѣ (de sancto matrimonii Sacramento disputationum tomi tres), Краткое Богословіе Антонія Эскобара (Liber theologiæ moralis viginti quatuor societatis Jesu Doctoribus reseratus etc. post 37 editiones editio novissima juxta editiones Bruxellensem 1651 et postremam Lugdunensem et venundatur Parisiis, 1656); тезисы осужденные папами, по іезуитскому изданію, приложенному къ книгѣ Бузенбаума (Propositiones damnatæ ab Alex. VII Innocent XI et Alex. VIII. 24 Sept. 1665, 18 Mart. 1666. 2 Mart. 1679, 24 Aug. 1690). Всѣ эти источники я цитую по подлинникамъ и, слѣдовательно, отвѣчаю лично за точность ссылокъ. Сверхъ сего, я пользуюсь двумя сводами положеній, извлеченныхъ изъ іезуитскихъ богослововъ; изъ нихъ, первый, неизвѣстнаго автора, изданъ въ Парижѣ, въ 1844 году подъ заглавіемъ: Doctrines morales et politiques.

ля въ справедливости сказаннаго о казуистахъ вообще и, кстати, дастъ ему возможность составить себѣ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ Іезуиты уважали папскіе приговоры и подчинялись имъ (62).

cas de conscience et aphorismes des Jesuites, textuellement extraits et traduits des écrivains de la Compagnie de Jésus; второй составленъ пасторомъ Еллендорфомъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, и изданъ въ Дармштадтѣ, въ 1840 году, подъ заглавіемъ: Die Moral und Politik der Jesuiten, nach den Schriften der vorzüglichsten theologischen Autoren dieses Ordens. Писателей Ордена, которыхъ подлинныя сочиненія были мнѣ недоступны, я цитую по этимъ Сборникамъ, особенно по послѣднему; онъ составленъ добросовѣстно и тщательно, въ чемъ я убѣдился, сличивъ съ подлинниками цитаты изъ книгъ Бузенбаума, Санчеза и Эскобара.

Мое изложеніе системы Бузенбаума занимаетъ середину между извлеченіемъ и подстрочнымъ переводомъ; я передаю положенія автора въ сокращеніи, но его же словами. Нѣкоторыя мѣста, напримѣръ самые существенные тезисы и яркіе примѣры, привожу, по возможности, буквально и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, притомъ всегда въ скобкахъ, вставляю отъ себя немногія, дополнительныя слова, совершенно необходимыя для ясности. Вообще, какъ въ сокращеніи, такъ и въ переводѣ, я придерживался не столько буквы, сколько смысла и старался передавать мысли автора, отнюдь не обобщая, не натягивая, но и не ослабляя ихъ. Въ этихъ видахъ, вопервыхъ, сохранены всѣ существенныя, вводныя предложенія, ограничивающія или стѣсняющія примѣненіе того или другаго положенія; вовторыхъ, гдѣ только возникало малѣйшее сомнѣніе въ точности перевода, подлинныя выраженія текста приводились въ скобкахъ. Понятно, что изложеніе не могло отъ этого не потерпѣть; сознаю вполнѣ, что оно тяжело и нескладно; за то, я считаю себя въ правѣ поручиться за его вѣрность, и, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что безпристрастные читатели не упрекнутъ меня въ злонамѣренномъ искаженіи. Отъ повѣрки и справокъ съ текстами, я не уклоняюсь, а напротивъ, для облегченія ихъ, указываю вездѣ на источники и пособія. Нѣкоторыя, немногія мѣста приведены въ подлинникѣ, на Латинскомъ языкѣ, безъ перевода. Я не рѣшился, да и цензура бы не дозволила, осквернить нашъ родной языкъ выраженіемъ тѣхъ помысловъ, на которыхъ, съ такою любовью, останавливалось засоренное воображеніе благочестивыхъ и мудрыхъ мужей Ордена. Они приспособили къ этому употребленію языкъ Латинскій, тотъ самый, на которомъ славословили Бога; пусть же подъ покровомъ этого языка и на ихъ отвѣтственности, остается вся мерзость и нечистота, занесенныя ими въ область ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Истинѣ и Святости.

(62) Я буду ссылаться на Суарія (Suarez) и на Васкеза (Vasquez) чаще чѣмъ на другихъ писателей, потому что эти два богослова слывутъ и теперь у Іезуитовъ свѣтилами первой величины. Отецъ Равиньянъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1844 г., писалъ: «Можно ли не видѣть при-

И такъ, я обращаюсь теперь не къ Отцу Мартынову, а къ православному читателю: сложимъ у самаго предверія нравственную брюзгливость (съ этимъ грузомъ насъ бы не впустили) и, по слѣдамъ нашего добродѣтельнаго руководителя, спустимся въ лабиринтъ іезуитской казуистики.

I. О совѣсти.

«Человѣку, для управленія его дѣйствіями, даны два правила (regulæ), одно внутреннее — совѣсть, другое внѣшнее — законъ. Совѣсть, *обыкновенно*, подсказываетъ правду (то есть вѣрно различаетъ добро и зло) и, въ такомъ случаѣ, называется прямою (communiter est recta, dictans quod verum est); но иногда она заблуждается (est erronea), напримѣръ, когда принимаетъ зло за добро. Заблужденіе совѣсти бываетъ двоякаго рода: иногда оно можетъ быть избѣгнуто человѣкомъ, а иногда оно неизбѣжно; въ первомъ случаѣ, заблужденіе называется *непобѣдимымъ* (error invincibilis), во второмъ — *побѣдимымъ*. Заблужденіе перваго рода, по самой неизбѣжности, почитается невольнымъ и потому въ вину не вмѣняется (ideoque nec voluntarius est (invincibilis error) et consequenter, non imputatur ad culpam. Busenb. Liber 1. Tractatus 1, Caput 1; Responsio 1)».

Слѣдовательно, отупѣніе совѣсти, *само по себѣ*, независимо отъ обстоятельствъ; помраченіе и даже утрата внутренняго смысла для распознанія добра и зла, не почитаются, повторяю опять, *по себѣ*, признаками отпаденія человѣка отъ Бога въ области сознанія и не имѣютъ, *по себѣ*,

знаковъ богословскаго генія въ Суаріѣ и Васкезѣ, которыхъ Бенедиктъ XIV называлъ двумя свѣтильниками Богословія, duo luminaria Theologiæ?» Равиньянъ писалъ апологію Іезуитовъ и рекомендовалъ ихъ Парижской публикѣ; поэтому, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, выставлялъ товаръ лицемъ, то есть указывалъ на лучшихъ и, по мнѣнію Ордена, самыхъ безукоризненныхъ представителей ученія. По этимъ избраннымъ, которыми Іезуиты считаютъ себя въ правѣ гордиться, пусть читатели судятъ о массѣ худшихъ, о которыхъ они благоразумно умалчиваютъ.

свойства грѣховности. Такимъ образомъ, съ перваго же слова, человѣкъ облегчается отъ всей тяжести такъ называемаго грѣха по невѣдѣнію. Онъ просто скидывается со счета. Далѣе, въ ученіи о грѣхѣ, это положеніе выступитъ еще яснѣе.

Отсюда выводится:

«Что человѣкъ обязанъ слѣдовать внушеніямъ совѣсти не только прямой, *но и невинно заблуждающейся* и что, поступивъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ вопреки своей совѣсти (заблуждающейся), онъ впалъ бы въ грѣхъ (non tantum conscientia recta, sed etiam inculpabiliter erronea obligat ut eam sequaris et si contra facis, peccas). Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что свойство поступка (разумѣется, въ этомъ случаѣ, его грѣховность или безгрѣшность) зависитъ отъ того, какъ, въ данномъ случаѣ, представился разуму объектъ поступка, т. е. самое дѣло (quia objectum tribuit actui speciem, prout hic et nunc ab intellectu proponitur. Busenb. L. 1. Tr. 1. C. 1. Resp. 2. Escob. Liber Theol. moral. Examen III. Caput II. 5).

Читатели конечно обратятъ вниманіе на это многозначительное правило, содержащее въ себѣ разгадку многаго не только въ ученіи, но и въ практикѣ Іезуитскаго Ордена. Авторъ подкрѣпляетъ его ссылкою на блаженнаго Ѳому (точность ссылки пусть остается на его отвѣтственности) и объясняетъ его слѣдующимъ примѣромъ: «Кто лжетъ, чтобъ избавить ближняго отъ опасности, угрожающей его жизни, думая, что къ этому обязываетъ его состраданіе, тотъ дѣлаетъ доброе дѣло, и если бъ не солгалъ, то погрѣшилъ бы противъ состраданія» (Busen. ibid.).

Въ подобныхъ случаяхъ, то есть, когда человѣкъ грѣшитъ добросовѣстно, думая, что онъ поступаетъ по правдѣ и по долгу, что дѣлать духовнику? Казалось бы, кому же, коли не ему вразумить открытую передъ нимъ совѣсть? Авторъ, въ разрѣшеніе этого вопроса, даетъ слѣдующій от-

вѣтъ, зная напередъ, что въ кругу *своихъ*, умѣющихъ понимать намёки, онъ не пропадетъ даромъ:

«Если духовникъ усмотритъ, что кающійся находится въ состояніи непобѣдимаго (слѣдовательно невиннаго заблужденія), напримѣръ: добросовѣстно удерживаетъ въ своемъ владѣніи чужую вещь, то онъ обязанъ вразумить и предостеречь его *въ томъ лишь случаѣ, когда можно ожидать отъ этого пользы и нѣтъ повода опасаться* еще бо́льшаго *вреда*; въ противномъ же случаѣ, не обязанъ, даже не можетъ, развѣ бы (оговариваетъ одинъ учитель) этого требовало общественное благо: ибо духовникъ долженъ радѣть о пользѣ кающагося. Поэтому, когда отъ вразумленія не ожидается никакого успѣха, ни прока, онъ даже имѣетъ право присовѣтовать кающемуся сообразоваться въ своей жизни съ своимъ заблужденіемъ, хотя бы отъ этого долженъ былъ произойти ущербъ для третьяго лица. Такъ (обращаясь къ тому же примѣру), если духовникъ предусматриваетъ, что кающійся не отдастъ чужой вещи, хотя бы ему и стали разъяснять, что актъ, въ которомъ онъ находитъ мнимое оправданіе своему владѣнію, вовсе не дѣйствителенъ, то духовникъ отнюдь не долженъ входить *отъ себя* въ подобныя разъясненія, буде самъ кающійся его объ этомъ не спроситъ. Иное дѣло, если бы послѣдній усомнился въ своемъ правѣ и сталъ бы самъ просить совѣта. Въ подобномъ случаѣ, духовникъ обязанъ сказать ему правду, но осторожно и отнюдь не переступая въ своемъ отвѣтѣ границъ заданнаго ему вопроса» (Busenb. Liber VI. Tractatus IV. Caput II. Dubium V. Responsio I. Casus 7).

Выше было объяснено, что такъ называемое непобѣдимое заблужденіе обладаетъ свойствомъ смывать вину и превращать грѣховное дѣло въ безгрѣшное; слѣдовательно, такое заблужденіе само по себѣ драгоцѣнно, а потому понятна бережливость, съ которою относятся къ нему Іезуиты, заботливо охраняя его отъ риска подвергнуться вразумленію и черезъ это утратить присущую въ немъ очистительную силу. Одна лишь надежда на успѣхъ уполномочиваетъ на вразумленіе и увѣщаніе; если нѣтъ такой надежды — а кто поручится что она есть? — молчаніе обязательно. И такъ, все подчиняется здѣсь чисто человѣческимъ соображеніямъ, разсчетамъ и вѣроятностямъ; о Божьей благодати, о дѣйствіи Духа, идѣже хощетъ вѣющаго—ни полслова. Но какъ же согласить это правило съ проповѣдью христіанства язычникамъ? Развѣ тутъ не встрѣчается на каждомъ шагу заблужденіе упорное, носящее всѣ признаки непобѣдимости? Неужели, и въ этомъ случаѣ, молчать до тѣхъ поръ, пока вѣроятность перевѣситъ сомнѣніе въ успѣхѣ? Самая практика Ордена, прославившагося своими миссіонерскими подвигами, кажется, противорѣчитъ этому правилу. — Да! кажется, но именно только кажется; на самомъ же дѣлѣ, нигдѣ оно не находило такого широкаго примѣненія, какъ въ миссіяхъ. Гдѣ внѣшняя сила была въ рукахъ Іезуитовъ, гдѣ можно было разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ проповѣди, подкрѣпленной правительственными мѣрами, тамъ они дѣйствовали рѣшительно и безъ утаекъ; но гдѣ недоставало этихъ средствъ, гдѣ, по неволѣ, приходилось имѣть дѣло съ убѣжденіями, ихъ двуличная проповѣдь постоянно пасовала при встрѣчѣ съ такъ называемымъ непобѣдимымъ заблужденіемъ, и передъ нимъ склонялась ввѣренная ихъ рукамъ хоругвь Спасителя. Такъ, напримѣръ, ознакомившись съ условіями общественнаго быта въ Индіи, миссіонеры Ордена порѣшили въ своей премудрости, что было бы безумно проповѣдывать братство въ средѣ пропитанной духомъ кастъ и благоразумно ограничились возможнымъ; то есть, они понастроили не мало церквей, роздали и распродали несмѣтное количество четокъ и образковъ; но, слѣдуя примѣру духовника, о которомъ сейчасъ было говорено, они не отважились на борьбу съ непобѣдимыми предубѣжденіями браминовъ противъ паріевъ. Мало того, они сами себя

выдали за браминовъ и усвоили себѣ ихъ предубѣжденія. Дѣло дошло до того, что священники, называвшіе себя прямыми послѣдователями Апостоловъ, приняли за правило, во избѣжаніе оскверненія, не входить въ дома паріевъ, не прикасаться къ нимъ, при совершеніи надъ ними таинства елеосвященія употреблять какія-то палочки, строить для нихъ особыя церкви и выгонять ихъ изъ храмовъ, въ которыхъ собирались на молитву брамины и высшія сословія.

Такимъ же порядкомъ поддѣлывалась Іезуитская проповѣдь подъ религіозныя заблужденія Японцевъ, Китайцевъ и Мусульманъ, распространяя между ними разсчетливо подпорченное христіанство или, точнѣе, какую-то нездоровую помѣсь христіанской терминологіи съ догматами и обрядами грубѣйшаго язычества. И все это дѣлалось сознательно, по системѣ. Напрасно другіе монашескіе Ордена протестовали противъ посрамленія церкви; напрасно мѣстные епископы и папскіе легаты пытались положить конецъ соблазну; напрасно сами Римскіе первосвященники, не разъ, а по нѣскольку разъ, просили, умоляли, приказывали пощадить христіанство; разгулявшіеся на просторѣ Преторіянцы папизма никого не слушали. Они отписывались, отрекались и отлыгались, прятали подлинные папскіе декреты и распускали подложные *оракулы* (oracles Verbaux), т. е. словесныя резолюціи папъ; наконецъ, когда масса накопившихся, неопровержимыхъ уликъ, повидимому, обрѣзывала имъ всѣ выходы, они пускали въ ходъ послѣдній запасный свой аргументъ: малѣйшее отступленіе отъ нашей системы, говорили они, погубитъ миссію и остановитъ успѣхъ обращенія. Разумѣется — *ихъ* миссію и обращеніе въ *ихъ* смыслѣ. Случилось разъ, по этому поводу, невѣроятное происшествіе: кардиналъ Беллярминъ, какъ извѣстно, самъ Іезуитъ и одинъ изъ надежнѣйшихъ покровителей Ордена, слыша безпрестанное повтореніе этой угрозы, вышелъ изъ себя и проговорился: «Христово Евангеліе не нуждается ни въ подкраскѣ,

ни въ поддѣлкѣ; пусть лучше брамины не обращаются къ истинной вѣрѣ, лишь бы сами христіане не проповѣдывали Евангелія не искренно и не свободно. Христосъ на крестѣ соблазнялъ Іудеевъ, а Еллинамъ казался безуміемъ, но не переставъ же ради этого Боговдохновенный Павелъ, не перестали и другіе Апостолы проповѣдывать свободно и правдиво Христа распятаго. Не хочу заводить спора о каждой статьѣ порознь; но не могу не заявить, что подражаніе гордости браминовъ, по моему убѣжденію, прямо противорѣчитъ смиренію Господа нашего Іисуса Христа, а снисходительное допущеніе извѣстныхъ обрядовъ (языческихъ) крайне опасно для вѣры.» Эти слова, въ минуту какого-то просвѣтленія, сорвались съ языка обычно скованнаго преданіями Ордена и прозвучали безотзывно; видно, они также встрѣтили непобѣдимое заблужденіе, которому самъ произнесшій ихъ, одумавшись и, можетъ быть, выдержавъ эпитимію, поспѣшно подчинился ([63]).

Читатели простятъ это отступленіе. Теорія Іезуитовъ такъ ловко приспособлена къ ихъ практикѣ, практика ихъ такъ

———

([63]) Все сказанное о дѣйствіяхъ миссіонеровъ основано частью на подлинныхъ документахъ, бумагахъ, декретахъ, окружныхъ посланіяхъ, частью на свидѣтельствахъ *исключительно* латинскихъ прелатовъ, легатовъ и монаховъ Августинскаго, Францисканскаго, Капуцинскаго и другихъ орденовъ. Любопытные могутъ навести справки въ: 1) Mémoires Historiques présentés au souverain pontif Benoit XIV sur les missions des Indes Orientales etc par le R. P. Norbert capucin de Lorraine, Missionnaire Apostolique etc. Lucques 1745. 2) Six lettres d'un docteur ou relation des assemblées de la faculté de Théologie de Paris, tenues en Sorbonne sur les opinions des Jésuites touchant la religion, les cultes et la morale des Chinois etc. Cologne. 1701. 3) Lettre à M-me de Lionne sur le libelle des Jésuites contre M-r l'Evêque de Rosalie, son fils. Rome. 10 Fevr. 1701. 4) Le Mahométisme toléré par les Jésuites dans l'Isle de Chio. 1711. 5) Lettres de M-r Maigrot à M. Charmot du 11 Janvier 1699, qui montrent la fausseté de ce que le père Le Comte a écrit touchant la religion ancienne des Chinois. 1701. 6) Histoire des Jésuites etc par l'abbé Guettée. Paris. 1859. Авторъ этой замѣчательной книги извлекъ множество фактовъ изъ источниковъ, долго бывшихъ недоступными.

строго держится въ границахъ теоріи, что одна другой служитъ необходимымъ дополненіемъ, и нѣтъ возможности высмотрѣть всего содержанія ученія безъ пособія живаго къ нему комментарія фактовъ. Случается иногда, что ученіе съ практикою, повидимому, совершенно расходится, но при внимательномъ изслѣдованіи, въ этихъ-то именно размолвкахъ и обнаруживается во всей ясности внутреннее ихъ единство, обусловленное происхожденіемъ изъ одного намѣренія.

Такого рода кажущееся противорѣчіе, читатель, въ первый разъ заглядывающій въ захолустья Іезуитскаго такъ называемаго нравственнаго богословія, встрѣтитъ вѣроятно и въ вышеизложенномъ ученіи о совѣсти. Не странноли въ самомъ дѣлѣ? Два обвиненія, въ безцеремонномъ обращеніи съ совѣстью и въ систематическомъ посягательствѣ на духовную свободу человѣка, такъ сказать, прилипли къ Іезуитамъ; таковъ приговоръ исторіи, подтверждаемый повсемѣстнымъ употребленіемъ самого имени Іезуитовъ въ смыслѣ общаго прозвища. Между тѣмъ оказывается, что по ихъ ученію, въ основаніе всего нравственнаго строя полагается не иное что, какъ *добросовѣстность*, въ смыслѣ сообразности внѣшнихъ дѣйствій съ внушеніями совѣсти, каковы бы они ни были сами по себѣ; что этому требованію субъективной правды подчиняется другое, казалось бы, по существу своему, по крайней мѣрѣ равносильное первому—требованіе правды объективной, или сообразности дѣйствій съ закономъ; что вслѣдствіе этого, авторитетъ закона, какъ будто, отодвигается на задній планъ, и каждая личность, притомъ, именно самая неотчуждаемая, ни для кого неприступная сердцевина личности—совѣсть человѣка, становится для самой себя нормою добра и зла.

Для ясности послѣдующаго изложенія, необходимо теперь же объяснить эту странность. Дѣло въ томъ, что Іезуиты относятся къ личной совѣсти точно также, какъ относятся они къ верховной власти Римскаго первосвященника. Они

ставятъ ее безконечно высоко, выше чѣмъ что-либо, поклоняются ей до земли, ниже чѣмъ кто-либо; но цѣль ихъ — овладѣть ею и черезъ нее подчинить себѣ все. Она для нихъ не болѣе, какъ орудіе, которое они бросаютъ и ломаютъ, какъ скоро оно перестаетъ имъ служить. Представьте себѣ человѣка, для котораго его совѣсть сдѣлалась бы верховнымъ закономъ, и предположите, что кому-нибудь удалось бы поработить ее, мало того, — выкрасть ее изъ его души, взять ее въ свои руки и спрятать въ свой карманъ. Не правда ли, что такой человѣкъ перестаpъ бы быть человѣкомъ самъ по себѣ и превратился бы въ принадлежность чужой мысли и воли? Счастливый обладатель его совѣсти сталъ бы водить его за собою и отпускать ему, по порціямъ, на вѣсъ и мѣрою, его духовную пищу. Какъ же однако выкрасть или какъ купить чужую совѣсть? Дѣло это кажется несбыточнымъ; но невозможное для другихъ, возможно для Іезуитовъ. Они дѣйствительно нашли средство купить у человѣка его совѣсть цѣною фальшиваго, ими же составленнаго свидѣтельства на право соблазнительной безнаказанности. Что такова была ихъ цѣль, въ этомъ читатели сами убѣдятся, какъ скоро передъ ними раскроются придуманныя для ея достиженія средства. Главнѣйшее изъ нихъ, въ своемъ родѣ геніальное, извѣстно всѣмъ, хотя бы по наслышкѣ, это теорія вѣроятности или, точнѣе—*правдоподобія*, пробабилизмъ. Но не забѣгая впередъ, можно, кажется, высмотрѣть эту цѣль и въ томъ, что уже повѣдалъ намъ добродѣтельный Бузенбаумъ о совѣсти. Сказано выше, что человѣкъ обязанъ слѣдовать внушеніямъ совѣсти даже заблуждающейся, когда заблужденіе непреодолимо, то есть невольно, и потому безгрѣшно. Не правда ли, что въ этомъ изрѣченіи слышна какая-то соблазнительная поблажка? Какъбы, кажется, не воспользоваться ею; да жаль, что какъ правило, данное человѣку для собственнаго его руководства, оно лишено всякаго смысла. Можно ли представить себѣ че-

ловѣка, разсуждающаго про себя слѣдующимъ образомъ: «совѣсть моя велитъ мнѣ обворовать или оклеветать ближняго для вящшей славы Божіей, ad majorem Dei gloriam; я сознаю, что это заблужденіе, но оно непреодолимо и невольно, ибо я воспитанъ въ такой средѣ, въ которой то и другое разрѣшается, а потому я могу смѣло и не грѣша послѣдовать внушенію моей совѣсти.» Очевидно, самъ человѣкъ, пока его совѣсть дѣйствительно находится еще при немъ, никогда не обратится къ самому себѣ съ такою рѣчью; ибо коль скоро заблужденіе сознано, совѣсть изъ-подъ его гнета высвободилась; она же, то есть совѣсть, на него и указываетъ, называя его заблужденіемъ и тѣмъ самымъ опредѣляя противоположный ему путь правды. Заблужденіе сознанное уже побѣждено, а потому дѣло, подъ вліяніемъ такого заблужденія задуманное и исполненное, не можетъ считаться безгрѣшнымъ; до тѣхъ же поръ, пока заблужденіе дѣйствительно невольно, то есть безсознательно, человѣкъ видитъ въ немъ не заблужденіе, а внушеніе правды.

Что жъ ему дѣлать съ правиломъ, рѣшительно для него непримѣнимымъ? Бузенбаумъ не договорилъ своей мысли; но наставленіе, которое онъ даетъ духовнику, пополняетъ недосказанное. Дѣло въ томъ, что правило это, очевидно, дано человѣку не для того, чтобъ онъ самъ руководствовался имъ въ управленіи собою, а для того, чтобъ онъ поручилъ примѣненіе его къ себѣ другому лицу. Сторонній человѣкъ, всматриваясь въ чужую душу, дѣйствительно отличитъ въ ней вольное заблужденіе отъ невольнаго; онъ пойметъ, при нѣкоторой подготовкѣ, особенно если онъ прошелъ черезъ школу *опытныхъ мужей*, чего ожидаетъ отъ него отдающаяся ему на попеченіе совѣсть; онъ не откажется пораздвинуть для нея кругъ непреодолимаго и невольнаго и снисходительно поможетъ вдасться въ обманъ, которому не поддалась бы эта совѣсть, себѣ самой предоставленная. И такъ, вся

задача въ томъ, какъ бы подготовить и чѣмъ оправдать сдачу совѣсти съ рукъ на руки.

II. О правдоподобіи.

Человѣкъ ощущаетъ въ себѣ борьбу разнородныхъ, одно другому противоположныхъ побужденій; надобно на что нибудь рѣшиться (tenetur se resolvere), а совѣсть недоумѣваетъ. Какъ быть? Казуисты даютъ на это слѣдующее правило: кто руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ правдоподобнымъ мнѣніемъ (opinio probabilis), тотъ можетъ быть спокоенъ, ибо, ни въ какомъ случаѣ, не грѣшитъ.

А что такое правдоподобное мнѣніе? — «Правдоподобнымъ признается всякое мнѣніе, основанное на доводахъ сколько нибудь уважительныхъ» (quoe rationibus innititur alicujus momenti. Esc. Lib. Theol. Mor. Exam. III. Cap. III. 8. Busenb. Lib. I. Trac. I. Cap. II. Dub. I. Resp. 3.)

А какъ опознать уважительность?—На это есть вѣрный признакъ: «если мнѣніе имѣетъ за себя авторитетъ нѣсколькихъ мужей благочестивыхъ, мудрыхъ и опытныхъ, или *даже одного такого мужа*, то оно правдоподобно и на практикѣ безопасно» (in praxi secura); иными словами: можно смѣло ему слѣдовать, не рискуя впасть въ грѣхъ (Busenb. Lib. I. Tr. I. Cap. II. Resp. 3. Escob. Lib. Th. Mor. Exam. III. Cap. III 8 ([64]).

А кто эти мужи?... Но читатель вѣроятно пощадитъ скромность Іезуитовъ и догадается самъ.

И такъ, голосъ мужа, признаннаго Іезуитами за авторитетъ, придаетъ мнѣнію свойство правдоподобія. Это, разумѣется, отнюдь не значитъ, чтобъ оно было истинно; Іезуиты никогда этого не утверждали. Вся сила и вся глубокая безнравственность ученія въ томъ именно и заклю-

([64]) Тому же учатъ Санчезъ, Наварръ, Са и всѣ вообще казуисты Ордена. Ellendorf. p. 5, 6 etc etc.

чается, что *нѣтъ ничего общаго* между правдоподобіемъ и истиною.

Благочестивые и ученые мужи, затмившіе собою Отцевъ Церкви и заставившіе позабыть объ нихъ, какъ извѣстно, заходили иногда очень далеко и, на каждомъ шагу, одинъ другому противорѣчили въ отвѣтахъ на одни и тѣ же вопросы. Стоитъ развернуть любаго казуиста, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Одинъ называетъ дѣло грѣхомъ смертнымъ, другой простительнымъ, третій вовсе не грѣхомъ. Изъ этихъ мнѣній только одно можетъ быть истинно, остальныя непремѣнно ложны; о томъ, которое истинно, идутъ продолжительные, горячіе споры; но, не смотря на то, всѣ три мнѣнія почитаются правдоподобными, то есть надежными и безопасными, какъ правила для руководства совѣсти, ибо всѣ три поддерживаются авторитетами. Всѣми тремя мнѣніями, въ совокупности взятыми, опредѣляются границы правдоподобія по данному вопросу. Это не предположеніе и не исключеніе, а общее и коренное правило, всѣми казуистами признанное. Въ этомъ они всѣ между собою согласны. Мнѣніе, прослывшее правдоподобнымъ, хотя бы впослѣдствіи оно было опровергнуто, остается навсегда правдоподобнымъ и лишается этого свойства лишь въ случаѣ торжественнаго осужденія его церковною властью, то есть папою. Съ этой минуты, оно перестаетъ быть правдоподобнымъ. Таково, по крайней мѣрѣ, требованіе теоріи, а практика обнаружится дальше. Понятно, что при встрѣчѣ съ массою противоположныхъ, хотя и правдоподобныхъ мнѣній, совѣсть часто становилась въ тупикъ. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ, кому вѣрить, чѣмъ руководствоваться въ выборѣ?

Не взять ли за правило изъ многихъ правдоподобныхъ и между собою непримиримыхъ мнѣній, слѣдовать всегда правдоподобнѣйшему, по свидѣтельству совѣсти, ищущей вразумленія?—Повидимому, это было бы всего сообразнѣе съ требованіемъ добросовѣстности, такъ высоко поставленнымъ

въ началѣ; но Іезуиты, принимая къ сердцу человѣческую немощь, не усматриваютъ въ этомъ надобности. Они находятъ, «что это было бы невыносимо тяжело и подало бы поводъ мнительнымъ совѣстямъ тревожиться сомнѣніями.» (Busen. L. I. T. I. C. II. D. II. R.)

Или, не держаться ли того мнѣнія, которое представляетъ наименѣе опасности впасть въ грѣхъ, иными словами: не воздерживаться ли отъ всего сомнительно-законнаго и дозволеннаго?—Опытные мужи и этого не требуютъ. Предложенные вопросы разрѣшаются очень просто. Вотъ одинъ отвѣтъ:

1) «Говоря вообще, пока мы основываемся въ нашихъ дѣйствіяхъ на какомъ бы то ни было правдоподобіи, внутреннемъ или внѣшнемъ (sive intrinseca, sive extrinseca), хотя бы на самомъ слабомъ (quantumvis tenui), лишь бы только оно не выходило изъ границъ правдоподобія, до тѣхъ поръ мы дѣйствуемъ осмотрительно (prudenter)». Изъ этого общаго правила выведены слѣдующія, въ примѣненіи къ судьямъ:

2) «Правдоподобно ученіе, разрѣшающее судьѣ, при постановленіи приговора, руководствоваться мнѣніемъ менѣе правдоподобнымъ (откинувъ правдоподобнѣйшее)».

3) «Когда обѣ стороны приводятъ въ свою пользу основанія одинаково правдоподобныя, судья можетъ взять деньги отъ одного изъ тяжущихся, чтобы произнести приговоръ въ его пользу». Это переведено буквально, а попробуйте сказать Іезуитамъ, что теоріею правдоподобія оправдывается взяточничество, и васъ непремѣнно назовутъ клеветникомъ.

Эти три тезиса, за 15 лѣтъ до выхода того изданія книги Бузенбаума, которымъ я пользуюсь, были осуждены и прокляты папами Александромъ VII и Иннокентіемъ XI; ихъ декреты припечатаны въ приложеніяхъ къ этому изданію (Propositiones damnatæ 24 Sept. 1665, № 26. 2 Mart. 1679 №№. 2, 3).

Любопытно теперь посмотрѣть, на сколько нашъ добродѣтельный руководитель воспользовался уроками Римскихъ

первосвященниковъ и какъ онъ разрѣшилъ вопросъ. Вотъ его отвѣтъ:

«Нисколько не грѣша, можно слѣдовать мнѣнію правдоподобному, *даже чужому* (въ противоположность голосу своей совѣсти) и *менѣе безопасному, отвергнувъ правдоподобнѣйшее, безопаснѣйшее и свое собственное*, лишь бы, во-первыхъ, не подвергался черезъ это опасности или ущербу ближній ([65]), и, во-вторыхъ, принимаемое мнѣніе было бы все-таки правдоподобно. Таково (прибавляетъ авторъ) сужденіе большей части учителей» (Busen. L. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Res.).

Приговоры Римскихъ первосвященниковъ, какъ видно, не помѣшали автору остаться при своемъ, и авторитетъ опытныхъ мужей перевѣсилъ въ его глазахъ авторитетъ боговдохновенныхъ владыкъ Латинской церкви. Это одинъ изъ очень многихъ примѣровъ единства, которымъ она славится, и хваленаго послушанія Іезуитовъ.

Изъ приведенныхъ выписокъ, само собою вытекаетъ слѣдующее заключеніе, котораго авторъ впрочемъ и не скрываетъ, заявляя его въ разныхъ мѣстахъ своей книги: «Въ выборѣ мнѣнія изъ нѣсколькихъ правдоподобныхъ, всякій можетъ руководствоваться своими выгодами и слѣдовать на практикѣ тому, которое наименѣе его стѣсняетъ и наиболѣе ему благопріятствуетъ (opinio favorabilior, magis sibi favens).»

На тѣхъ же основаніяхъ, составлена слѣдующая инструкція для духовниковъ:

«Духовникъ, а равно всякій ученый мужъ (къ которому обращаются за совѣтомъ) можетъ отвѣчать опрашивающему, руководствуясь *чужимъ*, правдоподобнымъ мнѣніемъ, если оно благопріятнѣе для опрашивающаго, и *устранить свое собственное мнѣніе*, хотя бы оно было *правдоподобнѣе* и

([65]) Изъ примѣровъ, которые будутъ приведены ниже, читатель удостовѣрится, что эта оговорка вставлена только для формы и, при разрѣшеніи отдѣльныхъ казусовъ, совершенно забывается.

безопаснѣе; ибо самъ духовникъ могъ бы смѣло послѣдовать первому мнѣнію» — это ученіе Бузенбаума, а Эскобаръ прибавляетъ отъ себя, въ практическихъ правилахъ Іезуитской школы (praxis ex Societatis Jesu scola): «Чѣмъ чаще духовникъ будетъ совѣтовать то, что́ можетъ быть исполнено опрашивающимъ его легче, съ наименьшею опасностью и наименьшимъ для него неудобствомъ, тѣмъ лучшимъ прослыветъ онъ совѣтникомъ.» (Busen. Lib. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Cas. I. Escob. Lib. Th. Mor. Ex. III. Cap. VI. 24.)

«Призванный на совѣтъ можетъ также заявить опрашивающему, что такое-то мнѣніе нѣкоторыми учеными защищается какъ правдоподобное и что онъ (опрашивающій) можетъ имъ руководствоваться, хотя самъ подающій совѣтъ признаетъ это мнѣніе въ теоріи (speculative) ложнымъ и потому не посмѣлъ бы послѣдовать ему на практикѣ». Тому же учитъ Равиньаново свѣтило, геніальный Васкезъ.

«Исповѣдующемуся, когда онъ заявляетъ намѣреніе послѣдовать мнѣнію правдоподобному, духовникъ можетъ и даже, по общепринятому мнѣнію, обязанъ, подъ страхомъ смертнаго грѣха, дать отпущеніе (хотя бы самъ считалъ это мнѣніе ложнымъ), не отсылая кающагося къ другому духовнику, раздѣляющему его мнѣніе; ибо хорошо расположенному не должно отказывать въ отпущеніи грѣховъ, а готовность послѣдовать правдоподобному мнѣнію, сама по себѣ, свидѣтельствуетъ объ удовлетворительности внутренняго расположенія».

«Не подлежатъ осужденію тѣ, которые поочередно обращаются ко многимъ учителямъ, пока наконецъ отыщутъ такого, котораго мнѣніе было бы для нихъ благопріятно, лишь бы этотъ учитель былъ опытенъ, благочестивъ и не слылъ чудакомъ (non singularis habeatur); ибо таковые, самымъ этимъ исканіемъ, заявляютъ о своемъ намѣреніи послѣдовать мнѣнію правдоподобному.» (Busen. Lib. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Cas. 2, 3, 4. Lib. VI. Tr. IV. C. II. D. V. R. I. Cas. 2.)

И такъ, каждому разрѣшается поступать, разрѣшается другихъ

наставлять, разрѣшается, даже вмѣняется въ обязанность, давать отпущеніе, въ противность своему убѣжденію и свидѣтельству своей совѣсти. Спрашивается: много ли осталось отъ требованія добросовѣстности, на которое такъ налегалъ и которымъ, повидимому, такъ дорожилъ авторъ въ началѣ? Не успѣли еще мы окончить первой книги его труда, а ужъ оно съежилось, улетучилось, обратилось въ нуль. Такова сила правдоподобія. Приведенные цитаты бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на отношенія духовниковъ къ ихъ духовнымъ чадамъ. Извѣстно, что необыкновенные успѣхи Іезуитовъ въ дѣлѣ исповѣди и такъ называемаго направленія совѣсти (la direction des consciences) издревле служили имъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ самовосхваленію, на которое они никогда не скупились (66). Что правда, то правда. Ни бѣлое духовенство, ни другіе монашескіе Ордена не могли, на этомъ поприщѣ, выдержать ихъ соперничества: они всегда и вездѣ у всѣхъ перебивали лавочку. Но что значилъ этотъ успѣхъ? Дѣйствительно ли толпа, валившая къ Іезуитамъ за отпущеніемъ своихъ грѣховъ, свидѣтельствовала объ оживленіи благочестія и о подъемѣ общественной нравственности? Не гораздо ли вѣроятнѣе, что ее привлекала дешевизна отпущенія? Испорченное общество искало не врачеванія, а поблажки; Іезуиты

(66) Въ книгѣ, изданной по поводу столѣтняго юбилея Іезуитскаго Ордена, о которой было уже упомянуто въ первомъ письмѣ (Imago primi sœculi) перечисляются разные подвиги общества и, между ними, разумѣется, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ исповѣдь и направленіе совѣстей. Вотъ подлинныя слова: «Кающіеся почти вламываются къ намъ въ двери... благодаря нашей благочестивой, религіозной находчивости, благодаря заботливости нашей о духовномъ просвѣтленіи людей, нынѣ нечестивыя дѣла гораздо скорѣе очищаются и искупаются, чѣмъ творятся; едва успѣетъ человѣкъ запятнать себя грѣхомъ, какъ ужъ мы его омоемъ и очистимъ».— Понятно, что какой-нибудь старый прелюбодѣй въ родѣ Людовика XIV, по счастливому выраженію современника, выбивавшій себѣ отпущеніе на спинахъ Гугенотовъ и Жансенистовъ, не могъ обойтись безъ духовника-Іезуита и безпрестанно забѣгалъ въ прачешную своего Père Annat. См. Ellendorf. pag. 264 и Hist. des Jésuites par l'abbé Guettée, t. I. p. 428—442.

угадали его вкусъ и предложили ему обуявшей соли по спущенной цѣнѣ. Толпа отвѣдала и осталась довольна.

Спрашивается: по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ подъ рукою готоваго, правдоподобнаго мнѣнія, за которымъ бы можно было спрятаться, когда недоумѣніе истекаетъ изъ сомнительности не права, а факта, не слѣдуетъ ли отдавать предпочтеніе безопаснѣйшему выходу?

«Отнюдь не всегда (отвѣчаетъ авторъ). Очень можно избрать выходъ хотя и не столь безопасный, но болѣе благопріятный для свободы недоумѣвающаго (т. е. наименѣе стѣсняющій ее), если только недоумѣвающій дѣйствительно владѣетъ свободою выбора (dummodo sit in possessione libertatis) по извѣстной аксіомѣ (Римскаго гражданскаго права): въ случаяхъ сомнительныхъ, дается предпочтеніе фактическому владѣнію (in dubio melior est conditio possidentis) (67)». Этому отнюдь не противорѣчитъ другая аксіома, по которой, въ сомнительныхъ обстоятельствахъ, должно избирать безопаснѣйшій путь (то есть воздерживаться отъ всего сомнительно-дозволеннаго); ибо (по оригинальному толкованію автора) примѣненіе ея строго обязательно въ тѣхъ только случаяхъ, когда предстоитъ выборъ между сомнительнымъ съ одной стороны и несомнѣннымъ съ другой; когда же оба выхода безопасны, она не имѣетъ силы обязательнаго правила, а лишь совѣта. (L. I. Tr. I. C. II. D. III. R.)

Вотъ образцы разрѣшенія на частные случаи.

«Если, наканунѣ поста, ты усомнишься: пробило ли двѣнадцать часовъ ночи? и если, по внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, тебѣ не удастся разрѣшить это недоумѣніе, то ты можешь ужинать и ѣсть мясное. На оборотъ, если нынѣ день постный, и ты недоумѣваешь: миновалъ-ли онъ? то ѣсть не должно. Все это относится къ случаямъ въ строгомъ

(67) Это правило играетъ очень важную роль въ Іезуитскомъ нравственномъ богословіи и далѣе, въ статьѣ о законѣ, объяснится способъ его примѣненія къ разрѣшенію вопросовъ совѣсти.

смыслѣ сомнительнымъ (de dubio stricte sumpto,) а не въ тѣмъ, въ которыхъ представляется достаточное основаніе къ устраненію всякого недоумѣнія. Напримѣръ, если бъ на однихъ часахъ пробило двѣнадцать, а на другихъ нѣтъ, то въ этомъ случаѣ, двое часовъ уподобились бы двумъ учителямъ или двумъ правдоподобнымъ мнѣніямъ и потому, ничто бы не помѣшало принять по желанію показаніе тѣхъ или другихъ часовъ, если нѣтъ положительной увѣренности, что одни идутъ невѣрно».

«Если ты недоумѣваешь, не поужиналъ ли ты, или не проглотилъ ли чего нибудь по полуночи (masticando aliquid deglutiveris), то въ этотъ день ты не долженъ ни совершать литургіи, ни пріобщаться Святыхъ Таинъ; впрочемъ, и противное этому мнѣніе правдоподобно, даже безопасно на практикѣ (по мнѣнію одного учителя), ибо, между прочимъ, того нельзя обвинить въ нарушеніи благоговѣнія къ святынѣ, кто можетъ оправдать свой поступокъ ссылкою на вѣроятность, допускаемую гражданскимъ правомъ» (neque censetur irreverens qui juris præsumptionem sequitur. L. I. Tr. I. C. II. D. III. R. Cas. 5, 6).

Вотъ еще курьезное примѣненіе правдоподобія къ медицинской практикѣ: «Спрашивается, можетъ-ли врачъ, за отсутствіемъ несомнѣнно-вѣрнаго средства, прописать больному лѣкарство правдоподобное, то есть вѣроятно-полезное, если, при этомъ, самъ врачъ держится *болѣе правдоподобнаго* мнѣнія, что это лѣкарство повредитъ больному? — Можетъ — отвѣчаетъ на вопросъ ученый Азоръ; ибо нельзя осудить поступка, основаніемъ которому служитъ правдоподобное заключеніе» (Escob. Ex. III. C. VI. § 25). Любопытно бы узнать: лѣчатся ли сами Іезуиты, въ случаѣ болѣзни, у *своихъ?*

Бываютъ однако на свѣтѣ совѣсти несговорчивыя, такъ называемыя мнительныя (conscientiæ scrupulosæ). Чтобъ ихъ закупить, необходимы какія-нибудь приманки. Авторъ предлагаетъ имъ между прочимъ: «во-первыхъ пріучить себя слѣдовать правиламъ болѣе легкимъ (mitiores, въ противоположность строгимъ) и *менѣе безопаснымъ* (minus tutas); во-вторыхъ, твердо знать данныя людямъ мнительнымъ *привиллегіи*, къ числу коихъ принадлежитъ слѣдующая: право въ дѣйствіямъ своимъ прилагать самую лишь малую, сравнительно съ другими людьми, долю вниманія (L. I. Tr. I. C. III. R. 4).

Съ такимъ арсеналомъ правилъ, чего не смогутъ опытные мужи? Знаменитый Эскобаръ, въ одномъ мѣстѣ своего пространнаго Богословія, оглянувъ неистощимый запасъ доводовъ, опроверженій и оговорокъ, накопленныхъ трудолюбивыми казуистами, и удостовѣрившись собственнымъ опытомъ въ легкости, съ которою весь этотъ грузъ приводится въ движеніе рычагомъ правдоподобія, приходитъ въ восторгъ и въ порывѣ лирическаго одушевленія, восклицаетъ:

«По истинѣ, созерцая это обиліе разнообразныхъ сужденій о предметахъ нравственности, я усматриваю въ немъ благодатное дѣйствіе Промысла, захотѣвшаго, многообразіемъ мнѣній, облегчить для насъ ношеніе Господняго бремени. Такъ, Провидѣнію угодно, чтобъ можно было, въ области нравственной дѣятельности, идти различными путями и чтобы въ одномъ и томъ-же дѣлѣ, слѣдованіе одному мнѣнію, также какъ и слѣдованіе другому, противоположному, могло быть оправдано и признано за дѣло доброе.»

«Напримѣръ (продолжаетъ этотъ великій наставникъ) подданные обязываются правдоподобнымъ мнѣніемъ уплачивать подати, и въ тоже время, другимъ, правдоподобнымъ же мнѣніемъ, освобождаются отъ этой обязанности».

Это, кажется, крайній предѣлъ цинизма. Но, можетъ быть, читатели спросятъ: кстати ли поднимать теперь эту смердящую, давно схороненную старину? Рѣчь идетъ о Іезуитахъ настоящаго времени; можетъ ли быть, чтобъ они сами не отреклись отъ этихъ соблазновъ и не покаялись, хоть заднимъ числомъ, въ грѣхахъ, которыми хвалились ихъ такъ называемые благо-

честивые мужи? Въ отвѣтъ на этотъ, естественно представляющійся вопросъ, можно сказать слѣдующее: новѣйшіе Іезуиты избѣгаютъ объясненій о своихъ ученыхъ свѣтилахъ XVII и XVIII вѣковъ; они не любятъ говорить объ нихъ, стараются даже умалить ихъ значеніе и выставляютъ ребромъ тѣхъ немногихъ, очень немногихъ писателей Ордена, которые отдѣлялись отъ общаго направленія школы; но новѣйшіе Іезуиты приняли наслѣдство своихъ предковъ безоговорочно и безусловно; они не перестаютъ и теперь поносить достойнѣйшихъ обличителей казуистики и бросать грязью въ Паскаля; наконецъ, они не только не отреклись отъ старыхъ своихъ учителей и не покаялись за нихъ, но даже не признаютъ ихъ вины передъ человѣческою совѣстью и нагло отрицаютъ ее.

Въ сороковыхъ годахъ вышла въ свѣтъ исторія Іезуитскаго Ордена, подписанная Кретино-Жоли и продиктованная Іезуитами. Вотъ его характеристика казуистовъ Ордена, о которыхъ, по поводу писемъ Паскаля, нельзя было не сказать двухъ словъ: «Они (казуисты) пытались осуществить сдѣлку между безконечнымъ совершенствомъ и порочною природою человѣка. Глубоко посвященные во всѣ тайны сердца человѣческаго, они пришли къ тому убѣжденію, что крайнею строгостью порождается лишь распущенность, тогда какъ благоразумною уступчивостію возстановляются упадающія силы. Они относились почтительно къ таинственному величію догматовъ и не имѣли другой цѣли какъ только популяризировать религію посредствомъ комбинаціи требованій нравственной жизни съ нѣкоторыми изъ господствующихъ въ свѣтѣ мнѣній... Съ самаго возникновенія христіанства, свѣтъ жаловался на строгость нѣкоторыхъ заповѣдей; Іезуиты поспѣшили на помощь недовольнымъ и т. д.» ([68]). Очевидно, это не отреченіе, а оправданіе и апологія.

([68]) Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus etc. etc. t. 4, p. 40 et 41. Edit. 2. Paris 1846.

Около того же времени, то есть въ сороковыхъ годахъ, въ Парижскомъ большомъ свѣтѣ славился Іезуитъ отецъ Равиньанъ. Іезуиты долго съ нимъ носились; ils l'ont fait mousser, сколько могли.

Судя по слухамъ, онъ обладалъ ораторскимъ искусствомъ и умѣлъ завлекать на свои бесѣды, въ соборную церковь Парижской Божіей Матери, столичное, великосвѣтское общество, людей лучшихъ фамилій, такъ что, на время, затмилъ собою другія свѣтила одного съ нимъ созвѣздія — Рубини, Нури и Рашель. Судя по сочиненіямъ его, это былъ напыщенный адвокатъ, совершенно обдѣленный религіознымъ смысломъ, но одаренный способностью пристращиваться къ своему предмету, защищать и опровергать все на свѣтѣ, при этомъ не чуждый въ образѣ выраженій нѣкоторой довольно эффектной дерзости, съ примѣсью приторной елейности. Книжка его: «О существованіи Іезуитовъ и объ учрежденіи ихъ Ордена» ([69]) была какъ бы манифестомъ, которымъ болѣзненный остатокъ Ордена во Франціи, дотолѣ скромно таившійся, сбросилъ съ себя всѣ покровы и громогласно повѣдалъ о своемъ возрожденіи.

Посмотримъ же, какъ отнесся къ ученію о правдоподобіи этотъ новѣйшій изъ великихъ мужей Лойоловой дружины.

Я уже привелъ то мѣсто изъ брошюры о. Равиньана, въ которомъ онъ такъ рѣшительно заявляетъ о несомнѣнныхъ признакахъ богословскаго генія въ твореніяхъ Суарія и Васкеза; но по справкѣ оказывается, что оба эти свѣтила первой величины ни въ чемъ не расходятся съ Бузенбаумомъ и Эскобаромъ въ ученіи о правдоподобіи и даже проводятъ его далѣе, чѣмъ нашъ добродѣтельный и осторожный руководитель. Вотъ доказательства:

«Когда представляются два противоположныхъ, и въ тоже время, правдоподобныхъ мнѣнія о позволительности или

([69]) De l'existence et de l'institut des Jésuites par le R. P. de Ravignan de la Comp. de Jésus. Paris 1844.

непозволительности того или другаго поступка, разрѣшается всякому принять въ руководство то изъ нихъ, которое *наиболѣе ему нравится*, хотя бы онъ про себя *признавалъ это мнѣніе наименѣе правильнымъ*».—Этому учитъ Суарій.

«Судья, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, можетъ, при произнесеніи приговора, откинуть свое собственное убѣжденіе, кажущееся ему наиболѣе правильнымъ, и *основаться на мнѣніи противоположномъ*, хотя бы онъ считалъ его *менѣе правильнымъ* (разумѣется, если оно имѣетъ признакъ правдоподобія)». Этому учитъ Васкезъ.

«Отказывать въ отпущеніи кающемуся, поступившему на основаніи правдоподобнаго мнѣнія (каково бы оно ни было само по себѣ), есть смертный грѣхъ». Этому учатъ, въ одинъ голосъ, оба богословскія свѣтила Суарій и Васкезъ.

«Духовникъ обязанъ давать отпущеніе и противъ собственнаго своего убѣжденія, въ тѣхъ случаяхъ, когда кающійся поступилъ или намѣревается поступить согласно правдоподобному мнѣнію, хотя бы самъ духовникъ находилъ это мнѣніе неправильнымъ *и хотя бы содѣянный или предположенный кающимся поступокъ сопряженъ былъ съ ущербомъ для третьяго лица*». Такъ далеко не заходилъ и Бузенбаумъ, но такъ учатъ Суарій и Васкезъ.

«Когда духовный сынъ обращается въ сомнительномъ случаѣ за наставленіемъ къ своему духовнику, послѣдній смѣло можетъ присовѣтовать ему поступить на основаніи правдоподобнаго мнѣнія, наиболѣе выгоднаго и благопріятнаго для опрашивающаго, хотя бы самъ духовникъ считалъ это мнѣніе неправильнымъ». Это ученіе Эскобаръ вычиталъ у Васкеза (Ellend. p. 7, 8, 17, 21, 22, 23. Escob. Lib. th. mor. Exam. III. C. VI. § 24.)

И такъ, по мнѣнію Равиньяна, *нашего современника*, можно быть геніальнымъ богословомъ, свѣтильникомъ науки и придерживаться теоріи пробабилизма, не отступая отъ самыхъ возмутительныхъ ея примѣненій.

Но, какъ человѣкъ умный, Равиньянъ не могъ не понять, что послѣ Паскаля, Іезуитамъ нашего времени было бы слишкомъ невыгодно, по примѣру ихъ предшественниковъ, принять на себя полную и всецѣлую отвѣтственность за ученіе, возбудившее такое единодушное негодованіе, а потому, чтобъ уклониться какъ нибудь отъ этой отвѣтственности, онъ поднялся на адвокатскую хитрость. Послушайте его: «Съ чего это взяли приписывать Іезуитамъ, однимъ Іезуитамъ и всѣмъ Іезуитамъ, ученіе о правдоподобіи? Не они его выдумали; оно было въ ходу у казуистовъ, задолго до учрежденія общества. Правда, многіе изъ писателей общества пристали къ этому ученію, но за то *многіе изъ Іезуитскихъ богослововъ* (plusieurs théologiens de la compagnie) оспоривали его. Къ чему жъ тутъ припутывать *все* общество?» — Такъ разсуждаетъ о. Равиньянъ и, въ доказательство, указываетъ на *одного* изъ генераловъ Ордена, Ѳирса Гонзалеса, прибавляя: «самые сильные доводы противъ пробабилизма, какіе только мнѣ извѣстны, я нашелъ въ его твореніи».

Оказывается, что *многіе* богословы сводятся *къ одному* богослову. Правда — этотъ одинъ, какъ генералъ, стоитъ многихъ; но не полюбопытствуетъ ли читатель узнать, какъ было принято обществомъ его ученіе? Объ этомъ я могу сообщить интересную справку.

Въ то еще время, когда Ѳирсъ Гонзалесъ былъ простымъ преподавателемъ, онъ написалъ книгу противъ доктрины о правдоподобіи и, по заведенному порядку, отправилъ ее на предварительный просмотръ къ тогдашнему генералу Ордена, Оливѣ. Разсмотрѣніе ея было поручено *пятерымъ Іезуитамъ*, которые, *единогласно*, *осудили сочиненіе своего собрата за излишнюю строгость нравственныхъ требованій*, прямо противоположную общепринятой и удобнѣйшей системѣ *снисходительнаго руководства*. Черезъ нѣсколько лѣтъ, папа Иннокентій XI, тотъ самый, который въ 1679

году разгромилъ 65 Iезуитскихъ тезисовъ, узнавъ о книгѣ Гонзалеса, поручилъ другимъ Богословамъ *не-Iезуитамъ*, разсмотрѣть ее вновь: на сей разъ, книга была одобрена, но не безусловно; нашли, что нравственныя требованія автора могли бы быть *строже*. Папа приказалъ издать ее и, въ то же время, поручилъ генералу запретить членамъ Ордена писать противъ нея; но ни то, ни другое приказаніе исполнено не было, и самъ Гонзалесъ, боясь ослушаться своего генерала, отказался, подъ разными предлогами, отъ изданія своей книги. Когда умеръ генералъ Олива, Иннокентій XI настоялъ на томъ, чтобы въ преемники ему избранъ былъ Гонзалесъ, и затѣмъ, оба вмѣстѣ, то есть папа и Гонзалесъ, въ качествѣ генерала, предложили общему собранію Iезуитскаго Ордена осудить ученіе о правдоподобіи и отступиться отъ него; но это имъ не удалось — оппозиція пересилила. Въ состоявшемся тогда постановленіи общества значится: «по поводу распространившихся слуховъ будто бы общество усвоило себѣ и вмѣнило въ обязанность всѣмъ своимъ членамъ, совокупными силами, отстаивать доктрину учителей, утверждающихъ, что можно, на практикѣ, слѣдовать мнѣнію менѣе правдоподобному и болѣе благопріятному для личной свободы, откинувъ правдоподобнѣйшее и гласящее въ пользу обязательности закона, собраніе заявляетъ, что оно не воспрещало и не воспрещаетъ *предпочитающимъ* противное ученіе, держаться его».

Вотъ все, чего могли добиться папа и генералъ. Черезъ пять лѣтъ по выходѣ этого декрета, Гонзалесъ собрался было вновь издать свою книгу; но приставленные къ нему отъ общества ассистенты (совѣтники и вмѣстѣ шпіоны, воспротивились этому двумя протестами и вслѣдъ за тѣмъ обратились съ жалобою къ папѣ. Они грозили, въ случаѣ отказа, поступить на основаніи конституцій Ордена, то есть: созвать общество для суда надъ генераломъ. Эта уг-

роза потому только не осуществилась, что папа и нѣмецкій императоръ горячо заступились за Гонзалеса. Наконецъ, его книга вышла въ Детлингенѣ, въ 1691 году, и, три года спустя, въ Римѣ; но это было поставлено ему въ упрекъ Iезуитами, какъ актъ деспотизма ([70]). Разумѣется, добросовѣстный о. Равиньанъ не говоритъ обо всемъ этомъ ни полслова. Къ чему? Авось читатели не догадаются.

И такъ, въ Iезуитской богословской литературѣ, отъискалась *одна* книга, въ которой ученіе о правдоподобіи оспоривается; эта книга не смотря на то, что была писана генераломъ Ордена и что папа принялъ ее подъ свое покровительство, не могла быть издана съ одобренія или, хотя бы, съ согласія общества. Мало того, она вызвала, со стороны всего общества, едва ли не единственный, по своему упорству, случай противодѣйствія всемогущему его начальнику, и этою-то книгою о. Равиньанъ доказываетъ, что Iезуиты, какъ общество или какъ школа, не подлежатъ отвѣтственности за ученіе о правдоподобіи. Послѣ этого, вѣрьте на слово Iезуитскимъ показаніямъ и ссылкамъ.

Кажется, что самъ о. Равиньанъ сознавалъ слабость своей аргументаціи; по крайней мѣрѣ, онъ счелъ за нужное, не ограничиваясь простымъ отреченіемъ, коснуться сущности вопроса и представить оправданіе пробабилизма. Этотъ второй его доводъ, по тѣсной его связи съ ученіемъ о законѣ, разсмотрѣнъ будетъ ниже; здѣсь же, я ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ строкъ, служащихъ введеніемъ. О. Равиньанъ говоритъ: «выслушавъ меня, всякій увидитъ, что пробабилизмъ вовсе не заключаетъ въ себѣ глупости (cette sottise), предполагаемой въ немъ многими людьми, подразумѣвающими подъ этимъ, будто бы добро и зло, во всякомъ случаѣ, одинаково правдоподобны».

Не смѣю ручаться за читателя; но что касается до ме-

[70]) Les Constitutions des Jésuites etc. Paris. Paulin, 1843. Appendice C. C. 510—515. Тамъ же указаны и источники.

ня, то я безусловно причисляю себя къ разряду этихъ многихъ людей; сознаюсь, я дѣйствительно вычиталъ эту глупость въ Бузенбаумѣ, въ Санчезѣ, Эскобарѣ, въ тезисахъ, осужденныхъ папою, и ее же встрѣтилъ на практикѣ въ исторіи Іезуитскаго Ордена. Да, эта глупость лежитъ въ основаніи всего нравственнаго, точнѣе безнравственнаго, ученія Іезуитовъ и мнѣ бы очень не хотѣлось попасть въ разрядъ тѣхъ людей умныхъ, которые этой глупости не видятъ или не хотятъ видѣть.

Не могу кстати не привести еще одного, крайне характеристичнаго цитата. Іезуитъ Карамюель, прославляя собрата своего, извѣстнаго богослова Діана, говоритъ объ немъ, между прочимъ: «Дивлюсь геніальности этого ученаго! Ему лишь завистники могутъ отрицать, что его остроумію удалось возвести на степень правдоподобныхъ много такихъ мнѣній, которыя, до него, были неправдоподобны. И такъ, если эти мнѣнія стали правдоподобны, то благодаря именно ему, всѣ тѣ, которые слѣдуютъ имъ на практикѣ, теперь уже не грѣшатъ, тогда какъ прежде, до него, слѣдуя тѣмъ же мнѣніямъ, они грѣшили» (Ellend. p. 118). Что сказалъ бы на это о. Равиньянъ? Въ отношеніи къ нему, остается предположить одно изъ двухъ: или онъ никогда не заглядывалъ въ творенія своихъ учителей или, на оборотъ, до того проникся ими, что потерялъ не только всякую совѣстливость, но и всякое чувство литературнаго приличія.

Представивъ улики, считаю себя въ правѣ сказать, что теорія правдоподобія дѣйствительно устанавливаетъ безразличіе добра и зла и, слѣдовательно неутрализируетъ, замариваетъ совѣсть. Совѣсти ужъ нѣтъ. Нравственное мѣрило выкрадено изъ человѣческой души и перенесено въ книгу; ищите его тамъ. Le tour est joué, какъ говорятъ Французы.

III. О законѣ.

Покончивъ съ совѣстью, закруживъ и полонивъ ее, авторъ переходитъ къ внѣшнему правилу, данному человѣку въ руководство—къ закону.

Изложенію его ученія объ этомъ предметѣ необходимо предпослать нѣсколько общихъ понятій.

Спаситель засталъ народъ Божій подъ бременемъ закона, извнѣ опредѣлявшаго всѣ подробности его духовной жизни и матеріальнаго быта. Онъ упростилъ его и свелъ къ двумъ заповѣдямъ, о любви къ Богу и о любви къ ближнему, сказавъ, что на нихъ утверждается весь законъ и пророки (Матѳ. XX. II. 40). Эти двѣ заповѣди, одна другой подобныя и нераздѣльныя какъ два проявленія одной силы, ибо любовь къ ближнему есть отраженіе любви Божіей къ человѣчеству (Іоан. XV. 12) и истекаетъ изъ любви человѣка къ Богу, Спаситель назвалъ *своею* заповѣдью, заповѣдью *новою* (Іоан. XIII. 34. XV. 12).

Но самъ Богъ въ явленіи Бого-человѣка, открылъ Себя міру какъ любовь: Богъ любы есть, повѣдалъ Онъ о Себѣ устами ученика, котораго любилъ (Іоанн. Посл. I. IV. 8) и оттого, новая заповѣдь, въ отличіе отъ прежнихъ, могла выразиться еще короче, въ словѣ: будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Матѳ. V. 48). Это ужъ не законъ, въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ слова, не правило, не формула дѣйствій, а живой идеалъ. Отъ подзаконнаго человѣчества требовалось послушаніе; усыновленное человѣчество вдохновляется къ единенію съ Искупившимъ его.

Любовь есть полное отождествленіе субъекта любящаго съ объектомъ любви. Истинно любящій отдается предмету своей любви безоговорочно и беззавѣтно; онъ погружается въ него всецѣло, въ немъ пребываетъ и не теряетъ своей свободы; напротивъ, ибо онъ влечется къ предмету своей любви,

потому что ощущаетъ въ немъ начало и средоточіе своей собственной жизни, которая для любящаго не мыслима и не возможна въ разобщеніи съ источникомъ, изъ котораго она течетъ. Чѣмъ искреннѣе любовь, и чѣмъ она полнѣе, тѣмъ въ то же время свободнѣе. Спрашивается: легче ли стало усыновленному человѣчеству? И легче и труднѣе. Легче потому, что любовь не допускаетъ принужденія и не терпитъ неволи: Отецъ не принимаетъ отъ сына рабскаго послушанія. Труднѣе потому, что призывъ къ любви захватываетъ душу глубже и шире чѣмъ всякій законъ; что нѣтъ ему ни границъ, ни предѣла; что сознанный идеалъ не достижимъ и что въ стремленіи къ нему, не можетъ быть ни полнаго удовлетворенія, ни роздыха. Совѣсть, хоть смутно познавшая что такое любовь, не скажетъ никогда: довольно, я отлюбила и выполнила свой урокъ.

Это ученіе Евангельское, ученіе Церкви; а вотъ другое, вышедшее изъ самыхъ основныхъ понятій Латинства и развитое Іезуитами съ изумительною послѣдовательностію, до окончательныхъ изъ него выводовъ.

Человѣкъ, по природѣ своей, свободенъ, иными словами, можетъ дѣлать что хочетъ — это его право. Но оно ограничивается другимъ правомъ, Творца надъ тварью. Это послѣднее право выражается *въ законѣ*, который *обязываетъ* человѣка тѣснить его свободу и требуетъ *повиновенія*. Повиновеніе—*долгъ* человѣка. И такъ, свобода съ одной стороны, законъ съ другой; разумѣется, законъ въ смыслѣ узды, задержки, преграды. Свобода *признаетъ* законъ и *подчиняется* ему, но не *безоговорочно*, а только въ мѣру несомнѣнной дѣйствительности его требованій и сообразно съ степенью ихъ обязательности, которая измѣряется свойствомъ кары, угрожающей нарушителю. Свобода удерживаетъ за собою свое право и требуетъ *проведенія ясныхъ границъ*. Это для нея дѣло капитальнаго интереса, главная задача, передъ которою все остальное блѣднѣетъ. По самой

ея постановкѣ, можно догадаться, что діалектическій процессъ ея разрѣшенія приметъ непремѣнно характеръ тяжебнаго дѣла и всосетъ въ себя начало гражданскаго судопроизводства.

Общія, широкія и абсолютныя правила въ родѣ слѣдующихъ: не убій, не укради, люби ближняго, меня не удовлетворяютъ. Опредѣлите мнѣ въ точности, подробно и обстоятельно, чего именно, *въ каждомъ данномъ случаѣ*, хочетъ отъ меня *каждый законъ*, насколько *я непремѣнно обязанъ* его слушаться и въ чемъ я свободенъ. Идеалъ — самъ по себѣ; пускай онъ остается для желающихъ, для охотниковъ, а ты укажи мнѣ, чего *безнаказанно* дѣлать или упускать нельзя?

На этотъ, ложно поставленный, неразрѣшимый и неисчерпаемый вопросъ, вызывались отвѣтить ветхозавѣтные законники; за него же взялись законники новаго завѣта— латинскіе казуисты. Но между ними есть разница: первые родились подъ закономъ и въ немъ остались: вторые вышли и вывели за собою Западную Европу изъ царства любви и обратили ее назадъ, въ подзаконное рабство. Затѣмъ, пріемъ у тѣхъ и у другихъ одинаковъ. Подобно своимъ предшественникамъ, казуисты новаго завѣта раздробили то, что̀ Спасителемъ было слито; они искрошили *законъ* на *законы*, раздробили *грѣхъ* на *грѣхи* и попытались каждый законъ примѣнить къ каждому возрасту, полу, званію, къ каждой обстановкѣ и къ каждому случаю. Разумѣется, они растерялись въ подробностяхъ, и съ ними повторилось тоже, что̀ было съ книжниками и фарисеями: они задушили Слово Божіе, опутавъ его сѣтью своихъ преданій.

Новозавѣтная казуистика выдумана не Іезуитами. Она родилась раньше ихъ, отъ латинскаго корня, который проросъ сквозь западное христіанство, какъ только оно отложилось отъ вселенскаго общенія и зажило своею, мѣстною

жизнью (71). Но Іезуиты овладѣли казуистикою, усвоили ее себѣ и развили до уродливыхъ послѣдствій, въ извѣстномъ, имъ по преимуществу принадлежащемъ, направленіи. Въ школѣ казуистовъ можно различить двѣ партіи: сторонниковъ закона и сторонниковъ такъ называемой свободы. Іезуиты пристали къ послѣдней и рѣшительнѣе всѣхъ приняли сторону свободы противъ закона. Этимъ-то и закупались совѣсти. Ихъ система можетъ быть вкратцѣ выражена слѣдующими словами:

Человѣкъ владѣетъ свободою, а впредь до предъявленія полныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, фактическое владѣніе пользуется преимуществомъ неприкосновенности—это аксіома права: melior est conditio possidentis. По отношенію къ закону, человѣкъ отвѣтчикъ, ибо законъ на него наступаетъ и посягаетъ на его свободу, требуя отъ него послушанія; пусть же законъ подкрѣпляетъ свой искъ доказательствами; volenti obligationem imponere quæ libertate privet, incumbit probatio—это другая аксіома права (72). Мы же будемъ отстаивать свои интересы, отбиваться, какъ знаемъ, и откупаться; будемъ обрѣзывать, сжимать законъ и толковать его въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, будемъ, до послѣдней возможности, ограничивать его примѣненія, возводя частные, исключительные случаи на степень правилъ, обобщая изъятія; будемъ изобрѣтать способы обходить законъ, будемъ запасаться отговорками и оправданіями для всякаго рода нарушеній—это наше право.

Тоже самое, только разумѣется съ нѣкоторыми утайками,

(71) Первые, конечно слабые и безсознательные зародыши латинскаго понятія о свободѣ встрѣчаются у западныхъ писателей очень рано. Вспомнимъ, напримѣръ, извѣстное изреченіе блаженнаго Августина, которое такъ часто цитуется Іезуитами и, кажется, приходится имъ такъ по сердцу: in necessariis *unitas*, in dubiis *libertas* etc., то есть, единство, не какъ проявленіе свободы, а какъ терминъ, ей противоположный.

72) Оба эти положенія безпрестанно встрѣчаются въ твореніяхъ Бузенбаума, Эскобара, Санчеза и другихъ.

говоритъ и отецъ Равиньанъ въ оправданіе пробабилизма (73). Бузенбаумъ этихъ общихъ основаній въ своемъ учебникѣ не касается, но онъ предполагаетъ ихъ и безпрестанно на нихъ ссылается, какъ на общепризнанное. Читатели встрѣтятся съ ними не разъ и узнаютъ ихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи его ученія, къ чему я сейчасъ приступлю; но прежде, я позволю себѣ, однимъ примѣромъ, уяснить окончательно разницу между Евангельскимъ понятіемъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и понятіемъ Іезуитскимъ.

(73) Вотъ подлинныя его слова: «Человѣкъ свободенъ: законъ долга сковываетъ свободу лишь въ томъ случаѣ, когда налагаемая имъ обязанность несомнѣнна. Законъ сомнительный или несознанный, не законъ: онъ не отнимаетъ у человѣка несомнѣннаго права на свободу дѣйствій И такъ, когда въ совѣсти возникаетъ основательный, разумный поводъ усомниться въ дѣйствительности существованія закона или долга, когда представляются полновѣсныя соображенія и полновѣсные авторитеты, достаточные для убѣжденія человѣка мудраго и клонящіеся къ утвержденію недѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, сомнительности и недостовѣрности существованія спорной обязанности, тогда свобода пользуется преимуществомъ такъ называемаго правдоподобнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, говоритъ теологъ, въ случаяхъ сомнительныхъ, по разумномъ изслѣдованіи, и въ тѣхъ отдаленныхъ и темныхъ примѣненіяхъ кореннаго закона, въ которыхъ обязанность не вполнѣ несомнѣнна и недостаточно опредѣлена, человѣкъ остается свободнымъ и предписаніемъ не вяжется; въ такихъ обстоятельствахъ, предписаніе—не законъ; дѣйствительно правдоподобно, что закона нѣтъ, свобода еще держится (dure encore), ничто не стѣсняетъ ее, и т. д.» Здѣсь, коренная враждебность отношеній между *свободою* и *закономъ*—это основное понятіе ветхозавѣтнаго, латинствомъ обновленнаго воззрѣнія, признана авторомъ, какъ нельзя положительнѣе; даже характеристика Іезуитскаго ученія была бы вѣрна, если бъ онъ прибавилъ къ ней: 1) что благочестивые и мудрые мужи участвуютъ въ нескончаемой тяжбѣ между закономъ и свободою, какъ стряпчіе и ходатаи свободы, только принарядившіеся въ судейскую тогу; 2) что они не ограничиваются разрѣшеніемъ сомнѣній, а преднамѣренно изобрѣтаютъ и возбуждаютъ ихъ; 3, что такъ какъ каждый случай, къ которому примѣривается законъ, имѣетъ свои особенности и слагается изъ множества разнообразныхъ данныхъ, то *прямыхъ* и непосредственныхъ примѣненій закона къ жизни, на практикѣ, не бываетъ; поэтому, всѣ, безъ изъятія, примѣненія относятся къ разряду *отдаленныхъ* и *темныхъ* (по выраженію автора), а льгота въ пользу свободы, которую онъ выдаетъ за исключеніе, благодаря стараніямъ и ловкости стряпчихъ, превращается въ общее правило.

Можетъ ли придти въ голову православному человѣку возбудить такой вопросъ: въ какой мѣрѣ, на сколько, когда, сколько разъ въ жизни, при какихъ именно обстоятельствахъ, обязанъ я любить Бога? — Мы приняли бы этотъ вопросъ за кощунство, а онъ стоитъ во всѣхъ Іезуитскихъ курсахъ нравственнаго богословія; благочестивые мужи, нисколько не подозрѣвая его дикости, написали, для разрѣшенія его, цѣлые трактаты и додумались вотъ до чего. Во-первыхъ, по ихъ ученію, заповѣдь любви къ Богу есть не заповѣдь по преимуществу, не общее основаніе всѣхъ заповѣдей, а просто *законъ*, какъ и всякій другой, или одинъ *изъ многихъ законовъ*, такойже какъ: не укради, подавай милостыню, соблюдай посты и т. д. Слѣдовательно, примѣненіе его ограничено (Busenb L. I. Tr. II. C. III. D. I. R.). Во-вторыхъ, по ихъ же ученію, любить Бога значитъ настроить себя на душевный порывъ къ Богу или на умиленіе передъ Богомъ, буквально: вызвать, вытянуть изъ себя актъ любви—elicere actum amoris—это общепринятое понятіе. Въ третьихъ, въ какой мѣрѣ любить? Надобно опредѣлить предѣлъ требованія, чтобъ дать человѣку возможность расквитаться съ Богомъ. И порѣшили, что заповѣдь не требуетъ, чтобъ мы непремѣнно любили Бога любовью *безусловною*, высшею, но довольствуется *относительно* высшею (non quidem intensive, sed etiam appretiative), т. е. требуетъ, чтобъ мы никакой твари не любили превыше Бога. Но нельзя поддерживать себя постоянно и въ такомъ настроеніи, а потому, естественно, рождаются вопросы: когда, при какихъ обстоятельствахъ, въ какомъ именно возрастѣ, и сколько разъ въ жизни это обязательно. На этомъ, благочестивые и мудрые мужи расходятся. Нѣкоторые учатъ (перевожу буквально): «что вызывать изъ себя какіе-либо акты вѣры, надежды и любви, человѣкъ, силою Божественныхъ заповѣдей объ этихъ добродѣтеляхъ, ни въ какую эпоху своей жизни не обязывается» (Propos. damnatoe ab Alex. VII. Decret 24 Sept. 1665

№ 1). Этотъ тезисъ осужденъ и проклятъ папою Александромъ VII, что однако не помѣшало Бузенбауму повторить его какъ ученіе правдоподобное. Другіе утверждаютъ, что законъ о любви къ Богу становится обязательнымъ съ того времени, когда человѣкъ приходитъ въ возрастъ и получаетъ достаточное познаніе о Божьей благости. «Однако, замѣчаетъ одинъ ученый, не впадетъ же онъ въ смертный грѣхъ, если *тотчасъ же* по пріобрѣтеніи такого познанія, не возлюбитъ Бога; не должно только откладывать любви на долгое время, напримѣръ долѣе года».—Достаточноли одинъ разъ въ каждыя пять лѣтъ полюбить Бога? — «Весьма достаточно, отвѣчаютъ нѣкоторые, даже правдоподобно, что законъ, по всей строгости, и этого не требуетъ».—Ну, а одинъ разъ въ жизни?—«Это мало, хотя и такое упущеніе нельзя положительно назвать грѣхомъ смертнымъ. Впрочемъ, если тебя мучитъ недоумѣніе: удовлетворилъ ли ты этой заповѣди (т. е. отлюбилъ ли Бога), и если ты положительно не можешь припомнить, что пренебрегъ ею, то ты можешь счесть себя удовлетворившимъ». — Передъ смертью, нельзя не полюбить Бога»; это обязательно и въ этомъ согласны почти всѣ, но съ оговорками, напр. если на умирающаго находятъ искушенія, которыхъ онъ иначе побѣдить не можетъ, какъ возлюбивъ Бога; если нѣтъ подъ рукою духовника, для полученія отпущенія въ грѣхахъ; если нѣтъ инаго способа оправдаться передъ Богомъ, какъ возлюбивъ его (74). (Busenb. L. II. Tr. III. C. 1. R. 2.

(74) Іезуиты, какъ извѣстно, изобрѣли много иныхъ, новыхъ, легчайшихъ способовъ оправдаться. н. п. такъ называемыя dévotions à la S-te Vièrge, числомъ до 100, изъ коихъ каждая порознь *несомнѣнно* избавляетъ отъ суда и отверзаетъ двери райскія. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ способовъ или ключей, какъ ихъ называетъ благочестивый забавникъ, отецъ Барри: prononcer souvent le nom de Marie, donner commission aux Anges de lui faire la révérence de notre part, lui donner tous les matins le bonjour et sur le tard le bonsoir, donner des oeillades amoureuses aux images de la Mère de Dieu etc. etc. Тому кто не успѣетъ или не захочетъ такими средствами выслужить рай, тому, за неимѣніемъ лучшаго, приходится поневолѣ любить Бога.

Prop. damn. ad Innoc. XI. 2. Mar. 1679 №№ 5, 6, 7 Ellend. p. 231, 232). Нѣкоторые благочестивые мужи пошли еще далѣе и прямо заявили, «что человѣкъ не обязанъ любить ни въ началѣ, ни въ концѣ своей духовной жизни — homo non tenetur amare neque in principio neque in decursu vitæ suæ moralis» (Prop. dam. ad Alex. VIII. Aug. 2. 1690. № 1.)

Можетъ быть, читатель пожелаетъ узнать, какого рода софизмами оправдывается такое ученіе? За этимъ дѣло не станетъ; стоитъ послушать Іезуита Пинтеро (Pintereau) изъ Французовъ: «Господь Богъ поступилъ по всей справедливости, упразднивъ въ царствѣ новозавѣтной благодати суровую и строгую заповѣдь, требовавшую для оправданія полнаго раскаянія, то есть возбужденія любви; повторяю, онъ поступилъ по справедливости, установивъ таинства, *восполняющія недостатокъ любви* и не требующія отъ насъ этого внутренняго настроенія, котораго такъ трудно достигнуть; ибо, въ противномъ случаѣ, христіанамъ, чадамъ Божіимъ, было бы отнюдь не легче пріобрѣсти благоволеніе небеснаго своего Отца, чѣмъ рабамъ Божіимъ, Іудеямъ». Итакъ, цѣль вочеловѣченія и искупленія заключалась будто бы въ томъ, чтобъ избавить людей отъ тяжелой, докучливой и непріятной обязанности любить Бога. Теперь, по увѣренію господъ Пинтеро, Сирмонда и Лемуана, можно спасаться безъ любви; на то есть таинства, индульгенціи, чудотворныя четки и т. п. (Ellend. p. 45—51).

Вотъ до чего выродилось въ рукахъ Іезуитовъ ученіе о любви. Безъ предпосланныхъ объясненій, самая возможность такихъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ была бы непонятна. И эти люди называютъ себя обществомъ Іисусовымъ и послѣдователями его учениковъ.

Статью о законѣ, Бузенбаумъ начинаетъ дѣленіемъ его на положительный, т. е. предписывающій что нибудь (affirmativum) и отрицательный, воспрещающій что-либо; потомъ, на естественный, прирожденный человѣку, и положительный

(принимая это слово въ смыслѣ латинскаго positivus, т. е. установленнаго прямымъ дѣйствіемъ свободной воли Божественной или человѣческой), затѣмъ, подраздѣляетъ положительный (во второмъ смыслѣ) законъ на Божественный и человѣческій, Божественный, на ветхо- и ново-завѣтный, а человѣческій, на церковный и гражданскій. Содержаніе Божественнаго закона опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «ветхозавѣтный заключаетъ въ себѣ предписанія *нравственныя*, обрядовыя и судебныя; новозавѣтный—предписанія сверхъестественныя о предметахъ вѣры и о таинствахъ—и только» (Busen. L. I. t. II. 1. D. II. R. 2.)

Слѣдовательно, въ отношеніи къ нравственному закону, новый завѣтъ, по мнѣнію автора, ничѣмъ не отличается отъ ветхаго, не дополняетъ и не просвѣтляетъ его. *Новую* заповѣдь онъ проглядѣлъ. Это многозначительно!

Все, что говорится далѣе о законѣ, сводится къ тремъ вопросамъ: какъ бы стѣснить и ограничить обязательную его силу?—Чѣмъ бы извинить его нарушеніе?—Какъ бы упростить и облегчить его исполненіе?

Въ разрѣшеніяхъ на первый вопросъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи, относящіяся конечно не къ Божественному, а къ человѣческому закону, какъ церковному, такъ и гражданскому.

«Если обнародованный законъ не принимается и не исполняется большею частію лицъ, подлежащихъ его дѣйствію, и если законодатель, зная это, молчитъ, то предполагается, что онъ тѣмъ самымъ отмѣняетъ законъ.»

«Если ты лично расположенъ принять обнародованный законъ и дѣйствительно соблюдаешь его когда приходится; другіе же (твои сограждане) и притомъ составляющіе большинство, не принимаютъ его, и, *повидимому*, *не намѣреваются принять* (nec recepturi videantur), то и тебя можно извинить въ неисполненіи» (Busenb. L. I. Tr. II. C. I. D. III. R. C. 2, 4.).

Цѣлый рядъ статей посвященъ разграниченію круга дѣйствія мѣстныхъ законовъ; сами по себѣ, они не имѣютъ большой важности, но нѣкоторыя изъ нихъ интересны, какъ образцы крючкотворства и подъяческой придирчивости:

«Кто рано утромъ (возвращаясь къ себѣ домой) выходитъ изъ города (чужаго), въ которомъ, по мѣстному обычаю, въ тотъ день не полагается поста, тотъ можетъ ѣсть мясное хотя бы, къ полудню, онъ долженъ былъ придти домой, въ городъ, гдѣ, по мѣстному закону, въ тотъ день соблюдается постъ; даже придя домой, не обязанъ въ тотъ день къ соблюденію поста (jejunium, въ смыслѣ воздержанія отъ пищи), *потому что уже нарушилъ его* (по утру) и слѣдовательно не можетъ соблюсти; но обязанъ, дома, не ѣсть мяснаго, такъ какъ эту часть двойственнаго ([75]) предписанія онъ можетъ выполнить.»

«Кто намѣревается оставить мѣсто, гдѣ соблюдается постъ и знаетъ навѣрное, что, къ вечеру, достигнетъ мѣста, гдѣ нѣтъ поста, тотъ, хотя и не долженъ, въ томъ мѣстѣ, откуда выходитъ, ѣсть мясное, но можетъ утромъ позавтракать, а въ полдень пообѣдать.»

«Правдоподобно также, и для совѣсти безопасно мнѣніе учителей, доказывающихъ, что сбирающійся въ путь освобождается и до выхода изъ того города, въ которомъ онъ имѣетъ осѣдлость, отъ исполненія мѣстныхъ законовъ; напримѣръ, кто выходитъ въ праздничный день (предполагается мѣстный праздникъ), не обязанъ, до выхода, отслушать обѣдню, если къ обѣду онъ долженъ прибыть въ такое мѣсто, гдѣ праздникъ этотъ не соблюдается; ибо, если бъ онъ остался дома, то и тогда бы могъ отложить обязательное посѣщеніе церкви до обѣда (т. е. отслушать самую позднюю обѣдню); а какъ скоро онъ къ этому времени пришелъ въ другое мѣсто, обязанность эта сама собою съ него слагается. Можно конечно возразить, что, предусматривая препятствіе къ исполненію предписанія, онъ долженъ бы былъ заблаговременно устранить его (т. е. побывать у ранней обѣдни), но такое возраженіе не имѣло бы никакой силы въ настоящемъ случаѣ, ибо приведенное правило относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда предвидится препятствіе въ исполненіи предписанія *обязательнаго*; здѣсь же, самая обязанность снимается. Впрочемъ, можно присовѣтовать держаться и противнаго правила, какъ болѣе сообразнаго съ внушеніями благочестія, конечно, если не встрѣчается въ томъ затрудненія» (Busenb. L. I. Tr. II. C. II. D. II. c. 4, 5, 6).

([75]) Въ предписаніи о постѣ различается воздержаніе отъ всякой пищи до извѣстнаго времени (jejunium) съ воспрещеніемъ двукратной ѣды въ теченіи сутокъ, отъ воздержанія отъ извѣстнаго рода пищи.

Этой, слово въ слово переведенной, въ своемъ родѣ драгоцѣнной статьѣ, конечно позавидовали бы казуисты Моисеева закона.

Въ разрѣшеніе втораго вопроса, авторъ высчитываетъ разныя личныя обстоятельства, какъ-то: страхъ, невѣдѣніе и т. п., извиняющія нарушеніе закона. О снисходительности, съ которою они взвѣшиваются, дадутъ нѣкоторое понятіе слѣдующія статьи:

«Боязнь смерти или иной важной бѣды, часто извиняетъ въ нарушеніи закона, не только положительнаго (въ противоположность естественному), притомъ какъ человѣческаго, такъ и Божественнаго, но иногда и закона естественнаго, положительнаго (въ противоположность отрицательному). Такъ, никто не обязывается, если жизнь его подвергается опасности, къ полному признанію, къ сбереженію отданнаго ему на сохраненіе, къ исполненію обѣта, и къ подачѣ помощи ближнему въ крайней его нуждѣ. Исключаются лишь тѣ случаи, въ которыхъ самопожертвованіе требуется общимъ благомъ или заботою о спасеніи человѣческой души» (Busenb. L. I. Tr. II. C. IV. D. II. c. 2, 3. L. II. Tr. III. C. 2. D. 1).

«Въ остальныхъ случаяхъ, никакой человѣческій законъ, ниже церковный, самъ по себѣ не вяжетъ, если исполненіе его сопряжено съ опасностью жизни или хотя бы съ инымъ подобнымъ неудобствомъ (similis incommodi). Напримѣръ, если бъ тебя стали принуждать, подъ страхомъ смерти, жениться на единокровной, въ степени родства воспрещенной церковью, то ты могъ бы вступить въ бракъ для вида (in speciem), но долженъ бы былъ воздержаться отъ сожительства, иначе впалъ бы въ блудъ» (Bus. L. 1. Tr. II. C. IV. D. 2. c. 4).

Другіе ученые той же школы пошли гораздо дальше, причисливъ къ законнымъ отговоркамъ и извиняющимъ обстоятельствамъ, тупое упорство, безсознательность, забывчивость и т. п. Напримѣръ: «человѣкъ убиваетъ другаго, сознавая, что это дурно, и считая это легкимъ преступленіемъ; въ такомъ случаѣ, самое убійство не вмѣняется ему въ тяжкій грѣхъ». Такъ разсуждаетъ Георгъ Родусъ (Ellend. p. 201.)

Пропустить обѣдню въ праздничный день, большинство учителей считаетъ грѣхомъ смертнымъ. Это почти общее правило, повидимому грозное, но за нимъ слѣдуетъ длинный перечень извиняющихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются слѣдующія: «занятія по кухнѣ, дальность церкви, дурное состояніе дорогъ, дождливое время и неимѣніе приличной своему званію одежды» (Busenb. L. III. Tr III. C. I. D. III. R. D. V. R. c. 2, 5, 7). И такъ, набѣжавшее облако, или незаштопанная прорѣха на праздничномъ кафтанѣ, оправдываютъ отъ смертнаго грѣха.

Хотя разсѣянность и лѣность не попали въ одинъ разрядъ съ трусостью и не удостоились получить мѣста въ числѣ уважительныхъ извиненій, однако и на ихъ долю коё-что перепало отъ щедротъ благодушныхъ мужей. Они долго ломали себѣ голову: какъ бы сократить время, нехотя, по обязанности, удѣляемое на Богослуженіе и придумали

примѣнить къ слушанію обѣдни правило о сложеніи дробей. Извѣстно, что въ латинскихъ церквахъ бываетъ обыкновенно по нѣскольку алтарей и что, въ праздничные дни, передъ каждымъ изъ нихъ, отслуживается обѣдня: одна начинается раньше, другая нѣсколько позднѣе, но не выждая окончанія первой, третья еще позднѣе и т. д., такъ что двѣ, три, четыре обѣдни идутъ единовременно; у одного алтаря служба отходитъ, у другаго только что начинается, у третьяго идетъ середина обѣдни. Іезуиты воспользовались этимъ обычаемъ и стали доказывать, что нѣтъ никакой необходимости выстоять или высидѣть цѣлую обѣдню, отъ начала до конца, у одного алтаря и что единовременно отслушанныя доли нѣсколькихъ обѣденъ, если изъ нихъ слагается полная обѣдня, могутъ засчитываться за полную службу. Казалось бы, чего лучше? Уловивъ удобный моментъ, въ какихъ-нибудь пять минутъ, можно было удовлетворить обязанности, на которую требовалось прежде цѣлыхъ полчаса и такимъ образомъ, избавиться отъ смертнаго грѣха. Но на бѣду, Иннокентій XI, кажется, рѣшительно обдѣленный художественнымъ смысломъ для оцѣнки подобнаго рода тонкостей, въ порывѣ необъяснимой и неумѣстной строгости, осудивъ заразъ болѣе 75-ти Іезуитскихъ тезисовъ, не пощадилъ и правила о раздробительномъ слушаніи обѣдни. Добродѣтельный Бузенбаумъ упоминаетъ объ этомъ не безъ грусти. «Въ прежнія времена — говоритъ онъ — это мнѣніе было правдоподобно, а теперь, послѣ произнесеннаго надъ нимъ приговора, оно ужъ неправдоподобно; по крайней мѣрѣ, противное, кажется теперь стало правдоподобнѣе». — А жаль! хорошее было мнѣніе. Но простившись съ нимъ, авторъ все-таки стоитъ крѣпко на томъ, что отслушавшему у двухъ священниковъ двѣ полуобѣдни, не единовременно, а одну *послѣ* другой, половины засчитываются за полную службу; онъ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что кому вмѣнено въ обязанность отслушать двѣ или три обѣдни (въ видѣ эпитиміи), тотъ можетъ исполнить это разомъ,

выслушавъ всѣ обѣдни вдругъ. Никто конечно не скажетъ, чтобъ добродѣтельный авторъ глумился надъ папою; ибо Римскій первосвященникъ (по увѣренію латынянъ наставляемый Духомъ Святымъ) повѣдалъ только, что *единовременно* отслушанныя доли нѣсколькихъ обѣдень не складываются въ одну полную, но онъ не запретилъ ни сложенія *послѣдовательно* выслушиваемыхъ долей, ни зачета трехъ, хотя бы и единовременно отслушанныхъ, *полныхъ* обѣдень за три. Пріятно видѣть, что, по крайней мѣрѣ, спасено отъ Ватиканскаго гнѣва все, что̀ возможно было спасти и что, при этомъ, все-таки оказано послушаніе, и совѣсть правовѣрнаго автора чиста.

Оставалось еще облегчить стояніе или сидѣніе въ церкви. Съ этою цѣлью, придумано слѣдующее правило, также правдоподобное: «удовлетворяетъ предписанію церкви и тотъ, кто, во все продолженіе службы, преднамѣренно развлекается (voluntarie est distractus), лишь бы не забывался (modo sibi sit præsens) и соблюдалъ наружное благоговѣніе (reverentiam externam» (Busenb. L. III. Tr. III. C. I. D. III. R. c. 7, 9. L. I. Tr. II. C. III D. V. R. 2. c. 2. Propos. damn. ab Innoc. XI. Mart. 2. 1679).

И такъ, уважены и лѣность и разсѣянность. Можно ли желать большей снисходительности и не дорожить духовниками, воспитанными въ такихъ правилахъ?

Но гораздо серьезнѣе вопросъ объ условіяхъ исполненія закона вообще, то есть всякаго закона. Разрѣшеніе его, составляя одно цѣлое съ ученіемъ о грѣхѣ, какъ нарушеніи закона, имѣетъ особенную важность.

«Удовлетвореніе закону, по ученію Бузенбаума, предполагаетъ одно условіе: участіе воли, иначе—намѣреніе исполнить то, что̀ предписано (intentio seu voluntas faciendi id quod præceptum est), ибо законъ данъ людямъ, а не безсловеснымъ животнымъ. Поэтому, дѣло содѣянное во снѣ, въ пьянствѣ, или вынужденное прямымъ насиліемъ, не считается исполненіемъ закона».

«Но достаточно ли одного этого условія и не нужно ли, сверхъ того, чтобъ законъ исполнялся изъ любви?» Авторъ отвѣчаетъ: «не нужно, развѣ бы дѣло шло о такомъ законѣ, въ которомъ это требованіе было бы положительно высказано, какъ напр. въ заповѣди о любви къ Богу ([76]); ибо, вообще, *закономъ предписывается только сущность дѣйствія, о которомъ въ немъ говорится, а отнюдь не цѣль и не способъ исполненія предписаннаго* (quia tantum præcipitur substantia actus inclusi in præcepto, non autem finis aut modus præcepti).»

Иными словами: требуется дѣло, понятое въ его сухой отвлеченности, безъ отношенія къ цѣли и къ внутреннему настроенію дѣлающаго.

«Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, несомнѣнно, что присутствіе любви, въ дѣйствующемъ лицѣ, необходимо для того, чтобъ исполненіе закона вмѣнилось ему въ заслугу. Такъ, напримѣръ, кто держитъ постъ ради суетной славы, или ходитъ въ церковь, чтобъ обокрасть кого нибудь, тотъ всё-таки исполняетъ законъ, хотя дѣйствіемъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, грѣховнымъ, ибо онъ исполняетъ сущность (substantiam) предписаннаго (о постѣ и о посѣщеніи церкви), но при этомъ, конечно, грѣшитъ противъ другаго закона, воспрещающаго дурную цѣль, вносимую имъ въ исполненіе» (Bus. L. I. Tr. II. C. III. D. I. R. c. 1).

Оговорка, содержащаяся во второй половинѣ этой статьи,

[76]) Какъ не сказать, что Бузенбаумъ принадлежитъ къ числу писателей умѣренныхъ и робкихъ; онъ, напримѣръ, не рѣшается сказать, что можно, не любя, удовлетворить заповѣди о любви, а вотъ чему учили другіе: «Мы не обязаны любить ближняго внутреннею, субъективною любовью—non tenemur proximum diligere actu interno et formali. Чтобъ удовлетворить заповѣди о любви къ ближнему, достаточно однихъ дѣйствій внѣшнихъ—praecepto proximum diligendi satisfacere possumus per solos actus externos» Prop. damn. ad Innoc. XI. Mart. 2. 1679 №№ 10, 11.

по всей вѣроятности, подшита къ первой послѣ декрета Иннокентія XI, чтобъ сколько-нибудь отличиться отъ тѣхъ изъ благочестивыхъ мужей, въ ученіи которыхъ, для любви, рѣшительно не оказывалось мѣста. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что эта вторая половина нисколько не вяжется съ первою; ибо кто исполняетъ *все* то, чего законъ требуетъ, тотъ передъ закономъ правъ, слѣдовательно закономъ оправдывается; а если, на оборотъ, исполненіе безъ любви не оправдываетъ, то это доказывало бы, что въ сущности самаго закона, притомъ всякаго Божественнаго закона, лежитъ требованіе любви; но этого то именно и не допускаетъ авторъ. Онъ объяснилъ намъ, что требованіе любви составляетъ спеціальность одной или двухъ заповѣдей, въ отличіе отъ прочихъ, такъ что сведенное къ единству Спасителемъ вновь раздробляется, и мы уже имѣемъ дѣло не съ закономъ, а съ каждою статьею его порознь. Это гораздо удобнѣе для подкупа совѣсти.

«Спрашивается еще: нужно ли, для дѣйствительнаго исполненія, намѣреніе, не только сдѣлать то или другое дѣло, но именно удовлетворить этимъ закону?»

«Отнюдь не нужно—отвѣчаетъ авторъ, ибо законъ требуетъ однаго лишь *матеріальнаго* послушанія (чтобъ было исполнено то, что̀ приказано), а не *формальнаго* или субъективнаго (чтобъ исполнено было потому, что приказано» (Busenb. L. I. Tr. II. C. III. D. II. R. c. 2).

Изъ этого вытекаетъ слѣдующее разрѣшеніе:

«Обязанности, налагаемой церковью, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, въ установленное время, пріобщаться Святыхъ Таинъ, удовлетворяетъ и тотъ, кто пріобщается кощунственно [77] (etiam per communionem sacrilegam impletur); таково,

[77] Этому правилу слѣдуютъ у насъ хлысты, которые, отвергая рѣшительно таинство Евхаристіи, исполняютъ все, что̀ требуется отъ причастниковъ. По теоріи Іезуитовъ, они удовлетворяютъ предписанію церкви и передъ нею правы.

прибавляетъ авторъ, *общее мнѣніе* (ut habet communis), вытекающее изъ того, что церковь предписываетъ одно лишь внѣшнее дѣйствіе, а на цѣль, съ которою оно предписывается, сила предписанія не распространяется (quia Ecclesia tantum præcipit actum externum, nec finis præcepti cadit sub præceptum). Однако, прибавляетъ авторъ, это мнѣніе недавно проклято папою Иннокентіемъ XI.» (Busen. L. VI. Tr. III. C. II. D. II. Art. III. R. 2. c. I).

Дѣйствительно, въ числѣ осужденныхъ тезисовъ, подъ № 55, читается буквально: præcepto communionis annuæ satisfit per sacrilegam Domini manducationem, а въ концѣ декрета сказано: «запрещается, подъ страхомъ отлученія, *защищать* которое либо изъ осужденныхъ предложеній какъ публично, такъ и въ частной бесѣдѣ, даже *трактовать* объ немъ, или приводить въ проповѣди, развѣ бы опроверженія ради» (Prop. dam. ad Innoc. XI. 2 Mart. 1679. № 55). Какъ видно, это нисколько не помѣшало автору не только перепечатать почти буквально приведенный тезисъ, но и выставить его, какъ общее мнѣніе, даже оправдать его, какъ совершенно правильный выводъ изъ ученія о силѣ обязательности закона вообще. Глядя на дѣло со стороны, нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ онъ топчетъ подъ ногами папскіе декреты, нашъ добродѣтельный руководитель разсуждаетъ гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе своего владыки. И Александръ VII. и Иннокентій XI, повидимому, забывали, что дурное дерево не даетъ добрыхъ плодовъ; можетъ быть и то, что чувство собственнаго безсилія и сознаніе невозможности исправленія запущеннаго зла, заставляло ихъ щадить основныя положенія Іезуитской доктрины. Какъ бы то ни было, они ограничивались самою неблагодарною работою—отсѣченіемъ выводовъ и обрываніемъ плодовъ. Напротивъ того, Бузенбаумъ, и вообще всѣ казуисты Ордена, безстрашно идутъ впередъ, ни на минуту не останавливаясь передъ безобра-

зіемъ выводовъ. Въ этомъ есть своего рода заслуга, которой нелья не признать.

Тоже ученіе примѣняется къ индульгенціямъ.

«Тотъ не воспользуется индульгенціею, кто не выполнитъ дѣла, которымъ она обусловлена. Напримѣръ, кто будучи обязанъ, для пріобрѣтенія ея, подать милостыню, дастъ предназначенную на этотъ предметъ сумму своему слугѣ, для передачи ея по принадлежности, тотъ не получитъ индульгенціи, если слуга утаитъ милостыню; ибо требуется, чтобъ было исполнено дѣло само по себѣ; на оборотъ, кто въ точности выполнитъ условіе, вовсе при этомъ не думая заслужить индульгенцію, тотъ все-таки пріобрѣтетъ ее» (Bus. L. VI. Tr. IV. C. I. D. IV. Art. II. § I. R. 3. c. 13. p. 3. c. 14. p. 5.)

Спрашивается наконецъ:» удовлетворяетъ ли закону тотъ, кто, исполняя предписанное дѣло, преслѣдуетъ при этомъ прямо противоположную цѣль, то есть: имѣетъ положительное намѣреніе *не* удовлетворить закону»?

«Все-таки удовлетворяетъ, ибо обязательность закона не распространяется далѣе воли законодателя, т. е. далѣе сущности предписаннаго дѣла. Поэтому, кто напримѣръ, въ праздничный день былъ у обѣдни, или исполнилъ наложенную на него эпитимью, съ намѣреніемъ не исполнить предписаннаго, тотъ и впослѣдствіи *не обязанъ* измѣнить расположенія своей воли (то есть, заднимъ числомъ подложить другое намѣреніе), *дабы сдѣланное имъ вмѣнилось ему въ удовлетвореніе* закону, ибо онъ уже, по истинѣ, удовлетворилъ ему» (Busenb. L. I. Tr. II. C. III. D. III. R. c. 3). Слѣдовательно, вопреки сказанному выше, исполненіе засчитывается въ заслугу, даже при полномъ отсутствіи всякой любви въ побужденіи, и, выражая противную мысль (въ приведенной выше оговоркѣ), авторъ очевидно говорилъ не по убѣжденію и не своимъ голосомъ.

И такъ, разсуждая объ исполненія закона, Іезуиты различаютъ намѣреніе, въ смыслѣ простаго акта воли, безъ которого не можетъ быть вольнаго, то есть внѣшнимъ насиліемъ не вынужденнаго, поступка, отъ намѣренія, этимъ поступкомъ, выполнить требованіе закона, то есть послушаться, и не признаютъ намѣренія, во второмъ смыслѣ, за необходимое условіе удовлетворенія.

Вотъ какъ легко, по ихъ ученію, удовлетворить закону; слѣдующее за симъ ученіе о грѣхѣ покажетъ, какъ, на оборотъ, трудно, по ихъ же теоріи, провиниться передъ закономъ.

IY. О грѣхѣ.

Нарушеніе закона тогда лишь вмѣняется въ грѣхъ, когда соединяетъ въ себѣ слѣдующія условія: во первыхъ, оно должно быть *непринужденно* (liberum) то есть, чуждо всякого внѣшняго насилія; во вторыхъ—*вольно*, то есть, должно истекать изъ свободнаго соизволенія (ut fiat a voluntate consentiente); въ третьихъ, должно сопровождаться *дѣйствительнымъ* усмотрѣніемъ *злостности* поступка (actualis advertentia malitiœ). Усмотрѣніе названо *дѣйствительнымъ* въ отличіе отъ подразумѣваемаго или возможнаго (advertentia virtualis vel interpretativa), то есть, отъ присущей человѣку способности, посредствомъ которой онъ можетъ, а потому и обязанъ, обдумывать свои дѣйствія. Наконецъ, указано на *злостность*, какъ на объектъ усмотрѣнія, потому, что замышляемый поступокъ можетъ представляться сознанію съ разныхъ сторонъ, напримѣръ, со стороны его выгодности или невыгодности; свойство-же грѣховности получаетъ поступокъ лишь въ томъ случаѣ, когда соизволенію на дѣло предшествовало сознаніе *именно смертной его злостности* (mortalis malitiœ), когда эта сторона его возбудила въ сознаніи, по крайней мѣрѣ, предварительное недоумѣніе. При отсутствіи котораго либо изъ этихъ условій нѣтъ свободы, нѣтъ и вины (Busen. L. V. C. I. D. I).

Ясно, что совокупность этихъ условій составляетъ преднамѣренность въ *грѣхѣ*; слѣдовательно, такъ называемый грѣхъ *невольный* совершенно выпадаетъ изъ области грѣха. Въ самомъ началѣ, въ статьѣ о совѣсти, исключенъ изъ нея грѣхъ по невѣдѣнію. Вотъ ужъ на сколько стѣснилась отвѣтственность человѣка за самаго себя. Между совѣстью и волею устанавливается своего рода круговая порука; воля, пойманная на дурномъ дѣлѣ, оправдываетъ себя тѣмъ, что совѣсть не указала ей на злостность содѣяннаго; совѣсть, въ свою очередь, не безъ основанія отвѣчаетъ, что рядъ учащенныхъ дурныхъ дѣлъ естественно не могъ пройти по ней безслѣдно, что она не могла не утратить своей чуткости и что теперь ея отупѣніе непобѣдимо.

Съ другой стороны, опредѣленіе грѣха, сопоставленное съ ученіемъ о законѣ, приводитъ къ слѣдующему результату: не грѣшитъ тотъ, кто исполняетъ законъ безъ любви, даже безъ всякаго намѣренія удовлетворить ему, ибо грѣхъ есть нарушеніе закона, а законъ требуетъ только дѣла, отнюдь не намѣренія. Не грѣшитъ и тотъ, кто нарушаетъ законъ дѣломъ, хотя бы и не безсознательно, но безъ прямаго намѣренія нарушить его, ибо такое намѣреніе составляетъ существенное условіе грѣха. Любо смотрѣть, какъ все это стройно, цѣльно, какъ одно другимъ поддерживается и одно съ другимъ вяжется! Исполняющаго законъ коё какъ, но недовольнаго своимъ внутреннимъ расположеніемъ, мужи искусные въ управленіи совѣстями утѣшаютъ, говоря ему, что вся сила въ дѣлѣ, а не въ намѣреніи, и онъ отходитъ довольный. Предчувствуемъ, что найдутся утѣшительныя слова и для того, кто, нарушая законъ, находитъ въ этомъ свое наслажденіе, свою выгоду, кто не хотѣлъ бы отставать отъ грѣха, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень бы желалъ расквитаться съ Богомъ и успокоить свою совѣсть.

Такъ ставится вопросъ Іезуитами, разумѣется про себя. Что это не поклёпъ, что именно съ этою, а не иною мыслью

разработана ими вся система нравственныхъ обязанностей, доказываютъ самые пріемы, ими изобрѣтенные. Всѣхъ ихъ перечислить нѣтъ возможности, и потому, поневолѣ, надобно ограничиться указаніемъ на главнѣйшіе изъ нихъ.

А. Простительный грѣхъ (peccatum veniale).

Первый и самый обыкновенный пріемъ заключается въ безконечномъ расширеніи области такъ называемаго простительнаго грѣха. Этотъ терминъ встрѣчается иногда и у нашихъ духовныхъ писателей въ смыслѣ грѣха *сравнительно* съ другимъ, или, *по отношенію къ другому*, менѣе тяжкаго, но казуисты придаютъ ему совершенно иное, очень странное значеніе. По ихъ понятіямъ, простительный грѣхъ есть точно грѣхъ, ибо въ немъ предполагается намѣренное нарушеніе закона; въ тоже время, онъ какъ будто и не грѣхъ, ибо слагается съ совѣсти безъ отпущенія, даже безъ покаянія.

Никто не обязанъ на-духу́ упоминать о простительныхъ грѣхахъ; за кѣмъ ихъ много, тотъ можетъ пожалѣть объ одномъ изъ нихъ (de uno vœniali dolere formaliter) и это считается вполнѣ достаточнымъ; отъ него не требуется ни сокрушенія объ остальныхъ таковыхъ грѣхахъ, ни даже намѣренія въ нихъ исправиться (etsi plurium venialium peccatorum sis conscius de quibus nec dolorem nec propositionem emendandi habeas, sive ea confitearis, sive non); кто кромѣ простительныхъ грѣховъ, никакихъ другихъ за собою не знаетъ, тотъ допускается къ причастію безъ исповѣди (Busen. L. VI. Tr. IV. C. I. D. I. R. c. 2. D. II. R. c. 2. C. III. D. II. R. c. 3).

Нѣкоторые грѣхи считаются по роду своему (ex genere) простительными; таковы всѣ тѣ, которыми человѣкъ вредитъ только себѣ, а не ближнему; сюда относятся: суетные помыслы, желанія и вожделѣнія, не переходящія въ дѣла (inutilis et vana concupiscentia, vana oblectatio), расточитель-

ность, лѣность, невоздержность въ ѣдѣ и питьѣ, алчность къ деньгамъ, и т. п.

Вотъ примѣръ:

«Est probabilis opinio quæ dicit esse tantum veniale osculum habitum ob delectationem carnalem et sensibilem quæ ex osculo oritur, secluso periculo consensus ulterioris et pollutionis» (Prop. damn. ab Alex. VII. Mart. 18, 1666. № 40).

Кромѣ того, всякій грѣхъ, по существу своему смертный, можетъ превратиться въ простительный, въ силу обстоятельствъ, вмѣняемыхъ погрѣшившему въ извиненіе. Обстоятельства эти распадаются на три категоріи, смотря потому, принимается ли за извиненіе умственное настроеніе погрѣшившаго, или расположеніе его воли, или малоцѣнность матеріи грѣха (напр. при опредѣленіи грѣховности воровства — незначительность покражи). Умственное настроеніе опредѣляется тремя признаками, а расположеніе воли пятью, такъ что, не говоря уже о третьей, самой упругой категоріи извиняющихъ обстоятельствъ, которую можно, по желанію сжимать и растягивать, достаточно отыскать въ данномъ случаѣ одинъ признакъ изъ восьми, чтобъ имѣть основаніе перечислить грѣхъ изъ разряда смертныхъ въ разрядъ простительныхъ, т. е. не требующихъ ни покаянія, ни исправленія. О легкости перечисленія, можно судить по свойству признаковъ. Напримѣръ, «грѣхъ, по существу своему смертный, превращается въ простительный, если погрѣшившій, какъ бы въ дремотѣ, усматривалъ злостность своего поступка, или если онъ, согрѣшивъ, послѣ того, обсудилъ внимательно дѣло и убѣдился, что не впалъ бы въ грѣхъ, если бы поступокъ его, съ самаго начала, представился ему въ настоящемъ его видѣ; или, если погрѣшившій сомнѣвается, дѣйствительно ли онъ внутренно соизволилъ на дурное дѣло (это извиненіе примѣняется въ особенности къ людямъ мнительнымъ); или наконецъ, если обыкновенное душевное настроеніе погрѣшившаго таково, что онъ охотнѣе согласился бы умереть, чѣмъ

преднамѣренно впасть въ смертный грѣхъ и т. д.» (Busenb. L. V. C. II. D. I. R. 2. C. I. D. II. R. I. R. 2).

Кажется, не много нужно ловкости, чтобъ укрыться за однимъ изъ восьми такихъ *если*. Очевидно, на примѣръ, что по Іезуитской теоріи, Апостолъ Петръ, послѣ отреченія своего, могъ бы смѣло сослаться на обыкновенное душевное свое расположеніе и тогда бы онъ избавился отъ горькихъ слезъ и скорбнаго покаянія. Но, въ тѣ времена, никто и не подозрѣвалъ, до какихъ усовершенствованій новѣйшіе доведутъ ученіе о грѣхѣ.

B. Крошеніе цѣльныхъ понятій.

Другой, также очень употребительный пріемъ, заключается въ процессѣ аналитическаго разложенія, дробленія, дѣленія и подраздѣленія цѣльныхъ понятій. Въ этомъ дѣлѣ, искусство Іезуитовъ и ихъ смѣлость, слѣдствіе ихъ увѣренности въ своемъ искусствѣ, рѣшительно неподражаемы. Подъ острымъ, анатомическимъ ножемъ, которымъ вооружены ихъ опытныя руки, жизнь мгновенно улетучивается; духъ испаряется, и на столѣ остается трупъ, изсѣченный на мелкія части, съ которыми ладить становится легко, такъ какъ ни въ одной изъ нихъ нѣтъ уже ни той силы, ни той способности къ отпору, которая ощущалась въ ихъ живомъ единствѣ. Divide et impera — это правило находитъ примѣненіе и въ области отвлеченной науки. Слѣдующіе примѣры уяснятъ какъ это дѣлается. Въ Писаніи сказано: люби ближняго какъ самого себя. Это просто и ясно; но, въ тоже время, въ этой краткой заповѣди такая неисчерпаемая глубина нравственныхъ требованій, что вступить съ нею въ сдѣлку для примиренія ея съ эгоистическими побужденіями, таящимися въ душѣ каждаго человѣка, кажется рѣшительно невозможнымъ; а примирить непремѣнно нужно; съ этою цѣлью Іезуиты и взялись за дѣло. Они разрѣзали заповѣдь

вдоль, разрѣзали ее поперекъ и помирили. Вотъ она, въ переводѣ съ языка Евангельскаго на ихъ языкъ:

«Каждый обязанъ любить, послѣ Бога, во первыхъ самого себя, по отношенію къ духовнымъ благамъ (secundum bona spiritualia, т. е. къ спасенію души своей); во вторыхъ ближняго, по отношенію къ тѣмъ же благамъ; въ третьихъ самого себя, по отношенію къ благамъ тѣлеснымъ (quoad bona corporalia н. п. здоровью); въ четвертыхъ—ближняго, по отношенію къ тѣмъже благамъ; наконецъ, по отношенію къ внѣшнимъ благамъ (bona externa, т. е. внѣшней обстановкѣ человѣка, его средствамъ, положенію въ обществѣ и т. п.) сперва самого себя, а затѣмъ уже—ближняго» (Busenb. L. II Tr. III. C. II. D. I. R. 1).

Изъ этого кореннаго правила о всегдашнемъ предпочтеніи самого себя ближнему, вытекаютъ слѣдующія:

«Не должно (non licet), говоря вообще, жертвовать своею жизнью для спасенія жизни ближняго; сказано *вообще*, ибо самопожертвованіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обязательно, а именно, когда дѣло идетъ о спасеніи лица, облеченнаго властью, отъ котораго зависитъ участь многихъ, или о государственной пользѣ, или о защитѣ вѣры, или о другѣ любимомъ въ Богѣ» (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. I. R. I. c. 4).

«Для спасенія своей жизни, можно не щадить жизни ближняго; напр. если тебя преслѣдуетъ врагъ и нѣтъ иной возможности избавиться отъ смерти какъ бѣгствомъ по узкой дорогѣ, раздавивъ сидящаго на ней человѣка, то ты смѣло можешь бѣжать, хотя этимъ, безъ намѣренія, подвергнешь опасности жизнь ближняго; можно поступить такимъ же образомъ и съ ребенкомъ (то есть раздавить его), *если онъ окрещенъ*» (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. IV, R. c. 3). Послѣдняя оговорка вставлена потому, что по ученію Латинской церкви, некрещеный лишился бы не только временной, но и вѣчной жизни, слѣдовательно духовнаго блага.

«На томъ же основаніи, можно желать ближнему всякаго внѣшняго зла, только въ мѣру, напр. болѣзни или инаго несчастія, чтобъ онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, но не дѣлать этого изъ мести; можно, ради общей пользы, желать смерти іересіарху или нарушителю общественнаго спокойствія; можно сокрушаться о здоровьѣ человѣка, когда оно даетъ ему возможность грѣшить, желать ему болѣзни, чтобъ онъ исправился, даже смерти, чтобъ онъ пересталъ грѣшить. Вообще, *ради душевной пользы своей* или чужой, можно отвлеченнымъ, недѣйственнымъ помысломъ (inefficaci affectu) желать другимъ зла, какъ праведнаго воздаянія (mala poenæ); въ этомъ нѣтъ ничего незаконнаго, ибо благо духовное ставится все-таки выше временнаго» (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. II. R. 2. c. 3).

«Враговъ своихъ любить должно — это несомнѣнно, но спрашивается: какъ любить и нельзя ли, въ извѣстныхъ случаяхъ, ненавидѣть ихъ (an possint odio haberi)?»

Хотѣлось бы спросить самого автора: почему же это спрашивается и къ чему нуженъ такой вопросъ? но читатель знаетъ, что онъ прямо вытекаетъ изъ основной задачи Іезуитской казуистики. Въ настоящемъ случаѣ, для разрѣшенія его, очень кстати подвертывается новое различеніе. Любовь бываетъ двухъ сортовъ: обыкновенная (communis), обязательная въ отношеніи ко всѣмъ, не исключая и враговъ, и особенная (specialis), въ общемъ смыслѣ не обязательная. По общему правилу, никто не обязывается оказывать врагамъ своимъ любви втораго, высшаго сорта, напр. не обязывается навѣщать ихъ въ болѣзни, утѣшать ихъ въ горѣ, и т. д. (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. II. R. I. c. 1).

По той же системѣ, разработано ученіе о милостынѣ или, говоря точнѣе, ученіе о тѣхъ предлогахъ, которыми можно безгрѣшно отговариваться отъ подачи милостыни.

Обязательность ея обусловливается, съ одной стороны, положеніемъ нуждающагося въ ней, съ другой, средствами

подающаго. Въ нуждѣ различаются три степени: крайняя, тяжкая и обыкновенная (extrema, gravis et communis). Въ средствахъ, двѣ категоріи: необходимое и избытокъ. Для разсортированія средствъ по этимъ категоріямъ, принимаются въ соображеніе данныя троякаго рода: потребности естественныя (на поддержаніе жизни), званіе лица (принадлежность его къ тому или другому сословію) и приличный состоянію каждаго образъ жизни (respectu vitœ, sive naturœ, vel respectu status, vel decentis conditionis personœ). Все нужное «на содержаніе дѣтей, прислуги, на приличные подарки (honestoe donationes), на угощеніе и гостепріимство (не предполагая ни блеска, ни изъисканной роскоши), на запасъ про всякій случай, на обезпеченіе наслѣдниковъ, на предусматриваемыя въ будущемъ надобности; далѣе, *собственно въ дворянскомъ быту*, нужное на содержаніе прислуги, лошадей, оружія» и т. д., все это не составляетъ избытка и причисляется къ категоріи необходимаго. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, рѣдко кто изъ мірянъ и находитъ у себя избытокъ» (sœculares raro putant se habere superflua. Busenb. L. II, Tr. III. C. III. Supp. I. 2. 3. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 5).

Передавая общее понятіе мірянъ о своемъ состояніи, авторъ, какъ видно, не только не опровергаетъ его, но находитъ естественнымъ, даже законнымъ; ибо самъ же оправдываетъ его своимъ перечисленіемъ всякого рода необходимостей. А въ декретѣ Иннокентія XI, въ числѣ другихъ осужденныхъ и отвергнутыхъ положеній, отмѣчено было слѣдующее: «сомнительно, чтобъ нашлось у мірянъ, даже у королей, что либо составляющее избытокъ по отношенію къ ихъ состоянію, и потому, если обязательна милостыня только отъ избытка, то едва ли для кого либо изъ нихъ она можетъ быть обязательна.» (Prop. damn. ab. Inn. XI. № 12).

Изъ комбинаціи трехъ степеней нужды, двухъ категорій средствъ и трехъ разрядовъ потребностей, всего восьми данныхъ, выводится рядъ правилъ самыхъ пригодныхъ для людей, не желающихъ помогать ближнимъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Никто не обязанъ удѣлять что либо на милостыню изъ необходимаго ему на поддержаніе своей жизни (ad vitam), развѣ бы общее благо зависило отъ судьбы нуждающагося» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. I).

«Помогать ближнему, находящемуся въ крайней нуждѣ, изъ тѣхъ средствъ, которыя, до нѣкоторой степени, составляютъ для тебя необходимость по твоему званію (ex bonis aliquo modo ad statum necessariis), ты, говоря вообще, обязанъ; сказано *вообще*, ибо если бъ ты рисковалъ черезъ это выдти изъ твоего званія и если бъ это сочлось бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ смерть бѣдняка, то обязанность эта съ тебя слагается. Во всякомъ случаѣ, по правдоподобному мнѣнію, эту обязанность можно выполнить, оказавъ помощь подъ условіемъ возврата, когда нуждающійся разбогатѣетъ» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 3).

«Никто не обязанъ давать бѣдному значительную сумму денегъ на покупку лѣкарства, хотя бы и необходимаго для спасенія его жизни, или на избавленіе его отъ смертной опасности» Bus. L. II. Tr. III, C. III. R. 4. c. 2).

По мнѣнію большинства учителей, тотъ, кто обладаетъ избыткомъ на удовлетвореніе потребностей естественныхъ и обусловленныхъ званіемъ, обязанъ, иногда, подавать милостыню находящимся на степени обыкновенной нужды; другіе отрицаютъ эту обязанность. Кажется, что нарушеніе ея, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ грѣхъ простительный и то, когда нѣтъ достаточныхъ причинъ отъ нея отказаться, а когда есть такая причина, то вовсе не грѣхъ (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5).

«Нищимъ, ежедневно попадающимся (trivialibus), хотябы ихъ нагота и болѣзненное состояніе являли признаки крайней нужды, рѣдко кто, силою заповѣди, бываетъ обязанъ

помогать, даже отъ избытка своего: во первыхъ потому, что они часто преувеличиваютъ свою крайность, для возбужденія въ себѣ состраданія, а во вторыхъ потому, что можно предполагать, что имъ помогутъ другіе (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5. c. 1).

«Богатый, пользующійся избыткомъ, не грѣшитъ, хотя бы онъ долго и безусловно отказывалъ въ подаяніи, если онъ при этомъ держитъ про себя намѣреніе оказать милостыню лучшимъ образомъ, благовременнѣе и болѣе нуждающимся или сдѣлать пожертвованіе на богоугодное дѣло: это законная причина къ отказу» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5. c. 2).

Мудрый Эскобаръ выражается еще рѣшительнѣе. На вопросъ: обязанъ ли, обладающій избыткомъ для обезпеченія своей жизни и своего состоянія, помогать ближнимъ въ обыкновенныхъ ихъ нуждахъ, онъ отвѣчаетъ: «правдоподобно, что обязанъ, а еще правдоподобнѣе, что не обязанъ: *иначе, весьма немногіе изъ богатыхъ достигали бы спасенія* (Escob. Th. Mor. Ex. V. C. VI. § 47)». — А вся задача въ томъ и состоитъ, чтобъ непремѣнно угодить богатымъ и дать имъ возможность спасаться, не безпокоя себя. Къ этому и приноравливается Божья заповѣдь.

«Вообще, никому, хотя бы и богатому, отгоняющему отъ себя всѣхъ бѣдныхъ безъ подаянія, не должно, ради этого, легко отказывать въ отпущеніи грѣховъ: во первыхъ, потому, что объ этой обязанности учители судятъ различно; во вторыхъ, потому, что едва ли найдется человѣкъ, который, если бъ онъ даже и призналъ за собою избытокъ, не приискалъ бы въ тоже время хотя призрака причины въ свое оправданіе (causam saltem apparentem non praetenderet) (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5. c. 3.)

Послѣ всего, именно съ этою цѣлью придуманнаго, нельзя не сказать, что въ послѣднемъ случаѣ авторъ разсуждаетъ вполнѣ основательно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не приискать

C. Очистительныя оговорки (consensus conditionalis).

Человѣка пріучаютъ не поддаваться искушенію, не предпославъ своему соизволенію на грѣхъ предварительно придуманнаго *условія*, которое бы выгораживало нравственную его отвѣтственность и предохраняло бы его отъ оскверненія, какъ бы онъ ни втянулся послѣ того въ грѣхъ. Въ сущности, очистительная оговорка почти тоже что *мысленное изъятіе* (restrictio mentalis), тѣми же добродѣтельными мужами изобрѣтенное и о которомъ будетъ говорено ниже. Вся разница въ томъ, что очистительная оговорка употребляется какъ средство обмануть не людей, а самого себя, свою совѣсть, и пригодна лишь въ примѣненіи къ помысламъ и влеченіямъ, не переходящимъ въ область дѣлъ. Напримѣръ: Грѣшно увлекаться, хотя бы только мысленно, желаніемъ ограбить или убить ближняго, но стóитъ къ первому желанію приложить условіе: «если бъ Богъ мнѣ это позволилъ» или, ко второму, «еслибъ я былъ судьею», и грѣхъ изчезнетъ, по крайней мѣрѣ превратится въ простительный. Нужно только подбирать такія оговорки, которыя снимали бы съ предметовъ желаній всякую злостность.

Нѣкоторые искусные мужи утверждаютъ даже, что безгрѣшно всякое мысленное нарушеніе не только положительнаго, но и естественнаго закона, лишь бы оно сопровождалось условіемъ, по существу своему невозможнымъ, напримѣръ: «какъ-бы я сталъ развратничать, еслибъ это не было грѣшно!». Другіе идутъ еще далѣе и учатъ, что нѣтъ грѣха наслаждаться какимъ бы то ни было дурнымъ дѣломъ, подъ условіемъ даже не невозможнымъ по существу своему, лишь бы только устремленіе къ объекту оставалось въ области отвлеченной мысли и воли, не переходя въ область чувственнаго вожделѣнія; но Бузенбаумъ, какъ строгій пуристъ

въ дѣлѣ нравственности (по крайней мѣрѣ такимъ онъ представляется по сравненію съ другими благочестивыми его собратьями), не одобряетъ этого мнѣнія, хотя и не отрицаетъ въ немъ условій правдоподобія (Bus. L. V. C. I. D. II. Art. I. R. 2. c. 1, 3, 4).

D. Подразумѣваемыя изъятія (restrictiones mentales), двусмыслія (æquivoca).

Этотъ четвертый пріемъ близко соприкасается съ третьимъ и находитъ самое широкое примѣненіе въ ученіи о присягѣ, о свидѣтельствѣ предъ судомъ, и о другихъ дѣйствіяхъ, принадлежащихъ къ области гражданскихъ отношеній. Разница между мысленнымъ изъятіемъ и двусмысліемъ несущественна и легко усматривается. Это два вида одного и того же обмана, въ которомъ говорящій, держа про себя одинъ смыслъ, въ тоже время умышленно оставляетъ того, кто его слушаетъ, въ твердомъ убѣжденіи, что произносимыя слова имѣютъ иной смыслъ.

Польза, извлекаемая изъ двусмыслій и подразумѣваемыхъ изъятій на судебныхъ допросахъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, исковыхъ и тяжебныхъ, была объяснена въ первомъ письмѣ; теперь остается указать на нѣкоторыя примѣненія тѣхъ же уловокъ въ частномъ быту.

По общему правилу, кто соблазнилъ дѣвушку, давъ ей обѣщаніе на ней жениться, обязанъ сдержать свое слово; но эта обязанность слагается и замѣняется обязанностью наградить приданымъ, или, инымъ способомъ, пристроить обманутую, если, завѣряя ее въ своемъ намѣреніи на ней жениться, соблазнитель «употреблялъ выраженія, въ которыхъ легко было высмотрѣть обманъ.» (Si verbis usus est fictionem facile indicantibus. Busen. L. V. C. II. D. VI. Art. IV. c. 4, 5, p. 1).

Это очень удобно для людей, привыкшихъ не щадить чу-

жой чести, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи своей страсти; но Іезуиты не даромъ хвалятся своимъ нелицепріятіемъ. Подслужившись соблазнителю, они не оставляютъ и соблазняемой безъ добраго совѣта, и указываютъ ей средство уловить соблазнителя въ его собственныхъ сѣтяхъ.

«Когда кто либо дѣлаетъ подарокъ, съ подразумѣваемымъ намѣреніемъ склонить другаго къ исполненію своего желанія, но прямо не высказываетъ этого, *какъ условія* (dona allectiva), тогда тотъ, кому приносится даръ, можетъ смѣло принять его, хотя бы отнюдь не намѣревался исполнить подразумѣваемое желаніе. На этомъ основаніи, соблазняемая дѣвушка можетъ принимать предлагаемые ей подарки и не обязывается возвратить ихъ, если-бъ этого потребовалъ впослѣдствіи обманутый въ своихъ надеждахъ соблазнитель; ибо, такъ какъ онъ явно не говорилъ условія, то дѣвушка, за которою онъ ухаживалъ, въ правѣ предположить, что онъ сперва дарилъ безусловно, а потомъ сталъ требовать возврата въ отмщеніе, или съ цѣлью вынудить ея согласіе» (Bus. L. III. Tr. V. C. III. D. II. R. c. II).

Въ случаѣ принужденія къ клятвѣ, можно изворотиться, употребивъ такую формулу:

«Клянусь всѣмъ, чѣмъ только могу», ибо, такъ какъ нѣтъ такого предмета, которымъ бы позволялось клясться безъ нужды, то предполагается, что произнесшій эти слова не имѣлъ намѣренія связывать себя клятвою (Busen. L. III. Tr. II. C. II. D. I. R. I. c. 7). Очень ловко! Новѣйшіе отъискали въ словахъ Спасителя о клятвѣ такой смыслъ, котораго конечно не подозрѣвалъ никто изъ древнихъ.

Но какъ быть тому, кто, будучи понуждаемъ угрозами и насиліемъ, далъ клятву, напр. внести за себя выкупъ разбойникамъ или уплатить лихвенные проценты ростовщику и, при этомъ, *забылъ* употребить двусмысліе? Авторъ отвѣчаетъ: «тотъ, по всей вѣроятности, вяжется данною имъ клятвою» (Busen. L. III. Tr. II. C. II. D. V. R. c. 4). И по-

дѣломъ! Добродѣтельные мужи ломали себѣ мудрыя головы, придумывая самыя легкія средства обманывать людей безгрѣшно, такъ пусть же платятся тѣ, которые ими пренебрегаютъ.

Не только двусмыслія и подразумѣваемыя изъятія, но и гласныя прямо высказанныя условія представляютъ возможность изворачиваться, какъ доказываетъ слѣдующій примѣръ, въ которомъ жалкую роль обманутаго играетъ Богъ.

Ты далъ обѣтъ сходить на богомолье, но далъ его условно, напр. если Петръ это одобритъ. Затѣмъ, ты подсылаешь кого-нибудь къ Петру, чтобъ уговорить его не одобрять твоего намѣренія, и тогда, если онъ дѣйствительно не одобритъ, обѣтъ твой упраздняется. (Это не считается обманомъ). Впрочемъ, правдоподобно, что и въ томъ случаѣ, когда бы препятствіе возбуждено было обманомъ или инымъ злостнымъ средствомъ, данный обѣтъ все-таки потерялъ бы силу. Одинъ учитель замѣчаетъ однако, что въ подобныхъ случаяхъ, надобно принимать въ соображеніе намѣреніе произнесшаго обѣтъ. Напримѣръ: еслибъ кто-либо далъ обѣтъ вступить въ монашество подъ условіемъ, что этому не воспротивится его отецъ, то подсылать къ нему со стороны, чтобъ настроить его къ сопротивленію, ни къ чему бы не повело: ибо, въ этомъ случаѣ, вступило бы въ силу предположеніе, что давшій обѣтъ подразумѣвалъ не какое-нибудь сопротивленіе, а исключительно сопротивленіе свободное, отъ человѣка предоставленнаго собственнымъ внушеніямъ. (Busen. L. III. Tr. II. C. III. D. IV. R. c. 11).

Отчего одинъ и тотъ же пріемъ, въ одномъ случаѣ, допускается, а въ другомъ, совершенно однородномъ, отвергается и считается недѣйствительнымъ? — авторъ не объяснилъ; но, по другимъ примѣрамъ, догадаться можно. При встрѣчѣ съ интересомъ монашескаго Ордена, мысль его какъ будто яснѣетъ, вѣроятно оттого, что около обители самый воздухъ чище.

Но это все примѣры, выдуманные и случаи предполагаемые; а вотъ фактъ дѣйствительнаго примѣненія мысленнаго изъятія.

Во Французской колоніи Пондишери, задолго до водворенія въ ней Іезуитовъ, Капуцины завѣдывали приходомъ и мѣстною духовною юрисдикціею. Іезуитамъ это было не по сердцу; чтобъ какъ-нибудь вытѣснить соперниковъ, перебивавшихъ у нихъ духовную лавочку, Іезуитъ отецъ Ташаръ сперва было обратился къ губернатору съ просьбою раздѣлить приходъ на двое и сослался на высочайшее повелѣніе Людовика XIV, которое оказалось подложнымъ и отъ котораго король отрекся. Дѣло передано было на разрѣшеніе въ Парижъ. Отецъ Ташаръ поѣхалъ туда хлопотать, и, въ разговорѣ съ министромъ, завѣрилъ его, что никогда Капуцины не завѣдывали приходомъ въ городѣ, и что у нихъ была только одна церковь въ кремлѣ (т. е. въ чертѣ крѣпостнаго вала), въ городѣ же ни единой церкви не было и нѣтъ. — Однако, возразилъ министръ, помнится, я, слышалъ и о другой Капуцинской церкви, въ городѣ? — «Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство». — Ладно, мы справимся; я же приказалъ снять и доставить мнѣ планъ города. — Дѣйствительно, вскорѣ прислали планъ, и министръ послалъ за Ташаромъ: «Посмотрите, это что? На берегу моря церковь св. Лазаря, принадлежащая Капуцинамъ. Какъ же вы меня увѣряли, что у нихъ нѣтъ церкви въ городѣ?» — Извините, ваше превосходительство, я не сказалъ *безусловно*, что нѣтъ церкви въ городѣ, я подразумѣвалъ, что нѣтъ *приходской* церкви, кромѣ кремлевской (78).

E. Подтасовка намѣреній.

Это безспорно самый замысловатый и тонкій пріемъ. Намъ уже растолковано, что дѣло не можетъ быть грѣховнымъ,

(78) Mémoires historiques etc. du R. P. Norbert. Tome 3. liv. 2. p. 95, 96.

если въ немъ нѣтъ сознательнаго, ко злу устремленнаго намѣренія; слѣдовательно, стоитъ подмѣнить намѣреніе или обратить его съ одной стороны предмета на другую, съ злостной на невинную, и тогда дѣло, не измѣняясь въ существѣ своемъ, превратится изъ грѣховнаго въ безгрѣшное, или, по крайней мѣрѣ, изъ смертнаго грѣха въ простительный. Операція, совершаемая по этому рецепту надъ человѣческою совѣстью, походитъ на перемѣну подкладки подъ испачканнымъ платьемъ. но она несравненно легче; ибо намѣренія часто соприкасаются между собою такъ близко, переходятъ одно въ другое такъ неуловимо, что самому зоркому глазу не уследить за ихъ подтасовкою. Здѣсь, опять, нельзя не преклониться передъ мастерствомъ Іезуитовъ. Многое въ ихъ различеніяхъ до того тонко, что рвется отъ малѣйшаго прикосновенія критики; до того неуловимо, что едва держится въ прозрачной оболочкѣ слова; до того нѣжно, что боится свѣта и не переноситъ громкаго выраженія. Впрочемъ, не для Божьяго свѣта и созданы эти духовныя сокровища, а для передачи въ предварительно настроенную и подогрѣтую душу, шопотомъ, за ширмами, въ таинственномъ полумракѣ.

Примѣненіе подтасовки намѣреній разнообразно до безконечности, такъ что, въ крайности, можно бы было ограничиться однимъ этимъ пріёмомъ, прилагая его ко всевозможнымъ случаямъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры:

«Кто наслаждается преступною связью съ замужнею женщиною, *но не какъ съ замужнею*, а какъ съ красавицею, слѣдовательно, абстрагируя отъ обстоятельства замужства (abstrahendo a circumstantia matrimonii), тотъ грѣшитъ не прелюбодѣяніемъ, а простымъ блудомъ». Причина понятна: предполагается, что намѣреніе направлено не къ нарушенію супружеской вѣрности и посягаетъ на нее лишь косвенно, а гдѣ нѣтъ прямаго намѣренія нарушить ту или другую

заповѣдь, тамъ нѣтъ и грѣха противъ этой заповѣди. Это ученіе приводитъ Лигуорій, причисленный Латинскою церковью къ лику святыхъ, *какъ весьма правдоподобное;* но повѣрятъ ли читатели, что оно перепечатано въ 1834 году, въ учебникѣ нравственнаго Богословія отца Муллета (Moullet), по которому съ одобренія духовнаго вѣдомства, преподавалась въ то время, вѣроятно преподается и теперь, эта наука во Французскихъ семинаріяхъ? Сомнѣвающихся прошу навести справку въ книгѣ: Les Jésuites et l'Université par F. Génin professeur à la faculté des lettres de Strasbourg, Paris, Paulin, 1844. p. 418, 419.

«Кто даетъ обѣтъ подать милостыню, если, въ неправомъ дѣлѣ, одолѣетъ своего противника, или успѣетъ совершить благополучно замышляемое воровство или прелюбодѣяніе, тотъ кощунствуетъ, ибо вызываетъ содѣйствіе Божіе на грѣховное дѣло, и потому такой обѣтъ недѣйствителенъ». Это, кажется, ясно и не двусмысленно; но въ слѣдующей статьѣ значится: «если тотъ же обѣтъ дается подъ условіемъ выдти невредиму изъ поединка, или не попасться въ воровствѣ, или, отъ прелюбодѣйной связи, получить сына, то обѣтъ почитается дѣйствительнымъ». Въ чемъ же разница? А вотъ въ чемъ: «въ трехъ послѣднихъ случаяхъ, намѣреніе направляется къ цѣли не злостной, а безгрѣшной и доброй, ибо невредимость, честное имя, дитя — все это такія дары Божіе, о сбереженіи или пріобрѣтеніи коихъ всякому позволительно заботиться» (Busen. L. III. Tr. II. C. III. D. III. R. c. 4, 6).

Читатель припомнитъ литыя иконы, украшающія остроконечныя шляпы Итальянскихъ бандитовъ и ихъ усердныя молитвы передъ выходомъ на промыселъ. У насъ, при болѣе кроткихъ нравахъ, въ комедіи Гоголя, городничій даетъ обѣтъ поставить такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, если ревизія, которой онъ боится, *сойдетъ съ рукъ поскорѣе;* цѣль позволительна, слѣдовательно обѣтъ вяжетъ;

городничій, не кощунствуя, могъ надѣяться на Божью помощь и, въ случаѣ успѣха, былъ бы обязанъ поставить свѣчу. Кто знаетъ, если-бъ онъ побывалъ въ школѣ благочестивыхъ мужей, можетъ быть онъ выразился бы иначе и оговорилъ бы свой обѣтъ такими словами: *если мнѣ удастся еще разъ провести начальство*, тогда, и въ случаѣ полнѣйшаго успѣха, онъ могъ бы отговориться отъ исполненія недѣйствительностью обѣта, ибо обманывать начальство — грѣхъ.

Вотъ другая, не менѣе замысловатая, но не переводимая тонкость: на вопросъ: an et quanta peccata sint: oscula, amplexus, tactus, verba obscœna et similia extra matrimonium? авторъ отвѣчаетъ: ad id dignoscendum, distinguenda est imprimis, intentio et delectatio venerea et venereorum ab intentione et delectatione sensitiva et sensitivorum aliorum, quœ consistit in quadam proportione et conformitate rei tactœ cum organo tactus (Busen. L. III. Tr. IV. C. II. D. I. R.).

Запрещается лишать жизни невиннаго, даже еслибъ этого требовалъ тиранъ, подъ угрозою истребить цѣлый городъ; запрещается, но только *прямымъ*, а не косвеннымъ намѣреніемъ (directa intentione). Такъ, въ приведенномъ предположеніи, осажденное общество можетъ понудить невиннаго отдаться въ руки тирану, можетъ даже выдать его, если не уговоритъ идти добровольно; ибо, какъ любовь, такъ и законъ справедливости обязываютъ всякого гражданина жертвовать жизнью для общаго блага и кто отъ этого уклоняется, тотъ, черезъ это самое, дѣлается преступникомъ. Выдавая такимъ образомъ невиннаго, общество отнюдь не *содѣйствуетъ* его казни, а только *попускаетъ* ее, такъ какъ актъ выдачи, самъ по себѣ, есть дѣло безразличное, ни доброе, ни злое; казнь же, въ приведенномъ случаѣ, есть косвенное послѣдствіе выдачи, независимое отъ намѣренія общества (Busen. L. III. Tr. IV. C.I. D. IV. R. c. 1, 2).

Благочестивые и добродѣтельные мужи доказывали, что

человѣкъ, пользующійся почетомъ, если кто либо дастъ ему пощечину или ударитъ его кулакомъ и за тѣмъ обратится въ бѣгство, можетъ, догнавъ обидчика, убить его. Иннокентій XI проклялъ это мнѣніе (Prop. dam. № 30), но Бузенбаумъ нашелъ средство удержать его, подвернувъ невинное, по его мнѣнію, намѣреніе. «Убійство обидчика, говоритъ онъ, дѣйствительно запрещается, какъ отмщеніе, но по правдоподобному ученію, тоже убійство и въ тѣхъ же обстоятельствахъ совершенное, разрѣшается — *какъ оборона чести обиженнаго.*» (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 7).

Подтасовка намѣреній оказала Іезуитамъ огромныя услуги въ оправданіи поединковъ. Задача была не легкая; приходилось имѣть дѣло не только съ Божественною заповѣдью «не убій» (съ нею Іезуиты легкобы справились), но и съ очень строгими, уголовными законами, съ которыми опасно было становиться въ рѣшительное противорѣчіе, особенно при постоянной заботливости о поддержаніи государей въ той вѣрѣ, что для упроченія ихъ власти, воспитаніе, даваемое Орденомъ, выгоднѣе всякаго другаго. Въ тоже время, стоило и похлопотать, даже подвергнуться нѣкоторому риску; ибо страстью къ поединкамъ заражены были не простые смертные, не средняго и низшаго разбора люди, а дворянство, знать, люди лучшихъ фамилій, къ которымъ Орденъ питалъ искони, и теперь питаетъ особенную нѣжность. Испробованы были разныя системы оправданія. Нѣкоторые, между прочимъ, доказывали, что поединка вовсе нѣтъ и не бываетъ. «Человѣкъ выходитъ рано утромъ изъ дома при шпагѣ. Что-жъ, развѣ это грѣхъ?—Онъ направляетъ шаги свои къ опредѣленному мѣсту—тоже не грѣхъ!—Прохаживается взадъ и впередъ, гуляетъ — все это совершенно невинно. Вдругъ, на него нападаетъ противникъ; естественно, по праву самозащиты, онъ выхватываетъ шпагу и обороняется; чтобы за тѣмъ ни случилось, неужели осудить его?» Другіе просто доказывали, что общественное уваженіе и добрая слава до-

роже жизни и потому «дворянинъ, вызванный на поединокъ, можетъ принять вызовъ, чтобъ не подвергнуться въ глазахъ свѣта подозрѣнію въ трусости». Это мнѣніе было осуждено и проклято Александромъ VII (Prop. damn. 24 sept. 1665 № 2), а вотъ что проповѣдуетъ, по выслушаніи осужденія, добродѣтельный Бузенбаумъ: «Поединокъ запрещается, когда побужденіемъ къ нему служитъ желаніе выказать свое мужество, или отомстить за обиду или избѣжать стыда; но нельзя осудить дворянина, который, состоя при дворѣ или въ арміи, принялъ-бы вызовъ, чтобъ избѣгнуть подозрѣнія въ трусости и не лишиться должности или милости своего государя» (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. V. Art. I. R. c. 2, 3, 6).

«Можно, не впадая въ смертный грѣхъ, скорбѣть, разумѣется въ мѣру (cum debita moderatione), о жизни ближняго, радоваться естественной его смерти и желать ея, недѣйственнымъ желаніемъ (inefficaci affectu), толькобы вслѣдствіе нерасположенія къ этому лицу, а имѣя въ виду какую либо мірскую пользу для себя».

«Позволительно сыну, отвлеченнымъ помысломъ (absoluto desiderio) желать отцу своему смерти, конечно не какъ зла для отца, но какъ добра для себя, ради ожидаемаго, значительнаго наслѣдства».

«Позволительно даже сыну, въ пьяномъ видѣ убившему своего отца, радоваться этому, только бы радость возбуждалась значительнымъ наслѣдствомъ ему доставшимся» (Prop. damn. ad. Innoc. XI. 2. Mart. 1679. №№ 13, 14, 15).

Тотъ же пріемъ служитъ къ прикрытію лихоимства. По ученію Латинской церкви, *все*, что взимается кредиторомъ сверхъ капитала, въ видѣ *отплаты за ссуду* (ratione mutui, ut prœtium), будь это денежный процентъ, *какой бы то ни было*, или выговоренная услуга (pactum de obtinendo officio), считается лихоимствомъ и безусловно осуждается какъ тяжкій грѣхъ. Такому же осужденію подвергается и лихоимство въ по-

мыслѣ, такъ называемая usura mentalis, то есть дѣломъ не проявленное намѣреніе получить что либо за ссуду. Не мѣсто обсуждать это ученіе, котораго Іезуиты ни сколько не оспоривали; но интересно узнать средства ими придуманныя, чтобъ уклониться отъ осужденія, не переставая наживаться.

Во-первыхъ, они строго отличаютъ отъ лихоимства *благодарность* за ссуду; поэтому, можно безгрѣшно давать въ займы, имѣя при этомъ главною цѣлью получить отъ должника благодарность (licet illud quod ex gratitudine sperat ut finem principalem intendat).

Во-вторыхъ, разрѣшаютъ давать въ займы съ намѣреніемъ снискать *дружбу* должника (ибо дружба на деньги не цѣнится) и затѣмъ уже, отъ дружескаго его расположенія, получить какую либо услугу.

Въ-третьихъ, не воспрещаютъ требовать чего нибудь сверхъ капитала, въ видѣ *обезпеченія* за предполагаемый рискъ и *уплаты за трудъ и расходы* по взысканію капитала.

Въ-четвертыхъ, позволяютъ выговаривать *вознагражденіе* за ущербъ, которому подвергаетъ себя кредиторъ, отказываясь, на время, отъ распоряженія своимъ капиталомъ, если онъ черезъ это стѣсняется въ своихъ предпріятіяхъ (Busen. L. III. Tr. V. C. III. D. VII. R. c. 2, 4, 8, 10).

И такъ, стóитъ повернуться намѣреніемъ не къ платѣ за ссуду, а къ благодарности, дружбѣ, обезпеченію или вознагражденію и, тогда, совѣсть не приметъ на себя осужденія, а сундукъ все-таки наполнится, чтò и нужно было доказать.

Тѣмъ же самымъ способомъ открывается возможность торговать святынею и обмѣнивать духовное на вещественное, не впадая въ симонію (Busen. L. III. Tr. I. C. II. D. III. Art. I).

F. Цѣль и средства.

Оправданіе грѣховности средствъ безгрѣшностью цѣли связано неразрывно съ подтасовкою намѣреній и подразумѣвается въ ней. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вникнуть въ любой изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Обиженный бросается въ погоню за убѣгающимъ отъ него обидчикомъ, настигаетъ и убиваетъ его; затѣмъ, убійца идетъ къ своему духовнику и объявляетъ ему, что онъ не мстилъ, а оборонялъ свою честь. — «Если таково было ваше намѣреніе, отвѣчаетъ духовникъ, то оно безукоризненно; а такъ какъ нѣтъ грѣха безъ злостнаго намѣренія, то и поступокъ вашъ безгрѣшенъ — идите съ миромъ». — Такъ! Но первые въ мірѣ мастера на различенія всякого рода не могли же проглядѣть, что одно это, духовнику заявленное намѣреніе — оборонить оскорбленную честь — не повело бы *прямо* и *непосредственно* къ дѣлу, т. е къ пролитію крови ближняго, еслибъ оно не перешло въ другое намѣреніе — совершить убійство. Убійство, само по себѣ, независимо отъ намѣренія вмѣняемаго убійцѣ въ оправданіе, совершено сознательно и вольно, слѣдовательно намѣренно, и это послѣднее намѣреніе составляетъ какъ бы переходъ отъ перваго намѣренія къ дѣлу, служитъ между ними необходимымъ звѣномъ. И такъ, здѣсь два намѣренія, одно отдаленное, другое ближайшее. Отчего же именно первымъ, отдаленнымъ, маскируется въ глазахъ духовника второе, ближайшее? Отчего безгрѣшность перваго (дѣйствительная или мнимая) снимаетъ съ второго печать грѣховности? Отчего свойствомъ перваго, и только перваго, безъ всякаго соображенія съ вторымъ, опредѣляется нравственный характеръ поступка? Угадать не трудно: одно намѣреніе направлено къ цѣли, другое къ средству; первымъ извиняется второе, цѣлью оправдывается средство. Тѣмъ же ученіемъ, и только этимъ ученіемъ, могутъ быть объяснены извѣстныя сочетанія словъ, которымъ бы, кажется, не подобало и встрѣчаться, сочетанія невыносимыя для слуха православнаго человѣка, но вошедшія во всеобщее употребленіе у латинянъ, какъ напр. *благочестивое мошенничество*, une fraude pieuse, *лганье для доброй цѣли*, un mensonge pour la bonne cause, многія другія, въ томъ же родѣ. Но, возразятъ можетъ быть читатели, все это *выводы*, а не прямыя указанія, которыхъ отецъ Мартыновъ требуетъ такъ настойчиво, съ такою увѣренностью, что они не найдутся. Онъ спрашиваетъ: «Въ какомъ мѣстѣ *нашего устава* (т. е. конституцій Ордена) прочли вы это пресловутое правило и зачѣмъ не потрудились указать на изданіе и страницы?».

Устава! Да съ какой же стати именно въ уставѣ стали бы мы искать правила, придуманнаго для разрѣшенія вопросовъ совѣсти? Иное дѣло, если-бъ понадобились справки объ учрежденіи Ордена, о его составѣ, организаціи, способѣ управленія, о средствахъ забирать движимые и недвижимые капиталы, не переставая нищенствовать и т. д. Все это можно найти въ уставѣ; но искать въ немъ ученія объ отношеніи средствъ къ цѣлямъ, было бы черезъ-чуръ наивно. Такихъ безплодныхъ поисковъ, сами Іезуиты никогда не предпринимаютъ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ, имъ понадобилось подорвать общественное довѣріе къ Французскому университету и доказать зловредное направленіе свѣтскаго воспитанія. Что-жъ они сдѣлали? Они разсчипали учебники, одобренные начальствомъ и разобрали по волоскамъ лекціи профессоровъ и изданія ученыхъ обществъ. Но еслибъ въ то время Кине, Мишеле или Кузень вздумали предложить имъ указать на слѣды безбожія или всебожія въ уставѣ Сорбонны или Французской коллегіи, безъ всякого сомнѣнія, они закричали бы въ одинъ голосъ, что это значитъ отводить глаза. Я попрошу позволенія послѣдовать примѣру Іезуитовъ, а не указанію отца Мартынова и постараюсь удовлетворить его любопытству, ограничивая розыски немногими, мнѣ доступными источниками.

Въ учебникѣ Бузенбаума, Книгѣ IV. Гл. III. Сомнѣн. VII. Разд. II. Отвѣт. Казус. 3 на страницѣ 435 изд. Кёльнскаго, 1694 года, мы читаемъ:

«По совѣсти разрѣшается (приговоренному къ смертной казни или къ заточенію на всю жизнь и содержащемуся въ тюрьмѣ) обманывать сторожей, не прибѣгая однако къ насилію и обидамъ, напр. угощать и поить ихъ до усыпленія, или придумывать средства для ихъ удаленія, разбивать оковы и выламывать двери; ибо, *такъ какъ цѣль дозволена, то и средства дозволяются*» (quia, cum finis est licitus, etiam media sunt licita) и т. д.

Того же учебника, въ Книгѣ VI, Тракт. VI, Гл. 11. Разд. 11. Отвѣт. на вопр. стр. 687 того же изданія, повторяется буквально это правило: *кому дозволена цѣль, тому дозволены и средства*, съ слѣдующею прибавкою: *кому дозволено совершеніе, тому дозволенъ и починъ* (Cui licitus est finis, etiam licent media et cui licet consummatio, etiam licet inchoatio (79).

(79) Статья, изъ которой извлечены эти строки, непереводима.

Quæres: an et quando liceant tactus, aspectus et verba turpia inter conjuges?

Resp. Tales tactus per se iis licent, quia cui licitus est finis etc.

А Бузенбаумъ—цѣломудренный и строгій аскетъ въ сравненіи съ какимъ-нибудь Санчезомъ и другими писателями той-же школы, какъ будто преднамѣренно осквернявшими супружество и превращавшими его въ узаконенный развратъ. Въ этомъ ихъ упрекали, въ одинъ голосъ, не только протестанты и жансенисты, но и строгіе католики, разумѣется непринадлежащіе къ Ордену; но Іезуиты никогда, ни въ чемъ не сознаются; а такъ какъ въ этомъ случаѣ не было возможности отпереться, за множествомъ явныхъ уликъ, то они прибѣгли къ оправданію. Вотъ, между прочимъ, что писалъ одинъ изъ новѣйшихъ почитателей Ордена, въ 1843 году, въ книгѣ, изданной въ защиту Іезуитовъ отъ публичныхъ нападковъ профессоровъ Мишеле и Кине (Les Jésuites par un solitaire. Réponse à M. M. Michelet et Quinet, 2-me edition, Paris, page 36):

«Вы знаете, что развратъ, въ самыхъ мерзкихъ формахъ, можетъ иногда проскользнуть въ таинственное святилище самой законной любви, а потому и проповѣдникъ нравственности (это Санчезъ!) не можетъ уклониться отъ обязанности внести туда свои изслѣдованія, проникнутыя любовью строгою и скромною». *Строгою и скромною*, ses investigations sévères et discretés! Пусть читатель сообразитъ эти эпитеты съ словомъ

Въ книгѣ нравственнаго богословія Эскобара (Liber Theologiæ Moralis etc., Трактатѣ V. Изслѣд. (Examen, V. Гл. IV. § 118. стр. 801. издан. 1656, мы читаемъ: «Я знаю, что добрая цѣль извиняетъ иногда грѣхъ содѣянный наведеніемъ соблазна, но я спрашиваю и т. д. (Scio bonum finem excusare aliquando a peccato scandali etc.)».

«На вопросъ предложенный убійцѣ: онъ ли убилъ такого то?—виновный въ убійствѣ можетъ смѣло отвѣчать: *нѣтъ*, подразумѣвая про себя, что онъ не посягалъ на жизнь убитаго имъ человѣка *«до его рожденія»*. Это не значитъ лгать и этимъ средствомъ позволительно пользоваться для спасенія своей жизни, чести, своего имущества, или для добраго дѣла».—Такъ разсуждаетъ Санчезъ, а Филліуцій прибавляетъ въ объясненіе: «ибо качество поступка (т. е. невинность или злостность его) опредѣляется конечною его цѣлью». (Ellend. стр. 43).

Довольно ли?

G. Поблажки всякаго рода.

Владѣя шестью указанными пріемами, которыми, повторяю, далеко не исчерпываются средства Іезуитской казуистики, не трудно было угодить міру, поддѣлавъ по его вкусу и надобностямъ Христово ученіе и низведя Божьи заповѣди до уровня господствовавшаго разврата. Благочестивые мужи, въ этомъ отношеніи, никого не обидѣли; правда, главною ихъ заботою было всегда подслужиться высшимъ сословіямъ, но и на долю меньшей братьи перепадали крупицы отъ духовной трапезы, изготовлявшейся по ихъ рецептамъ. Смѣло можно сказать, что нѣтъ такого преступленія, котораго бы они не извинили, нѣтъ такого порока, начиная съ грубѣйшихъ и

licent, въ приведенномъ выше латинскомъ цитатѣ и рѣшитъ самъ: въ какой мѣрѣ новѣйшіе Іезуиты покаялись въ грѣхахъ своихъ старшихъ братьевъ и можно ли вѣрить ихъ свидѣтельствамъ о себѣ самихъ?

кончая самыми утонченными, нѣтъ той слабости, для которыхъ бы они не придумали благовиднаго оправданія и поблажки. Разверните любой курсъ ихъ нравственнаго богословія — это, въ полномъ смыслѣ слова, справочная книга, въ которой всякій можетъ отъискать, по алфавитному указателю, именно то, чтó ему нужно для усыпленія своей совѣсти.

Вотъ напримѣръ, привиллегіи знатныхъ и богатыхъ.

Мы видѣли, чтó по общему правилу, соблазнившій дѣвушку обѣщаніемъ на ней жениться, обязанъ сдержать слово; но если дѣвушка, по своему состоянію или званію, стоитъ значительно ниже соблазнителя, то на послѣдняго это правило не распространяется. Такъ, напримѣръ, дворянинъ не обязывается вступить въ бракъ съ крестьянкою, которую онъ лишилъ невинности, и можетъ отдѣлываться выдачею приданаго; а если обольщенная имъ *сознавала* раздѣлявшее ихъ неравенство состоянія или званія (si fuerit conscia disparis status seu conditionis), то онъ освобождается и отъ этой обязанности (Busen. L. VI. Tr. VI. C. I. D. 11. R. I. c. 4).

Въ случаяхъ подробно опредѣленныхъ казуистами, захватъ чужой собственности, или ущербъ, другому лицу нанесенный, влечетъ за собою обязательное вознагражденіе; но еслибы немедленное исполненіе этой обязанности должно было поставить того, на комъ она лежитъ, въ невозможность продолжать образъ жизни, званію его приличный, напримѣръ: если-бы дворянину приходилось отказаться отъ прислуги, лошадей, оружія, или, первостатейному гражданину, взяться за незнакомое ему ремесло, то разрѣшается тому и другому отложить исполненіе и вознаградить понесшаго ущербъ, понемногу, не выходя изъ своего состоянія (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 5).

«Кто не хочетъ знать своихъ родителей, потому что они бѣдны, грѣшитъ противъ пятой заповѣди; но того, кто принимаетъ на себя только видъ будто не знаетъ ихъ (т. е. отступается отъ нихъ передъ людьми) или отказывается, не безъ достаточнаго основанія, содержать ихъ при себѣ, можно извинить отъ тяжкаго грѣха, лишь бы онъ снабжалъ ихъ всѣмъ, для нихъ необходимымъ» (Busen. L. III. Tr. III. C. I. D. I. R. I. c. 2).

Іезуиты ветхаго завѣта разрѣшали тотъ же случай нѣсколько иначе; они требовали дара въ церковь Божью (Матѳ. XV. 5 и 6).

«Господá наносятъ иногда тяжкія обиды своимъ слугамъ, называя ихъ, напримѣръ, чертями или псами. По мнѣнію нѣкоторыхъ учителей, это не грѣхъ, ибо дѣлается, большею частью, необдуманно и въ припадкѣ гнѣва» (Busen. L. III. Tr. III. C. II. D. IV. R. I. c. 2).

По общему правилу, повредившій доброй славѣ ближняго, обязанъ возстановить ее (restituere famam), т. е. повиниться передъ опороченнымъ; но изъ этого правила исключается цѣлый рядъ случаевъ, напримѣръ: «если добрая слава обиженнаго не такъ цѣнна (minoris est valoris), какъ репутація обидившаго. Поэтому, прелатъ не обязанъ къ удовлетворенію опороченнаго имъ человѣка низкаго званія (vilis hominis), если не можетъ этого сдѣлать, не пожертвовавъ своею собственною репутаціею, несравненно болѣе стоющею. Достаточно, въ такомъ случаѣ, замолвить слово въ похвалу опороченному или вознаградить его деньгами (Busen. L. III. Tr. VI. C. I. D III. Quæst. I. R. 6).

Вообще, дворянамъ, прелатамъ и людямъ съ состояніемъ, жить на свѣтѣ хорошо и имъ прощается многое.

Теперь, посмотримъ, чтó сдѣлано для служащихъ по найму, для купцовъ, ремесленниковъ и т. п. Для нихъ придумано особое ученіе о воровствѣ, въ разныхъ его видахъ.

По общему правилу, не считается воровствомъ самовольное присвоеніе себѣ чужаго, въ видѣ вознагражденія, когда не представляется иного способа получить должное. Поэтому, «слуги обоего пола могутъ тайно похищать (occulte surripere) принадлежащее ихъ господину, для вознагражденія себя за

труды, если они (т. е. слуги) находятъ, что эти труды недостаточно оплачиваются получаемымъ ими жалованьемъ». Этотъ тезисъ былъ осужденъ и проклятъ Иннокентіемъ XI (Prop. dam. 2 Mart. 1679 № 37). Бузенбаумъ, выслушавъ Римскаго первосвященника, продолжаетъ: «слуга, вознаграждающій себя украдкою (occulta compensatione) изъ имущества своего господина, не грѣшитъ въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда господинъ не выдаетъ ему содержанія или жалованья, на которое слуга имѣетъ право; 2) когда слуга оказываетъ господину, не по доброй своей волѣ и не даромъ, а съ намѣреніемъ получить за это вознагражденіе, какія-либо особенныя услуги, сверхъ договоренныхъ; 3) когда слуга, безчестнымъ образомъ, подговоренъ былъ наняться за плату для него обидную. (Busen. L. III. Tr. III. C. II. D. IV. R. 2. c. 2, 3. Tr. V. C. 1. D. I. R. c. 3).

Чѣмъ кто ближе стоитъ къ хозяину, котораго обкрадываетъ, тѣмъ снисходительнѣе судится воровство. Въ этомъ отношеніи, жены и дѣти пользуются особенными привилегіями. Напр. «сынъ не тяжко грѣшитъ, похищая у богатаго отца незначительныя денежныя суммы». Казуисты не могли однако согласиться въ опредѣленіи самой суммы дозволеннаго воровства; одни разрѣшаютъ покражу только до одного червонца, другіе доходятъ до шести. Латинская церковь, для разрѣшенія этого вопроса, откровенія не получила, потому—in dubio libertas.

«Равномѣрно, если сынъ завѣдуетъ отцовскими дѣлами, то можетъ требовать себѣ такойже платы, какую получалъбы въ его должности сторонній приказчикъ, а если не посмѣетъ этого потребовать, или отецъ не согласится удовлетворить его, то самъ можетъ вознаградить себя украдкою» (Busenb. L. III. Tr. V, C. I. D. IV. R. c. 6, 8).

Вообще, кто, находясь въ *крайней* нуждѣ, присвоитъ себѣ чужое, въ количествѣ только необходимомъ для себя, тотъ воромъ не считается и не обязывается, впослѣдствіи, воз-

вратить взятое — это общее мнѣніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, оно примѣняется и къ случаямъ *тяжкой* нужды. Бузенбаумъ, какъ человѣкъ умѣренный, находитъ первое мнѣніе *болѣе правдоподобнымъ*, слѣдовательно не отрицаетъ правдоподобія и втораго, не смотря на то, что оно было осуждено и проклято Иннокентіемъ XI (Prop. damn. 2 Mart. 1679 № 36. Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. I. R. c. 2).

Іезуитовъ долго занималъ вопросъ: слагаются ли учащенныя мелкія воровства, не составляющія порознь смертнаго грѣха, въ одно крупное воровство, слѣдовательно въ смертный грѣхъ и обязательно ли, въ подобномъ случаѣ, возвратить украденное? Нѣкоторые отвѣчали: не слагаются и не обязательно; но Иннокентій XI проклялъ и это мнѣніе. Тогда, добродѣтельный Бузенбаумъ, удерживая тотъ же отрицательный отвѣтъ, обмоталъ его въ разныя оговорки и произвелъ на свѣтъ слѣдующую статью: «Мелкія воровства не слагаются въ одно крупное, если производились при случаѣ (ex occasione) по малости, безъ намѣренія этимъ способомъ разжиться или нанести ближнему тяжкій ущербъ; но лишь только сложность разновременно похищеннаго достигнетъ *значительнаго количества* (ad quantitatem notabilem pervenit — къ сожалѣнію, авторъ не опредѣлилъ сколько аршиновъ, пудовъ или червонцевъ составляютъ значительное количество), такъ начинается для удерживающаго украденное опасность впасть въ смертный грѣхъ. Впрочемъ, онъ можетъ отъ нея уклониться, если возъимѣетъ намѣреніе, хотя бы не тотчасъ, а въ скоромъ времени, возвратить, по принадлежности, по крайней мѣрѣ то, что̀ было имъ похищено въ послѣдній разъ». Не знаю, вѣрно ли я понялъ автора; вотъ подлинныя его слова: si vel animum habeat paulo post restituendi ea saltem quoe tunc accipit (Prop. damn. 2 Mart. 1679, № 38, Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. III. R. c. I).

Такъ какъ, по общему правилу, тягость грѣха находится въ прямомъ отношеніи къ вѣсу, мѣрѣ и цѣнности похищен-

наго, и такъ какъ рядъ мелкихъ поражъ не всегда равняется одной, крупной, то и купцы, продающіе свой товаръ на укороченныя мѣры, извиняются отъ тяжкаго грѣха, если дѣлаютъ это по нуждѣ и по невозможности возвысить цѣну, не отбивъ покупателей (Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. III. R. c. 2. p. 2, 3).

«Купецъ, продающій порченый товаръ, обязанъ спустить цѣну, но не обязанъ, по совѣсти, предупредить покупщика о порчѣ, если товаръ пріобрѣтается не для перепродажи и если сбавка въ цѣнѣ не можетъ подать повода думать, что цѣна вообще на этотъ товаръ понизилась» (Ellend. 129).

«Если продавецъ, по какой-либо причинѣ, не можетъ сбыть своего вина по настоящей его цѣнѣ, то онъ можетъ безгрѣшно разбавить его водою и отпускать уменьшенною мѣрою, чтобъ этимъ способомъ привести вино въ настоящую цѣну» (тамъ же стр. 151).

«Обанкрутившійся купецъ, даже если онъ разорился по собственной своей винѣ, отъ мотовства и распутства, можетъ, до заявленія о своей несостоятельности, укрыть изъ своего имущества сколько ему нужно, чтобъ жить прилично съ своею семьею. Въ случаѣ надобности, по требованію кредиторовъ, самъ обанкрутившійся, а равно тѣ, которымъ эта утайка извѣстна, могли бы безгрѣшно присягнуть, что онъ ничего не скрылъ изъ своего состоянія, подразумѣвая про себя: *ничего такого, чего бы онъ не имѣлъ права отложить*».

Указавъ средства безгрѣшно присвоивать себѣ чужое добро, оставалось защитить отъ упрековъ совѣсти спокойное обладаніе неправеднымъ стяжаніемъ. Эту задачу разрѣшаетъ ученіе о вознагражденіи, разработанное Іезуитами чрезвычайно подробно и съ особенною любовью. Понятно: тутъ можно было прямо черпать готовый матеріалъ изъ римскаго права, а не изъ св. Писанія и отцевъ Церкви.

«Основаніе вознагражденія (ratio restitutionis), говоритъ

Бузенбаумъ, лежитъ въ правѣ того лица, которому нанесенъ ущербъ незаконнымъ поступкомъ другаго лица (damnum illatum per injuriam). Изъ этого, повидимому, должно бы слѣдовать, что размѣръ вознагражденія, во всякомъ случаѣ, опредѣляется сообразно съ ущербомъ обиженнаго, независимо отъ внутреннихъ побужденій обидчика; но авторъ приходитъ къ другому заключенію: «Обида, сопряженная съ ущербомъ, бываетъ, по отношенію къ обидчику, двоякаго рода: исключительно вещественная (materialis), то есть, чуждая злостной преднамѣренности, или сознательная и преднамѣренная (formalis). Въ первомъ случаѣ, причинившій ущербъ безвинно, обязанъ вознаградить только тѣмъ, что̀ еще осталось въ его владѣніи отъ предмета принадлежащаго другому, или тѣмъ, что̀ на этотъ предметъ нажито, притомъ, если незаконность пріобрѣтенія не покрыта давностью. Во второмъ лишь случаѣ, вознагражденіе соразмѣряется съ нанесеннымъ ущербомъ. Но, спрашиваетъ авторъ, примѣняется ли это послѣднее правило къ тѣмъ случаямъ, когда вина нанесшаго ущербъ, сама по себѣ, простительна? Оказывается, что ученые авторитеты, на этомъ вопросѣ, расходятся; одни даютъ отвѣтъ положительный, другіе, отвѣтъ отрицательный; но оба мнѣнія правдоподобны и на практикѣ безопасны, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе сопряжено, для нанесшаго ущербъ, съ *неудобствами*» (quando non commode potest restituere. Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. I. R. I. c. 2, 3. D. VI. Art. I. R).

Дальнѣйшее развитіе приводитъ къ такимъ результатамъ:

«Если ты купилъ у вора или получилъ отъ него въ даръ вещь краденую, зная, что она краденая, притомъ—вещь, по свойству своему, подлежащую истребленію (напримѣръ: вино, масло, пшеницу) и если ты перемѣшалъ ее съ своими собственными вещами, такъ что уже нѣтъ возможности отличить ее, то ты не обязанъ отдать ее тому, кому она, по праву, принадлежала, хотя бы ты и узналъ, впослѣд-

ствіи, что она у него похищена; за то и тотъ, у кого она была украдена, не теряетъ своего права и можетъ, тайкомъ, присвоить себѣ слѣдующее ему изъ твоихъ вещей» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. I. R. c. I). И такъ, воровство воровствомъ узаконяется и умѣряется.

«Кто, добросовѣстно владѣя вещью, по внимательномъ обсужденіи, склонится къ убѣжденію, что она чужая, тотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ учителей, обязанъ, сколько нибудь, по собственному своему усмотрѣнію, вознаградить хозяина; но, по мнѣнію большинства, это нисколько не обязательно; ибо фактическому владѣнію всегда дается преимущество передъ доводами, противъ него приводимыми, если они не вполнѣ убѣдительны. Къ этому присовокупляютъ нѣкоторые, что кто въ пору не озаботится дознать въ точности кому принадлежитъ вещь по праву, тотъ, впослѣдствіи, когда самое дознаніе сдѣлается невозможнымъ, ни къ чему уже не обязывается» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. I. R. c. 4).

«Кто укралъ какую либо вещь, и за тѣмъ, впавши въ крайнюю нужду, истребилъ украденное, тотъ не обязывается къ вознагражденію, ибо, во первыхъ, вещи ужъ нѣтъ на лицо; во вторыхъ, актъ покражи не отнимаетъ у вора того права, которое давала ему на чужую вещь крайняя его нужда» (Busen. L. III. Tr. C. II. D. VI. Art. II. R. c. II).

«Кто, въ пьяномъ видѣ, совершилъ убійство, не обязывается къ вознагражденію за ущербъ, если напился не преднамѣренно, или хотя и преднамѣренно, но не предвидя, что пьянство приведетъ его къ убійству, или, хотя и предвидя, если только употребилъ противъ этого мѣры предосторожности» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI, Art. III. R. c. I).

«Передъ судомъ совѣсти извиняется тотъ, кто нанесъ ближнему ущербъ безъ учиненія смертнаго грѣха и черезъ это самъ не обогатился, напримѣръ: кто убилъ другаго *въ первомъ или во второмъ моментѣ перваго движенія гнѣва*

(si fuerit motus iroe tantum primo primus vel secundo primus), если убійца не предусмотрѣлъ опасности, или, предусмотрѣвъ, употребилъ, для отвращенія ея такія мѣры предосторожности, какія обыкновенно принимаются людьми его званія» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 3).

Наконецъ, придуманы случаи, въ которыхъ можно отвертѣться отъ уплаты вознагражденія несомнѣнно обязательнаго, въ томъ числѣ слѣдующіе два:

«Кто, будучи обязанъ возвратить какую либо вещь бѣднымъ, и находясь самъ въ дѣйствительной бѣдности, подаритъ ее самому себѣ, тотъ и впослѣдствіи не обязывается возвратить ее, хотябы и разбогатѣлъ.»—Іезуитскій Орденъ и каждый Іезуитъ порознь, кажется, всегда считаются бѣдными, по крайней мѣрѣ, *нищенствующими*.

Если вознагражденіе можетъ вовлечь въ грѣхъ, напримѣръ, если тотъ, на комъ лежитъ обязанность вознаградить, убѣдится, что, исполнивъ ее, онъ подвергся бы опасности, съ досады впасть въ отчаяніе (per impatientiam incidendi in desperationem) или могъ бы утратить доброе имя, то эта обязанность съ него слагается» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 9, 10).

Короче сказать: кто не хочетъ вознаградить, тотъ и не вознаграждай, а вмѣсто этого, поройся въ Книгѣ III, Трактатѣ V, Главѣ II, de restitutione, и спрячься за подходящею статьею. Такая статья непремѣнно отъищется.

При этомъ, однако, не мѣшаетъ принять одну предосторожность, а именно: не обижать монаховъ, ибо, въ противномъ случаѣ, пришлось бы расплатиться на чистоту, по всѣмъ статьямъ, какъ за дѣйствительные, такъ и за возможные убытки. Послушайте:

«Кто убѣжденіемъ, или инаго рода содѣйствіемъ, склонитъ монаха къ отступничеству (т. е. къ выходу изъ монастыря), тотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обязанъ своею особою вознаградить Орденъ, то есть — вступить въ него; но

Бузенбаумъ отвергаетъ этотъ способъ вознагражденія и, вмѣсто этого, обязываетъ провинившагося, во первыхъ, употребить всевозможное стараніе къ убѣжденію отступника вернуться въ оставленную имъ обитель; во вторыхъ, вознаградить ее за всѣ тѣ выгоды, которыхъ она ожидала отъ наслѣдствъ, имущества или способностей (industria) отступника» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. VI. R. c. 5).

Потрясая собственность извиненіемъ воровства, Іезуиты, съ другой стороны, поддерживали ее въ тѣхъ ея формахъ, которыя, вообще, не пользуются особеннымъ покровительствомъ гражданскихъ законовъ, какъ напр. заработки непотребныхъ женщинъ. Этимъ предметомъ занимались Филліуцій, Тамбурини, Луго и другіе теологи.

По ихъ ученію, всякая непотребная женщина имѣетъ право на свой заработокъ; но вознагражденіе женщины, промышляющей собою тайно, гораздо обязательнѣе, по совѣсти, чѣмъ вознагражденіе промышляющей явно; ибо, въ первомъ случаѣ, самый предметъ промысла цѣнится дороже; такимъ же преимуществомъ пользуются невинныя дѣвушки, замужнія женщины и *монашенки*.

Тамбурини пытался было рѣшить интересный вопросъ о томъ: какую именно цѣну позволительно запрашивать; но онъ не дошелъ до опредѣленной цифры и ограничился общимъ правиломъ, что цѣна должна соображаться съ обстоятельствами, какъ-то: съ званіемъ, красотою, возрастомъ, честью (?), доброю славою (?) домогающейся вознагражденія и что, поэтому, женщина честная (?), не назойливая, заслуживаетъ большей платы, чѣмъ бросающаяся каждому на шею. Невинная дѣвушка можетъ цѣнить себя по самой высокой цѣнѣ; но женщина, всѣмъ доступная, должна довольствоваться умѣренною и для всѣхъ одинаковою платою, безъ лицепріятія, при чемъ, конечно, эта плата можетъ быть выше въ началѣ ея поприща, а затѣмъ должна пони-

жаться (Ellend. p. 140, 141). И это все въ Богословскихъ курсахъ, въ комментаріяхъ къ заповѣдямъ!

Іезуиты, кажется, сами усмотрѣли, что ученіе о тайномъ самовознагражденіи требовало, какъ противуядія, усиленія оборонительныхъ мѣръ. Въ этихъ видахъ, они разрѣшили убійство вора, когда это необходимо для спасенія предмета подвергающагося опасности и когда предметъ этотъ имѣетъ извѣстную стоимость. Но какъ опредѣлить ее? Объ этомъ разсуждали долго и много; тема приходилась по вкусу казуистамъ. Рѣшили, что убійство безгрѣшно, если вещь стоитъ не менѣе червонца (unius aurei). Однако, Иннокентій XI осудилъ и проклялъ этотъ тезисъ (Prop. damn. 2 Mart. 1679 № 31). Тогда, подняли цѣну до двухъ червонцевъ, а нѣкоторые возвысили ее до трехъ, даже до четырехъ. Выше этой цѣны, кажется, никто не назначалъ таксы на человѣческую жизнь, по крайней мѣрѣ, судя по свидѣтельству добродѣтельнаго Бузенбаума, который приводитъ всѣ мнѣнія, а въ заключеніе говоритъ:

«Правдоподобно, что при тѣхъ же обстоятельствахъ, убійство разрѣшается и духовнымъ, даже монахамъ, ибо, хотя въ доказательство противнаго приводятся нѣкоторыя постановленія, но ихъ должно понимать не иначе, какъ въ смыслѣ запрещенія переступать за предѣлы необходимаго для законной обороны» (quando non servatur moderamen inculpatœ defensionis. Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 4, 5).

На убійство, особенно тайное, изъ за-угла, въ спину, или черезъ подговореннаго головорѣза, на убійство во вкусѣ итальянскомъ и польскомъ, Іезуиты вообще смотрѣли крайне снисходительно; на это представлены были доказательства въ первомъ письмѣ. Любопытные найдутъ ихъ цѣлые десятки въ книгѣ Эллендорфа. Напримѣръ: «Невинный, когда этого требуетъ защита чести или имущества, можетъ не только принять вызовъ на поединокъ, но и вызвать противника; впрочемъ, еще лучше, не прибѣгая къ вызову,

тайно сбыть своего противника, если представится къ тому случай; лучше потому, что невинный, во-первыхъ, самъ себя избавляетъ отъ опасности, а во-вторыхъ, избавляетъ и противника своего отъ риска убить невиннаго» (Ellend. p. 92, 93).

По мнѣнію отца Лами и другихъ, монаху разрѣшается убійство непотребной женщины, съ которою онъ согрѣшилъ, если она намѣревается опорочить его оглашеніемъ его преступленія (Ellend. p. 86) и т. д. Нельзя скрыть, что и добродѣтельный Бузенбаумъ повторяетъ, какъ мнѣніе опытныхъ и надежныхъ учителей, «что невинно обвиняемый передъ судомъ, можетъ отдѣлаться убійствомъ какъ отъ обвинителя, такъ и отъ лжесвидѣтеля, если, во-первыхъ, подсудимому угрожаетъ несомнѣнно смертная казнь или изуродованіе, или утрата состоянія, чести и т. п.; если, во-вторыхъ, несправедливость обвиненія достовѣрна и если, въ-третьихъ, не представляется инаго способа отъ него избавиться. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, другіе учители не берутъ этого мнѣнія подъ свою защиту, такъ какъ оно могло бы *подать поводъ къ злоупотребленіямъ.*» (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. c. 9). Читатель видитъ, что Бузенбаумъ не даромъ же слыветъ добродѣтельнымъ.

«Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ убійство разрѣшается, оно можетъ быть совершенно за того, кому оно дозволено, другимъ стороннимъ лицемъ, *ибо къ этому побуждаетъ любовь къ ближнему»* (cum id suadeat charitas. Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 10).

Любовь какъ-то рѣшительно не дается Iезуитамъ (разумѣется любовь Евангельская). Они и забываютъ и вспоминаютъ объ ней одинаково некстати.

Каковы бы ни были всѣ эти правила сами по себѣ, понятно, что польза ихъ ограничивается довольно рѣдкими экстренными случаями. Не всякій же день приходится запускать руку въ чужой карманъ или прибѣгать къ кинжалу, чтобъ избавиться отъ необходимости защищаться передъ судомъ. Поэтому, въ общихъ видахъ управленія совѣстями, едва ли не важнѣе было извинить и оправдать обыденные, обыкновенные пороки. По этой части, Iезуитскіе богословы накопили такія сокровища, что выборъ становится крайне затруднителенъ.

Вотъ образчики:

«Отъ хозяина, живущаго въ преступной связи съ служанкою, не требуется (для полученія отпущенія грѣховъ), чтобъ онъ удалилъ ее изъ дому, если она столь необходима для его услажденія (ad oblectamentum concubinarii), что безъ нея жизнь стала бы для него тягостна и противна, и если замѣнъ ея другою наемницею представляетъ значительныя трудности» (Propos. damn. ad Alex. VII. Mart. 18. 1666 № 41).

«Связь съ замужнею женщиною, съ согласія законнаго ея мужа, не считается прелюбодѣяніемъ и потому, на-духу достаточно повиниться въ блудѣ» (Prop. dam. ab Innoc. XI 2 Mart. 1679 № 50).

«Если духовникъ, во время исповѣди, вручилъ любовную записку, но съ тѣмъ, чтобъ она была прочтена *послѣ*, то это не значитъ, чтобъ онъ *соблазнялъ во время исповѣди* и потому, въ этомъ нѣтъ повода къ доносу на духовника» (Prop. damn. ad Alex. VII. 24 Sept. 1665 № 5).

Вотъ статья, за которую поблагодарятъ всѣ упражняющіеся въ сплетняхъ:

«Простительно передавать слышанное, *какъ слухъ*, не утверждая справедливости его, но скорѣе, давая чувствовать свое сомнѣніе, такъ, чтобы можно было думать, что отъ такой огласки добрая слава ближняго не потерпитъ и слушатели не получатъ основательнаго повода повѣрить разсказанному; ибо если бы, случайно и сверхъ ожиданія, добрая слава ближняго отъ этого пострадала, то это вмѣнит-

ся въ вину слушателямъ, повѣрившимъ разсказанному (а не разсказщику)» (Busenb. L. III. Tr. VI. C. I. D. II. R. c. 12).

Вотъ Евангельское ученіе о прощеніи обидъ, усовершенствованное Іезуитами:

«Если ближній, несправедливымъ поношеніемъ, вредитъ твоей доброй славѣ, и тебѣ не представляется инаго способа защитить или возстановить ее какъ отплативъ обидчику тѣмъ же самымъ, то это тебѣ разрѣшается, лишь бы ты не прибѣгалъ ко лжи, не заходилъ за предѣлы необходимаго для твоей защиты и не болѣе наносилъ ближнему вреда, какъ сколько самъ потерпѣлъ отъ него, принимая впрочемъ въ соображеніе относительное значеніе его и твоей личности (collata tua et alterius persona. Busen. L. III. Tr. VI. C. I. D. II. R. c. 6)».

Вотъ статьи для пьяницъ и обжоръ:

«Совершенно невинны всѣ дурныя дѣла, содѣянныя въ пьянствѣ, если они не были предусмотрѣны или была приложена забота о предупрежденіи ихъ» (Busen. L. V. C. III. D. V. Art. II. R. c. 9).

«Невоздержность въ ѣдѣ и питьѣ, сама по себѣ, грѣхъ простительный; ибо прямо не противорѣчитъ ни любви къ Богу, ни любви къ ближнему».

«Набивать себѣ желудокъ до тошноты, даже нарочно вызывать рвоту, чтобъ имѣть возможность пить еще, по правдоподобному ученію, считается дѣломъ простительнымъ, если оно не подаетъ повода къ соблазну» (Busen. L. V. C. III. D. V. Art. I. R. c. I. 2).

Вотъ правила для облегченія исповѣди и избавленія кающихся отъ стыда. На этотъ предметъ Іезуиты обратили особенное вниманіе, чтобы привлечь къ себѣ побольше духовныхъ чадъ:

«Отъ кающагося не требуется сокрушеніе (contritio); достаточно простаго сожалѣнія о содѣянныхъ грѣхахъ (attritio) и страха возбужденнаго мыслью о наказаніи за грѣхи.» Суарій, одно изъ Равиньановыхъ свѣтилъ, все-таки требовалъ сокрушенія передъ смертью; Васкезъ, другое свѣтило, открылъ, что сокрушеніе необходимо только въ случаѣ отсутствія духовнаго отца и невозможности получить отпущеніе; а новѣйшіе пошли гораздо далѣе и покончили съ сокрушеніемъ.

«Кто сомнѣвается: дѣйствительно ли онъ впалъ въ тотъ или другой грѣхъ, не обязанъ упоминать объ немъ на исповѣди, хотя бы его сомнѣніе лишено было всякаго правдоподобнаго основанія (dubium negativum)». Этому учитъ Тамбурини, на основаніи положеній, одобренныхъ въ Римѣ Отцами-Цензорами Ордена.

«Нѣтъ надобности кающемуся упоминать отъ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину его; достаточно простаго перечисленія смертныхъ грѣховъ, по родамъ, безъ опредѣленія видовъ. Такъ учитъ Тамбурини и Эскобаръ, опираясь на авторитетъ свѣтила, Васкеза. Поэтому, достаточно сказать: я впалъ въ ересь, не объясняя въ какую именно. Кто грѣшитъ сознательно и преднамѣренно, разсчитывая на отпущеніе или буллу, не обязанъ объ этомъ упоминать: никто также не обязанъ заявлять о томъ, что тотъ или другой грѣхъ сдѣлался для него обычнымъ». Этому учатъ оба свѣтила.

«Женатый, мысленно посягнувшій на чужую жену и усладившійся такимъ помысломъ, не обязанъ, по мнѣнію свѣтила Васкеза, каяться въ этомъ, ибо, поясняетъ Тамбурини, «далеко еще не доказано, чтобъ супруги обязаны были пребывать другъ другу вѣрными даже въ своихъ помыслахъ».

«Духовный отецъ, соблазнившій свою духовную дочь, можетъ отдѣлаться, на исповѣди, простымъ покаяніемъ въ блудѣ».

«Священникъ, впавшій въ блудъ, не обязанъ, на исповѣди, заявлять о духовномъ своемъ званіи».

«Кто оскорбилъ отца или мать, можетъ просто сказать, что провинился передъ родственникомъ.»

«Кто совѣстится, передъ своимъ духовнымъ отцемъ, повѣдать грѣхъ недавно содѣянный, послѣ послѣдней исповѣди, можетъ вызваться на *генеральную исповѣдь*, то есть, принести покаяніе по всей своей жизни, и спрятать послѣдній свой грѣхъ, безъ означенія времени, въ массѣ другихъ»,— это милое средство изобрѣлъ Эскобаръ.

«Кто дорожитъ добрымъ мнѣніемъ своего духовника и не желаетъ открывать передъ нимъ темныхъ сторонъ своей души, можетъ припасти себѣ двухъ духовниковъ, одному приносить покаяніе въ грѣхахъ смертныхъ, а для другаго приберегать легкіе, простительные грѣхи»,—геніальный Суарій одобряетъ этотъ способъ.

«Если духовникъ наложитъ тяжелую эпитимью и, не смотря на просьбы кающагося, не захочетъ измѣнить ее, кающійся можетъ уйти безъ отпущенія и пріискать себѣ болѣе снисходительнаго духовника» — этому учитъ свѣтило Суарій.

Другой ученый, также первоклассный авторитетъ, Луго отстаиваетъ *новѣйшую практику*, состоящую въ томъ, чтобы за самые тяжкіе грѣхи назначать легкія эпитимьи и говоритъ: «эпитимьи трудныя, возбуждая досаду въ кающихся, заставили бы ихъ возненавидѣть исповѣдь или *обратиться къ неспособнымъ духовникамъ, не смыслящимъ духовнаго врачеванія*» и тогда... (этого впрочемъ Луго не договариваетъ) опустѣла бы Іезуитская лавочка (Ellend. p. 264, 270, 271, 280—291, 294, 299, 313—315).

Есть у Іезуитовъ правило и для супруговъ, желающихъ *не имѣть дѣтей:*

Possunt quidem conjuges.... ([80]).

Но не довольно ли?

([80]) Busenb. L. VI. Tr. VI. C. II. D. II. Art. II. Quæst. et Resp.

Въ извѣстной инструкціи (Directorium), которою руководствуются Іезуиты въ практическомъ примѣненіи такъ называемыхъ *Духовныхъ упражненій* Игнатія Лойолы (точнѣе бы было назвать ихъ истязаніями), предусматривается, что можетъ наступить минута, когда подъ вліяніемъ одиночества, темноты и собственныхъ своихъ помысловъ, искусственно сосредоточенныхъ на заданныхъ ему для размышленія темахъ, новобранецъ, искушаемый передъ вступленіемъ въ Орденъ, начнетъ *томиться и задыхаться какъ бы въ предсмертной тоскѣ* — ut in illa quasi agonia quodammodo opprimitur et suffocatur (Instit. etc. t. II. p. 466. Prag.). Въ эту минуту предписывается давать нѣкоторую ослабу и кратковременный отдыхъ.

Исходивъ объ руку съ добродѣтельнымъ Бузенбаумомъ подземелье Іезуитской казуистики, я начинаю понимать душевную пытку, такъ смѣло и вѣрно намѣченную этими тремя чертами. Сейчасъ видна рука великаго мастера....

Именно такъ! Что-то тяжелое ложится на душу и тѣснитъ ее; дыханіе обрывается въ атмосферѣ, насыщенной обманомъ и кощунствомъ; совѣсть, чуя, что ее обходятъ и хотятъ закружить, отбивается со всѣхъ сторонъ отъ подступающей къ ней лжи и, утомленная, проситъ пощады....

Значитъ, пора теперь и мнѣ отдохнуть и освѣжиться на чистомъ воздухѣ.

ПИСЬМО III.

Могу ли я надѣяться, что подробныя выписки изъ книги Бузенбаума, мною представленныя выше, произвели на васъ какое-нибудь впечатлѣніе и что вліяніе среды, въ которой вы живете, еще не успѣло его изгладить?

Если могу, то позвольте мнѣ, сославшись на это впечатлѣніе, взять его за исходную точку настоящаго моего письма.

Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь обществѣ, цѣлый кодексъ нравственности, систематически извращенной по указаннымъ мною способамъ, положенъ въ основаніе общественному воспитанію и принятъ въ руководство духовниками въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти; вдумайтесь въ вѣроятныя послѣдствія, и вы сами, на основаніи чисто психологическихъ данныхъ, предскажете безошибочно судьбу іезуитизма.

Честныя и строгія души, конечно раньше другихъ, почуятъ фальшь и захотятъ спасти Христово ученіе отъ угрожающей ему поддѣлки; искреннее благочестіе и неповрежденное чувство правды будутъ на ихъ сторонѣ, но неумолимая сила логики будетъ противъ нихъ. Въ борьбѣ своей съ іезуитизмомъ, восходя постепенно отъ послѣдствій къ причинамъ, отъ примѣненій къ началамъ, онѣ неминуемо доберутся до основныхъ положеній латинства и, противъ воли, вовлекутся въ столкновеніе съ самою церковью, изъ нѣдръ которой, по закону логической генеалогіи, не могъ не выдти іезуитизмъ. Напрасно будутъ онѣ стараться выгородить ее изъ тяжбы, разобщить папизмъ съ казуистикою и провести черту между ученіемъ последователей Лойолы и ученіемъ церкви; напрасно будутъ онѣ бросаться во всѣ стороны, ища лазейки изъ заколдованнаго круга; тѣснимыя со всѣхъ сторонъ своими строго послѣдовательными противниками, онѣ будутъ вынуждены объявить войну латинству и, сквозь него, пробить себѣ дорогу или, запутавшись въ противорѣчіяхъ, выбиться наконецъ изъ силъ и умолкнуть. Такова была судьба жансенизма, этой послѣдней вспышки потухавшаго во Франціи благочестія; такова же, отчасти, была судьба Станислава Конарскаго и другихъ піаристовъ, на минуту, передъ самымъ упадкомъ Польши, пытавшихся исцѣлить ея язвы путемъ народнаго образованія.

Между тѣмъ, большинство людей, слабыхъ духомъ, въ особенности людей привязанныхъ къ житейскимъ благамъ, избалованныхъ счастьемъ и самоугожденіемъ, весь этотъ легіонъ ищущихъ убѣжища отъ упрековъ своей совѣсти, *не исключая и людей лучшихъ фамилій*, съ радостью бросится вслѣдъ за снисходительными руководителями по укатанному пути ко спасенію и ввѣритъ имъ безусловно попеченіе о своихъ душахъ.

Успѣхъ поставщиковъ дешевыхъ отпущеній не подлежитъ сомнѣнію, но на долго ли и что будетъ послѣ?—Послѣ, когда нибудь, правда вступитъ въ свои права. Обольщенныя души узнаютъ наконецъ, что хитрыя сдѣлки съ совѣстью не даютъ внутренняго мира и тогда имъ опротивятъ широкіе пути и настежъ отверзтыя двери; онѣ стоскуются по Евангельской правдѣ и по Евангельской простотѣ и захотятъ почувствовать опять на раменахъ своихъ Христово бремя и протѣсниться въ узкія врата. Но онѣ ужъ не найдутъ ихъ. Къ тому времени, тропа къ нимъ заростетъ наглухо, а ключъ будетъ припрятанъ Іезуитами. Тогда, падетъ кредитъ сговорчивыхъ наставниковъ, и вмѣсто прежняго, навсегда изчезнувшаго довѣрія, вспыхнетъ безпощадная ненависть обманутыхъ къ обольстителямъ.

Откиньте второстепенныя причины, придаточныя обстоятель-

ства, мелкіе, случайные поводы и скажите (если можно—безъ подразумѣваемыхъ оговорокъ): не такова ли была главная, коренная причина и не въ ней ли оправданіе повсемѣстнаго изгнанія Іезуитовъ? Западная Европа, ими воспитанная, уразумѣла наконецъ, что они выкрадывали у нея верховное благо человѣчества — недосягаемость даннаго ему нравственнаго идеала, и владычеству ихъ надъ совѣстями положилъ конецъ единодушный подъемъ общественной совѣсти. Сомнѣваюсь, чтобъ такой приговоръ подлежалъ обжалованію.

И такъ, Іезуиты изгнаны, самое общество ихъ осуждено на смерть; но все это дѣло отрицательное; спрашивается: что будетъ дальше и кто займетъ очищенное мѣсто?

Можно напередъ сказать, что, какъ всякая революція, вызванная отрицательными побужденіями, хотя бы и вполнѣ законными, революція, сокрушившая Іезуитовъ, послужитъ только отрицанію, то есть невѣрію. Факты и это подтверждаютъ. Во всѣхъ обществахъ, въ которыхъ Іезуиты хозяйничали и властвовали, они, на прощанье, оставляли по себѣ отраву, которая должна была пережить всѣ ихъ интриги и просочиться въ умы самыхъ отчаянныхъ ихъ противниковъ, также какъ и въ умы ихъ неисправимыхъ почитателей. Эта отрава — не болѣе какъ *недоразумѣніе*, но недоразумѣніе живучее, всюду проникающее и почти непобѣдимое. Оно заключается въ отождествленіи вѣры съ рабствомъ мысли, благочестія съ вольнымъ самообольщеніемъ или сознательнымъ притворствомъ, неизмѣнности ученія съ суровою исключительностью и духомъ преслѣдованія, на оборотъ: невѣрія съ свободомысліемъ, а равнодушія съ терпимостью. Иначе и быть не могло. Какъ самое законное и естественное изчадіе латинства, какъ его послѣднее слово, іезуитизмъ, въ понятіяхъ обществъ, исповѣдующихъ латинство, связался наглухо и неразрывно съ христіанствомъ. Разорвать эту связь, разсѣять это недоразумѣніе, одинаково заслоняющее отъ защитниковъ Христіанства и отъ его противниковъ образъ Христовой

Церкви, не смогли частныя, добросовѣстныя усилія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ школъ. До сихъ поръ, масса видитъ передъ собою, съ одной стороны, бездонную, съ каждымъ днемъ расширяющуюся бездну голаго отрицанія, а съ другой, олицетвореніе двоедушія и обмана въ образѣ Іезуита, стоящаго у входа въ церковь и самоувѣренно побрякивающаго ключами царствія. Трудно бы было придумать условія, болѣе благопріятныя для проповѣди невѣрія. Какіе нибудь отцы Гарассы, Лемоаны, Боши, Пето и другіе, которыхъ честный Паскаль тянулъ къ позорному столбу, работали на энциклопедистовъ, прокладывали дорогу Вольтеру и заранѣе оправдывали его. Онъ это понялъ, и проронилъ нѣсколько словъ въ ихъ защиту, въ то самое время, какъ вся Европа ликовала по поводу своей надъ ними побѣды. Недоставало только, чтобъ сами Іезуиты подобрали его слова, и они дѣйствительно подобрали ихъ. Мало того, они отвели имъ видное мѣсто въ своихъ апологіяхъ ([81]). Ниже этого нельзя было упасть.

([81]) См. Histoire des Jésuites par Crétinau-Joly. T. 5. p 176 etc Ravignan de l'existence et de l'Institut des Jesuites, p. 107. Les Jesuites par un soliatire. 2 édit. p. 108. Іезуиты всегда были крайне неразборчивы въ выборѣ аттестацій, которыми они себя рекомендовали. Ils font flèche de tout bois, какъ говорятъ Французы. Удивительно, какъ они до сихъ поръ не поняли, что люди, отвергающіе христіанство, именно потому, что они его отвергаютъ, гораздо снисходительнѣе судятъ всякую ложь въ христіанствѣ, чѣмъ люди вѣрующіе. По той же самой причинѣ, отрицающіе возможность чуда вообще, относятся безъ всякаго негодованія къ поддѣльнымъ чудесамъ. Годъ тому назадъ, въ то время, какъ я былъ въ Римѣ, въ церкви S-ta Maria in monte celli показывали вновь открытую, мнимо чудотворную икону Спасителя. Увѣряли, что она водила зрачками и подмигивала. Народъ повалилъ туда толпами, и доходы церкви отъ этого не пострадали; вслѣдъ за другими и я туда отправился въ сопровожденіи Американца (кажется, духовной особы) и молодаго Бельгійца, страстнаго поклонника Ренана. Мы, разумѣется, ничего не увидѣли, кромѣ Padre Dgiordano, который приводилъ въ умиленіе собравшихся около него старухъ разсказами о курьезныхъ чудесахъ открытой имъ иконы. Американецъ и я, мы слушали съ изумленіемъ, изрѣдка посматривая другъ на друга; а Бельгіецъ все время самодовольно улыбался. По выходѣ изъ

Я постарался раскрыть причину успѣховъ и причину паденія Іезуитовъ; на сколько это мнѣ удалось, предоставляю рѣшить читателямъ и обращаюсь опять къ вашему письму, чтобъ вы не упрекнули меня въ уклоненіи отъ объясненій, которыхъ вы требуете.

Вы спрашиваете: «что доказываетъ одинъ фактъ изгнанія когда вы (то есть газета «День») не говорите ни кѣмъ и какого рода людьми мы были изгоняемы, ни въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ?»

Постараюсь удовлетворить любопытству вашему въ возможно краткихъ словахъ.

Во-первыхъ, позвольте замѣтить, что *одинъ* фактъ изгнанія слагается изъ многихъ фактовъ, изъ цѣлаго ряда разновременныхъ изгнаній, повторявшихся по нѣскольку разъ и повсемѣстно, гдѣ только водились Іезуиты. Они были изгнаны изъ Трансильваніи въ 1588 году, изъ Венеціи въ 1606, изъ Нидерландовъ въ 1612, изъ Богеміи, Моравіи и Венгріи въ 1618, изъ Мальты въ 1639, изъ Португалліи въ 1759, и 1834, изъ Испаніи въ 1767 и 1820, изъ Обѣихъ Сицилій въ 1767, изъ Герцогства Пармскаго въ 1768, изъ Франціи въ 1595 и 1767, изъ Голландіи и Бельгіи въ 1818, изъ Россіи въ 1688, 1719, 1815 и 1820 годахъ. Я указалъ только на самые крупные факты и могъ бы увеличить этотъ перечень, приведя на справку Индію, Японію, Китай и Америку.

На вопросъ: какого рода люди изгоняли Іезуитовъ, пусть отвѣтитъ вамъ папа Климентъ XIV; слушайте: «Даже тѣ,

церкви, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами. «Messieurs, franchement, je ne comprends pas votre indignation. De quoi vous scandalisez-vous? Une image qui joue de la prunelle? La belle affaire! Vous en acceptez bien d'autres. Et l'incarnation, et la resurrection? Ça vaut-il mieux? A mon avis c'est tout un». Іезуитъ непремѣнно записалъ бы эти слова и сказалъ бы: вы видите, ни во что невѣрующій человѣкъ и тотъ не такъ дерзко опорочиваетъ нашу святыню, какъ вы, еретики и схизматики.

которые всему міру извѣстны съ лучшей стороны, по своему благочестію и по наслѣдственной своей благотворительности къ Іезуитскому обществу, наши возлюбленныя чада во Христѣ, короли Французскій, Испанскій, Португальскій и обѣихъ Сицилій, вынуждены были удалить и изгнать изъ своихъ державъ всѣхъ членовъ этого Ордена... Но тѣ же короли, возлюбленныя наши во Христѣ чада, убѣдились, что это средство не возъимѣетъ прочнаго дѣйствія и не достигнетъ цѣли—возстановленія согласія въ христіанскомъ мірѣ—если само общество не будетъ окончательно упразднено и уничтожено. Вслѣдствіе этого, они выразили Клименту XIII, предшественнику нашему, свое желаніе и свою волю, и въ одинъ голосъ, какъ лица облеченныя властью, предъявили требованіе, къ которому присоединили мольбы и настоянія, чтобъ онъ упрочилъ навсегда указанною мѣрою спокойствіе ихъ подданныхъ и общее благосостояніе Христовой церкви... И до насъ, едва только милость Божія возвела насъ на каѳедру Святаго Петра, доведены были тѣ же мольбы и настоянія, а наконецъ, множество епископовъ и другихъ лицъ, отличающихся высокимъ саномъ, ученостью и благочестіемъ, присоединили къ нимъ свои ходатайства и совѣты».

И такъ, не враги Христова имени, не еретики и не схизматики, а правовѣрные государи, благодѣтели общества, и благочестивые пастыри церкви вынуждены были изгнать Іезуитовъ и требовать ихъ упраздненія. По крайней мѣрѣ, таково свидѣтельство папы; я знаю, что ваши увѣряютъ, что онъ хитрилъ и говорилъ не то, что думалъ; но если такъ, то кому же намъ вѣрить? И въ какое положеніе вы ставите насъ несчастныхъ, обращая насъ къ папизму и, съ перваго же слова, заподозривая правдивость папы?

Вы желаете еще, чтобъ мы указали обстоятельства, сопровождавшія изгнаніе Іезуитовъ; иными словами, чтобъ мы вдались въ подробности и дали бы вамъ возможность прицѣпиться къ какимъ-нибудь спорнымъ мелочамъ. Позвольте

мнѣ отъ этого остеречься. Всякому понятно, что обстоятельства, разумѣя подъ этимъ словомъ второстепенныя причины и ближайшіе поводы, не могли быть одинаковы въ Венеціи и въ Парижѣ, въ первой четверти XVII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ; но вотъ въ чемъ онѣ сходствовали. Всегда и вездѣ, изгнаніе Ордена слѣдовало непосредственно за полнымъ разцвѣтомъ его многосторонней дѣятельности въ области вѣроученія, науки и политики, за тою блистательною порою его существованія, когда, по счастливому выраженію вашему, онъ руководилъ совѣстью царей и народовъ. Изгонялись люди извѣданные и испробованные, люди насквозь высмотренные, успѣвшіе заявить себя въ качествѣ проповѣдниковъ, учителей, духовниковъ и совѣтниковъ; изгонялись они поколѣніями, ими же воспитанными, ихъ собственными, возмужалыми учениками и духовными дѣтьми. Въ письмѣ вашемъ вы указываете между прочимъ на множество поколѣній, перебывавшихъ въ вашихъ училищахъ и взываете къ ихъ свидѣтельству. Вы кажется забыли, что онѣ уже дали его; скрѣпы и подписи поколѣній, воспитанныхъ Іезуитами, вы можете найти подъ указами объ ихъ изгнаніи.

Хотите ли вы, чтобъ я напомнилъ ближайшія обстоятельства, непосредственно предшествовавшія декрету объ упраздненіи Ордена? Извольте, въ этомъ поможетъ намъ опять-таки Климентъ XIV. Онъ самъ взялъ на себя трудъ разъяснить всѣмъ правовѣрнымъ, что «желая, въ столь важномъ дѣлѣ, избрать надежнѣйшій путь, онъ счелъ нужнымъ употребить долгое время не только на самыя точныя розысканія, самое внимательное изслѣдованіе и затѣмъ на обсужденіе дѣла съ тою осторожностью, которой оно требовало, но и на то, чтобы, непрестанными молитвами и воздыханіями, испросить особенной помощи и вразумленія у Отца Свѣтовъ, не преминувъ предварительно подкрѣпить себя передъ Богомъ молитвами вѣрныхъ и благочестивыми ихъ дѣлами». Далѣе, папа заявляетъ, «что, употребивъ всѣ эти средства,

признанныя имъ необходимыми», онъ произнесъ свой приговоръ объ упраздненіи Ордена, «при содѣйствіи, въ присутствіи и подъ вдохновеніемъ Святаго Духа—по крайней мѣрѣ, я смѣю такъ думать», скромно прибавляетъ папа. Неужели, все это одна риторика и рѣшитесь ли вы сказать, что въ канцелярской фразеологіи Ватикана, Духъ Святой призывается лишь для приличія, по заведенному порядку, подобно тому, какъ мы, въ нашихъ письмахъ, подписываемся покорными слугами?

Этотъ декретъ Климента XIV сидитъ у Іезуитовъ какъ бѣльмо на глазу и чего, чего не придумывали они, чтобъ ослабить его значеніе или перетолковать его. Право, не знаешь, чему болѣе дивиться, недобросовѣстности, дерзости или комизму этихъ попытокъ. Я приведу нѣкоторые примѣры для назиданія читателей, чтобъ они ознакомились съ пріемами Іезуита *растерявшагося*.

Изъ вышеприведенныхъ строкъ, въ которыхъ папа заявляетъ, что онъ не щадилъ ни времени, ни труда на изслѣдованіе дѣла, какъ вы думаете, что́ выводитъ одинъ изъ новѣйшихъ и даровитѣйшихъ защитниковъ Іезуитскаго общества? Онъ заключаетъ: «если бы, въ поступившихъ къ нему жалобахъ, папа нашелъ обвиненія вполнѣ достовѣрныя, къ чему бы ему вдаваться въ многосложныя розысканія? Еслибъ онъ издалъ свой приговоръ добровольно, по собственному внушенію, на что бы ему тратить столько времени?»—А поступи папа поспѣшно, необдуманно, Іезуитъ сказалъ бы: что за приговоръ, произнесенный на вѣтеръ, безъ предварительнаго изслѣдованія и продолжительнаго обсужденія?

Въ другомъ мѣстѣ, папа заявляетъ, что, по его убѣжденію, Іезуитское общество стало *неспособно* приносить тѣ обильные плоды и ту пользу, *ради которыхъ оно было учреждено*. Тотъ же писатель, приводя эти слова, воскли-

цаетъ: «и такъ, самъ папа засвидѣтельствовалъ, что Iезуитское общество *давало* обильные плоды!»

Заявивъ прямо отъ себя, какъ свое убѣжденіе, что, пока существуетъ Орденъ, возстановленіе въ церкви истиннаго и прочнаго мира невозможно, папа прибавляетъ, «что правила благоразумія и мудраго управленія вселенскою церковью навели его и на другія соображенія (въ пользу упраздненія Ордена), которыхъ онъ однако не высказываетъ и *которыя хоронитъ на днѣ души своей*». Смыслъ этихъ словъ, въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, очевидно тотъ, что, избѣгая соблазна и щадя Iезуитовъ, онъ умалчиваетъ о многихъ ихъ преступленіяхъ, хорошо ему извѣстныхъ; а новѣйшій защитникъ Iезуитовъ крупными буквами перепечатываетъ эти слова и выводитъ изъ нихъ, что *настоящія* причины упраздненія Ордена намъ не повѣданы и что всѣ высчитанные папою доводы вовсе не выражаютъ его убѣжденія ([82]).

Далѣе, тотъ же писатель объясняетъ своей публикѣ, что папа, какъ глава латинства, издаетъ троякаго рода акты: буллы догматическія, буллы дисциплинарныя и *бревы* (bref, по нашему рескриптъ); что буллы перваго рода содержатъ въ себѣ непреложныя опредѣленія о предметахъ вѣры, буллы втораго рода посвящаются *особенно важнымъ* и издаваемымъ на долгое время постановленіямъ по части внѣшняго устройства церкви и ея управленія; что-жъ касается до рескриптовъ (bref), то это не болѣе какъ приказы, содержащіе въ себѣ какія-либо временныя распоряженія, или письма, въ родѣ напримѣръ тѣхъ поздравительныхъ посланій, которыя папа адресуетъ авторамъ по поводу выхода полезныхъ книгъ. И къ этому-то послѣднему разряду, по его же словамъ употребляемому только для дѣлъ *неважныхъ* и для распоряженій *временныхъ*, защитникъ Iезуитовъ относитъ декретъ Климента XIV объ окончательномъ упраздненіи Iезуитскаго Ордена на *вѣчныя времена*, декретъ, по увѣренію папы, *внушенный ему Духомъ Святымъ*. Странно! Неужели самъ Климентъ XIV, съ такою хитрою дальновидностью, облекъ свой приговоръ въ форму наименѣе сообразную съ его содержаніемъ ([83]) или все это не болѣе какъ подъяческая придирка и Iезуитское крючкотворство? Во всякомъ случаѣ, дѣло назидательно. Но главный аргументъ, надъ развитіемъ котораго трудились всѣ новѣйшіе корифеи современнаго іезуитизма, Кретино-Жоли, Равиньанъ и другіе, заключается вотъ въ чемъ. Папа государь независимый — это правда; но, въ сравненіи съ другими сосѣдями своими — государь слабый. Военныя и денежныя средства его ничтожны. Гдѣ жъ ему совладать съ кѣмъ бы то ни было? Во второй половинѣ XVIII в. составилась противъ Iезуитскаго Ордена политическая интрига, во главѣ которой стояли министры, заправлявшіе верховною властью въ Португалліи, Испаніи и Франціи, маркизъ Помбаль, д'Аранда и герцогъ Шуазель. Они пристали къ папѣ, обступили его со всѣхъ сторонъ и пригрозили ему. Что могъ бѣдный папа противъ такой стачки? Онъ покачалъ головою, испустилъ нѣсколько вздоховъ и спасовалъ. Сильные міра сего *вынудили* его согласіе и, въ буквальномъ смыслѣ, *исторгли* у него декретъ объ упраздненіи Ордена; все же, что говорится въ немъ о пастырской заботливости и о внушеніяхъ Святаго Духа, вставлено для красоты слога. Иными словами, историческія розысканія Iезуитскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ тому заключенію, что Климентъ XIV вдохновился не Духомъ Святымъ, а примѣромъ Понтійскаго Пилата, и, бу-

([82]) Les Jésuites par un solitaire. Paris. 1843. 2-me édit. page 212 et suivantes.

([83]) Въ 1775 году, кардиналъ Антонелли писалъ: «по всему видно, что хитрый папа (Климентъ XIV) *преднамѣренно* упустилъ всѣ формальности, дабы бревъ его, противъ воли имъ подписанный, въ глазахъ всѣхъ оказался недѣйствительнымъ». Это писалъ кардиналъ и повторяетъ съ торжествомъ Кретино-Жоли, акторъ исторіи, продиктованной Iезуитами. Hist. de la comp. de Jésus. 2-me édit. t. 5. p. 305. Послѣ этого, вѣрьте папамъ и вѣрьте Iезуитской преданности!

дучи внутренно убѣжденъ въ невинности Іезуитовъ, выдалъ ихъ на пропятіе, страха ради народнаго.

Хорошо! Ну, а хваленая *независимость* Римскаго первосвященника, которою намъ колятъ глаза, вотъ ужъ безъ малаго тысячелѣтіе? Вѣдь, если я не ошибаюсь, по латинской теоріи, духовная независимость, то есть даръ неустрашимой правдивости и неподкупной добросовѣстности, обусловливается непремѣнно и вполнѣ обезпечивается только независимостью политическою; по той же теоріи, наше православное духовенство, не пользуясь независимостью втораго рода и даже не добиваясь ея, тѣмъ самымъ отрекается и отъ независимости перваго рода. По крайней мѣрѣ, я читалъ и слышалъ это много разъ. Это одно изъ общихъ мѣстъ вашей полемики съ Церковью, употребляемое вами съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, вы пользуетесь имъ, чтобы вселить въ мірянъ чувство призрѣнія къ духовенству, по вашимъ словамъ пребывающему въ политическомъ рабствѣ; съ другой, вы соблазняете духовенство, указывая ему на добровольное подчиненіе папѣ, какъ на вѣрное средство высвободиться изъ-подъ зависимости отъ свѣтской власти. Какъ же вы такъ неосторожно проговорились о Климентѣ XIV? Неужели и ваша многоиспытанная ловкость попадаетъ иногда въ просакъ передъ неотразимою силою логики въ дѣйствіи, то есть исторіи? Вѣдь если сообразить то, чему вы учите, то, что было и что вами же признано, то мы неминуемо придемъ къ слѣдующему заключенію.

Даръ независимости духовной составляетъ столь существенную принадлежность Христовой Церкви, что безъ нея Церковь немыслима—въ этомъ мы всѣ согласны: затѣмъ (это ужъ продолжаете вы одни) независимость духовная предполагаетъ, какъ непремѣнное условіе, независимость политическую, ибо въ ней она находитъ свою гарантію; но опытъ доказываетъ, что обладаніе ограниченною территоріею, хотя бы на правѣ полной государственной независимости, не

застраховываетъ отъ внѣшняго насилія и фактической зависимости; а такъ какъ, въ вопросѣ о церкви, совѣсть человѣческая не можетъ довольствоваться вѣроятностями, условными гарантіями и приблизительными разрѣшеніями, то политическая независимость должна быть *дѣйствительная и полная*; иными словами, если мірская власть и вещественная сила необходимы для церкви, то эта власть должна быть властью единственною; эта сила не можетъ допустить рядомъ съ собою другой, равной ей по праву и по могуществу. Если папа не можетъ быть надежнымъ и вѣрнымъ пастыремъ церкви, не будучи въ то же время коронованнымъ величествомъ, то въ христіанскомъ мірѣ не должно быть другихъ величествъ, а могутъ быть только подручники папы. Нужна власть, такъ вся власть, а не малая доля власти. Такъ дѣйствительно понимали свое значеніе и свое призваніе, въ западномъ христіанскомъ мірѣ, папы послѣдовательные, какъ напр. Григорій VII и Иннокентій III. Но историческій опытъ доказываетъ также, что свѣтское едино-и полновластіе, какъ принадлежность верховной каѳедры, невозможно и немыслимо.

Сами папы давно отреклись отъ этого притязанія, а съ ихъ отреченіемъ падаетъ вся латинская теорія о независимости церкви. Въ кругу латинскихъ понятій, тутъ нѣтъ середины и не можетъ быть мѣста даже для сдѣлки. Остается Французскому оккупаціонному корпусу, нынѣ стерегущему *независимость* западной церкви, сослужить ей еще одну, послѣднюю службу, а именно: опустивъ знамена и ружья, выстроиться похороннымъ конвоемъ за гробомъ умершаго папизма и, церемоніальнымъ маршемъ, проводить его до Ватиканскихъ склеповъ. Посреди этого крушенія, вызваннаго внутренними противорѣчіями, остается нетронутымъ другое ученіе. Вы его знаете, по крайней мѣрѣ знали когда-то: духовная независимость сама по себѣ; политическая независимость сама по себѣ, между первою и второю ничего

нѣтъ общаго, по совершенной ихъ разнородности и несоизмѣримости; вторая не можетъ служить ручательствомъ за первую; напротивъ, призванная въ подкрѣпленіе и какъ бы для подбивки первой, она сгубила бы ее; независимость духовная обезпечивается только (но обезпечивается вполнѣ) силою вѣры и любви, подкрѣпленныхъ неоскудѣвающею благодатью. Не взыщите, мы думаемъ остаться при этомъ ученіи.

Но и помимо указаннаго мною рѣзкаго противорѣчія между Іезуитскими комментаріями на декретъ Климента XIV и ученіемъ о независимости Римскихъ первосвященниковъ, комментаріи эти, съ точки зрѣнія исторической, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Несчастнаго Климента XIV выставляютъ подлымъ трусомъ ([84]), забывая повидимому, что въ его положеніи было гораздо рискованнѣе и страшнѣе оказать удовлетвореніе общему чувству негодованія на Іезуитовъ, чѣмъ заступиться за нихъ. Преемнику Климента VII, Сикста V, Бенедикта XIV, достаточно было пройтись по Ватиканскимъ галлереямъ и припомнить, по висячимъ въ ней портретамъ, судьбу Римскихъ первосвященниковъ, у которыхъ доставало смѣлости стряхивать съ себя гнетъ своей преторіанской гвардіи, чтобъ угадать съ какой стороны угрожала ему опасность. Что онъ дѣйствительно сознавалъ ее и принималъ мѣры предосторожности — это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ держалъ при себѣ, въ качествѣ повара, монаха ему преданнаго, который одинъ готовилъ

([84]) Кретино-Жоли прямо говоритъ, что даже не желаніе возстановить миръ въ Латинской церкви, а простое чувство самосохраненія побудило папу къ уступчивости. Начавъ съ того, что онъ преклоняется безусловно передъ авторитетомъ Римскаго первосвященника, этотъ писатель продолжаетъ такимъ образомъ: «Климентъ XIV *зналъ*, что этотъ миръ былъ не болѣе какъ мечта; но онъ увѣрялъ себя, что рядомъ уступокъ онъ оградитъ отъ дальнѣйшихъ насилій послѣдніе дни своей жизни. Crét. Joly. T. 5, p. 289. Равиньянъ говоритъ: Clément XIV supprima, il est vrai, l'Institut de la compagnie, mais *sans le condumner* (?!) De l'existence et de l'institut etc. p. 50.

ему пищу. Но, какъ извѣстно всѣмъ (кромѣ Іезуитовъ), ничто не помогло, и ядъ, подброшенный таинственною рукою, нашелъ свою жертву.

И такъ, въ отношеніи къ личнымъ побужденіямъ папы, комментаріи Іезуитовъ на декретъ объ ихъ упраздненіи содержатъ въ себѣ одну клевету, въ добавокъ неправдоподобную.

Но вотъ что оригинально: оказывается, что тотъ самый упрекъ въ слабости и трусости, который взваливается новѣйшими Іезуитами на память Климента XIV, онъ самъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ томъ самомъ декретѣ, обращаетъ на тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которые, въ лѣтописяхъ Іезуитовъ, аттестуются, какъ ревностнѣйшіе ихъ благотворители. Если вѣрить кардиналу Антонелли, Кретино-Жоли и Равиньяну, приговоръ объ упраздненіи Іезуитскаго Ордена былъ *исторгнутъ* у климента XIV, а если вѣрить Клименту XIV, то всѣ буллы объ утвержденіи новыхъ монашескихъ Орденовъ (въ томъ числѣ и Іезуитскаго), изданныя послѣ Латеранскаго собора (на которомъ Иннокентій III безусловно воспретилъ на будущее время основывать вновь какіе либо Ордена) *были исторгнуты* у Римскихъ первосвященниковъ докучливыми требованіями (importuna petentium inhiatio approbationem extorsit). Переходя къ позднѣйшимъ временамъ, Климентъ XIV свидѣтельствуетъ, что и бревъ Климента XIII, ближайшаго его предшественника, которымъ онъ вновь одобрилъ учрежденіе Іезуитскаго общества и осыпалъ его похвалами, былъ у него не испрошенъ, а исторгнутъ (extortus potius quam impetratus).

Все это для насъ, стороннихъ людей, крайне поучительно. Исторженіе (extorsio), какъ видно, играетъ немаловажную роль въ исторіи латинства. Слово, произнесенное вчера, выдавалось за внушеніе Святаго Духа, а нынче отъ него отступаются, и, чтобъ не подать повода къ упреку въ двоедушіи или ребяческой непослѣдовательности, то же слово выдается за исторженіе. Не мѣшаетъ принять это къ свѣ-

дѣнію. Когда, съ Божьею помощью, внутреннія и внѣшнія дѣла наши окончательно устроятся, и Россія въ глазахъ Европы сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ подобаетъ ей быть, Римскій первосвященникъ, нынѣ неблагополучно властвующій или его преемникъ (если у него будетъ преемникъ), вѣроятно обрадуетъ насъ извѣстіемъ, что и разныя посланія о Польскихъ дѣлахъ, выходившія изъ Ватикана два года тому назадъ, и разныя рѣчи, произнесенныя тогда же, были *исторгнуты* желаніемъ угодить императору Наполеону или докучливыми просьбами Польскихъ эмигрантовъ, но отнюдь не выражали того, что̀ было у папы на умѣ и на сердцѣ. Дай Богъ! Повѣрьте, мы дорожимъ, какъ нельзя болѣе, Апостольскими поученіями Римскихъ первосвященниковъ: какъ барометръ, выражающій состояніе политической атмосферы, онѣ несравненно надежнѣе передовыхъ статей Теймса.

Впрочемъ, каковы бы ни были личныя побужденія, водившія рукою Климента XIV въ минуту подписанія декрета 21 Іюля 1773 года, историческое значеніе этого акта ими не ослабляется. Онъ важенъ не какъ выраженіе мнѣнія одного человѣка, а какъ отголосокъ мнѣнія всей Европы и какъ сводъ обвиненій, раздававшихся во всѣхъ ея концахъ. Видѣть въ немъ продуктъ придворной интриги, мелкой зависти и раздраженныхъ самолюбій, было бы также противно всякой здравой критикѣ, какъ сводить побужденія, вызвавшія реформацію, къ покушенію на церковныя имѣнія. Перечтите памятники XVI и XVII вѣковъ, начиная съ извѣстнаго пророчества, которое ходило по рукамъ въ XVI вѣкѣ, приписывалось Св. Гильдегардѣ и въ которомъ Іезуиты изображены совершенно въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ они высказались гораздо позднѣе, когда развернулись на свободѣ и овладѣли совѣстью царей и народовъ; переберите свидѣтельства не враговъ латинства, а ревностныхъ папистовъ, кардиналовъ, епископовъ и монаховъ, изъ коихъ многіе из-

вѣстны были своимъ добрымъ расположеніемъ къ Іезуитамъ; я назову лишь Георгія Бронсфеля архіепископа Дублинскаго, Францисканца Людвига Сотело (мученика, причисленнаго Латинскою церковью въ лику святыхъ), Доминиканца Гарція, епископа Мексиканскаго Палафокса (также святаго), Кононскаго Мегро, Кардинала Турнона, Апостольскихъ викаріевъ, епископовъ Розалійскаго, Юльопольскаго, Сисе, аббата Фавра, аббата Ле-Дье, Боссюетова секретаря. Вспомните переписку, рѣчи и бумаги Римскихъ первосвященниковъ Павла IV, Пія V, Сикста V, Александра VII, Климента VIII, Бенедикта XIV; наконецъ взвѣсьте свидѣтельства нѣкоторыхъ изъ членовъ и генераловъ вашего Ордена: Маріаны [85], Мендозы, Франциска Борджіа [86], Клавдія Аквавивы, Муція Вителлесхи—сопоставьте все это, и тогда вы убѣдитесь, что въ декретѣ Климента XIV нѣтъ ни одного упрека, который бы не имѣлъ за собою цѣлой, подкрѣпляющей его традиціи, ни одного слова, которое бы не было высказано прежде, и не одинъ разъ, а многократно, въ золотое время существованія Ордена, и при томъ такими лицами, которыхъ правдивости вы сами не можете отвергнуть. Вы увидите, что въ этомъ декретѣ общеизвѣстные и общепризнанные пороки Іезуитскаго общества не только не преувеличены, а, напротивъ, смягчены и ослаблены; наконецъ, что паденіе его издавна предчувствовалось, даже предсказывалось,

---

(85) Когда сочиненіе Маріаны: "Des défauts du gouvernement de la compagnie, появилось въ 1625 г. (разумѣется противъ желанія Ордена, который употребилъ всѣ усилія, чтобъ истребить изданіе), никто изъ Іезуитовъ не рѣшился заподозрить его подлинности; напротивъ, нѣкоторые положительно признали ее; не ранѣе какъ въ 1667 году, они стали доказывать, что книга Маріаны есть подлогъ и тогда же, за одинъ разъ, вздумали увѣрять, будтобы они это заявили при самомъ ея появленіи. См. Hist. des Jes. par l'abbé Guettée T. I. p. 445—447.

(86) Въ 1611 году, Іезуиты напечатали цѣликомъ отзывъ своего генерала въ сборникѣ подъ заглавіемъ Lettres annuelles des généraux etc., а въ 1635 году перепечатали его, смягчивъ нѣкоторыя выраженія и выпустивъ самыя рѣзкія мѣста, иными словами—сдѣлали подлогъ. Аббатъ Гёте приводитъ оба текста. Hist. des. Jés. T. I. p. 468.

людьми, желавшими предупредить его, и что на долю Климента XIV выпала лишь роль исполнителя задолго до него произнесеннаго приговора.

Подорвать значеніе декрета объ упраздненіи Іезуитскаго Ордена и отвергнуть обязательность его, очевидно было невозможно; но можно было не исполнить его, укрывшись отъ Ватиканскихъ громовъ подъ крыломъ свѣтской власти. Средство это было давно испытано Іезуитами въ Китаѣ и въ другихъ земляхъ, и они не преминули воспользоваться имъ вновь, въ Америкѣ, въ Пруссіи и въ Россіи; объ этомъ ловкомъ ихъ маневрѣ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Но зачѣмъ же, спросятъ можетъ быть читатели, останавливаться такъ долго на декретѣ объ упраздненіи Іезуитскаго Ордена, какъ будто бы на послѣдней, заключительной страницѣ его исторіи? Даровитѣйшіе изъ новѣйшихъ его почитателей, правда, не совсѣмъ добросовѣстно толкуютъ его; но за то они, не безъ основанія, указываютъ на кратковременность его дѣйствія. На оборотъ, они ссылаются съ особеннымъ торжествомъ на позднѣйшую конституцію папы Пія VII, 7 Августа 1814 года, названную имъ *непреложною* (irrévocable), которою общество ихъ было возстановлено, какъ увѣряетъ папа, вслѣдствіе единодушнаго желанія почти всего христіанскаго міра. Не служитъ ли это оправданіемъ общества и какъ бы удовлетвореніемъ за крайнюю обиду, нанесенную ему въ концѣ прошлаго вѣка?

Дѣйствительно, *вѣчность* (in perpetuum), о которой пророчилъ Климентъ XIV, продлилась ровно 40 лѣтъ и 16 дней; сколько времени простоитъ *непреложность*, возвѣщенная Піемъ VII, неизвѣстно; но я готовъ допустить, что она будетъ прочнѣе.

Объяснить возрожденіе повидимому навсегда отпѣтыхъ Іезуитовъ, обставивъ его событіями, предшествовавшими 1814 году, и понятіями, въ то время господствовавшими, было

бы очень не трудно. Не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ, я могъ бы сказать и доказать, что одна лишь, не всегда дальновидная, реакція правительствъ противъ революціонныхъ началъ, разнесенныхъ Наполеономъ по всему континенту, вызвала изъ мертвыхъ Іезуитскій Орденъ; что въ то время, подъ вліяніемъ страха, хватались безъ разбора за всѣ орудія, казавшіяся пригодными для обузданія надеждъ, зарождавшихся въ массахъ, и что этимъ настроеніемъ ловко воспользовались Іезуиты, выдавъ себя за надежнѣйшихъ тѣлохранителей царствующихъ династій.

Казалось бы, простая справка съ исторіею Стюардовъ и королевской власти въ Польшѣ, должна бы была убѣдить въ противномъ; но въ 1814 и 1815 годахъ, громадность новѣйшихъ, только что совершившихся событій заслоняла собою прошедшія времена, и историческія справки, наводившіяся для практическаго употребленія, не восходили далѣе начала Французской революціи.

Таково было главное побужденіе, заставившее нѣкоторыхъ государей ходатайствовать о возстановленіи Ордена, а другихъ—не противиться этому. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что иниціатива ходатайствъ принадлежитъ не латинскому міру, а православному государю, Императору Павлу Петровичу, склонявшему въ пользу Іезуитовъ и Турецкаго султана. Но все это, въ моихъ глазахъ, не имѣетъ большаго значенія. Устранимъ внѣшнія обстоятельства и случайныя побужденія и постараемся опредѣлить внутреннее значеніе факта.

Вникнувъ въ сущность латинства и припомнивъ послѣдовательный ходъ его развитія въ области ученія и церковной организаціи, нельзя не признать, что упраздненіе Іезуитскаго Ордена Римскимъ первосвященникомъ составляло такую вопіющую аномалію, которая не могла продлиться и что, на оборотъ, возстановленіемъ его, латинство, какъ будто выброшенное на время изъ своей исторической колеи,

вошло въ нее опять и связало свое настоящее съ законными преданіями всей своей старины. Съ того времени какъ Западная Европа, отрѣшившись отъ духовнаго общенія съ православнымъ Востокомъ, самовольно уединилась, мѣстныя начала Западно-Европейской образованности не могли не взять въ ней рѣшительнаго перевѣса надъ вселенскимъ преданіемъ. Съ этого началось перерожденіе христіанства въ латинство. Оно совершалось постепенно, но строго послѣдовательно и безостановочно; вся сила развитія была на его сторонѣ; все что двигалось впередъ, росло и крѣпло, подчинялось этому общему направленію, а уцѣлѣвшія воспоминанія вселенскихъ преданій относились къ нему лишь отрицательно, пассивно, сдерживая его по временамъ, иногда заявляя о себѣ громкими протестами, но не будучи въ силахъ поворотить его вспять. Это двойство, эта борьба между двумя силами, изъ которыхъ одна дѣйствовала наступательно, а другая только оборонительно, никогда не выражалась такъ знаменательно и не разъигрывалась съ такою силою, какъ по поводу Іезуитства. Причина понятна. Іезуитство, какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, было послѣднимъ и самымъ законнымъ изчадіемъ латинства. Можно сказать, что всѣ жизненные соки, вся душа латинства ушли въ него и что, съ первой минуты своего появленія на свѣтъ, іезуитство воплотило въ себѣ всю сущность, весь смыслъ латинства и стало на его мѣсто. Іезуиты, не даромъ и не безъ основанія, отождествляютъ свое общество съ Римскою церковью. По той же самой причинѣ, іезуитство, въ самомъ латинствѣ, должно было вызвать сильнѣйшее и послѣднее противодѣйствіе со стороны вселенскаго начала, все еще въ немъ таившагося.

Представители этого начала понимали, что съ торжествомъ іезуитства должны были окончательно погибнуть тѣ, все еще живыя, хотя и неполныя, отрывочныя преданія, которыя сберегались въ Западной Европѣ отъ лучшихъ

временъ и питали въ ней христіанское просвѣщеніе. Отсюда, попытка очистить латинство, отсѣкнувъ отъ него іезуитство. Глядя на нее со стороны, мы, разумѣется, не можемъ отказать ей въ глубокомъ почтительномъ сочувствіи и не отдать полной справедливости тѣмъ великимъ дѣятелямъ, великимъ по умственнымъ дарованіямъ, искреннему благочестію и благородству характера, которые обрекли себя на этотъ опасный подвигъ; но въ то же время, мы должны сознаться, что ихъ попытка, въ предѣлахъ латинства, была безумна и что временное ихъ торжество не могло быть прочно. Латинству отбиться отъ іезуитизма, отъ Молины, Эскобара, Санчеза, Бузенбаума, Лашеза и Летелье, также невозможно, также противно логикѣ и исторіи, какъ протестантству отбиться отъ Штрауса, Бруно-Бауера и всей Тюбингенской школы.

Въ старинной, восточной сказкѣ повѣствуется, что какой-то нечестивый царь, котораго долго и безплодно обличалъ ревностный отшельникъ, получилъ отъ него на прощанье, въ даръ, таинственное зеркало. Особенное свойство его заключалось въ томъ, что оно отражало въ себѣ не внѣшнія черты, а внутренній, душевный образъ человѣка. Увидавъ въ немъ лицомъ къ лицу свое безобразіе, царь прогнѣвался и разбилъ его въ дребезги; но, къ удивленію его, осколки сами собою сблизились, и гладкая поверхность зеркала опять предстала очамъ царя. Онъ велѣлъ закинуть его на дно морское, но зеркало всплыло на поверхность и, на другое утро, проснувшись, царь увидалъ его передъ собою и въ немъ свою прогнившую душу.

Такое же обличительное зеркало дано латинству въ іезуитизмѣ. Это его кара. Оно можетъ проклинать его, но пока остается собою, оно не развяжется съ нимъ.

ПИСЬМО IV.

—

Не знаю, признаете ли вы за нами, Русскими, право имѣть объ Іезуитахъ *свое сужденіе?*

Въ одномъ мѣстѣ вашего письма, вы замѣчаете редактору «Дня», что ему непремѣнно бы слѣдовало сказать, «что когда Іезуитское общество было уничтожено во всей остальной Европѣ (то есть, говоря точнѣе, упразднено папою), оно продолжало существовать въ Россіи, подъ покровительствомъ Екатерины II, *прозванной Мудрою*». Этому обстоятельству вы придаете особенную *знаменательность*. Въ другомъ мѣстѣ, вы какъ будто отрицаете нашу компетентность въ вопросѣ объ Іезуитахъ, на томъ основаніи, что мы объ нихъ знаемъ будто бы «только по романамъ и по наслышкѣ». «Просвѣщенной ли Москвѣ — восклицаете вы — не хранить благочестивыхъ преданій Странствующаго Жида (Juif Errant)? Ей ли не знать на память Тайныхъ Увѣщаній (то есть наказовъ — Monita Secreta) и тому подобныхъ оффиціальныхъ документовъ?»

Казалось бы, если у Русскихъ, невѣжества ихъ ради, отнимается голосъ на осужденіе, то и слово заступничества или оправданія, идущее изъ той же темной глуши, не должно бы имѣть для васъ особенной знаменательности. Со стороны всякаго другого, не-Іезуита, тутъ было бы противорѣчіе, но съ вашей стороны его нѣтъ.

Вы дорожите какъ нельзя болѣе мнѣніемъ правительства и пріятно издѣваетесь надъ мнѣніемъ общества. Это понятно

и не ново. Еще въ XVI столѣтіи, папа писалъ, а Іезуиты твердили Самозванцу: «ты имѣешь надъ Россіею полное право, обращай ее скорѣе въ латинство, а подданные твои должны идти, куда ихъ поведутъ».

Положимъ, что такъ; о правѣ мы теперь толковать не будемъ; но у правительства и у подданныхъ есть одно общее достояніе, принадлежащее обоимъ, и которымъ ни правительство, ни подданные безнаказанно пренебрегать не могутъ. Это ихъ собственный опытъ, ихъ исторія.

Мнѣ кажется, вы цѣните ее слишкомъ низко или слишкомъ много разсчитываете на нашу забывчивость. Я уже сказалъ въ началѣ и повторяю теперь: въ томъ знаніи, которое пріобрѣтается не научнымъ путемъ, а близкимъ сожительствомъ, мы, въ отношеніи къ Іезуитамъ, по особенной милости Божьей, далеко и навсегда отстали отъ Западной Европы; но все же и мы имѣли случай кое-что испытать отъ нихъ на самихъ себѣ и высмотрѣть ихъ своими глазами, у себя дома, или у ближайшихъ нашихъ сосѣдей, а не въ романахъ. Правда, мы читаемъ и романы; мы знаемъ, что въ Странствующемъ Жидѣ, авторъ, врагъ Іезуитовъ, изобразилъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ себѣ представлялъ, и что публика ихъ узнала; знаемъ мы, что издавался когда-то и другой романъ, въ формѣ писемъ (Lettres édifiantes et curieuses), въ которомъ сами Іезуиты изображали себя въ томъ видѣ, въ какомъ имъ хотѣлось представиться публикѣ; знаемъ также, что изъ этого вышло нѣчто вовсе не похожее на ту дѣйствительность, о которой свидѣтельствуютъ очевидцы и оффиціальные документы. Оба романа писаны эффекта ради и стоютъ одинъ другого. Я готовъ даже признать, что въ отношеніи правдивости, первый стоитъ не много выше втораго и даю вамъ слово ни на тотъ, ни на другой не ссылаться. И такъ, въ сторону романы и обратимся къ несомнѣннымъ фактамъ. Моя задача, въ настоящемъ письмѣ, допол-

нить ваше отрывочное указаніе на Екатерину II историческою справкою о предшествовавшемъ и послѣдующемъ (87).

Какъ вамъ извѣстно, мы встрѣтились въ первый разъ съ Іезуитами въ лицѣ Антонія Поссевина, этого неугомоннаго дипломата-апостола, который, въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ, носясь безъ устали по всей Европѣ и мелькая то въ Мадритѣ, то въ Лондонѣ, то въ станѣ Баторія, то въ палатахъ Ивана Грознаго, живымъ примѣромъ своимъ свидѣтельствовалъ о невмѣшательствѣ Іезуитовъ въ дѣла политики. Царю Московскому понадобился не апостолъ, а дипломатъ, который бы склонилъ Польскаго короля на миръ; онъ обратился къ папѣ съ просьбою взять на себя посредничество между воевавшими сторонами, и, не смотря на крайне стѣснительное свое положеніе, не только ничего не уступилъ, но даже не подалъ ни малѣйшей надежды на какую либо уступку для сближенія церквей. Въ этомъ отношеніи, онъ поступилъ такъ недвулично и честно, что папа, ожидавшій совершенно иного, остался крайне недоволенъ его посланіемъ. Римскій первосвященникъ смотрѣлъ на дѣло съ обратной точки зрѣнія. Онъ нисколько не желалъ задерживать военныхъ успѣховъ Баторія и отправилъ въ Москву апостола Лойоловой школы, съ секретнымъ порученіемъ, подъ предлогомъ заключенія мира, накинуть на Россію петлю, посредствомъ которой можно бы было, впослѣдствіи, притянуть ее къ подножію Рим-

(87) Я пользовался слѣдующими источниками и пособіями: Historica Russiæ Monumenta T. I. II. et suppl; иностранными сочиненіями и актами, изданными кн. Оболенскимъ; Полнымъ Собраніемъ Законовъ; Histoire des Jésuites par l'abbé Guettée, II. III; Histoire de la compagnie de Jésus par Crétineau-Joly, V. VI; сочиненіемъ Александра Лилова о зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ Россіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, Казань, 1856; Histoire de la chute des Jésuites au XVIII siècle par le C. A de St.-Priest; la Russie et les Jésuites de 1772 à 1820 par Henri Lutteroth, Paris, 1845 и особенно, превосходнымъ трудомъ графа Толстаго, открывшаго намъ terram incognitam нашихъ отношеній къ Латинской церкви: le Catholicisme en Russie I. II. Paris 1863 et 1864.

ской каѳедры. Поссевинъ завѣрилъ Ивана Грознаго въ своей готовности положить за него душу, принялъ на себя хожденіе по дѣламъ Москвы и выдалъ своего довѣрителя. Во время переговоровъ о мирѣ, онъ выругалъ Русскихъ пословъ, въ присутствіи Поляковъ, вытолкалъ ихъ изъ избы и выторговалъ Польшѣ всю Ливонію, тогда какъ самъ Стефанъ Баторій разрѣшалъ своимъ уполномоченнымъ оставить за Русскими нѣсколько городовъ. Впослѣдствіи, самъ Поссевинъ хвастался передъ нимъ этою оказанною ему услугою. Такимъ образомъ, первая половина папской инструкціи была исполнена: на поприщѣ дипломатическомъ, Россія была обманута и разбита. Затѣмъ, начались диспуты о вѣрѣ; но здѣсь надежды папскаго легата не осуществились. Онъ только узналъ отъ Ивана Грознаго, что папа *волкъ* и уѣхалъ, потерявъ всякую надежду на обращеніе царя. Повидимому, неудача была полная, но она отозвалась страшными послѣдствіями въ дальнѣйшей судьбѣ всей Западной половины Россіи. Увидавъ совершенную невозможность убѣдить, заговорить или обольстить Москву, Поссевинъ присовѣтовалъ папѣ круто повернуть аттаку отъ центра къ окружности и направить главныя батареи не на Москву, а на Вильну и Кіевъ, употребивъ въ дѣло, ad majorem Dei gloriam, матеріальную силу и государственное владычество Польши. Одинъ этотъ совѣтъ и планъ кампаніи, составленный Поссевиномъ, для отклоненія Югозападной Россіи отъ естественнаго ея тяготѣнія къ Москвѣ и Византіи, для систематическаго подкупа высшаго, православнаго духовенства и для введенія латинства, не касаясь на первыхъ порахъ обрядовой стороны православія — этотъ совѣтъ и этотъ планъ, по широтѣ и смѣлости замысла, по необыкновенной дальновидности и по истинѣ сатанинской злонамѣренности въ выборѣ средствъ, ставятъ Поссевина на ряду съ первоклассными политиками XVI и XVII вѣковъ, а насъ, Русскихъ, заставляютъ отнести его къ числу самыхъ заклятыхъ враговъ Россіи, нанесшихъ ей наиболѣе вреда. Можно сказать, что вся послѣ-

дующая исторія введенія уніи, а за тѣмъ, перечисленія уніатовъ въ латинство, съ мѣрами, придуманными для отторженія высшихъ сословій отъ народной массы, съ цѣлою, спеціальною литературою, систематически извращавшею понятія о Церкви, съ нарочно поддѣланными изданіями богослужебныхъ книгъ, съ разнообразными, варварскими преслѣдованіями, которымъ подвергались епископы, священники и простой народъ, остававшіеся вѣрными православію, все это содержалось какъ бы въ зернѣ въ инструкціи Поссевина. Она приводилась въ исполненіе строго-послѣдовательно, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ и, въ этотъ періодъ времени, Іезуитская пропаганда, при помощи шляхетскихъ сабель, достигла едва ли не крайнихъ предѣловъ успѣха, доступнаго человѣческой волѣ въ анти-историческомъ посягательствѣ на духовную жизнь цѣлаго народа. Согласитесь, что помянуть Поссевина добромъ, намъ рѣшительно не за что. Язвы, по его указаніямъ нанесенныя Югозападной Россіи, до сихъ поръ еще не затянулись.

Черезъ двадцать три года по отъѣздѣ его, Москва увидала опять Іезуитовъ въ своихъ стѣнахъ, въ свитѣ Самозванца. На этотъ разъ, ей удалось познакомиться съ ними нѣсколько покороче. Сами ли Іезуиты выдумали и воспитали Самозванца, или столкнувшись съ нимъ случайно, только подготовили, снарядили и завострили его для своихъ цѣлей, какъ боевое орудіе противъ Россіи?—этого вопроса, какъ окончательно еще не разъясненнаго, я не коснусь. Какъ бы то ни было, Іезуиты несомнѣнно знали, что Лжедимитрій не былъ сыномъ царя Іоанна, они сознательно служили ему, именно *какъ Самозванцу*, самозванства его ради, и доказали это тѣмъ, что какъ только онъ сошелъ со сцены, они тотчасъ же пристали къ другому Самозванцу, извѣстному подъ названіемъ Тушинскаго вора. И такъ, они протѣснились къ намъ, предънося предъ собою, какъ свое знамя, живую ложь и олицетворенный обманъ. Обстоятельство это также не лишено

своего рода знаменательности и, кажется, замѣчено было нашими предками. Что̀ замышляли Іезуиты въ Москвѣ и какого рода совѣты они давали обоимъ Самозванцамъ—извѣстно всѣмъ. Извѣстно также, что и въ этотъ разъ они не пріобрѣли особеннаго права на нашу благодарность. Наконецъ, Русская земля повела плечами и стряхнула съ себя всѣхъ облѣпившихъ ее Самозванцевъ, Претендентовъ, Шведовъ, и Поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и Іезуитовъ. Это было первое ихъ изгнаніе изъ Россіи.

Въ концѣ XVII вѣка, нѣсколько Іезуитовъ, большею частью переодѣтыхъ, пробралось въ Москву, въ свитѣ и подъ покровительствомъ пословъ Нѣмецкаго императора и пристроилось къ колоніи иностранцевъ, состоявшихъ на Русской службѣ. Имъ удалось пріобрѣсти домъ, разумѣется на имя подставнаго лица, Итальянца Гуаскони, также Іезуита, но выдававшаго себя за купца, и даже, при этомъ домѣ, устроить себѣ школу. Ободренные этимъ успѣхомъ и покровительствомъ князя Василія Васильевича Голицына, они открыли обычныя свои дѣйствія, то есть начали заманивать къ себѣ православныхъ дѣтей на выучку, пускать въ обращеніе разныя свои книжонки и раздавать латинскіе образа. Въ тоже время, они подслуживались иностраннымъ правительствамъ, и въ особенности Имперскому, секретными донесеніями о томъ, что̀ творилось въ Россіи. Увѣренность ихъ въ себѣ скоро возрасла до того, что одинъ изъ нихъ, Михаилъ Яковлевичъ, возъимѣлъ было даже надежду занять патріаршую каѳедру и въ частной своей перепискѣ жаловался на Москвичей, какъ видно, не обнаруживавшихъ особеннаго желанія имѣть его своимъ верховнымъ пастыремъ. Все это, разумѣется, не могло нравиться тогдашнему патріарху Іоакиму; онъ обратилъ вниманіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей на разсадникъ непрошенныхъ учителей и, въ 1688 году, вся Іезуитская колонія выпровожена была на счетъ казны за Литовскій рубежъ. Она оставила по себѣ, на память, любовную переписку благочестивыхъ

Отцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшую въ Московскомъ архивѣ. Удивительно, какъ она не пропала безъ вѣсти, какъ пропадали другіе, позднѣйшіе, еще болѣе интересные документы о Іезуитахъ. Это было второе изгнаніе ихъ изъ Россіи.

За Іезуитовъ заступился усердный ихъ ходатай и почитатель, повѣренный по дѣламъ Нѣмецкаго императора, Курцій. Онъ убѣдительно доказывалъ, что для самаго Русскаго правительства было бы чрезвычайно выгодно развести въ Москвѣ колонію людей, которые, не требуя за это никакого жалованья отъ казны (въ этомъ Курцій за нихъ ручался), занимались бы совращеніемъ въ латинство дѣтей православнаго исповѣданія и, въ тоже время (этотъ аргументъ Курцій, разумѣется, приберегалъ для себя и для переписки съ своимъ правительствомъ), служили бы Нѣмецкому императору самыми надежными политическими шпіонами; но краснорѣчіе Курція не подѣйствовало, а потому, за неуспѣхомъ открытаго ходатайства, пришлось прибѣгнуть къ тайнымъ средствамъ. Тутъ, очень кстати, помогъ генералъ Патрикъ Гордонъ, Ирландецъ по происхожденію, ревностный папистъ и дѣятельный помощникъ Петра I. Подъ его крыломъ, Іезуиты успѣли, въ нѣсколько лѣтъ, возобновить на старомъ мѣстѣ свое только-что разоренное гнѣздо; при томъ же домѣ Гуаскони, вѣроятно остававшемся въ ихъ рукахъ, неожиданно выросла латинская церковь, построенная будто бы съ разрѣшенія царя (хотя онъ отъ этого отрекся); при церкви появилась школа; все это очень скоро разрослось въ цѣлую *Іезувицкую слободу*, и вербовка учениковъ изъ православныхъ возобновилась. Русскій дворянинъ Ладыженскій обратился въ латинство, поѣхалъ въ Римъ и тамъ вступилъ въ общество Іезуитовъ— это была едва ли не первая жертва ихъ пропаганды, по крайней мѣрѣ изъ «Русскихъ людей лучшихъ фамилій». Іезуитское общество, въ то время, въ Россіи не признавалось; не менѣе того, оно поспѣшило предъявить отъ себя претензію на все имѣніе новообращеннаго; какъ заявленіе, это могло на будущее время послужить точкою опоры. Но заботою о спасеніи Русскихъ дворянскихъ душъ и о пріобрѣтеніи, черезъ нихъ, Русскихъ же крѣпостныхъ душъ, дѣятельность усердныхъ апостоловъ не ограничивалась. Разъ набивъ себѣ руку, они не оставляли и другаго занятія, можетъ быть менѣе богоугоднаго, но также не безприбыльнаго. Нѣмецкій императоръ, конечно, ad majorem Dei gloriam, ежегодно отпускалъ на ихъ содержаніе по 800 р., а они, конечно изъ благодарности, отплачивали ему разными справками, которыхъ бы онъ вѣроятно не получилъ оффиціальнымъ путемъ. Петръ I не могъ всего этого не знать, или, по крайней мѣрѣ, не подозрѣвать; однако, изъ уваженія къ Нѣмецкому императору, онъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока дворы Петербургскій и Вѣнскій жили въ ладу; но какъ только послѣдовала между ними размолвка, по поводу бѣгства царевича Алексѣя, немедленно вышелъ указъ, 18 Апрѣля 1719 года, о высылкѣ за границу всѣхъ проживавшихъ въ Москвѣ Іезуитовъ. Этотъ указъ писанъ въ стилѣ Петра I, кратко и жестко. На этотъ разъ, благочестивые отцы были, какъ видно, заблаговременно предупреждены, ибо, еще за три мѣсяца до выхода указа, прекратили, по приказанію своего генерала, отправку писемъ по почтѣ и всю свою заграничную переписку повели черезъ повѣреннаго Австрійскаго правительства. Такимъ образомъ, все, что подлежало тайнѣ, могло быть въ пору схоронено или уничтожено и, при осмотрѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ, ничего важнаго не открылось. Это было третье изгнаніе.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, мы опять встрѣтились съ Іезуитами, но, въ этотъ разъ, не они къ намъ пробрались, а мы сами пріобрѣли ихъ. Возвративъ отъ Польши Бѣлоруссію, Екатерина застала въ ней Іезуитовъ прочно водворенными ([38]) и,

([38]) Сами Іезуиты насчитывали въ Бѣлоруссіи до 200 человѣкъ своихъ; у нихъ были 4 коллегіи, въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ и Динабургѣ, четырнадцать миссій, не считая церквей, домовъ и населенныхъ имѣній.

немедленно, въ 1772 году, предписала тамошнимъ губернаторамъ составить списокъ всѣхъ Іезуитскихъ монастырей и школъ. Къ этому, въ указѣ было прибавлено. «Вы имѣете учредить особенное наблюденіе надъ Іезуитами, какъ надъ коварнѣйшимъ изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ Орденовъ, такъ какъ, у нихъ, подчиненные ничего предпринимать не могутъ безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ» ([89]). Очевидно, Императрица хотѣла сказать, что Бѣлорусскіе Іезуиты представлялись ей особенно опасными потому, что по уставу ихъ общества, они подчинялись, непосредственно и безусловно, власти пребывавшей не въ Россіи, а въ Римѣ, и потому совершенно независимой отъ правительства. На другой годъ, Климентъ XIV обнародовалъ свой декретъ объ упраздненіи Ордена, и съ этой минуты, Іезуиты какъ будто пріобрѣли благорасположеніе Императрицы. Эту странность мы постараемся объяснить ниже. Въ высочайшемъ указѣ Января 13, 1774 года, Екатерина II объявила «свое намѣреніе, чтобъ находящіеся въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ Іезуиты оставались *тамъ* по прежнему и продолжали преподавать въ коллегіяхъ своихъ юношеству науки». Подъ юношествомъ, какъ видно изъ связи словъ и какъ это впослѣдствіи не разъ было разъясняемо, разумѣлись исключительно мѣстные уроженцы латинскаго вѣроисповѣданія. Въ томъ же году, Февраля 6, обнародована была жалованная грамота на установленіе Бѣлорусской католической епархіи, а въ 1782 году, Января 17, указъ объ учрежденіи въ Могилевѣ архіепископства Римско-католическаго исповѣданія.

Этими двумя актами, Могилевскій архіепископъ поставленъ былъ во главѣ всего латинскаго духовенства въ предѣлахъ Россіи, не выключая и монашескихъ Орденовъ; въ

([89]) Не имѣя подлиннаго текста, я перевожу буквально съ французскаго перевода, по книгѣ графа Толстаго: Le catholicisme Romain en Russie. II, p. 16—17.

консисторіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, сосредоточены были всѣ дѣла внутренняго, церковнаго управленія; архіепископъ и консисторія были непосредственно подчинены Правительствующему Сенату; сношенія съ Римомъ высшее правительство предоставило исключительно себѣ, строго подтвердивъ какъ самому архіепископу, такъ и подчиненному ему духовенству, отнюдь не принимать никакихъ папскихъ буллъ, ни отъ имени его писанныхъ посланій, но всѣ таковыя буллы и посланія препровождать прямо въ Сенатъ. Іезуиты, *наравнѣ съ другими монашескими Орденами*, оставлены были «неприкосновенны» не только при совершенной, ничѣмъ не ограниченной «свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры, но и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, съ своими монастырями, школами, разными училищами, и съ принадлежащимъ ихъ монастырямъ и имъ самимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ». Но эти права предоставлены были *монашескимъ Орденамъ не въ смыслѣ корпорацій разсѣянныхъ по лицу всей земли и подчиненныхъ своимъ генераламъ, и, черезъ ихъ посредство, папамъ*, а исключительно *Русскимъ подданнымъ того или другаго Ордена*, или, какъ значится въ указѣ: «всякаго Ордена духовнымъ католическимъ, до нынѣ въ подданствѣ нашемъ находящимся и впредь для жительства въ Бѣлорусскую губернію пріѣзжающимъ и остаться въ подданствѣ нашемъ желающимъ», притомъ: «пока они сами вѣрноподданническій долгъ и присягу непорочно сохранять будутъ». Опредѣленіе къ монастырямъ настоятелей или начальниковъ признано было принадлежностью власти архіепископа, которому повелѣно было: «тѣхъ изъ нихъ оставить или вновь опредѣлить, кои въ подданствѣ нашемъ родились или утверждены, а временно присылаемыхъ изъ-за границы отрѣшить и впредь не терпѣть, запретя пріемъ оныхъ подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти». Далѣе, потверж-

дено было, чтобъ «всѣ монашескіе Ордена Римской вѣры, завися *единственно* отъ архіепископа Могилевскаго, его коадъютора и консисторіи, *не дерзали* навлекать на себя зависимость отъ *какой-либо духовной власти, внѣ Имперіи Нашей пребывающей* (слѣдовательно и отъ папы), высылать имъ доходы или части оныхъ, *или же имѣть къ нимъ какое-либо отношеніе*, подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти». Наконецъ подтверждено было специально-монашескимъ Орденамъ не принимать «никакихъ буллъ папскихъ или отъ имени его писанныхъ посланій, а отсылать оныя въ Сенатъ».

Все это относилось до Латинскаго духовенства вообще, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго, безъ различія; собственно же Іезуитамъ, какъ признанному правительствомъ *обществу*, разрѣшено было въ 1777 г. открыть въ Полоцкѣ новиціатъ и принимать новыхъ членовъ, а указомъ 1782 года Іюня 25 имъ было позволено: «избрать изъ между себя генеральнаго викарія (т. е викарія къ генералу), подъ которымъ провинціалы и прочіе ихъ начальники по правиламъ Ордена ихъ перемѣняемы будутъ; о таковомъ избираемомъ долженствуютъ они чрезъ архіепископа Могилевскаго Римской церкви представить въ Сенатъ, а оному донести Императрицѣ; впрочемъ предписать, что, хотя сей Орденъ и обязанъ надлежащимъ повиновеніемъ *истинному своему пастырю* — архіепископу Могилевской церкви, но упомянутый архіепископъ имѣетъ наблюдать, дабы правила онаго Ордена въ цѣлости и безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія сохраняемы были, *поколику оныя согласны съ гражданскими нашими установленіями*»([90]). По поводу избранія викарія, сенатскимъ указомъ 13 Сентября по Высочайшему повелѣнію, еще разъ и

([90]) Пол. соб. зак. XIX, № 15443. Кретино-Жоли въ 5 т. своей исторіи Іезуитскаго Ордена, на стр. 386 (по 2-му изд.) приводитъ этотъ указъ цѣликомъ, но послѣднюю оговорку, содержащую въ себѣ существенное ограниченіе, благоразумно пропускаетъ.

рѣшительнѣе прежняго, было внушено Іезуитамъ, чтобъ они, подъ страхомъ строжайшаго взысканія, повиновались своему епископу и перестали отговариваться, ссылками на свой уставъ, отъ законнаго ему подчиненія ([91]).

Таково было положеніе Латинскаго духовенства вообще и Іезуитовъ въ особенности, въ царствованіе Екатерины II, прозванной Мудрою. Любопытно теперь изслѣдовать, во-первыхъ, что̀ могло побудить ее признать Іезуитовъ *какъ общество* и отвести имъ мѣсто въ организаціи Латинскаго духовенства; во-вторыхъ, на какомъ основаніи сами Іезуиты, упраздненные, *какъ общество*, декретомъ Климента XIV, могли воспользоваться этимъ признаніемъ и принять это мѣсто.

Императрица Екатерина любила просвѣщеніе и уважала его; поэтому, всякое учрежденіе, имѣвшее назначеніемъ обучать и воспитывать, особенно въ землѣ небогатой просвѣтительными средствами, естественно могло разсчитывать на ея покровительство. Въ Западномъ, новоприсоединенномъ краѣ, общественное воспитаніе издавна было въ рукахъ Іезуитовъ, и эта сторона ихъ дѣятельности, прежде всего, обратила на себя вниманіе Екатерины. Таково было первое ея побужденіе, но не единственное и даже не главное. Чтобъ употребить съ пользою педагогическую опытность и фискальныя способности Іезуитовъ, не было необходимости раздражать папу и, вопреки общественному мнѣнію всей Европы, за одно съ однимъ лишь королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II, присвоивать имъ корпоративныя права и возстановлять ихъ какъ общество. Очевидно, Екатерина руководилась при этомъ другими соображеніями, и мы едва-ли ошибемся, связавъ ихъ съ общею системою ея дѣйствій по отношенію къ Латинству.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, Русское правительство не

([91]) Графъ Толстой не упоминаетъ объ этомъ указѣ, но Кретино-Жоли (V. p. 387) приводитъ изъ него цитатъ. Дѣйствительно ли есть такой указъ?

относилось къ Римской церкви такъ самостоятельно и рѣшительно, такъ логично и просто и въ то же время такъ прямодушно, какъ при Екатеринѣ II. До нея, правительство наше отбивалось отъ папъ и старалось игнорировать ихъ притязанія; послѣ нея, оно задумало пріискать формулу сдѣлки для примиренія своихъ интересовъ и своего достоинства съ латинскимъ каноническимъ правомъ и съ требованіями Римскаго двора. Екатерина II поняла, что съ присоединеніемъ къ Россіи цѣлой области, въ которой часть народонаселенія исповѣдывала латинство, нельзя было отказывать долѣе Римской церкви въ правѣ гражданства въ предѣлахъ Имперіи; съ другой стороны, она угадала, что между самыми законными и существенными требованіями, отъ которыхъ правительство, пока оно исповѣдуетъ Православную вѣру, никогда не откажется, и историческими притязаніями, составляющими неотчуждаемое наслѣдіе Римской каѳедры, прочная, для обѣихъ сторонъ удовлетворительная сдѣлка рѣшительно немыслима. Она благоразумно остереглась отъ всякой попытки разрѣшить эту неразрѣшимую задачу и остановилась на глубоко-обдуманной системѣ, основанной исключительно на ясно-сознанныхъ интересахъ Имперіи. Система эта можетъ быть выражена въ короткихъ словахъ: не касаясь догматовъ, составляющихъ предметъ вѣры, *локализировать въ предѣлахъ Имперіи латинскую церковную администрацію, какъ предметъ не внѣшней политики, а внутренняго, государственнаго управленія.* Съ этою цѣлью нужно было: во-первыхъ, дать Латинской церкви, въ Россіи, возможно-полную организацію; во-вторыхъ, оборвать нити, связывавшія мѣстную іерархіею съ Римскимъ церковнымъ правительствомъ; въ третьихъ, упразднить самостоятельностъ и іерархическія привиллегіи Латинскихъ монашескихъ Орденовъ, и подчинить ихъ, на одинаковомъ съ бѣлымъ духовенствомъ основаніи, власти мѣстнаго, епархіальнаго начальства. Иными словами, Екатерина, законодательнымъ

путемъ, устанавливала у себя тотъ самый порядокъ вещей, котораго, при всемъ своемъ желаніи, не успѣла завоевать для себя Франція—своего рода галликанизмъ, но болѣе послѣдовательный и, разумѣется, съ гораздо бо́льшимъ правомъ чѣмъ Франція. На то она и была мудрая. Само-собою разумѣется, что она должна была заранѣе отказаться отъ надежды исполнить свои предначертанія съ благословенія Римскаго первосвященника; этимъ она ему и не докучала, да и онъ бы, вѣроятно, не благословилъ ея; но онъ благоразумно молчалъ и даже утверждалъ всѣ ея распоряженія, когда она его объ этомъ просила, ибо зналъ напередъ, что въ крайнемъ случаѣ нашелся бы способъ обойтись безъ него ([92]). Позиція, которую занимало въ то время Русское правительство, была такъ тверда и такъ надежно защищена со всѣхъ сторонъ, что ловкость Римской дипломатіи не могла заставить его уступить ни единой пяди ([93]). Опасно и трудно имѣть дѣло съ Римомъ только для тѣхъ, кто вступаетъ съ нимъ въ состязаніе на почвѣ каноническаго права; но Екатерина вовсе не претендовала на глубокія познанія въ этомъ правѣ, не считала себя призванною оберегать его и потому не признавала надъ собою его авторитета ([94]).

([92]) Екатерина II и папа очень скоро другъ друга поняли и, вслѣдствіе того, жили вообще въ ладу. На первыхъ порахъ, Варшавскій нунцій предъявилъ было Русскому посланнику, графу Штакельбергу, довольно рѣзкую жалобу на Могилевскаго епископа Сестринцевича за то, что онъ разрѣшилъ Іезуитамъ открыть въ своей епархіи новиціатъ, разумѣется, съ дозволенія Императрицы. Воспользовавшись этимъ первымъ случаемъ къ объясненію, она продиктовала отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «позволительно-ли утверждать, что Императрица посягаетъ на достоинство Римской каѳедры, поддерживая надежнѣйшихъ поборниковъ Латинской вѣры (т. е. Іезуитовъ)? Впрочемъ Императрица не привыкла кому бы то ни было отдавать отчетъ въ распоряженіяхъ своихъ въ предѣлахъ Имперіи». Crétin au-Joly. V. p. 382.

([93]) Общій тонъ, данный Екатериною дипломатическимъ сношеніямъ съ Римомъ, всего яснѣе выразился въ ея письмѣ къ папѣ Пію VI въ 1782 году. Le Cathol. Rom. en Russie, II. p. 21—26.

([94]) До какой степени Императрица Екатерина II проникнулась соз-

Для осуществленія общаго плана, очерченнаго здѣсь въ короткихъ словахъ, судьба послала ей даровитаго и вполнѣ сознательнаго сотрудника, въ лицѣ Литовскаго дворянина, впослѣдствіи архіепископа, а еще позднѣе митрополита Сестринцевича, въ продолженіи полустолѣтія слишкомъ, при четырехъ государяхъ, управлявшаго всею Латинскою церковью въ предѣлахъ Россіи. На этомъ поприщѣ, онъ былъ для Екатерины тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ при ней Суворовъ и Румянцевъ по военной части, Потемкинъ по дѣламъ восточной политики, Бецкій по общественному призрѣнію и воспитанію, князь Вяземскій и Безбородко по дѣламъ внутренняго управленія и гражданскаго законодательства. Извѣстно, что личность Сестринцевича всегда была ненавистна ультрамонтантской партіи и что онъ палъ жертвою ея мести; но, въ нашихъ глазахъ, эта ненависть доказываетъ только, что дѣятельность его была направлена къ пользамъ и выгодамъ Россіи, а месть, на него обрушившаяся, выказала только искренность его убѣжденій и твердость его характера. Дѣйствительно, до самаго конца своей жизни, онъ оставался вѣренъ Екатерининской системѣ и, въ числѣ немногихъ, не измѣнилъ ей даже въ то время, когда эта вѣр-

———

наніемъ исторической жизненности Православія для Русскаго народа, всего лучше видно изъ отзыва ея (1793 г.), на предложеніе Неаполитанскаго двора женить великаго князя Константина Павловича на одной изъ Бурбонскихъ принцессъ. Предложеніе было сдѣлано такъ, что предвидѣлась возможность великому князю послѣ брака перемѣнить вѣру. Екатерина отвѣчала: «Ихъ величества вѣроятно не знаютъ, что Россія столь же привержена къ восточной Греческой вѣрѣ, какъ они къ западной Латинской. Они не знаютъ еще, что Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей, что латинское или греколатинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено; что никакой латинскій наставникъ не получитъ доступа въ мою семью; что папа всегда напрасно интригуетъ, разсчитывая подъ какимъ ни на есть предлогомъ, добиться главенства въ Россіи; что его и теперь, точно также какъ въ былыя времена, выпроводили бы отъ насъ каменьями.» (См. Русскій Архивъ 1863 г., изд. 2-е, стр. 384—387). П. Б.

ность не только не вмѣнялась въ заслугу, а навлекала немилость. Далѣе мы увидимъ этому доказательства.

Но, спросятъ вѣроятно читатели: что общаго между системою, которой слѣдовала Императрица Екатерина въ отношеніи къ Латинской церкви и покровительствомъ, оказаннымъ ею Іезуитскому Ордену? Повидимому, одно съ другимъ не вяжется, даже сталкивается. Екатерина ищетъ, въ средѣ латинства, точки опоры для противодѣйствія папѣ, и, не смотря на то, она протягиваетъ руку усерднѣйшимъ слугамъ папизма! — Чтобъ объяснить эту странность, стоитъ только одну частицу замѣнить другою; вмѣсто «не смотря на то», скажите *потому-то*, и вы ощупаете основную причину благоволенія Екатерины II къ Іезуитамъ.

Рѣшившись отвергнуть всякое вмѣшательство со стороны папы въ дѣла мѣстнаго церковнаго управленія, она, конечно, предвидѣла, что дѣло безъ борьбы не обойдется и благоразумно разсудила, что для начатія ея, вопросъ о Іезуитахъ представлялъ поводъ для Русскаго правительства самый благопріятный, какъ будто на заказъ придуманный. Отвѣтивъ Римскому двору рѣшительнымъ отказомъ сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ смертнаго приговора, только что разразившагося надъ ревностнѣйшими слугами папизма, Екатерина вызывала папу на состязаніе передъ всею Европою и заставляла его принять вызовъ на самыхъ для него невыгодныхъ условіяхъ; она становилась какъ бы заступницею латинства, а онъ — какъ бы врагомъ его. Въ такой борьбѣ, она могла разсчитывать на полное сочувствіе всѣхъ поклонниковъ Іезуитскаго Ордена, особенно многочисленныхъ и ревностныхъ въ странахъ слабо просвѣщенныхъ, каковы были Западная Россія и Польша; ея новопріобрѣтенные подданые и ближайшіе сосѣди, естественно, должны были помириться съ анти-каноническимъ образомъ дѣйствій Русскаго правительства, ради цѣли, имъ выставленной, и этимъ нагляднымъ примѣромъ научиться не смѣшивать интересовъ

Римскаго первосвященника съ интересами своей вѣры. Это было начало схизмы, первый, приготовительный шагъ къ отторженію латинства отъ папизма, а этого-то именно и хотѣла мудрая Екатерина.

Разстроить ея глубоко-обдуманный планъ могли одни лишь Іезуиты; но для нихъ это было легко. Имъ стоило для этого отвергнуть ея заступничество и, до конца, остаться вѣрными папѣ; но съ этой стороны Екатерина была покойна. Ихъ прошедшее ручалось за ихъ поведеніе въ настоящемъ. Не они ли, во Франціи, въ 1612 и 1626 годахъ, обязались подпискою принять и охранять основныя положенія галликанства? Нѣсколько позднѣе, въ 1675 году, не они ли, за одно съ парламентомъ, открыто возстали противъ ненавистнаго имъ папы Иннокентія XI и поддержали анти-каноническія притязанія Людовика XIV на доходы отъ вакантныхъ церковныхъ бенефицій (Régale)? Не они ли же, наконецъ, въ Америкѣ, получивъ декретъ Иннокентія X, отказались подчиниться ему на томъ основаніи, что этотъ декретъ не былъ принятъ намѣстническимъ совѣтомъ, дѣйствовавшимъ отъ имени Испанскаго короля? Впрочемъ, и безъ дальнихъ историческихъ справокъ, не трудно было понять, что Іезуиты, приговоренные папою къ смерти, хотѣли жить и твердо рѣшились не умирать; сами они (какъ мы сейчасъ увидимъ) подшепнули Екатеринѣ о полной своей готовности ослушаться своего владыки и, передъ лицемъ всего латинства, заявить свое ослушаніе, принявъ изъ ея рукъ право на жизнь.

И такъ, ей подвертывался случай, неожиданностью своего великодушнаго заступничества, произвести на всѣ латинскія совѣсти потрясающее дѣйствіе, уронить нравственный авторитетъ главы Римской церкви, освѣтить новымъ блескомъ образъ Сѣверной Семирамиды, поднимающей отверженцевъ и спасающей гонимыхъ, наконецъ, сманить у папы, подъ свое схизматическое знамя, и вывести въ строй противъ Ватикана, надежнѣйшій изъ полковъ его гвардіи. Виды эти были далеко не такъ несбыточны, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда; по крайней мѣрѣ, было гораздо больше поводовъ и основаній разсчитывать, что Іезуиты продадутъ Русскому правительству свою службу, чѣмъ надѣяться (какъ это случилось въ другую эпоху), что данное ими слово воздерживаться отъ всякой пропаганды помѣшаетъ имъ вести подкопы противъ Православной Церкви. Во всякомъ случаѣ, дѣло стоило опыта; игра была конечно опасна, но за то ее вела осторожная и вмѣстѣ твердая рука.

Изъ всего предшествующаго можно, кажется, составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, какими глазами мудрая Императрица смотрѣла на Іезуитовъ. Она не питала къ нимъ ни уваженія, ни довѣрія; не она бы, конечно, стала ходатайствовать у папы о возстановленіи Ордена въ прежнихъ его правахъ, и не она бы освободила Іезуитскія училища отъ правительственнаго контроля; но она надѣялась подчинить себѣ Іезуитовъ, какъ орудіе наиболѣе пригодное для ея цѣлей, и увѣрена была, что въ ея рукахъ это орудіе останется безвреднымъ и покорнымъ ея волѣ. На то она и была мудрая; но мудрость и энергія не наслѣдственны, и потому, можетъ быть, осторожнѣе бы было не пренебрегать чужимъ опытомъ и не связываться съ союзниками, менѣе опасными для ихъ враговъ, чѣмъ для тѣхъ, кто принимаетъ отъ нихъ клятвы на вѣрную службу.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса. Мы сказали, что сами Іезуиты навели Екатерину II на мысль подать имъ случай торжественнаго ослушанія Римской каѳедрѣ. Вотъ какъ это случилось.

Декретъ Климента XIV объ упраздненіи Ордена на вѣчныя времена подписанъ былъ 21 Іюля 1773 года и, слѣдовательно, предшествовалъ всѣмъ указамъ Екатерины II, въ пользу Іезуитовъ изданнымъ.

Этотъ декретъ, по своей редакціи, напоминаетъ контракты, заключаемые съ людьми подозрительной честности. Кли-

ментъ XIV знаъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло и, ожидая несомнѣннаго ослушанія со стороны преданныхъ слугъ своихъ, принялъ заранѣе всѣ предосторожности, какія только могли быть придуманы. Въ этомъ отношеніи, это произведеніе Ватиканской канцеляріи представляетъ видъ неприступной крѣпости, со всѣхъ сторонъ окопанной рвомъ, обнесенной валомъ и защищенной всякаго рода брустверами и бойницами. Распорядительная часть, le dispositif (о вступленіи и соображеніяхъ было говорено прежде) въ сущности содержитъ въ себѣ слѣдующее:

Іезуитское общество, какъ собирательная, юридическая личность, упраздняется вполнѣ, повсемѣстно и навсегда.

Всѣ его конституціи, уставы, регламенты, статуты, привиллегіи и обычаи отмѣняются.

Всѣ общественныя должности, управленія, чины и функціи уничтожаются.

Вся власть, которою пользовались генералъ, провинціалы, визитаторы и другіе начальники, у нихъ отнимается и передается, всецѣло, мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ.

Пріемъ въ общество новыхъ членовъ, произнесеніе вновь Орденскихъ обѣтовъ и посвященіе членовъ общества въ духовный санъ воспрещаются.

Послушники (novitii) немедленно распускаются.

Члены общества, связанные такъ называемыми простыми обѣтами (vota simplicia) и не посвященные въ іерейскій санъ, освобождаются отъ произнесенныхъ ими обѣтовъ и увольняются для избранія себѣ рода жизни.

Членамъ общества, получившимъ священство, предоставляется на выборъ: вступить въ другой Орденъ или въ бѣлое духовенство.

Больнымъ, престарѣлымъ и неспособнымъ пристроиться на сторонѣ, разрѣшается пожизненное пребываніе на жительствѣ въ домахъ Ордена, но безъ всякаго участія въ хозяйственномъ завѣдываніи этими домами и, притомъ, не иначе,

какъ подъ управленіемъ поставленнаго надъ ними лица изъ бѣлаго духовенства.

Усмотрѣнію мѣстныхъ, епархіальныхъ начальствъ предоставляется, тѣхъ изъ бывшихъ членовъ Ордена, которые перейдутъ въ бѣлое духовенство, допускать къ исповѣдыванію и чтенію проповѣдей, но строго запрещается распространять это разрѣшеніе на бывшихъ членовъ Ордена, имѣющихъ остаться на жительствѣ въ бывшихъ Орденскихъ домахъ.

Бывшіе члены Ордена, занимавшіеся преподаваніемъ наукъ въ качествѣ профессоровъ и учителей, устраняются вообще отъ этого дѣла; изъятіе въ этомъ отношеніи допускается въ пользу тѣхъ лишь изъ нихъ, которые подадутъ достаточный поводъ надѣяться, что они отступятся отъ всякихъ ученій суетныхъ, ослабляющихъ нравственность и порождающихъ вредныя препирательства ([95]).

Бывшее общество теряетъ всякое право на дома, школы, коллегіи, пріюты и всякія другія принадлежавшія ему заведенія, мѣста и доходныя статьи; изъ этихъ доходовъ имѣетъ быть отчисляема часть на временное пособіе нуждающимся членамъ бывшаго общества; затѣмъ, вся недвижимая собственность и всѣ доходы бывшаго общества имѣютъ быть обращены на другіе богоугодные предметы.

Всѣмъ христіанскимъ государямъ внушается, чтобъ они употребили власть свою на обезпеченіе строгаго, немедленнаго и точнаго исполненія воли Римскаго первосвященника.

Всѣмъ и каждому, подъ страхомъ отлученія первой степени (excommunicatio major), воспрещается не только препятствовать исполненію сего декрета, но даже предъявлять

—

([95]) Нельзя, кстати, не замѣтить, что новѣйшіе Іезуитскіе писатели все-таки продолжаютъ утверждать, будто бы Климентъ XIV, въ декретѣ своемъ, ограничился прописаніемъ обвиненій, взведенныхъ на Іезуитовъ, но самъ отъ себя будто бы не произнесъ противъ нихъ ни осужденія, ни неодобрительнаго свидѣтельства.

какіе либо противъ него протесты, споры, жалобы и возраженія, словесныя или письменныя; запрещается даже толковать объ немъ.

Все это расписано на семи страницахъ, мелкой печати и подкрѣплено безчисленнымъ множествомъ повтореній и всякого рода вставочныхъ: *не смотря на* и *хотя бы.*

Но что могла сдѣлать вся эта бумажная артиллерія противъ систематическаго ослушанія, долговременнымъ упражненіемъ возведеннаго на степень особой, опытной науки? Въ числѣ рецептовъ, ею выработанныхъ, былъ одинъ, драгоцѣнный, не разъ уже испытанный въ дальнихъ миссіяхъ. Когда въ Китаѣ или Японіи получалась строгая булла, устранявшая всякій поводъ къ возраженіямъ и толкованіямъ, Іезуиты, обыкновенно, забѣгали съ жалобою къ Императору и старались увѣрить его, что требованія Римскаго первосвященника шли въ разрѣзъ съ выгодами края и подрывали авторитетъ верховной свѣтской власти. Этого рода апелляціи на папу къ Императору, почти всегда удавались въ Китаѣ: Пекинскій Богдыханъ сердился на Римскаго Богдыхана, издавалъ строжайшія запрещенія исполнять его приказанія и благодарилъ Іезуитовъ за ихъ вѣрность. Большаго и не требовалось. Они отписывали въ Римъ, что были бы готовы, съ радостью, послушаться папы, но встрѣтили, со стороны Императора, *неожиданное* сопротивленіе, котораго не могли преодолѣть и которымъ пренебречь не смѣютъ, такъ какъ это повлекло бы за собою гибель миссіи. Тоже средство, съ незначительными варіантами, они употребили и противъ декрета 1773 года, въ Пруссіи и въ Россіи. Станиславъ Черневичъ, ректоръ Полоцкой коллегіи, отъ имени всѣхъ Бѣлорусскихъ Іезуитовъ, 23 Ноября 1773 года, подалъ Екатеринѣ письменное прошеніе, въ которомъ, свидѣтельствуя о безусловной своей покорности Римской каѳедрѣ и повергаясь ницъ у подножія престола, «*заклиналъ Императрицу всѣмъ что̀ есть на свѣтѣ священнаго*, дозволить

Іезуитамъ послушаться папы, то есть: умереть какъ общество, законною смертью. Это прошеніе, въ своемъ родѣ, идеалъ совершенства, и я сомнѣваюсь, чтобы въ какомъ либо архивѣ любаго присутственнаго мѣста или дипломатической канцеляріи, нашлось что либо близко къ нему подходящее. Между прочимъ, просители писали: «Ваше Величество, благоволивъ разрѣшить обнародованіе декрета объ упраздненіи общества, *проявите этимъ Вашу Царскую власть*; а мы, неукоснительнымъ послушаніемъ, окажемъ себя *одинаково* покорными какъ власти Вашего Величества, *имѣющей дозволить исполненіе* декрета, такъ и власти верховнаго Первосвященника, требующей отъ насъ исполненія» ([96]).

Екатерина умѣла читать между писанныхъ строкъ и отказала просителямъ; но она не могла утаить въ себѣ ироніи, или, что̀ еще вѣроятнѣе, захотѣла дать имъ почувствовать, что видитъ ихъ насквозь. Вотъ ея отвѣтъ: «Вы обязаны послушаніемъ папѣ въ дѣлѣ догматовъ, а во всемъ остальномъ, вашимъ государямъ. Я вижу, что вы совѣстливы! Впрочемъ, для успокоенія вашего, я спишусь съ Варшавскимъ нунціемъ черезъ моего повѣреннаго». И Іезуиты удалились съ разбитымъ сердцемъ; къ смертному приговору, только что постигшему ихъ изъ Рима, присоединилось новое горе — *невольное* ослушаніе папѣ, *вынужденное* деспотизмомъ Екатерины. Бѣдные Іезуиты!

Но откуда взялась у нихъ вдругъ эта совѣстливость? Не далѣе какъ лѣтъ за шестьдесятъ передъ тѣмъ, находили же они средства, не только безъ разрѣшенія свѣтской власти, но даже вопреки формальному ея запрещенію, селиться въ Москвѣ, строить въ ней церкви, заводить училища и совращать православныхъ въ латинство? И на чтобы имъ,

([96]) Подлинное прошеніе было писано по Польски, а Французскій переводъ читатели могутъ найти въ Исторіи Іезуитовъ аббата Гете т. III. стр. 363) или въ исторіи Кретино-Жоли (т. V. стр. 375, 376, по 2-му издан.)

кажется, именно на этотъ разъ, испрашивать особаго указа? Папа не требовалъ отъ нихъ никакихъ *дѣйствій*, которыя бы могли вовлечь ихъ въ столкновеніе съ гражданскими законами; имъ стоило только воздержаться отъ всякихъ *общественныхъ* манифестацій, разойтись, сдать епархіальному начальству свои дома и училища, а за тѣмъ, каждый изъ бывшихъ членовъ общества могъ бы, попрежнему, порознь, священнодѣйствовать и преподавать. Не даромъ говорится, что Іезуиты прибѣгаютъ ко всякаго рода средствамъ. Въ этотъ разъ они употребили даже совѣстливость.

Какъ бы то ни было, цѣль была достигнута: наглое ослушаніе папскому декрету было прикрыто подобіемъ предлога, и беззаконное, въ глазахъ всякаго добросовѣстнаго послѣдователя латинства, существованіе Ордена было обезпечено, хотя на время, въ чаяніи перемѣны обстоятельствъ въ будущемъ ([97]).

([97]) Одинъ обманъ естественно влечетъ за собою необходимость другаго. Новѣйшіе защитники Іезуитовъ, чтобъ чѣмъ нибудь оправдать беззаконное существованіе Ордена въ Россіи въ промежутокъ времени отъ второй половины 1773 г. по 7 Марта 1801 года (то есть по день подписанія папою Піемъ VII декрета о возстановленія Ордена въ Бѣлоруссіи), увѣряютъ, будто бы Климентъ XIV, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, отъ 7 Іюня 1774, рескриптомъ на имя епископа Вармійскаго, разрѣшилъ Іезутамъ оставаться въ Пруссіи и въ Россіи, въ настоящемъ ихъ положенія, in statu quo, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, и указываютъ на копіи съ этого рескрипта, хранящіяся въ церковныхъ архивахъ Вармійскомъ, Полоцкомъ, Варшавскомъ, и, будто бы, С.-Петербургскомъ; а такъ какъ изъ переписки Варшавскаго нунція Гарампи, черезъ котораго производились всѣ сношенія Рима съ Пруссіею и Россіею, видно, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, то прибѣгаютъ къ предположенію, что Климентъ XIV, тайкомъ отъ своего нунція, списался съ епископомъ Вармійскимъ. Но, во первыхъ, подлиннаго рескрипта нигдѣ не оказывается; во вторыхъ, о копіи, будто бы хранящейся въ Петербургѣ графъ Толстой, въ книгѣ своей о Римско-католической церкви въ Россіи, ни единымъ словомъ не упоминаетъ; въ третьихъ, что мнимый этотъ рескриптъ не могъ быть написанъ Климентомъ XIV, 7-го Іюня 1774 года, доказывается пятью другими, несомнѣнно подлинными рескриптами того же папы, подписанными имъ позднѣе, 17 Сентября того жъ года, за нѣсколько дней до его смерти. Въ нихъ онъ хвалитъ

Вы называете это существованіе подъ покровомъ мудрой Императрицы явленіемъ знаменательнымъ. Я съ вами совершенно согласенъ, но только нахожу знаменательность не въ томъ, въ чемъ вы ее полагаете.

Вообще, ссылка ваша на мудрую Императрицу не совсѣмъ удачна; ея свидѣтельство обращается противъ васъ, и благодарить вамъ ее не за что. Дѣйствительнымъ вашимъ заступникомъ и покровителемъ былъ Императоръ Павелъ I. При Екатеринѣ, Іезуиты служили видамъ Русской полити-

---

Браунсбергскихъ Іезуитовъ, покорившихся его декрету, хвалитъ епископа Вармійскаго, который сперва было противился исполненію его, за то что онъ, впослѣдствіи, одумался; наконецъ, убѣждаетъ всѣхъ Прусскихъ епископовъ послѣдовать его примѣру. Въ четвертыхъ, содержаніе мнимаго рескрипта прямо противорѣчитъ всей перепискѣ Варшавскаго нунція, который очевидно ничего не зналъ даже о публикаціи его, и всѣмъ единовременнымъ актамъ, исходившимъ изъ Рима. Вотъ, между прочимъ, что писалъ оттуда кардиналъ Корсини Варшавскому нунцію отъ 15 Марта 1774 года, въ отвѣтъ на извѣщеніе его о просьбѣ, поданной Бѣлорусскими Іезуитами Екатеринѣ II и о послѣдствіяхъ этой просьбы: «Кардиналы, члены конгрегаціи, съ горестью узнали, что проживающіе въ Россіи члены бывшаго общества все еще не хотятъ покориться декрету о его упраздненіи, выставляя, какъ предлогъ, запрещеніе, объявленное имъ свѣтскою властью, конечно *не безъ собственнаго ихъ въ томъ участія*; этимъ они покрываютъ свою непокорность въ глазахъ прочихъ своихъ собратьевъ и всѣхъ людей добросовѣстныхъ... Отцы священной конгрегаціи поручаютъ вамъ внушить *ослушникамъ*, чтобъ они не упорствовали и бросили этотъ путь, ибо они не только самихъ себя губятъ, *но еще подвергаютъ опасности спасеніе душъ, которымъ они беззаконно и недѣйствительно преподаютъ святыя таинства, не смотря на то, что верховный первосвященникъ лишилъ ихъ всякой на то власти*". Наконецъ, въ декретѣ папы Пія VII, 1801 года, которымъ возстановлено было Іезуитское общество въ предѣлахъ Россіи, не упоминается ни словомъ ни о какихъ предшествовавшихъ на то разрѣшеніяхъ, а, напротивъ, прямо заявляется, что Іезуитамъ, *этимъ только декретомъ*, предоставляется вновь право священнодѣйствовать, проповѣдывать, исповѣдывать и совершать таинства. Слѣдовательно, въ глазахъ Римскаго первосвященника, не только дѣйствія общества, какъ юридическаго лица, но и самое совершеніе требъ тѣми изъ его членовъ, которые были посвящены, во все продолженіе тридцатилѣтняго періода отъ декрета Климента XIV до декрета Пія VII, были совершенно незаконны и недѣйствительны. См. Hist. des Jésuites par l'abbé Guettée, III, p. 364—367, Crétinau-Joly. V, p. 377.

ки, при Павлѣ, Русская дипломатія поступила на службу Іезуитовъ; а вы величаете Екатерину и умалчиваете о Павлѣ. Это неблагодарность.

Вскорѣ по вступленіи Императора Павла на престолъ, рушилась система, которой предшественница его такъ неуклонно держалась во все продолженіе своего царствованія; рушилась не потому, чтобъ нашлась для замѣны ея другая система, а потому, что вообще систематическая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ уступила мѣсто личнымъ вліяніямъ и личному вдохновенію. Между неожиданностями, которыми такъ богато это время, не послѣднее мѣсто занимаетъ ходатайство, съ которымъ Императоръ Павелъ обратился къ папѣ въ 1800 году о возстановленіи Іезуитскаго Ордена въ прежнихъ его правахъ, и рекомендація въ пользу Іезуитовъ, отъ имени Русскаго двора, предъявленная нашимъ Константинопольскимъ посломъ Турецкому султану. Въ томъ же, 1800 году, послѣдовали Высочайшія повелѣнія: первое о томъ, чтобъ въ католической церкви Св. Петра (въ Петербургѣ) богослуженіе отправляемо было одними Іезуитами; второе о передачѣ Іезуитамъ, въ полное ихъ распоряженіе, католической церкви Св. Екатерины со всѣми принадлежащими къ ней домами, экономическими заведеніями и доходами; третье, о разрѣшеніи Іезуитскому новиціату въ Полоцкѣ умножать богоугодныя его заведенія и въ другихъ мѣстахъ католическаго исповѣданія, и о возвратѣ Іезуитскому Ордену, по мѣрѣ открытія сихъ заведеній, отобранныхъ у него Польскимъ правительствомъ имѣній; наконецъ четвертое, содержавшее въ себѣ цѣлое новое положеніе объ управленіи Римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи. Этимъ послѣднимъ закономъ наносился рѣшительный ударъ учрежденію Екатерины. Повидимому, коренное начало, положенное ею въ основаніе отношеній правительства къ латинской іерархіи, было не только сохранено, но даже усилено и доведено до крайности: такъ, въ параграфѣ 1-мъ значилось, между прочимъ, что духовенство «должно быть послушно начальству (государю) во всѣхъ *духовныхъ* и мірскихъ дѣлахъ»; но это были одни слова, а въ сущности, все положеніе имѣло цѣлью установить въ пользу латинскихъ монашескихъ Орденовъ полную автономію и совершенно изъять ихъ изъ подъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Это нововведеніе было мотивировано тѣмъ, что епархіальнымъ архіереямъ будто бы «трудно каждаго въ особенности Ордена знать постановленія и правила». По одной этой чертѣ можно бы было опознать Іезуитскую руку, если бъ мы даже не знали, чьимъ совѣтамъ подчинялся Императоръ Павелъ.

Въ то время, особеннымъ его благоволеніемъ и полною его довѣренностью по дѣламъ Латинской церкви пользовался уже не Сестринцевичъ, имъ же возведенный на степень митрополита, а верховный настоятель Іезуитовъ въ Россіи, отецъ Гавріилъ Груберъ, хитростью и пронырствомъ прославившійся даже въ кругу своихъ. Обстоятельства сближенія этой личности съ Императоромъ Павломъ довольно поучительны.

Мы уже видѣли, что апостолы Лойоловой школы, отправляясь въ Китай и въ Японію, обыкновенно забирали съ собою всякаго рода игрушки и инструменты, а, при въѣздѣ, выдавали себя за купцовъ, лекарей, астрономовъ или механиковъ. Груберъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Петербургъ подъ предлогомъ представленія академіи наукъ какихъ-то своихъ изобрѣтеній по части механики. Ему удалось, благодаря прежнимъ его связямъ, обратить на себя вниманіе высшаго общества и распустить о себѣ молву, скоро дошедшую до дворца. Императоръ потребовалъ его къ себѣ и, при первомъ же свиданіи, былъ имъ до того очарованъ, что захотѣлъ немедлено пожаловать его кавалеромъ; но умный Іезуитъ смиренно отклонилъ отъ себя эту честь, ссылаясь на свой уставъ, и прибавилъ, что члены Ордена посвящаютъ

себя на службу государямъ и ихъ подданнымъ единственно для большей славы Божiей—*ad majorem Dei gloriam*. Слова эти, почему-то, окончательно плѣнили Императора, и онъ позволилъ Груберу во всякое время являться къ нему безъ доклада. Рядъ приведенныхъ выше указовъ доказываетъ, что частыя посѣщенiя, за этимъ послѣдовавшiя, не пропали даромъ для Iезуитовъ. Но предварительно, имъ нужно было, во что бы то ни стало, погубить Сестринцевича и овладѣть департаментомъ юстицъ-коллегiи по дѣламъ Латинской церкви, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Престарѣлый митрополитъ, молча и съ грустью, смотрѣлъ на быстрое крушенiе прежнихъ порядковъ, не одобрялъ нововведенiй, но и не отваживался на безнадежную борьбу. Груберъ благоразумно устранился отъ прямаго съ нимъ столкновенiя; онъ притаился, ожидая минуты, когда его призовутъ на совѣтъ, а между тѣмъ, по старой, испытанной системѣ своего Ордена, разными путями, черезъ своихъ соумышленниковъ, докучалъ Государю безпрестанными жалобами на департаментъ юстицъ-коллегiи. Это наконецъ надоѣло Императору, и, чтобъ узнать правду, онъ потребовалъ къ себѣ Грубера. Послѣдствiемъ ихъ свиданiя былъ Высочайшiй приказъ о снятiи съ Сестринцевича Малтiйскаго ордена и о воспрещенiи ему въѣзда ко двору. Черезъ нѣсколько дней, въ 11 часовъ вечера, полицейскiй чиновникъ объявилъ Сестринцевичу Высочайшее повелѣнiе немедленно встать съ постели, очистить для отца Грубера домъ, въ которомъ жилъ митрополитъ, при церкви, и перебраться въ домъ Мальтiйскаго Ордена. Въ ту же ночь, къ тремъ часамъ по полудни, это было исполнено. Отецъ Груберъ не замедлилъ взять въ свое распоряженiе какъ домъ, такъ и церковь, и, при томъ, сказалъ своимъ прiятелямъ, изъ мѣстныхъ прихожанъ: «Каково я вымелъ церковь»! Между тѣмъ, Сестринцевичъ, желая разъяснить себѣ причину неожиданной немилости и дальнѣйшую судьбу свою, обратился за справками къ графу Палену. «Право, я ничего не знаю»—отвѣчалъ ему графъ и прибавилъ: «а въ какихъ вы отношенiяхъ съ отцемъ Груберомъ?»—Сестринцевичъ понялъ, что въ этомъ вопросѣ заключался отвѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого, о. Груберъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, явился къ Государю. «Что новаго и о чемъ поговариваютъ въ городѣ?»—спросилъ его Императоръ.—«Забавляются указомъ вашего Величества въ нашу пользу».—«А кто смѣетъ?»—Iезуитъ вынулъ изъ кармана и подалъ Государю листъ бумаги, на которомъ выставлено было 27 именъ, въ томъ числѣ члены департамента юстицъ-коллегiи и, во главѣ ихъ, самъ предсѣдатель митрополитъ Сестринцевичъ. Этимъ дѣло было повершено. Ноября 14, 1800 года, Сестринцевичъ былъ уволенъ и сосланъ на жительство, подъ надзоромъ полицiи, въ свое имѣнiе. Прочiя лица, значившiяся въ спискѣ, частью подверглись той же участи, частiю взяты были подъ арестъ. «Эти негодяи (ces bourriques)—проговорилъ благочестивый Iезуитъ—никода не вернутся». Въ этомъ онъ однако ошибся.

Вы знаете, изъ какой книги я перевелъ почти буквально весь этотъ разсказъ и потому, вѣроятно, не захотите оспоривать его достовѣрности. Мнѣнiя вашего о поступкѣ благочестиваго отца Грубера я не спрашиваю, ибо угадываю его. Онъ дѣйствовалъ ad majorem Dei gloriam, а употребленное имъ средство, по ученiю Iезуитскихъ богослововъ Эскобара и Бузенбаума, позволительно и безгрѣшно.

Мѣсто удаленнаго Сестринцевича въ департаментѣ юстицъ-коллегiи, занялъ его коадъюторъ, нѣкiй Бениславскiй, восполнявшiй совершенное отсутствiе всякихъ способностей безусловною преданностью Iезуитамъ. Такимъ образомъ, все управленiе дѣлами Латинской церкви перешло въ ихъ руки; они развернулись на свободѣ, не только въ Бѣлоруссiи, но по всей Россiи, овладѣли нѣсколькими церквами въ колонiяхъ Саратовскихъ и Новороссiйскихъ, въ Одессѣ, въ Ри-

гѣ, основали семинарію и школу въ Петербургѣ, и другія школы въ Астрахани и Моздокѣ; нѣсколько суконныхъ фабрикъ они завели себѣ еще прежде, при Екатеринѣ.

Между тѣмъ, въ глазахъ папы, Орденъ все еще считался упраздненнымъ, и Варшавскіе нунціи, какъ при Екатеринѣ, такъ и при Павлѣ, не переставали громить ослушниковъ и настаивать на исполненіи декрета Климента XIV. Наконецъ, по кончинѣ уже Императора Павла, полученъ былъ исходатайствованный имъ декретъ Пія VII, отъ 7 Марта 1801 года, которымъ разрѣшалось не возстановленіе, а какъ бы учрежденіе вновь общества подъ названіемъ Іисусова, притомъ въ *одной лишь Россіи, а не внѣ ея предѣловъ*, и предоставлялось членамъ этого общества право законнаго священнодѣйствія, проповѣдыванія, исповѣданія и совершенія таинствъ.

Этотъ декретъ сообщенъ былъ государственнымъ канцлеромъ отцу Груберу, въ то время генералу Ордена, при отношеніи отъ 8 Сентября 1802 года, заслуживающемъ вниманія потому, что въ немъ ещъ разъ, въ видѣ предостереженія на будущее время, изложено условіе, на которомъ правительство признавало Орденъ въ предѣлахъ Россіи и оказывало ему покровительство. «Я докладывалъ — пишетъ канцлеръ — Государю Императору о намѣреніи вашемъ ввести въ вашихъ коллегіяхъ преподаваніе всѣхъ наукъ на Русскомъ языкѣ и позаботиться о томъ, чтобы въ монастыряхъ и коллегіяхъ вашихъ отнюдь и никогда бы не было допускаемо *ничего предосудительнаго для господствующей церкви*. Его Величество надѣется, что вы сдержите въ точности *обѣщанія, вами данныя отъ имени вашего Ордена*, тѣмъ болѣе, что Государю угодно, чтобы въ случаѣ ихъ нарушенія, а въ особенности, *если бы дерзнули привлекать къ принятію Римско-католической вѣры кого либо изъ молодыхъ людей, исповѣдующихъ иную вѣру*, поступлено было со всею строгостью. Государь ставитъ въ

зависимость отъ этого непремѣннаго условія не только покровительство, оказываемое Іезуитскому Ордену, но и самое допущеніе его въ предѣлахъ Россіи».

И такъ, условіе, со стороны Русскаго правительства, было высказано со всею опредѣлительностью, а со стороны Іезуитовъ, формально и добровольно принято.

Можно легко представить себѣ, какимъ тонкимъ, сдержаннымъ смѣхомъ, залился отецъ Груберъ, въ день полученія этой бумаги, когда, вернувшись къ себѣ домой и запершись въ кругу своихъ, онъ сбросилъ маску и сталъ припоминать данныя имъ обѣщанія, съ такою добросовѣстною увѣренностью подобранныя его покровителями? Гораздо труднѣе, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіею Іезуитовъ и съ ихъ ученіемъ о присягѣ и обязательствахъ, объяснить себѣ добродушную довѣрчивость правительства, полагавшагося на Іезуитское слово; но, въ то время, мы какъ будто только что начинали жить: всѣ даже административныя преданія ближайшихъ Екатерининскихъ временъ были какъ бы перерѣзаны притокомъ новыхъ, со стороны занесенныхъ къ намъ, понятій; горькіе опыты нашихъ предковъ и нашихъ сосѣдей не имѣли для насъ смысла и намъ приходилось, повтореніемъ чужихъ ошибокъ, всему учиться съизнова. Эта наука, какъ мы сейчасъ увидимъ, обошлась намъ довольно дорого.

Іезуитское общество по своему назначенію и, особенно, по своей организаціи, обречено на строгую неизмѣнность въ себѣ самомъ—sint, ut sunt, aut non sint (да пребудутъ каковы суть, или да не будутъ) говорилъ не даромъ одинъ изъ генераловъ Ордена. Но эта внутренняя неизмѣнность отнюдь не исключаетъ приспособленія средствъ къ обстоятельствамъ и не мѣшаетъ обществу являться передъ публикою въ разныхъ роляхъ. Напротивъ, быстрота превращеній, способность рекомендовать себя на всякаго рода службы и умѣнье выставлять въ своей лавочкѣ именно тотъ то-

варъ, на который предвидится усиленный запросъ, составляли всегда существенныя условія Іезуитской тактики. Въ старину апостолы, которыхъ Орденъ посылалъ ощупывать Россію, соблазняли нашихъ царей разными титулами и надеждою, черезъ покровительство папы, втереться въ общество просвѣщенныхъ державъ; на Западѣ, въ XVI вѣкѣ, Іезуиты рекомендовали себя правительствамъ, какъ блюстители единовѣрія и безпощадные обличители всякаго рода ересей; затѣмъ, они преобразились въ снисходительнѣйшихъ духовниковъ, впускавшихъ въ царство небесное за самую низкую цѣну; но все это наконецъ надоѣло и опротивѣло. Въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка и въ первой четверти XIX, боязнь ада и забота о спасеніи душъ уступили мѣсто боязни революціи и заботѣ объ охраненіи безопасности царствующихъ династій. Іезуиты прежде всѣхъ смекнули въ чемъ дѣло и преобразились еще разъ. — «Вы боитесь революціи, и не безъ основанія; она васъ непремѣнно затопитъ, если вы не противопоставите ей надежнаго оплота. Этотъ оплотъ—мы. Никто чище насъ не охолащиваетъ народовъ. Мы знаемъ, чего вы хотите; вамъ нужны смирные и сносливые подданные: такихъ мы вамъ и поставимъ; ввѣрьте намъ только воспитаніе юношества и спите спокойно».— Такого рода рѣчи повели въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Петербургѣ Іезуиты, прямые наслѣдники Іезуитовъ, въ первой четверти XVII вѣка, провозглашавшихъ начало народнаго самодержавія и законность цареубійства, и предки тѣхъ, которые нынѣ, во Франціи и Бельгіи, распинаются за неограниченную свободу ассоціаціи и преподаванія.

На этомъ, предпослѣднемъ ихъ превращеніи, застала ихъ Екатерина II. Къ концу ея царствованія, въ правительственныхъ сферахъ нѣкоторыхъ изъ Нѣмецкихъ и Итальянскихъ государствъ, они успѣли прослыть опорою политическаго консерватизма, а мы, забывъ времена Самозванцевъ, не умудрившись даже примѣромъ Польши, въ нашихъ глазахъ

заѣденной этими мнимыми оберегателями династическихъ интересовъ, повѣрили, безъ дальнихъ справокъ, свидѣтельству ихъ о себѣ самихъ.

Іезуиты—заклятые враги революціи и неподкупные стражи престоловъ—эта тема нерѣдко мелькала въ указахъ императора Павла и въ оффиціальной перепискѣ нашихъ государственныхъ людей временъ Александра I. Успѣшнѣе и настойчивѣе всѣхъ, съ свойственною ему рѣзкостью выраженія, часто доходившею до цинизма, проводилъ ее главный руководитель Іезуитовъ и тайный агентъ папы въ Россіи, въ тоже время, совѣтникъ и наставникъ нашихъ министровъ, кумиръ высшаго Петербургскаго общества, по оффиціальному своему положенію—повѣренный Сардинскаго короля при нашемъ дворѣ, а по направленію всей своей дѣятельности, политической и литературной, своего рода enfant terrible ультрамонтанства — графъ Іосифъ де-Местръ. Онъ писалъ между прочимъ: «Іезуиты, это сторожевые псы верховной власти; вы не хотите дать имъ воли грызть воровъ, тѣмъ хуже для васъ; по крайней мѣрѣ, не мѣшайте имъ лаять на нихъ и будить васъ». Переписка графа Местра съ Русскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Разумовскимъ, изъ которой извлечены эти строки, представляетъ, для характеристики того времени, неоцѣненный матеріалъ. Она началась по поводу ходатайства генерала Ордена, Бржозовскаго, объ освобожденіи Полоцкой коллегіи отъ контроля Виленскаго учебнаго округа. Къ обычнымъ, истасканнымъ и избитымъ аргументамъ въ пользу педагогической системы Іезуитовъ, графъ Местръ присоединилъ новые, приспобленные къ понятіямъ той среды, которую онъ обращалъ. «Неужели вы не понимаете — восклицаетъ онъ—что всякій полкъ знаетъ своего полковника и счелъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ вздумали подчинить его стороннему командиру? Полковое ученіе производится въ виду всѣхъ, открыто, на плацу, и, если окажется, что на-

невры идутъ дурно, пусть вводятъ порядокъ генералъ-инспекторы, на то назначенные отъ Государя; но, подъ предлогомъ единства, отнимать у безукоризненнаго, прославившагося полка (т. е. Iезуитовъ) право имѣть свое начальство, подчинять этотъ полкъ и всѣхъ его командировъ какому нибудь капитану мѣщанской полиціи, отъ род не владѣвшему шпагою, это было бы до крайности забавно, а по послѣдствіямъ, было бы даже гибельно... Ставятъ Iезуитамъ въ упрекъ вмѣшательство ихъ въ дѣла политики. Дчѣмъ же они виноваты? Развѣ не властенъ Государь, если вздумаетъ, поручить управленіе государствомъ офицерамъ своей гвардіи? Они, разумѣется, должны бы были исполнить его приказаніе. И за это, послѣдствіи, стали бы ихъ уличать въ интригахъ и требовать упраздненія гвардіи? Это просто безуміе». Далѣе, вотъ что предлагаетъ графъ Местръ Русскому министру народнаго просвѣщенія: «На что вамъ наука? Наука творитъ людей сварливыхъ, самоувѣренныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ..... Вы окажете, графъ, величайшую услугу вашей родинѣ, если внушите добрѣйшему Русскому Государю великую истину, а именно вотъ какую: Его Величеству, по истинѣ, нужны только двоякаго рода люди: храбрые и честные ([98]); остальное не нужно и придетъ само собою. Наука, по самому существу своему, при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Напримѣръ военнымъ (то есть $^{8}/_{10}$ Русскаго дворянства) отнюдь не подобаетъ быть учеными. Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заняться науками. Повѣрьте, нѣтъ такого юноши въ Русскомъ дворянствѣ, который бы не согласился охотнѣе сдѣлать три похода и принять участіе въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія»... А вѣра? — «Къ чему толковать о вѣрѣ — продолжаетъ графъ — правда, Iезуитское общество крѣпко стоитъ за свою вѣру, да вѣдь по отношенію къ догматамъ она почти тождественна съ вашею; къ тому же, никто, никогда не только не обвинялъ, но даже не заподозривалъ Iезуитовъ въ самой легкой нескромности въ отношеніи къ мѣстнымъ законамъ; они уважаютъ ихъ какъ слѣдуетъ. И такому обществу не довѣряютъ!»—Расходившись, графъ Местръ дошелъ вотъ до чего: «Мы поставлены какъ громадныя Альпійскія сосны, сдерживающія снѣжныя лавины; если вздумаютъ насъ вырвать съ корнемъ, въ одно мгновеніе, все мелколѣсье будетъ занесено». Такъ Iезуиты оберегали Русскую церковь!

([98]) Здѣсь, въ подлинникѣ, непереводимая игра словъ: deux espèces d'hommes, des gens braves et de braves gens.

И это все принималъ къ свѣдѣнію, по крайней мѣрѣ выслушивалъ, Русскій министръ народнаго просвѣщенія! Мы не знаемъ, что̀ онъ отвѣчалъ, не знаемъ даже отвѣчалъ ли что нибудь; но доказательствомъ его безпримѣрнаго долготерпѣнія, служитъ одно уже то обстоятельство, что переписка длилась довольно долго (всего сохранилось пять писемъ по поводу Полоцкой коллегіи) и все въ одномъ тонѣ. Тонъ этотъ, какъ одно изъ знаменій того времени, самъ по себѣ назидателенъ. Повѣренный иностранной державы, притомъ еще иновѣрецъ, впутывается въ вопросъ внутренняго управленія, тѣсно связанный съ интересами чуждой ему церкви; при этомъ онъ берется за дѣло не какъ ходатай, а какъ власть имущій, не проситъ, а обличаетъ и тянетъ къ отвѣту. Онъ подступаетъ къ Русскому министру народнаго просвѣщенія, уставивъ въ него строгій начальническій взглядъ, хватаетъ его за воротъ, трясетъ, поднимаетъ съ министерскихъ креселъ, садится на его мѣсто и, поставивъ его передъ собою какъ школьника, читаетъ ему нотацію о томъ, что̀ для Россіи нужно и что̀ не нужно, какъ управлять Русскими и чему ихъ учить, или точнѣе, чему ихъ не учить.

Въ это же время, министръ иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ, ближайшій совѣтникъ и другъ Императора, получилъ отъ подчиненнаго ему генерала Iезуитскаго Ордена записку такого содержанія: «Ваше превосходительство усмотрите, что вамъ не много будетъ дѣла до монаховъ Iезуитскаго Ордена; ваша обязанность, въ отношеніи къ нимъ, ограничится выслушиваніемъ ихъ просьбъ, буде встрѣтятся дѣла, по которымъ введеніе или исполненіе чего бы то ни было потребовало бы разрѣшенія правительства, и принятіемъ отъ нихъ жалобъ, если бы бѣлое духовенство вздумало, какимъ бы то ни было образомъ, досаждать имъ».

А между тѣмъ ни Государь, ни ближайшее его окруженіе не питали къ Iезуитамъ никакого сочувствія. Графъ Местръ свидѣтельствуетъ даже, что Императоръ Александръ былъ предубѣжденъ противъ нихъ болѣе чѣмъ кто либо изъ современныхъ ему государей; казалось бы, что и религіозное настроеніе князя А. Н. Голицына, каково бы оно ни было само по себѣ, должно бы было, при нѣкоторой логической послѣдовательности, по крайней мѣрѣ оградить его отъ ихъ вліянія; и не смотря на все это, въ первые годы царствованія Императора Александра, Iезуиты заговорили у насъ такимъ голосомъ, какого конечно не потерпѣлъ бы ни Филиппъ II, ни Людовикъ XIV. Вся сила ихъ заключалась въ духовномъ безсиліи той среды, въ которой они дѣйствовали. Здѣсь, то есть въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества и, разумѣется, только здѣсь, все имъ благопріятствовало.

Съ самаго начала своей революціи, Франція сдала Россіи цѣлую толпу эмигрантовъ, которыхъ мы, по своей привычкѣ, приняли съ распростертыми объятіями; инымъ изъ нихъ удалось дослужиться до высокихъ чиновъ и видныхъ должностей, другіе пріютились въ семьяхъ высшаго дворянства, въ качествѣ нахлѣбниковъ, третьи—въ качествѣ гувернеровъ и учителей; послѣдніе дали тонъ домашнему воспитанію и наложили свою печать на цѣлыя поколѣнія. Такимъ образомъ почва была подготовлена для Iезуитскаго сѣва. Въ тѣ времена, планъ воспитанія для Русскаго дворянина составлялъ, по просьбѣ родителей, какой нибудь аббатъ Николь; ему же поручалось и пріисканіе наставника; этотъ наставникъ училъ всему, разумѣется, по своему, въ крайности, даже и Русскому языку. Какое мѣсто, въ такомъ воспитаніи, отводилось Русской исторіи и православной церкви, не трудно себѣ представить. По чувству приличія, для прохожденія краткаго катихизиса, приглашался приходскій священникъ; но гувернеръ поглядывалъ на него косо, по окончаніи урока, совалъ ему въ руку билетъ и выпроваживалъ его изъ дому. Отсюда, до отдачи мальчика въ Iезуитскій пансіонъ, былъ одинъ шагъ.

Почти въ одно время съ эмигрантами, обломки Польской аристократіи, собравшіеся въ тѣсную группу около князя Чарторижскаго, всплыли на поверхность и заняли видное мѣсто въ правительственныхъ сферахъ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. Все это тянуло одно къ другому, сближалось естественно, даже безъ преднамѣренной стачки, и не только не распускалось въ Русской средѣ, а напротивъ, мало по малу, окрашивало ее въ свой цвѣтъ. Само собою разумѣется, что эта среда подчинялась не однимъ латинскимъ вліяніямъ. Отверстая для всего и ко всему воспріимчивая, она проникалась еще охотнѣе либеральными стремленіями, совершенно искренними, но безплодными по своей отвлеченности, и съ особенною любовью лелѣяла туманныя мечты о какомъ-то будущемъ, духовномъ единеніи племенъ и правительствъ, въ безразличномъ равнодушіи ко всѣмъ формуламъ вѣры. Всякое, со стороны занесенное ученіе, политическое или религіозное, всякая фантазія, всякій призракъ, могли, до извѣстной степени, разсчитывать на успѣхъ и внушать сочувствіе. Конечно, одно съ другимъ

не клеилось, но все вмѣстѣ ускоряло разложеніе народныхъ стихій, издавна начавшееся въ нашемъ дворянствѣ. Таково свойство внутренней пустоты, при легкой воспріимчивости. Повидимому, все сіяло благонамѣренностью; зародыши всевозможныхъ благихъ начинаній носились въ общественной атмосферѣ; а между тѣмъ, живое, народное самосознаніе гибло. При сильно развитомъ государственномъ патріотизмѣ, терялся народный смыслъ; историческая память была какъ бы отшибена; непосредственное ощущеніе всего пережитаго прошедшаго въ каждой минутѣ настоящаго было утрачено; народный языкъ сдѣлался какъ бы чужимъ, своя вѣра упала на степень всякой иной вѣры.

О вѣрѣ, въ тѣ времена, разсуждали такимъ образомъ: всѣ вѣроисповѣданія одинаково хороши—это былъ основный догматъ передовыхъ людей. «Слѣдовательно, всѣ одинаково дурны (договаривали Іезуиты) и въ сущности у васъ нѣтъ опредѣленной вѣры». Въ этомъ Іезуиты были правы. На Латинца, который бы вздумалъ перейти въ Православіе, высшее общество взглянуло бы также неблагосклонно, какъ и на православнаго, переходящаго въ латинство. И тотъ и другой, въ его глазахъ, прослыли бы отступниками; мало того, оно нашло бы для втораго обстоятельства смягчающія вину—въ обаяніи высшей цивилизаціи и въ искренности убѣжденія, заявленной смѣлостью поступка. Этотъ взглядъ, изъ общественной сферы, перешелъ въ правительственную и прослылъ терпимостью. Но подъ терпимостью подразумѣвалась не воздержность отъ всякаго правительственнаго вмѣшательства въ дѣла совѣсти и область вѣры, а напротивъ—вмѣшательство постоянное и кропотливое, только не въ пользу какого нибудь одного вѣроисповѣданія, а въ пользу, или точнѣе, во вредъ всѣмъ, *вмѣшательство во имя безразличія* всѣхъ исповѣданій.

«Удивительно — писалъ министръ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій митрополиту Сестринцевичу — какъ это Іезуиты не могутъ оставить въ покоѣ православныхъ и лютеранъ? Вѣдь мы же подаемъ имъ примѣръ, не позволяя даже господствующей церкви переступать свои предѣлы и посягать на другія вѣроисповѣданія». Понятно, что не свободѣ служила такого рода терпимость; напротивъ, она безсознательно умерщвляла духовную жизнь, и рано или поздно, должна была обратиться въ пользу какой-нибудь хитрой и смѣлой пропаганды, избавивъ ее заранѣе отъ всякого честнаго противодѣйствія.

И въ эту-то дряблую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались Іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи многоиспытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности. Съ какой стороны могли они встрѣтить отпоръ? Со стороны ли послѣднихъ, монументальныхъ обломковъ людей Екатерининскихъ? Но Шишковъ, Державинъ, Сестринцевичъ и немногіе другіе, уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ, угрюмо посматривали на новые порядки, не понимали ихъ и не имѣли въ нихъ голоса. Со стороны ли нашего духовенства? Но въ тѣ гостинныя, гдѣ царствовали Іезуиты и гдѣ графъ Местръ доказывалъ, что Православная церковь отложилась отъ Римской и казнена растлѣніемъ, нашихъ священниковъ не пускали; да притомъ, имъ ли, застѣнчивымъ, неловкимъ, неопытнымъ въ управленіи дамскими совѣстями, неспособнымъ даже выслушать исповѣди на французскомъ діалектѣ, имъ ли было вступать въ споры и выдерживать состязанія, на которыхъ судьями были бы князья и княгини, графини и графы, подкупленные вкрадчивымъ краснорѣчіемъ Іезуитовъ и очарованные галантерейностью ихъ обращенія?

Дѣло обошлось не только безъ борьбы, даже безъ отпора. Дворянскія души и дворянскіе капиталы, сами собою, устремились въ раскинутыя сѣти, такъ что необыкновенная легкость успѣховъ Іезуитской пропаганды удивила самого гра-

фа Местра и заставила его призадуматься. При всей безконечной глубинѣ своего презрѣнія къ Русской знати, котораго онъ и не принималъ на себя труда скрывать, такіе результаты казались ему чудесными.

Припомнимъ вкратцѣ внѣшнюю, оффиціальную обстановку Іезуитовъ въ тѣ времена.

По учрежденіи министерствъ, всѣ административныя дѣла Латинской церкви перешли изъ духовной Римско-католической коллегіи въ особое вѣдомство иностранныхъ вѣроисповѣданій, порученное князю А. Н. Голицыну. Эта перемѣна смутила самого Сестринцевича, а графъ Местръ пришелъ отъ нея въ ужасъ; но онъ скоро ободрился и увидѣлъ, что все пошло къ лучшему—для Іезуитовъ. О князѣ Голицынѣ онъ писалъ: «уважаю его безконечно, какъ дворянина, какъ человѣка честнаго, умнаго, свѣтскаго, какъ вѣрноподданнаго, но во всемъ томъ, что̀ бы надлежало ему знать, чтобъ насъ (т. е. Латинскую церковь) понимать, объ насъ судить и управлять нами, онъ смыслитъ столько же, сколько десятилѣтній ребенокъ». Впрочемъ, и прежнія дѣйствія новаго начальника, въ то время, когда онъ былъ прокуроромъ Святѣйшаго Синода, кажется, могли успокоить покровителей латинства. Извѣстно, что по возвращеніи изъ ссылки, митрополитъ Сестринцевичъ, присмотрѣвшись къ крайнему разстройству ввѣреннаго ему управленія, изготовилъ для поднесенія Государю подробный объ этомъ докладъ; но одному изъ членовъ духовной коллегіи, преданному душою Іезуитамъ, удалось подкупить писаря, добыть копію съ подлинной записки и предупредить ея дѣйствіе, вручивъ государю возраженіе, въ которомъ Сестринцевичъ выставленъ былъ властолюбцемъ. Возраженіе было подано и подкрѣплено княземъ Голицынымъ, безсознательно послужившимъ орудіемъ Іезуитской интригѣ. Очень скоро, ввѣренная ему часть утратила всякую иниціативу и превратилась въ простое агентство латинскаго духовенства, а онъ самъ подчинился влі-

янію генерала Іезуитскаго Ордена Зборовскаго. Князь Голицынъ писалъ ему: «то, что̀ насъ съ вами связываетъ — божественно» (ce qui nous unit est divin). Тутъ намекалось на какое-то таинственное, мистическое душевное сродство, и Іезуитъ, конечно, не находилъ причины колебать въ своемъ начальникѣ эту увѣренность его во взаимномъ ихъ обожаніи.

Выше было упомянуто, что при возстановленіи Виленскаго университета, учебному округу порученъ былъ, на общемъ основаніи, надзоръ надъ всѣми мѣстными учебными заведеніями, не исключая и Іезуитскихъ. Имъ захотѣлось отъ этого освободиться и, благодаря назойливости и ловкости своего ходатая, графа Местра, они достигли своей цѣли и получили даже то, на что въ началѣ не смѣли и надѣяться. По представленію министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, Полоцкая ихъ коллегія была возведена на степень академіи, то есть высшаго учебнаго заведенія; ей были предоставлены всѣ права и привиллегіи университетовъ, наконецъ, всѣ вообще Іезуитскія училища были подчинены ей непосредственно. Такимъ образомъ, у насъ образовался новый учебный округъ, Іезуитскій, обнимавшій собою всю Россію.

Около того-же времени, министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Кочубей, входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Іезуитамъ обращать въ свою вѣру магометанъ и язычниковъ. Херсонскій генералъ-губернаторъ, герцогъ Ришелье, вымаливалъ себѣ у князя Голицына партію Іезуитовъ, для мѣстныхъ колоній, и вообще, для просвѣщенія края; Сибирскій генералъ-губернаторъ, Пестель, требовалъ ихъ также къ себѣ, для сношеній съ Китаемъ и для развитія земледѣлія; ихъ усердный покровитель и агентъ, Ильинскій, водворялъ ихъ на Волыни; маркизъ Паулуччи тянулъ ихъ въ Ригу, графъ Ростопчинъ звалъ ихъ въ Москву, а дѣти лучшихъ фамилій ломились въ ихъ Петербургскій пансіонъ, безъ всякаго на то разрѣшенія, основанный ими для Рус-

скихъ дворянъ. Все это вскружило имъ голову, и увѣренность ихъ въ отсутствіи чего-либо для нихъ невозможнаго, дошла до того, что они вошли съ просьбою о передачѣ имъ Симферопольской соборной, православной церкви и завели между собою переписку о томъ, что пора бы вовсе не допускать Русскихъ священниковъ въ Русскій пансіонъ и совершенно устранить ихъ отъ преподаванія православнаго катихизиса.

Теперь посмотримъ на результаты Іезуитской дѣятельности въ Россіи. При Императорѣ Павлѣ, Латинская церковь въ Петербургѣ была передана въ ихъ завѣдываніе, а въ началѣ царствованія Императора Александра, прихожане этой церкви подали просьбу объ ихъ удаленіи, показывая между прочимъ, что Іезуиты запрещали имъ исповѣдываться у прежнихъ ихъ духовниковъ, и допустили умереть безъ причастія многихъ, не хотѣвшихъ исповѣдываться у новыхъ, непрошенныхъ и вопреки ихъ желанію навязанныхъ имъ пастырей.

Іезуиты громко прославляли свою систему воспитанія, увѣряя, что она обратитъ юношество Западнаго края въ надежнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ подданныхъ государя; между тѣмъ, часть воспитанниковъ Полоцкой ихъ академіи, при вступленіи Наполеона въ Россію, перешла въ его армію.

Они расточали передъ правительствомъ увѣренія въ безграничной своей благодарности и, на словахъ, молили Бога даровать имъ случай доказать ее, а въ 1812 году, когда, за отсутствіемъ другаго помѣщенія въ загроможденномъ городѣ, нѣсколько Русскихъ раненыхъ солдатъ положено было въ Полоцкомъ академическомъ зданіи, они немедленно подали протестъ, и потребовали, чтобъ имъ не мѣшали въ ихъ занятіяхъ.

Въ Россіи и за границею, они распускали молву о своихъ подвигахъ въ нашихъ дальнихъ колоніяхъ на развитіе просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія мѣстныхъ обыва-

телей, а главный судья попечительной конторы надъ Саратовскими колонистами свидѣтельствовалъ, что, благодаря вмѣшательству Іезуитовъ, хозяйственный бытъ колоній латинскаго вѣроисповѣданія приходилъ въ упадокъ сравнительно съ протестантскими. Подтверждая этотъ фактъ, инспекторъ Нѣмецкихъ колоній, Лашкаревъ, прибавлялъ, что изъ приходо-расходныхъ книгъ онъ убѣдился, что большая часть общественныхъ доходовъ поглощалась содержаніемъ Іезуитовъ. Единовременно, генералъ-губернаторъ Сибирскій писалъ князю Голицыну: «присмотрѣвшись ближе къ дѣйствіямъ священниковъ Ордена, я наконецъ убѣдился, что они вовсе не оправдали надеждъ, возбужденныхъ при ихъ водвореніи въ Сибири, и что до сихъ поръ край не получилъ отъ нихъ ни малѣйшей пользы.»

Іезуиты, въ хозяйственномъ отношеніи, были у насъ обезпечены съ избыткомъ. Лавки и всякаго рода заведенія, состоявшія при переданной имъ Петербургской церкви, давали значительные доходы; въ Бѣлоруссіи они владѣли недвижимыми имѣніями съ приписаннымъ къ нимъ населеніемъ въ 13,500 слишкомъ душъ; въ одной Могилевской губерніи, девятнадцатью мельницами и тридцатью тремя постоялыми дворами; наконецъ, не считая ни доходовъ отъ другихъ церквей, ни добровольныхъ приношеній, они, продолжая восхвалять безвозмездность своего служенія, получали отъ казны денежное содержаніе и поземельные надѣлы, въ размѣрахъ, далеко превышавшихъ положеніе для православныхъ священниковъ ([99]). При всемъ этомъ, ихъ крѣпостные крестьяне терпѣли голодъ, а слѣпые и увѣчные цѣлыми партіями бродили по окрестностямъ Петербурга, собирая подаяніе.

([99]) Въ Саратовской губерніи и Новороссійскомъ краѣ, изъ одного государственнаго казначейства, не считая доходовъ изъ общественныхъ суммъ, на приходъ отъ 300 до 600 р. сер., и отъ 50 до 120 дес. земли; въ Сибири, на приходскаго священника, отъ 750 до 1800, на викарія отъ 250 до 300 р.

Іезуиты не упускали ни одного случая закинуть камень въ свѣтскія учебныя заведенія и заподозрить не только духъ ихъ преподаванія, но и самую ихъ нравственность; между тѣмъ, вотъ что пишетъ графъ Толстой, на основаніи Іезуитскихъ документовъ: «чувство приличія не позволяетъ намъ распространяться о противохристіанскихъ и даже противоестественныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ Іезуитовъ, ни о постыдныхъ порокахъ, *господствовавшихъ въ ихъ училищахъ;* но мы считаемъ своею обязанностію заявить, что, если кто-нибудь изъ членовъ общества вздумаетъ заподозрить правдивость нашего свидѣтельства, то мы будемъ вынуждены представить на судъ публики подлинные документы, содержащіе въ себѣ неопровержимыя доказательства гнуснѣйшихъ дѣлъ, содѣянныхъ Іезуитами». Книга графа Толстаго вышла въ Парижѣ въ 1864 году, но сколько мнѣ извѣстно, никто доселѣ не принялъ его вызова; а это было бы гораздо доказательнѣе голословныхъ заявленій въ родѣ того, что Іезуиты носятъ имя Іисусово, приносятъ безкровную жертву и сами ничего предосудительнаго о себѣ не разсказываютъ.

Наконецъ, Іезуиты торжественно обязались воздерживаться отъ всякой пропаганды между православными и, самымъ наглымъ образомъ, нарушили свое слово. Не упоминая о многихъ другихъ, они совратили, въ глазахъ графа Ростопчина, его жену и въ глазахъ своего покровителя, князя Голицына, несовершеннолѣтняго его племянника. Вы скажете, что пропаганда—назначеніе Іезуитовъ и что слѣдовало это предвидѣть. — Правда, но зачѣмъ же было давать слово, вопреки своему назначенію? — Вы скажете, что Іезуитское слово не вяжетъ Іезуитской совѣсти и что вольно же было этого не знать — вы и въ этомъ правы; но не удивляйтесь, что, наведя справку и узнавъ наконецъ, хотя и поздно, какихъ людей оно у себя пріютило, правительство одумалось и показало имъ путь навсегда.

Вы утверждаете, что поводомъ къ четвертому и послѣднему изгнанію Іезуитовъ послужило будто бы «не иное что, какъ *совращеніе* православныхъ въ католическую вѣру» и совѣтуете редактору «Дня», чтобъ убѣдиться въ этомъ, перечитать указъ объ ихъ удаленіи. Позвольте и мнѣ присовѣтовать вамъ перечитать кстати всѣ четыре указа, объ удаленіи ихъ изъ Петербурга и о закрытіи ихъ училища, отъ 20 Декабря 1815 года, о распредѣленіи имущества и о долгахъ ([100]), оставленныхъ ими въ Петербургѣ, отъ 25 Мая 1816 г. и наконецъ о высылкѣ ихъ изъ Россіи отъ 13 Марта 1820 г. При самомъ бѣгломъ чтеніи, вы удостовѣритесь, что кромѣ совращеній, на Іезуитовъ падали и другія обвиненія; а если вы захотите вникнуть въ *смыслъ* Высочайше утвержденнаго доклада министра духовныхъ дѣлъ, то вы усмотрите, что Іезуиты вызвали противъ себя негодованіе правительства и общества не пропагандою латинства вообще, а *обстоятельствами ее сопровождавшими:* нарушеніемъ даннаго слова, употребленіемъ во зло довѣренности родителей, на слово отдававшихъ имъ своихъ дѣтей, наконецъ, вообще, *средствами*, употребленными ими въ дѣло. Вы могли видѣть изъ предъидущаго, что я не принадлежу къ числу безусловныхъ поклонниковъ Александровской эпохи; но я отдаю справедливость людямъ того времени. При всей шаткости ихъ понятій и неустойчивости ихъ направ-

([100]) По высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга, насчиталось на нихъ болѣе 400 т. р. долга; наличныхъ денегъ, разумѣется, не нашлось; но оказалось, что часть долговъ была вымышлена и что часть показанныхъ заимодавцевъ не объявила претензій; правительству пришлось однако принять на себя уплату за Іезуитовъ половины показанныхъ долговъ, то есть болѣе 200 т. р. Въ такую же сумму обошлась казнѣ отправка Іезуитовъ за границу.

Въ бумагахъ Іезуитовъ нашлась интересная рукопись: исторія общества Іезуитскаго въ Россіи съ 1772 по 1801. По свидѣтельству графа Толстаго, въ ней было 144 страницы; она содержала въ себѣ обстоятельный перечень всѣхъ происшествій, относившихся до Іезуитовъ и всю ихъ переписку съ нашими министрами и съ Римскимъ дворомъ. Рукопись эта *пропала*. Какъ вы думаете, кто болѣе всѣхъ заинтересованъ былъ въ ея похищеніи?—Я думаю, не Жансенисты ли?

ленія, они не терпѣли притворства, не мирились съ обманомъ и ненавидѣли подлость; чувство чести и гражданской честности было въ нихъ живо и сильно развито. Это именно чувство и заговорило противъ Іезуитовъ. Оно не вынесло ихъ *воровскихъ* пріемовъ. Я произнесъ слово жесткое и не беру его назадъ. Пусть разсудятъ читатели, въ правѣ ли я былъ употребить его. Іезуитъ, аббатъ Сюрюжъ, писалъ одному изъ своихъ собратьевъ о графинѣ Ростопчиной, которую онъ совратилъ: «несмотря на строгій мой запретъ и несмотря на всѣ мои увѣщанія, она повѣдала тайну своему мужу... Этотъ необдуманный поступокъ срѣзалъ меня съ ногъ». Онъ въ другомъ письмѣ, объяснилъ слѣдующее: «зная край, я, изъ предосторожности, не возбуждаю рвенія, а только направляю его, и въ результатѣ всегда оказывалось, что руководимые такимъ образомъ сами собою приходили къ желанному концу. Въ сношеніяхъ моихъ съ потаенною моею паствою (mes ouailles secrètes) затрудняетъ меня болѣе всего не исповѣдь, а пріобщеніе. Исповѣдывать я могу во время гулянья, въ гостиной, на людяхъ, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія, но пріобщая, я подвергаюсь гораздо большей опасности. Поэтому, я просилъ бы васъ сообщить мнѣ ваше мнѣніе объ одномъ моемъ изобрѣтеніи. Я придумалъ устроить серебряный ларчикъ, въ который бы можно было укладывать святые дары (слѣдуетъ подробное описаніе его устройства и наставленіе какъ проносить его наканунѣ въ комнату причастника, для того, чтобъ онъ могъ на другой день, по утру, послѣ обычной молитвы, пріобщиться наединѣ). Такимъ образомъ— продолжаетъ изобрѣтатель—устранились бы, я думаю, всѣ неудобства тайнаго пріобщенія.»

Не забудьте, что въ то время, какъ эти средства придумывались и приводились въ исполненіе, графъ Местръ писалъ и завѣрялъ, что Іезуиты дѣйствуютъ всегда *открыто и гласно*, или, какъ онъ выражался—маневрируютъ на пло-

щадяхъ. Вы тоже, въ вашемъ письмѣ, повторяете «что Іезуиты дѣйствуютъ *среди бѣлаго дня, открыто*». И послѣ этого, вы хотите, чтобъ мы имъ вѣрили на слово? Оставалось рядъ этихъ продѣлокъ повершить отпирательствомъ. Когда огласилось совращеніе молодаго князя Голицына, Іезуиты перепугались и поспѣшили заявить, что они, не только не подговаривали его къ переходу въ латинство, а напротивъ всѣми мѣрами отклоняли его отъ этого. Вотъ какъ происходило дѣло, по ихъ словамъ. Іезуитъ, гувернеръ князя, *почему-то* засунулъ въ печь свой латинскій часословъ и *какъ-то* позабылъ объ немъ, а молодой воспитанникъ его, *какими-то судьбами*, напалъ на книгу и *почему-то* впился въ нее. Очевидно, тутъ дѣйствовали не люди, а благодать Божія! Но все это мелкое лганье блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ увѣреніями Орденскаго генерала Бржозовскаго. По высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга, онъ написалъ Государю: «что касается лично до меня, то я никогда не отступалъ отъ Высочайшаго указа, воспрещающаго кого-либо изъ Русскихъ привлекать въ католическую вѣру; я даже неоднократно *внушалъ моимъ подчиненнымъ соблюдать его во всей строгости и, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ нихъ не нарушалъ его*. Ваше Императорское Величество сами въ этомъ убѣдитесь, по минованіи настоящаго кризиса, и, во всякомъ случаѣ, можете быть увѣрены, что у Васъ нѣтъ въ Россіи подданныхъ болѣе Іезуитовъ послушныхъ, вѣрныхъ и почтительныхъ». Три года спустя, Государь проѣзжалъ черезъ Оршу. Бржозовскій не посмѣлъ къ нему явиться, но въ прошеніи, поданномъ имъ начальнику штаба, повторилъ слѣдующее: «я *постоянно запрещалъ священникамъ моего Ордена заниматься прозелитизмомъ въ Россіи и говорить о вѣрѣ съ Русскими*. Если кто нибудь изъ Іезуитовъ нарушилъ этотъ запретъ, я заявляю, что *это было безъ моего вѣдома* и умоляю Ваше Императорское величество не вымещать на цѣломъ обществѣ вины одного лица».

Мнѣ жаль, что насъ раздѣляетъ такое огромное разстояніе; еслибъ я имѣлъ удовольствіе быть съ вами въ одной комнатѣ, я попросилъ бы васъ, на минуту, отступить отъ Орденскаго устава, то есть поднять глаза, и сказать мнѣ ваше мнѣніе: правду ли говорилъ генералъ Ордена или безстыдно лгалъ, увѣряя, что онъ запрещалъ своимъ подчиненнымъ даже говорить съ Русскими о предметахъ вѣры и что онъ ничего не зналъ о совращеніяхъ?

Повѣствованіе свое объ удаленіи Іезуитовъ изъ Россіи, историкъ Ордена Кретино-Жоли оканчиваетъ слѣдующими словами: «родъ Романовыхъ многимъ былъ обязанъ Іезуитскому обществу (!?). Нѣкоторые изъ членовъ его, противъ ихъ желанія (?), посвящены были Екатериною II и Павломъ въ разныя тайны, семейныя и государственныя, и все-таки Іезуиты допустили сына Императора Павла удалить себя изъ Россіи; они спокойно побрели въ изгнаніе *и не захотѣли прибѣгнуть къ мести, которая была бы для нихъ легка*».

Само собою разумѣется, что все это ложь; никто никакихъ таинъ Іезуитамъ противъ ихъ желанія не ввѣрялъ и свѣдѣніями, выкраденными ими изъ Россіи, они обязаны конечно собственному, долговременною практикою пріобрѣтенному умѣнью подслушивать и выглядывать; но не въ томъ дѣло. Предположите на минуту, что Іезуиты, невзначай, проговорились правдою и вникните въ значеніе этой самоаттестаціи въ скромности: мы могли отомстить, огласивъ ввѣренныя намъ тайны и мы смолчали; это выставляется какъ подвигъ! Такая грозою подбитая похвальба, лучше всего опредѣляетъ нравственный уровень общества.

Теперь, подведемъ итогъ подъ эту длинную историческую справку. Вы говорите: Екатерина, прозванная Мудрою, пріютила въ Россіи Іезуитовъ въ то время какъ вся Западная Европа ихъ преслѣдовала и выбрасывала; а я дополняю вашу ссылку: Петръ I, прозванный Великимъ, засталъ Іезуитовъ въ Москвѣ и выгналъ ихъ; Екатерина, прозванная

Мудрою, дозволила имъ остаться въ Бѣлоруссіи подъ условіемъ, ослушаться папы и перейти на ея службу; Павелъ I, никакъ не прозванный, принялъ ихъ подъ особенное свое покровительство и испросилъ у папы возстановленія Ордена въ Россіи; Императоръ Александръ, прозванный Благословеннымъ, осыпалъ ихъ милостями и далъ имъ полную возможность развернуться на просторѣ, но затѣмъ, узнавъ ихъ короче, выпроводилъ ихъ сперва изъ обѣихъ столицъ, а затѣмъ изъ Россіи, и навсегда. Всего же, съ 1606 по 1820 годъ, насчитывается пять изгнаній, кругомъ по одному изгнанію на каждое сорокалѣтіе. Разсудите сами, что̀ можемъ мы извлечь изъ нашего собственнаго историческаго опыта.

На этомъ я могъ бы остановиться, но мнѣ остается дополнить этотъ бѣглый обзоръ нашихъ отношеній къ Іезуитамъ одною, хотя и мелкою чертою, однако не лишенною для насъ интереса современности. Вы помните, что графъ Местръ испрашивалъ для Іезуитовъ права исправлять полицейскую службу, или, какъ онъ самъ выражался, права лаять на людей, если ужь нельзя ихъ грызть. Вы помните также, что еще до пріѣзда графа Местра, отецъ Груберъ успѣлъ облаять митрополита Сестринцевича. Теперь вы увидите, что и по удаленіи Іезуитовъ изъ Россіи, послѣ того какъ правительство положительно и навсегда отказалось отъ ихъ службы, лай, на сей разъ дѣйствительно безвозмездный, не прекратился.

Въ 1840-хъ годахъ, пріѣхалъ въ Москву, послѣ долговременнаго пребыванія въ Парижѣ, одинъ изъ вашихъ собратьевъ, Іезуитъ изъ Русскихъ, притомъ Москвичъ, принадлежащій къ одной изъ лучшихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, одинъ изъ тѣхъ, которыми, по вашимъ словамъ, гордится Россія. Разумѣется, онъ перешелъ въ латинство и вступилъ въ Іезуитскій Орденъ тайно; никто въ Россіи объ этомъ не зналъ, кромѣ одного изъ его друзей и товарищей его дѣтства.

Онъ ѣхалъ домой съ намѣреніемъ ощупать почву, узнать настроеніе разныхъ сословій, и, по возможности, связать опять порванныя нити латинской пропаганды. Покойный Чадаевъ, принадлежавшій, по своему направленію, къ школѣ гр. Местра, обрадовался подкрѣпленію и ввелъ вашего собрата въ общество Московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ то время, оно распадалось на два кружка, такъ называемыхъ западниковъ и такъ называемыхъ славянофиловъ. Первый, и многочисленнѣйшій, группировался около новоприбывшихъ изъ за границы профессоровъ Московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время, въ Нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, правой стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ, вырабатывалось мало по малу воззрѣніе православно-Русское, впослѣдствіи выразившееся въ трудахъ вамъ вѣроятно извѣстныхъ. Представителями его были Хомяковъ и Кирѣевскіе — (припоминая эти давнопрошедшія времена, я брожу какъ на кладбищѣ).

Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ, обоюдномъ уваженіи. При тогдашнихъ условіяхъ, полемика печатная была немыслима и, какъ въ эпоху предшествовавшую изобрѣтенію книгопечатанія, ее замѣняли послѣдовательные и далеко не безплодные словесные диспуты. Споры вертѣлись около слѣдующихъ темъ: возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ Seyn, черезъ Nichts, къ Werden и къ Daseyn? Иными словами, что̀ правитъ міромъ: свободно-творящая воля, или законъ необходимости?

Далѣе: какъ относится Православная церковь къ латинству и протестантству: какъ первобытная среда начальнаго безразличія, изъ которой, путемъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, вышли другія, высшія формы религіознаго міросозерцанія, или какъ вѣчно пребывающая и неповрежденная полнота Откровенія, подчинившагося въ Западномъ мірѣ латино-германскимъ представленіямъ и вслѣдствіе этого раздвоившагося на противоположные полюсы? Наконецъ: въ чемъ заключается разница между Русскимъ и Западно-Европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? Предстоитъ ли Русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только внѣшними результатами, но и самыми началами Западно-Европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-Русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія?—Какъ отвѣчали на эти вопросы такъ называемые западники и какъ отвѣчали на нихъ такъ называемые славянофилы, объяснять нѣтъ надобности.

Въ Rue des postes № 18 вѣроятно покажется страннымъ, что люди Русскіе могли, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ интересоваться подобными темами; еще невѣроятнѣе покажется, что люди неглупые могли такъ долго жить, и жить умственною жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ, это несомнѣнно. Я заявляю фактъ, заявляю его печатно, въ такое время, когда еще живы нѣкоторые изъ тогдашнихъ дѣятелей и смѣло ссылаюсь на ихъ свидѣтельство.

О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей Московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпохи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами.

Вашъ собратъ принятъ былъ въ такъ называемый славянофильскій кружокъ съ полнымъ радушіемъ. Таить было нечего и никому бы въ голову не пришло остерегаться. Къ тому же, его общительный характеръ и живость, располагали въ его пользу и нравились всѣмъ. Онъ придирался къ Православной церкви, о которой не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, сыпалъ на право и на лѣво выдержками изъ сочиненій гр. Местра и отца Розавена, проповѣдывалъ свое Парижское латинство новѣйшаго покроя открыто, свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и, разумѣется, безъ всякаго успѣха. Не ему было тягаться съ Хомяковымъ. Скоро онъ это понялъ и уѣхалъ обратно въ Парижъ, не успѣвъ даже раздать какихъ-то навезенныхъ имъ чудотворныхъ медалей. Тамъ огласился его переходъ въ латинство, и сношенія его съ Москвою прервались; по крайней мѣрѣ, Москва потеряла его изъ виду.

Спустя лѣтъ шесть или семь, кажется въ 1850 или 1851 году, въ Парижѣ появилась книга ([101]), посвященная

([101]) Съ мѣсяцъ тому назадъ, я получилъ отъ Отца Гагарина (о книгѣ котораго здѣсь идетъ рѣчь) литографированное письмо, въ тоже время разосланное имъ въ редакціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ. Въ этомъ письмѣ, О. Гагаринъ заявляетъ между прочимъ, вопервыхъ, что книга его (la Russie sera-t-elle catholique) вышла не въ 1850 и не въ 1851, а въ 1856 году, во вторыхъ «что онъ обращался въ ней не къ власти, а къ общественному мнѣнію и никогда доносовъ не писалъ и писать не будетъ». Оба эти заявленія требуютъ объясненія.

Четвертое мое письмо въ отвѣтъ О. Мартынову я писалъ въ деревнѣ, не имѣя подъ рукою книги О. Гагарина; достать ее не было тогда никакихъ средствъ, и потому я опредѣлилъ время ея появленія приблизительно, положившись на память, которая меня обманула. Охотно сознаюсь въ невольной ошибкѣ передъ О. Гагаринымъ и передъ читателями.

Еще охотнѣе взялъ бы я назадъ мое сужденіе о направленіи его книги; но, къ сожалѣнію, перечитавъ ее, я убѣдился, что въ этомъ отношеніи, память моя мнѣ не измѣнила. Графъ Местръ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, рекомендовалъ правительству Іезуитское общество какъ надежнѣйшую изъ тайныхъ полицій и, не безъ нѣкотораго успѣха, приспособилъ къ Россіи одинъ изъ употребительнѣйшихъ пріемовъ латинской пропаганды: клевету, заподозрѣваніе намѣренія и возбужденіе подозрѣнія въ представителяхъ власти. На книгу Отца Гагарина я сослался какъ на

вопросу о большей или меньшей вѣроятности обращенія Россіи въ латинство. Авторомъ ея былъ тотъ же вашъ собратъ.

доказательство, что Іезуиты и теперь не отказались отъ этой системы. Правъ ли я былъ? — объ этомъ пусть судятъ читатели по слѣдующимъ выпискамъ. Я привожу ихъ буквально по переводу О. Мартынова.

«Взглянемъ теперь на приверженцевъ революціи въ старой Московской партіи (разумѣй: между такъ называемыми славянофилами). Всего соблазнительнѣе или, лучше сказать, всего обаятельнѣе дѣйствуетъ на эту партію призракъ троякаго единства, духовнаго, политическаго и народнаго. Цѣль ея дать каждому изъ оныхъ равный объемъ (?) и такимъ образомъ слить всѣ въ одно (??) и тѣмъ упрочить ихъ торжество. Это начало примѣняется ко всей политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней.... Но кто не видитъ въ этомъ огромномъ проэктѣ революціоннаго направленія? И въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ представителей помянутой партіи, самодержавіе ничто иное какъ путь къ побѣдѣ, орудіе необходимое для битвы, диктатура и т. д. Но когда пробьетъ для самодержавія роковой часъ, тогда, чтобъ сбыть его съ рукъ, выведутъ безъ всякаго затрудненія изъ этой же самой народности начала политическія, какъ нельзя болѣе *республиканскія, комунистическія, радикальныя*. Покамѣстъ эти начала стоятъ на второмъ мѣстѣ, въ тѣни; но онѣ тѣмъ не менѣе важны въ мнѣніи людей, посвященныхъ въ тайны этой партіи» (замѣтьте по увѣренію О. Гагарина, онъ относится не къ правительству, а къ обществу).

«Тоже самое должно сказать о православіи.... Въ доказательство сказаннаго, стоитъ только посмотрѣть, какъ скоро эти ревностные заступники православія ладятъ съ послѣдователями Гегелевой философіи, касательно вопроса объ отношеніи церкви къ государству» (ктоже это такъ легко *ладилъ*? Ужъ не Хомяковъ ли или Кирѣевскій).

«Наконецъ, даже и началу народности дано неестественное направленіе, дѣлающее изъ нея постоянное орудіе революціи. Дѣйствительно, еслибы желаніе удовлетворить требованіямъ Славянской народности было искреннее, въ такомъ случаѣ *не слѣдовало приносить народность Польскую въ жертву Русской* (вотъ оно!) ни упускать изъ виду народность Сербскую или Чешскую» (это славянофилы-то упускали!)

«Изъ сказаннаго довольно видно, что̀ кроется подъ пышными словами: православіе, самодержавіе, народность. Не иное что какъ революціонная идея XIX в., въ восточномъ покроѣ. Сравните Московскихъ славянофиловъ съ юною Италіею; васъ поразитъ ихъ сходство.... Только сомнительно, чтобъ западные демагоги, не исключая и Итальянскихъ, выдумали, для несомнѣннаго дѣйствія на массу народную, что либо лучше панславизма и т. д.» (О примиреніи Русской Церкви съ Римскою, сочиненіе И. Гагарина, переводъ И. Мартынова, священниковъ (sic) братства Іисусова. Парижъ. А. Франкъ. 1858 г. стр. 80, 81, 83, 84, 85, 86).

Зачѣмъ О. Мартыновъ передалъ Русской публикѣ эти темныя страницы изъ литературной дѣятельности своего собрата? Зачѣмъ, самъ О. Гагаринъ вынудилъ меня напомнить объ нихъ!

Сама по себѣ, она замѣчательна только какъ признакъ крайней непроизводительности Іезуитскаго воображенія; въ ней повторялись давнымъ давно вывѣтрившіеся софизмы графа Местра, съ примѣсью нѣсколькихъ, произвольно выхваченныхъ и разумѣется перетолкованныхъ фактовъ; но все это служило только поводомъ или предлогомъ воспользоваться тогдашнимъ настроеніемъ Россіи. Книга вашего собрата появилась въ очень для насъ памятную эпоху, когда мы почему-то заразились чужимъ испугомъ и «убоялись страхомъ велiимъ идѣже страха не бѣ». Кто раздувалъ этотъ безотчетный, слѣпой, и въ тоже время злобный страхъ, тотъ могъ надѣяться на успѣхъ. Вашъ собратъ это зналъ и указалъ пальцемъ на славянофиловъ, какъ на кружокъ, въ которомъ будто бы выработывалась *Русская, національная формула революціонной идеи.* Я знаю, что въ тѣ времена и у насъ ходили такія же бредни; но онѣ распускались людьми незнавшими тѣхъ, кого они оподозрѣвали или неспособными понимать ихъ. Не таковъ былъ вашъ собратъ; по прежнимъ личнымъ своимъ связямъ, онъ *зналъ*, и на столько былъ умственно развитъ, что *понималъ*.

Для него нѣтъ оправданія въ невѣдѣніи. Чтожъ могло побудить его къ завѣдомо фальшивому доносу? Ревность ли по домѣ Божіемъ, избытокъ ли христіанской любви, сознанная ли несовмѣстность Іезуитства съ направленіемъ мысли православно-Русскимъ» или просто приказъ начальства? Охотно принимаю послѣднее объясненіе. Да, рукою его водила въ то время не его личная воля; писалъ не человѣкъ, а трупъ, покорный жезлъ въ чужой рукѣ — perinde ac si cadaver vel baculus.

Надъ жалкою его книгою и надъ поступкомъ автора, покойный Хомяковъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, сотворилъ судъ и совершилъ казнь.

Вы эту книгу перевели на Русскій языкъ.... Для кого? Не знаю; для той Русской публики, про которую она писана, Французскій подлинникъ былъ бы понятнѣе. Не знаю также, сохранили ли вы то мѣсто, гдѣ говорится о нашихъ революціонныхъ замыслахъ?

Одинъ изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ и писателей вашего общества, въ 1844 году предъявилъ смѣлое требованіе: j' oserais demander que l'on consentît à croire que nous sommes des hommes comme les autres et que nous n'avons abdiqué vraiment ni la dignité ni la liberté d'un esprit raisonnable ([102]). Вы повторяете за нимъ и еще рѣшительнѣе: «до сихъ поръ, я полагалъ, что у насъ совѣсть таже самая, какая была до вступленія въ общество и такого же свойства, какъ и у всѣхъ прочихъ людей.»

Что сказать на это? Безъ подразумѣваемой оговорки, я не могъ бы согласиться ни съ Равиньаномъ, ни съ вами. Позвольте мнѣ лучше смолчать.

([102]) De l'existence et de l'institut des Jésuites par le p. Ravignan. p. 112.

ПИСЬМО V.

Перечитавъ еще разъ ваше письмо къ редактору «Дня», я нашелъ въ немъ нѣсколько рѣшительныхъ заявлешій, нѣсколько намековъ, совѣтовъ и требованій, о которыхъ мнѣ не пришлось еще сказать ни слова. Чтобъ не быть передъ вами въ долгу, я постараюсь отвѣчать на все, порознь и вкратцѣ. Объ одномъ лишь прошу заранѣе васъ и читателей: не ждите отъ настоящаго моего письма никакой связности; я иду по вашимъ пятамъ и подбираю обронъ.

Кириллъ и Меѳодій, говорите вы, «вербовали Славянъ въ духовное подданничество папѣ», то есть проповѣдывали *папизмъ*, и потому Латинская церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

Странно! Кириллъ и Меѳодій, и тутъ же съ ними рядомъ новопожалованный во святые Іоасафатъ Кунцевичь: насадители православія и гонитель православія, учители Славянъ и мучитель Славянъ ([103]). Кромѣ какъ въ латинскихъ

([103]) У Іезуитовъ давно принято за правило, всякаго ихъ собрата, погибающаго насильственною смертью, чѣмъ бы насиліе ни было вызвано, считать мученикомъ. Въ XVII вѣкѣ, генералъ-губернаторъ Французской Индейской компаніи, Мартенъ, писалъ объ нихъ: s'ils sont assomés dans le pays pour leurs rapines, ou s'ils meurent de quelque mort violente, ce sont des martyrs (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, T. II, p. 44). Не постигаю, какъ Латинская церковь, до сихъ поръ, не догадалась причислить къ лику своихъ мучениковъ Гришку Отрепьева? Онъ исповѣдывалъ латинство, обязался ввести его въ Россію, благоволилъ къ Іезуитамъ, въ чемъ только могъ унижалъ православную вѣру, оскорблялъ благочестіе нашихъ предковъ и наконецъ погибъ жертвою народнаго раздраженія, имъ самимъ вызваннаго, точь въ точь, какъ Кунцевичь. Ко-

святцахъ, нигдѣ бы конечно имъ и не встрѣтиться. Впрочемъ «мертвіи срама не имутъ» и не протестуютъ; *ваши* это знаютъ, и за недостаткомъ живыхъ крадутъ у православія покойниковъ. Кстати, припоминаю я, что лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ изъ вашихъ собратьевъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Чаадаевымъ, рѣшили, на Новой Басманной, признать папистами Кіевскихъ великихъ князей Ярослава и Изяслава, поговаривали даже о томъ, не захватить ли, за одинъ разъ, преподобнаго Сергія Радонежскаго, митрополита Филиппа и патріарха Никона, но кажется, нашли, что еще рано. Что же касается до Бориса и Глѣба, то они ужъ давно отвоеваны латинствомъ.

Чтожъ изъ этого? Взводя на Кирилла и Меѳодія эту оригинальную небылицу, вы конечно имѣли въ виду подкрѣпить ее указаніемъ на поѣздку ихъ въ Римъ и на заступничество, оказанное имъ папою Іанномъ VIII противъ притѣснявшихъ ихъ латинскихъ Паннонскихъ епископовъ.

Но развѣ это значитъ *проповѣдывать* папизмъ?

Вы очень хорошо знаете, что отпаденіе Рима отъ Вселенской Церкви (по вашему — отпаденіе Восточной Церкви отъ Рима) совершилось не вдругъ, не въ одинъ день и часъ, а совершалось постепенно и что, въ то время, когда подвизались Славянскіе первоучители, оно еще не вошло во всеобщее сознаніе Церкви, какъ окончательно совершившійся фактъ. Вы знаете также, что въ IX-мъ вѣкѣ, папизмъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы его понимаете, не существо-

нечно, Гришкѣ Отрепьеву преданіе не приписываетъ никакихъ чудесъ; но и этой бѣдѣ можно бы пособить, по бывшимъ прежде примѣрамъ. Іезуитъ Рибаденейра, товарищъ Игнатія Лойолы, въ первомъ изданномъ имъ жизнеописаніи его, сознавался, что Лойола не совершилъ ни одного чуда и доказывалъ разными примѣрами, что обстоятельство это нисколько не умаляетъ его святости. Книга Рибаденейра вышла въ 1572 году. Нѣсколько позднѣе, понадобилось произвести Игнатія Лойолу во святые; и тогда тотъ же Рибаденейра, въ 1612 году, издалъ *сокращенную* его біографію, которая кишитъ чудесами. Право, подумайте объ Отрепьевѣ. Мы за него спорить не станемъ.

валъ, или существовалъ въ зародышѣ, и что притязаніе на главенство и непогрѣшимость развилось гораздо позднѣе и окончательно формулировалось не ранѣе, какъ въ XVI вѣкѣ. Въ этомъ сознаются даже Латинскіе писатели сколько нибудь серьезные и добросовѣстные.

Какъ же бы могли Кириллъ и Меѳодій *проповѣдывать папизмъ?*

Позвольте мнѣ употребить сравненіе и предложить вамъ на обсужденіе выводъ совершенно аналогическій вашему. Во времена первой Французской республики, генералъ Бонапартъ, командуя ввѣренными ему войсками, давалъ приказы и получалъ рапорты отъ своихъ подчиненныхъ, служившихъ, какъ и онъ, единой и недѣлимой республикѣ. Доказываютъ ли эти рапорты и приказы, что сподвижники генерала Бонапарта, недожившіе даже до времени его консульства и сложившіе свои головы въ Италіи и Египтѣ, признавали, въ лицѣ своего генерала, *императора* Наполеона I?

А между генеральствомъ и императорствомъ разстоянія меньше, чѣмъ между почетнымъ первенствомъ епископа престольнаго города и главенствомъ непогрѣшимаго первосвященника-государя.

Вы хотите насъ увѣрить, что Латинская церковь не только мирится *въ настоящее время* съ богослужебнымъ употребленіемъ Славянскаго языка и съ чиномъ Православной Церкви, но искони благоволила къ нашимъ обрядамъ. Давнишній замыселъ обратить православныхъ въ латинскій обрядъ, вы называете «голословнымъ утвержденіемъ» (исторію Уніи, у васъ давно положено игнорировать, пока успѣютъ пересочинить ее). Въ доказательство, вы указываете на извѣстную буллу Бенедикта XIV, начинающуюся словами «*Allatae sunt*». Мы это слышали не разъ и не мы одни. Пріемъ извѣстенъ. Когда иностранные консулы доводятъ до свѣдѣнія высокой Порты о періодическомъ возобновленіи въ Болгаріи и Македоніи рѣзни, грабежа, насилій, поджоговъ и

оскверненія церквей, Султанъ обыкновенно приходитъ въ изумленіе и ссылается, для своей очистки, на всемилостивѣйшіе фирманы, которыми обезпечиваются христіанамъ личная безопасность и свобода вѣры. Глава правовѣрныхъ на Западѣ дѣлалъ и дѣлаетъ тоже; но разница въ томъ, что Султанъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ бы оградить своихъ православныхъ подданныхъ отъ изувѣрства мусульманъ, да не имѣетъ на то нужной силы, тогда какъ папы, въ эпоху своего всемогущества, сознательно и преднамѣренно допускали гоненія. Понятно, что теперь имъ хотѣлось бы отбиться отъ докучливыхъ напоминаній объ этой эпохѣ; но какъ этого достигнуть?

Мы ужъ видѣли, что практика Латинской церкви различаетъ въ буллахъ и декретахъ Римскихъ первосвященниковъ какъ бы двѣ струи: вольное и вынужденное или исторгнутое (extortum); мы видѣли также, что слывущее сегодня за вольное, завтра можетъ быть выдано за вынужденное и на оборотъ. Бывали даже примѣры, что, не выжидая другаго дня, въ то самое время какъ папа клялся въ непринужденности своихъ словъ и дѣлъ, правовѣрные его слуги увѣряли весь міръ, что онъ невольно подчинялся внѣшнему давленію и, подъ вліяніемъ страха или разсчета, не то говорилъ, что́ думалъ и не то дѣлалъ, что́ хотѣлъ. Такъ, Климентъ XIV заявилъ громогласно, что нѣкоторые изъ его предшественниковъ вынужденно утверждали привиллегіи Іезуитскаго общества, а что онъ упразднялъ ихъ свободно и по внушенію Святаго Духа; но въ тоже самое время, Іезуиты увѣряли, и теперь продолжаютъ увѣрять, что на оборотъ, прежніе папы дѣйствовали свободно, а Климентъ XIV позорно уступалъ угрозамъ. Нѣсколько позднѣе, польскій Іезуитъ Бениславскій распустилъ молву, будто бы Пій VI, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, двукратно и рѣшительно одобрилъ на словахъ возстановленіе Ордена въ предѣлахъ Россіи — «approbo, approbo!» Узнавъ объ этомъ, папа вы-

гналъ его изъ Рима какъ отъявленнаго лгуна и въ особенномъ, повсюду разосланномъ посланіи, торжественно отрекся отъ приписанныхъ ему словъ. Казалось бы — чего же больше? Но Іезуиты тогда же заявили и теперь повторяютъ въ исторіи своего Ордена, что лгалъ не ихъ собратъ, а папа, котораго обстоятельства будто бы вынудили отпереться.

Кому же вѣрить и когда вѣрить? Что даровано и что исторгнуто? Гдѣ предѣлъ свободы и гдѣ начало принужденія? Разумѣется, ни внѣшняго мѣрила свободы, ни вѣрнаго признака принужденія намъ не даютъ и не дадутъ; да оно и лучше: къ чему отрѣзывать у себя пути къ отступленію?

Таже тактика, издревле, примѣнялась и къ православнымъ Славянамъ. Въ массѣ буллъ, декретовъ и посланій, исходившихъ изъ Рима, дѣйствительно попадаются нѣкоторые, благопріятствующіе свободѣ языка и богослужебнаго чина; но встрѣчается не мало и такихъ, которыми притѣсненія оправдываются и даже вызываются. Латинскимъ писателямъ хорошо теперь, смотря по надобности, ссылаться на тѣ или на другіе; да бѣда въ томъ, что практика никогда не обращала вниманія на первыя и всегда руководствовалась вторыми. Этого отрицать нельзя; историческіе факты не то, что папскія буллы. Такъ велось искони и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Римская церковь *могла* притѣснять.

Чего же вы теперь отъ насъ требуете? Вы хотите, чтобъ мы согласились принять за *правдивое* выраженіе *свободныхъ* внушеній и *дѣйствительныхъ* намѣреній Римскихъ первосвященниковъ, одни лишь акты первой категоріи; вы хотите насъ увѣрить, будто бы все, что́ творилось вопреки имъ, дѣлалось безъ вѣдома папъ и въ противность ихъ волѣ, подобно тому, какъ напримѣръ въ Россіи, въ началѣ этого столѣтія, Іезуиты совращали въ латинство Русскихъ князей и графинь, будто бы безъ вѣдома и вопреки приказа-

ніямъ своего генерала; наконецъ ваши новѣйшіе писатели настаиваютъ на томъ, что, хотя бы даже сами папы въ чемъ нибудь и отступили отъ общей, снисходительной системы Латинской церкви, то и въ этомъ случаѣ мы напрасно стали бы ихъ обвинять, такъ какъ подобнаго рода отступленія исторгались у нихъ докучливостью Польскихъ прелатовъ.

Такимъ образомъ, какими нибудь двумя или тремя листами бумаги, думаютъ теперь залѣпить еще не зажившія народныя язвы Западной Россіи и Украйны.

Но почему же, по примѣру самихъ Іезуитовъ, не предположить обратнаго? Мнѣ такъ кажется болѣе правдоподобнымъ другое объясненіе. Я не отрицаю, что нѣкоторые изъ папъ, особенно въ древнѣйшую эпоху, пока еще не успѣли погаснуть на Западѣ вселенскія преданія, оказывали иногда противодѣйствіе суровой исключительности, господствовавшей въ ихъ церкви; но это были исключенія. Говоря вообще, Латинской іерархіи, начиная отъ папы и кончая послѣднимъ приходскимъ ксендзомъ, богослужебное употребленіе Славянскаго языка и православный чинъ были всегда глубоко противны; она знала, что, пока народъ остается при прежнемъ своемъ обрядѣ, онъ внутренно держится прежней своей вѣры и потому всегда и повсемѣстно стремилась ко введенію формъ Латинскихъ, допуская уніатство только какъ переходную ступень ([104]). Перегонка Славянъ изъ православія въ латинство производилась не въ одинъ, а въ два пріема и, сообразно этой системѣ, дано было общее направ-

---

([104]) Это было высказано Антоніемъ Поссевиномъ еще около 1590-выхъ годовъ: illud considerandum videtur, num *ad tempus jam aliquid* Catholicis Ruthenis concedi posset, ut sacrum sive Ruthenice, sive Græce (sed Ruthenice imprimis) facere possent, ea enim magna videretur commoditas, sensim Ruthenos docendi et ad fidem Catholicam sic *alliciendi ut paulatim* a ritibus *minus bonis abducti*, aut antiquos et legitimos Græcos amplecterentur, aut *deinde* ad *latinum ritum accederent*. Suppl. ad histor. Ros. Mon. p. 38, 39.

леніе Латино-Польской пропагандѣ. Но, толкая уніатовъ въ латинство, нужно было въ тоже время заманивать православныхъ въ унію и для этого, хоть изрѣдка, обнадеживать ихъ обѣщаніемъ неприкосновенности ихъ обряда; нужно было также, по временамъ, сдерживать свирѣпую ревность ксендзовъ и шляхты, не въ мѣру усердствовавшихъ надъ уніатами; наконецъ, въ позднѣйшее время, когда Польша, измучившись на службѣ латинству, испустила духъ, когда и въ другихъ земляхъ отбился отъ латинства его заплечный мастеръ—le bras séculier, на строгомъ лицѣ первосвященника Римскаго заиграла улыбка благодушной терпимости. Этимъ бы ему и ограничиться; но, преобразившись въ настоящемъ, онъ захотѣлъ покончить съ преслѣдованіями вообще и вздумалъ отречься отъ нихъ, заднимъ числомъ, за всѣ истекшіе вѣка. Это ужъ гораздо труднѣе и едва ли когда нибудь удастся. По моему мнѣнію, въ суровой исключительности и въ гоненіяхъ выражалось *дѣйствительное* настроеніе латинства, а въ проявленіяхъ терпимости — невольная уступчивость, *вынужденная* разсчетомъ или безсиліемъ. Говоря это, я имѣю за себя не только массу несомнѣнныхъ фактовъ, но и свидѣтельства самихъ папистовъ. Я указалъ вамъ на Поссевина, теперь укажу вамъ на одного изъ новѣйшихъ, авторитета котораго вы вѣроятно не отвергнете. Вотъ что пишетъ графъ Местръ въ извѣстной своей книгѣ о папѣ: «въ девятомъ вѣкѣ, *слишкомъ сговорчивый* первосвященникъ Іоаннъ VIII (pontife trop facile—это аттестація тому самому папѣ, который заступился за Кирилла и Меѳодія противъ Латинскихъ епископовъ) разрѣшилъ Славянамъ совершать богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, что, конечно, удивитъ всякого, кто прочелъ его письмо CXCV, въ которомъ онъ самъ *признаетъ неудобства такой терпимости*. Григорій VII поспѣшилъ *отнять это разрѣшеніе*; но для Россіи ужъ было поздно, и мы знаемъ, какъ дорого поплатился за это этотъ великій народъ». Признаюсь

вамъ, я думаю, что графъ Местръ посвященъ былъ въ тайны Римской политики глубже, чѣмъ я и даже чѣмъ вы, и лучше насъ обоихъ понималъ ея духъ.

Впрочемъ, какое бы чувство ни питали теперь ваши первосвященники къ нашему церковному языку и обряду, это дѣло ихъ, а не наше, дѣло ихъ личнаго вкуса. На наши къ нимъ отношенія, на взглядъ нашъ на латинство, оно не можетъ имѣть вліянія. Пусть они восхваляютъ *почтенную* древность православной литургіи и восхищаются *строгою красотою* нашего богослужебнаго языка—ни этими лестными эпитетами, ни даже безукоризненною правильностью церковно-славянскаго шрифта, которымъ вы въ такомъ совершенствѣ владѣете ([103]), нельзя замаскировать, хотя бы и въ глазахъ благочестивой Москвы, глубокихъ, коренныхъ, непримиримыхъ различій между Церковью и латинствомъ. Что такое латинство и почему мы отвергаемъ его, объяснилъ вамъ покойный Хомяковъ въ своихъ брошюрахъ, хорошо вамъ извѣстныхъ. Я утверждаю, что онѣ вамъ извѣстны именно потому, что всѣ писатели ваши сговорились не упоминать объ нихъ; они охотно вступаютъ въ споръ съ Стурдзою и Сушковымъ, а отъ Хомякова отмалчиваются. Это благоразумно и осторожно; я даже думаю, что, будь онъ живъ, вы бы не подали повода къ настоящей нашей бесѣдѣ. Болѣе глубокаго и полнаго опредѣленія *латинства*, я не знаю. Но вамъ угодно предполагать, будто бы подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ только и исключительно латинскій обрядъ; вы стоите на томъ, что одна лишь слѣпая привязанность къ нашему церковному чину мѣшаетъ намъ повергнуться къ стопамъ папы и укоряете редактора «Дня» (если это не шутка) «въ смѣшеніи вѣры съ обрядомъ, существеннаго съ второстепеннымъ». Вольному воля. Это вид-

---

([103]) Подлинное письмо О. Мартынова къ редактору „Дня“ писано было уставомъ.

но error invincibilis, какъ говорятъ ваши богословы, и я не берусь васъ разувѣрить.

Латинская церковь, говорите вы, одна во всемъ мірѣ осуществляетъ идеалъ *единства* и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій своею *объединяющею силою*; въ этомъ вы, разумѣется, усматриваете признакъ полноты пребывающей въ ней благодати. И это мы слышали много разъ, притомъ не отъ однихъ латинцевъ, но, къ удивленію, и отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому. Отрѣшиться мысленно отъ всѣхъ вѣроисповѣданій, сличить и взвѣсить ихъ недостатки и достоинства, съ высоты своего безстрастія, сотворить судъ надъ тѣмъ, чему толпа поклоняется—это своего рода невинная игра, которою до сихъ поръ еще многіе у насъ любятъ побаловать себя въ минуту бездѣлья.

Единство, въ области церкви, можетъ относиться къ доктринѣ и къ жизни. Единство къ доктринѣ значитъ опредѣленность и неизмѣнность догматовъ; въ жизни, единство значитъ согласіе и любовь. У васъ нѣтъ ни того, ни другаго.

Вы указываете намъ на расколъ, то есть на разномысліе по вопросамъ о сложеніи перстовъ, о формѣ креста, о двоеніи или троеніи аллилуіи и тому подобныхъ предметахъ. А я предложилъ бы вамъ, еслибъ не боялся слишкомъ далеко зайти, навести справки въ вашей латинскомъ богословской литературѣ по вопросамъ болѣе важнымъ, напримѣръ, хоть по вопросу о дѣйствіи божественной благодати на человѣческую волю или по вопросу о папѣ, какъ главѣ церкви. Загляните въ творенія послѣдователей блаженнаго Августина и въ творенія Молинистовъ, перечитайте Беллармина и Боссюэта, и хваленое единство распадется въ вашихъ глазахъ на самую нестройную разноголосицу. По каждому предмету, вы найдете по крайней мѣрѣ два, взаимно исключающихся ученія и между ними безчисленное множество одно въ другое переливающихся мнѣній. Пройдите потомъ, въ исторической послѣдовательности, рядъ папскихъ буллъ и цензуръ по тѣмъ-же вопросамъ и вы наткнетесь на осязательныя противорѣчія, въ перемежку съ преднамѣренными двусмысленностями. Безъ дальнихъ объясненій, одно простое сопоставленіе ихъ раскроетъ передъ вами процессъ сочиненія догматовъ въ Ватиканской канцеляріи. Вы поймете, отчего почти никогда папскія буллы не оканчивали возбужденныхъ споровъ, почему, недовольныя стороны продолжали, не стѣсняясь ими, отстаивать свои осужденныя ученія ([106]), почему недоумѣнія тянулись по цѣлымъ вѣкамъ и переходили въ нескончаемыя распри, почему наконецъ папы, для прекращенія скандаловъ, такъ часто прибѣгали къ обыкновенному въ Римской церкви, но странному средству, то есть, не рѣшивъ дѣла въ существѣ, издавали строгіе запреты писать, толковать и говорить о спорныхъ предметахъ. Средство, положимъ, очень простое; но во первыхъ, для примѣненія его нѣтъ надобности въ непогрѣшимости, а во вторыхъ, это торжество дисциплины, а не объединяющей силы, какъ понимаетъ ее Церковь. Прокричать передъ фронтомъ: смирно! не значитъ возстановить согласіе и утвердить единовѣріе. Въ настоящее время, богословскіе вопросы, такъ глубоко потрясавшіе латинскій міръ въ прошлыхъ вѣкахъ, сданы въ архивъ и

([106]) Нѣсколько примѣровъ мы привели при разборѣ книги Бузенбаума; вотъ еще одинъ. Извѣстный Іезуитскій богословъ Діана, разбирая вопросъ, на который предложено было два отвѣта, положительный и отрицательный, говоритъ: «мое мнѣніе въ пользу отрицательнаго; правда, что три папы рѣшили вопросъ въ противоположномъ смыслѣ; это доказываетъ, что они придерживались положительнаго мнѣнія, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ отрицательное не было одинаково правдоподобно и безопасно на практикѣ». Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же ученый, опровергая папскій приговоръ, повторяетъ туже мысль: ,,не оспориваю, что папа сказалъ это, *какъ глава церкви*, но все же онъ это сказалъ въ сферѣ *своего* правдоподобія'', т. е. въ той мѣрѣ, въ какой его приговоры правдоподобны. Ellendorf, p 72. 175.

сдѣлались достояніемъ спеціалистовъ; но подъ общимъ равнодушіемъ кроется тотъ же хаосъ въ понятіяхъ о самыхъ важныхъ предметахъ церковнаго ученія. Я уже не говорю о милліонахъ людей, числящихся католиками и ни во что не вѣрующихъ; не говорю и о тѣхъ, которые сами себя называютъ католиками и считаютъ папизмъ отжившимъ явленіемъ; но попробуйте опросить нѣсколькихъ взятыхъ на удачу, изъ числа такъ называемыхъ католиковъ, относящихся къ своей церкви искренно и серьезно, при томъ изъ людей образованныхъ, пожалуй хоть изъ духовныхъ. Всѣ конечно скажутъ вамъ въ одинъ голосъ, что папа глава церкви и непогрѣшимъ; но подите дальше и продолжайте опросъ.

Тогда вы услышите отъ одного, что церковь *условилась* признать за папою непогрѣшимость, то есть *право* окончательнаго разрѣшенія возникающихъ вопросовъ, потому что иначе споры тянулись бы безъ конца.

Другой отвѣтитъ вамъ, что опредѣленія папы *дѣйствительно непогрѣшительны*, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они подтверждаются *согласіемъ всей церкви*, молчаливымъ, то есть предполагаемымъ, или, въ той или другой формѣ, положительно выраженнымъ.

Третій объявитъ вамъ, что церковь не болѣе какъ обстановка папы, что онъ одинъ ея единственный органъ, что слово его *есть слово церкви* и, какъ безусловно обязательное само по себѣ, дальнѣйшаго подтвержденія *не требуетъ* и даже не допускаетъ.

Если вы захотите перейти къ вопросу о томъ, что̀ именно можетъ быть объектомъ непогрѣшительнаго опредѣленія, то вы услышите отъ одного, что даръ непогрѣшимости проявляется только въ опредѣленіяхъ о *предметахъ вѣры, то есть о догматахъ*, но не распространяется на разрѣшенія *вопросовъ фактическихъ*. Этого ученія держались, между прочимъ, Іезуиты въ Китаѣ и Японіи, отвергая на этомъ основаніи обязательность папскихъ буллъ, въ которыхъ осуждались введенные ими языческіе обряды.

Но вы услышите также, что въ равной степени *непогрѣшительны и обязательны* опредѣленія папъ по *вопросамъ фактическимъ* и что кто въ этомъ отношеніи допускаетъ какую либо разницу, тотъ подрываетъ авторитетъ намѣстниковъ Христовыхъ. Оказывается, что и это ученіе проводили тѣже Іезуиты, правда не въ Азіи, а во Франціи, когда они напрягали всѣ силы свои, чтобъ выдать Жансенистовъ за еретиковъ.

Вздумаете ли вы поразвѣдать, какъ понимаютъ, такъ называемые католики отношеніе духовной власти къ свѣтской, и вамъ представятся три ученія.

Вотъ одно изъ нихъ: папѣ, какъ главѣ церкви, дана свыше *власть духовная*, и безъ нея папа немыслимъ. Власть свѣтская, въ предѣлахъ Римской территоріи, не болѣе какъ фактъ *историческій*; она не составляетъ существенной принадлежности церкви и потому не безусловно необходима. Власть свѣтская вообще, во всѣхъ ея формахъ (то есть, королевская, народная и т. д.), ведетъ свое начало отъ Бога непосредственно и потому отъ папы *не зависитъ* и ему не подчиняется.

Вотъ другое ученіе, или, точнѣе, оттѣнокъ перваго: безъ политической независимости, духовное главенство немыслимо, и потому свѣтская власть папы, какъ государя, въ предѣлахъ Римской территоріи, составляетъ *существенное* и *неотъемлемое* условіе устройства самой церкви.

Вотъ третье ученіе: все исходящее отъ Бога идетъ черезъ намѣстника Его на землѣ; поэтому *власть вообще, то есть всякая власть безъ различія, сосредоточивается въ папѣ*; затѣмъ, переходя по делегаціи отъ него къ епископамъ и къ государямъ, она дробится на духовную и свѣтскую; но представители той и другой, *какъ уполномоченные отъ папы* въ двухъ различныхъ сферахъ, подчиняются ему

безусловно, и въ этомъ подчиненіи находитъ свое оправданіе и основаніе своей законности какъ духовная, такъ и свѣтская власть.

Я указываю на понятія и взгляды не Лютеранъ, не Англиканцевъ, не Православныхъ, а такъ называемыхъ Католиковъ; всѣ они сталкиваются въ предѣлахъ Латинской церкви, внутри, а не внѣ ея. Каждое имѣетъ въ ней своихъ представителей, считающихъ себя правовѣрными и почитаемыхъ таковыми; сама церковь это знаетъ и не рѣшается выйти изъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась; не рѣшается потому, что непослѣдовательность всѣхъ существующихъ въ ней школъ, кромѣ радикальнѣйшей изъ нихъ, такъ называемой ультрамонтанской, слишкомъ очевидна, а ультрамонтанская, по самой своей логической послѣдовательности, примыкаетъ ad absurdum. Въ такомъ же безвыходномъ положеніи находится Латинская церковь и по вопросу о благодати; и здѣсь ей предстоитъ выборъ между соблазномъ отреченія и соблазномъ нелѣпости; она и воздерживается отъ выбора. Гдѣ жъ единство?

Позвольте мнѣ привести на память замѣчаніе, встрѣченное мною въ одной изъ Парижскихъ Revues, въ статьѣ, писанной одною замѣчательно-умною Англичанкою, издавна поселившеюся во Франціи: «Клерикальная партія не перестаетъ уличать протестанство, отсутствіемъ единства и множествомъ сектъ, на которыя оно дробится. Этого факта отрицать нельзя, особенно въ Англіи и Америкѣ; но стоитъ лишь попристальнѣе всмотрѣться въ здѣшнее общество, чтобъ убѣдиться, что во Франціи, даже въ кружкахъ, считающихъ себя правовѣрными, также мало дѣйствительнаго согласія и единства. Разница въ томъ, что въ протестантскихъ земляхъ, каждое, вновь возникающее ученіе, даже мнѣніе, тотчасъ же даетъ знать о себѣ, и, внутренно отдѣлившись отъ господствующей церкви, добросовѣстно заявляетъ объ этомъ фактическимъ отъ нея отпаденіемъ. Во Франціи, не берутъ на себя этого труда; религіозная производительность изсякла, а слабые отпрыски прежнихъ ученій давно поблѣднѣли и выцвѣли въ общемъ равнодушіи. Конечно, множество сектъ и пестрота вѣроученій далеки отъ Евангельскаго идеала о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ; но если осуществленіе его предполагаетъ искренность и послѣдовательность, то протестантскія общества едва ли не ближе къ нему, чѣмъ латинскія.»—Еслибъ я счелъ себя въ правѣ говорить о личныхъ моихъ наблюденіяхъ, то я прибавилъ бы, что это замѣчаніе примѣняется къ Италіи и Бельгіи въ той же степени, какъ и къ Франціи.

Говорить ли о бытовой сторонѣ Латинской церкви и о единствѣ въ жизни? Но вы сами знаете, что вся исторія ея представляетъ безпрерывную, скандалезную распрю монашескихъ Орденовъ между собою и всѣхъ монашескихъ Орденовъ съ епископами. Гдѣ же согласіе?

Наружное однообразіе, которымъ прельщаются люди, не умѣющіе отличить однообразія отъ единства и никогда серьезно не изучавшіе ни доктрины, ни практической стороны латинства; поддерживается, въ духовенствѣ, деспотическою дисциплиною, а въ массахъ — равнодушіемъ. Ничего, особенно завиднаго, я еще въ этомъ не вижу. Вспомните, что̀ дѣлается у васъ передъ глазами. Папа издаетъ окружное посланіе съ цѣлымъ каталогомъ, по его мнѣнію богопротивныхъ тезисовъ, а Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ забраковываетъ его, и Франція покоряется приговору своего министра. Итальянскій король отнимаетъ у папы двѣ трети Церковной Области; папа протестуетъ, грозитъ, отлучаетъ, а Италія протягиваетъ руку за остальною третью. Все это совершается въ конституціонныхъ земляхъ, въ которыхъ правительства не могутъ же долго идти на перекоръ мнѣнію и убѣжденію большинства. Чего жъ вы смотрите? Если у васъ такой избытокъ *объединяющей* силы, чтобъ вамъ *объединить* сперва Италію и Францію? Мнѣ ка-

жется, это было бы нужнѣе всего для Римскаго первосвященника, которому угрожаетъ остаться скоро не только безъ паствы, это бы еще ничего—но и безъ Французскаго конвоя и безъ бюджета—что̀ гораздо накладнѣе.

Вы увѣряете, что у насъ въ Россіи «строгая фигура старообрядства растетъ» и заявляете какъ «*совершенную правду*, что еслибъ оно имѣло свою гласную іерархію, то въ десять лѣтъ отторглобы отъ Православія *все* крестьянство, *все* мѣщанство и даже *часть* купечества» — какъ это все ясно видно изъ Rue des Postes № 18!

Далѣе, вы сравниваете Латинство съ Православіемъ и характеризуете послѣднее «внутреннимъ безсиліемъ, отсутствіемъ свободной проповѣди, ничтожностью результатовъ, страхомъ, отсутствіемъ плодовъ духовной жизни и мертвою обрядностью».

Въ доказательтсво, вы ссылаетесь на Беллюстина, имѣя въ виду, по всей вѣроятности, не только его статью, напечатанную въ «Днѣ», но и извѣстную книгу его, о положеніи православнаго, приходскаго духовенства въ Россіи. Чтожъ нашли вы въ ней?

Конечно, вы въ ней прочли, что приходское духовенство, въ матеріальномъ отношеніи не обезпечено, въ умственномъ по скудости просвѣтительныхъ средствъ, мало развито, по системѣ воспитанія и устройству своему замкнуто въ касту, отъ произвола сверху не ограждено и призванію своему, въ отношеніи къ ввѣреннымъ ему паствамъ, далеко не вполнѣ удовлетворяетъ. Все это правда, хоть и не полная правда, а одна сторона картины, именно, та, которую авторъ счелъ нужнымъ выставить. И это по вашему улики противъ нашей *вѣры?* Это данныя для сравненія Церкви съ Латинствомъ? Удивляюсь, отчего вы не прибавили, что въ Россіи грамотность менѣе распространена, чѣмъ въ Бельгіи, суды хуже, желѣзныхъ дорогъ меньше, а золото рѣже и дороже; кстати было бы подновить и старый аргументъ, игравшій

такую важную роль въ прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ Латинскихъ пропагандистовъ; я разумѣю: Турецкое иго, тяготѣющее на нашихъ Восточныхъ единовѣрцахъ; тогда бы вы окончательно побѣдили Православіе.

Заступаться за него я не стану. Теперь не время и не мѣсто. Каждая тема извѣстнымъ образомъ настраиваетъ пишущаго и читающаго, и настроеніе это не можетъ мѣняться съ минуты на минуту. Отъ разбора какой нибудь ябедничеcкой просьбы переходить прямо къ комментарію на Апостольское посланіе, отъ Бузенбаума и отца Грубера къ святымъ Отцамъ Церкви, отъ казуистики въ ученіи и доносовъ на практикѣ къ Православію, признаюсь вамъ, мнѣ было бы даже совѣстно. Пожалуй, если измѣрять общественную нравственность количествомъ распроданныхъ мнимо-чудотворныхъ медалей, если принимать подложныя откровенія, вымышленныя видѣнія, и другія оброчныя статьи Іезуитскаго хозяйства за признаки духовной жизненности, подпольныя интриги за Апостольскіе подвиги, театральность эффектовъ за чудеса живой благодати, искусственное раздраженіе нервной системы за трезвое благочестіе — то преимущество, безъ всякаго сомнѣнія, останется на сторонѣ вашей.

Я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ. Иностранная литература богата сочиненіями, въ которыхъ изображается яркими красками упадокъ Римской церкви и жалкое состояніе Латинскаго духовенства ([107]). Во многихъ изъ нихъ слышна искренность скорбнаго чувства, добросовѣстность обличенія и неподдѣльная жажда правды. Въ сравненіи съ этими книгами, статьи и книги Беллюстина блѣдны и безцвѣтны ([108]). Вашъ матеріалъ разнообразнѣе и богаче на-

---

([107]) Для примѣра укажу на одну: De l'état actuel du clergé en France, par. M. M. Allignol frères.

([108]) Я не хочу вдаваться въ рекриминаціи, потому что считаю недобросовѣстнымъ доказывать несостоятельность той или другой церкви равнодушіемъ, невѣжествомъ или безнравственностью ея служителей;

шего — это первая разница, а вотъ другая. Въ статьяхъ и въ книгѣ Беллюстина мы признали правду и внутренно поблагодарили автора, рѣшившагося ее высказать; а вы всякому обличенію противопоставляете систематическое отпирательство и преслѣдуете обличителей какъ враговъ вашей церкви. Иначе вы поступать не можете. Мы смотримъ правдѣ, самой суровой и жесткой, прямо въ глаза потому, что при всей нашей общественной и личной неправдѣ, мы не боимся правды, зная, что наша вѣра сама есть правда; а вы отворачиваетесь отъ правды и невольно принимаете подъ свою защиту ложь и кривду, потому что торжество правды было бы гибелью для вашей вѣры.

но чтобъ читатели не подумали, что я воздерживаюсь отъ этого по недостатку уликъ, то приведу три факта. Въ XVII вѣкѣ, Латинское духовенство, конечно, не могло пожаловаться на недостатокъ средствъ; при этомъ, оно было несомнѣнно просвѣщеннѣе другихъ сословій и пользовалось огромнымъ авторитетомъ у правительствъ и обществъ Въ это время 1) папа Пій V нашелъ нужнымъ издать противъ Clericos Sodomitas строгія правила. Іезуитскіе богословы, Геприкесъ, Суарецъ и другіе до того перепугались, что сочли необходимымъ ограничить ихъ примѣненіе разными натянутыми толкованіями, между прочимъ, они стали доказывать, что папа подразумѣвалъ лишь тѣхъ, которые впадали въ этотъ грѣхъ *многократно* и не съумѣли предупредить огласки своего преступленія. 2) Они же, то есть Іезуитскіе богословы, говоря о законныхъ и незаконныхъ домогательствахъ непотребныхъ женщинъ, нашли нужнымъ упомянуть, въ числѣ другихъ категорій, о монашенкахъ, промышляющихъ собою. 3) Они же, въ исчисленіи случаевъ, въ которыхъ духовному лицу разрѣшается снимать съ себя одежду, присвоенную его сану, признали нужнымъ включить посѣщеніе непотребныхъ домовъ. 4) Они же разрѣшили духовнымъ лицамъ употреблять избытокъ отъ своихъ церковныхъ доходовъ, на приданое незаконнымъ дочерямъ своимъ. Эти четыре указанія могутъ служить масштабомъ нравственности, господствовавшей въ цвѣтущую эпоху Латинской іерархіи. Я заимствую ихъ не изъ протестантскихъ памфлетовъ, а изъ сочиненій Іезуитскихъ богослововъ; это не *анекдоты*, *не частные случаи*, *не факты*, *а правила* и *толкованія къ правиламъ*, приспособленныя къ нравамъ сословія вообще. Ant. de Escobar, liber thelogiœ Moralis etc. tract. I. Exam. VIII. Cap. III. praxis circa Sextum mandatum ex Societe Jesu doctoribus, pag. 201 § 102. trac. 6 Ex VII. p. 103 p. 734 rr. VI Ex. 1. C. V. § 68. Ex. VII. C. VI. § 103. Filliucius. rr. 31 C. 9 № 231. Ellend. pag. 71. 140, 242, 244).

Вы требуете для Іезуитовъ права проповѣди и состязанія съ нами, во имя гласности и свободы. Вы повторяете слова редактора газеты «День»: «никто не приведетъ къ связанному врага его и не скажетъ первому: борись съ нимъ, но напередъ развяжетъ связаннаго», и продолжаете: «связаны конечно не вы, а мы (т. е. Іезуиты); развяжите напередъ связанныхъ, или перестаньте бороться».

Здѣсь, вы переходите на новую почву и затрогиваете чрезвычайно важный вопросъ, не церковный, а гражданскій вопросъ о терпимости. Позвольте же и мнѣ предложить предварительный вопросъ: въ правѣ ли вы, какъ Іезуитъ, возбуждать его и требовать для *своихъ* свободы состязанія на одинаковыхъ условіяхъ съ господствующею церковью? Я приведу справку, на сей разъ послѣднюю.

У насъ, въ Россіи, Антоній Поссевинъ, испрашивая *для себя* права оспоривать догматы Православной Церкви, умолялъ Іоанна IV *запретить Лютеранамъ въѣздъ въ Москву* и получилъ урокъ вѣротерпимости отъ грознаго царя.

Въ концѣ XVI вѣка, потребность кореннаго преобразованія Іезуитскаго Ордена высказывалась повсемѣстно, такъ что даже нѣкоторые изъ Іезуитовъ сознавали ее; тогда генералъ Ордена испросилъ у папы Григорія XIV строжайшаго запрещенія всѣмъ безъ изъятія, въ томъ числѣ епископамъ, кардиналамъ и королямъ, выключая, разумѣется, самого папы, Іезуитскаго генерала и Іезуитской генеральной конгрегаціи, не только въ чемъ-либо измѣнять или перетолковывать Орденскія конституціи, *но даже возражать противъ нихъ*.

Въ 1610 году, по поводу убійства Генриха IV, стали распространяться во Франціи разныя обвиненія на Іезуитовъ. Тогдашній главный ихъ дѣлецъ, отецъ Коттонъ, явился къ генералъ-прокурору съ просьбою, отъ имени всего общества, позволить Іезуитамъ обнародовать апологію въ свою защиту, и въ то же время издать *строжайшее запрещеніе*, *кому*

бы то ни было отвѣчать на нее и оспаривать ее. На сей разъ отца Коттона прогнали.

Въ 1633 году, возобновился во Франціи и въ Англіи давнившій, въ сущности никогда не превращавшійся, споръ между епископами и Іезуитами о правахъ и юрисдикціи епархіальной власти. Много было написано брошюръ, памфлетовъ и цѣлыхъ книгъ въ пользу и противъ привиллегій Іезуитовъ; но, благодаря участію аббата Сенъ-Сирана (подъ псевдонимомъ Петра Аврелія) споръ принялъ оборотъ для нихъ невыгодный. Тогда они обратились къ Людовику XIII съ требованіемъ королевскаго эдикта *о конфискаціи сочиненій опаснаго противника*, котораго они не въ силахъ были опровергнуть, и, добившись этого, сами спокойно *продолжали нападать на него.*

Въ 1658 году вышла книга подъ заглавіемъ «Апологія Казуистовъ», Іезуита Пиро, вызвавшая во всемъ Французскомъ духовенствѣ взрывъ негодованія. Парижскій богословскій факультетъ осудилъ ее, и почти всѣ епископы, по поводу ея, издали пастырскія увѣщанія. Весь ходъ этого дѣла изложенъ былъ Парижскимъ приходскимъ духовенствомъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ *Дневникъ*. Отвѣчать было нечего, и духовникъ Людовикъ XIV, Іезуитъ отецъ Анна поспѣшилъ *испросить высочайшее повелѣніе о прекращеніи Дневника.* Такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотни.

Вы понимаете, что я естественно долженъ заимствовать ихъ изъ тѣхъ временъ и мѣстностей, въ которыхъ Іезуиты пользовались авторитетомъ, имѣли на правительство вліяніе и потому могли проводить свои виды на практикѣ. Не потребуете же вы, чтобъ я вмѣнилъ имъ въ заслугу терпимость нынѣ господствующую тамъ, гдѣ они ни причемъ, какъ напримѣръ въ Америкѣ или Англіи? Но я пойду далѣе и предоставлю вамъ самимъ разрѣшить вопросъ.. Скажите: еслибъ вамъ удалось, теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, отыскать уголокъ земли, въ которомъ бы вамъ можно было

овладѣть совѣстью царя и народа или завести общественное и правительственное устройство совершенно по вашему вкусу (какъ это было въ Парагваѣ въ прошломъ столѣтіи); еслибъ туда, къ этому земному раю, пристала партія Англиканскихъ миссіонеровъ и обратилась къ вамъ съ просьбою благословить ее на свободную проповѣдь и развязать ей руки на публичное состязаніе съ вами—чтобъ вы отвѣтили? Впрочемъ, нужно ли указывать на протестантовъ, когда можно сослаться на свидѣтельство латинскихъ монашескихъ Орденовъ, доминиканцевъ, францисканцевъ и другихъ, которымъ Іезуиты всевозможными интригами старались воспретить въѣздъ въ Японію? Я знаю, что вы теперь распинаетесь за свободу въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ вы *не можете* ни притѣснять вашихъ противниковъ, ни даже контролировать чужія мнѣнія; но есть и теперь отдѣльная небольшая область, управляемая по правиламъ строгаго Латинства. Пока она существуетъ, посмотримъ что̀ тамъ творится. Какъ вы думаете, еслибъ общество православныхъ священниковъ поселилось въ Римѣ и вздумало попросить у папы разрѣшенія издавать журналъ для защиты Православія и обличенія Латинства, публично доказывать, что догматы объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына и о непогрѣшимости папъ противорѣчатъ писанію и преданію; еслибъ наконецъ это общество захотѣло обращать въ Православіе тѣхъ, разумѣется, кого оно убѣдитъ, какой отвѣтъ на такую просьбу дало бы Римское правительство?

Ссылаться на общее начало и требовать примѣненія его къ себѣ, можетъ только тотъ, кто самъ признаетъ его и подчиняется ему. Оставаясь вѣрными себѣ и латинству, вы, въ настоящемъ случаѣ, этого не хотите и не можете, а потому и мы не признаемъ за вами права обращаться къ намъ во имя свободы.

Признать или не признать ее, дать или не дать, если

дать, то условно, и кому именно, или безусловно и всѣмъ— это дѣло наше, въ которомъ вы не имѣете голоса....

Моя бесѣда съ вами кончена. Мнѣ пришлось по неволѣ останавливаться долго на предметахъ извѣстныхъ вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, тогда какъ лично для васъ, достаточно бы было краткихъ намековъ; но вы сами пожелали, чтобъ ваше письмо было напечатано и вызвали редакцію «Дня» на объясненіе передъ публикою. Пусть же она судитъ.

Въ заключеніе, позвольте мнѣ дать вамъ безкорыстный совѣтъ: отложите попеченіе о Россіи и не ищите въ ней почвы для вашего сѣва. Повѣрьте, здѣсь ея нѣтъ. Не даромъ, еще въ 1571 году, одинъ изъ вашихъ первосвященниковъ, Пій V, писалъ о Русскихъ: не хочу имѣть никакихъ сношеній съ этимъ дикимъ племенемъ—cum tam feris gentibus. Въ утѣшеніе себѣ, вы можете повторять слова вашего братолюбиваго пастыря.